

ВЛАДИМИР КУНИН

КЫСЯ
В АМЕРИКЕ

Г Е Л И К О Н П Л Ю С

Книга

в Америке

Владимир Кунин

**кыся
в Америке**

ГЕЛИКОН ПЛЮС
Санкт-Петербург
2002

ISBN 5-7559-0006-X

© В. В. Кунин. Кыся в Америке. Роман. 1999

© «Геликон Плюс». Оформление. 1997

**Предисловие Кота Мартына
к третьей части его жизнеописаний
под общим названием «Кыся»**

Когда я узнал, что В. Кунина уговорили писать третью книгу обо всех моих дальнейших заморочках, в которые я постоянно влипаю и которые, кстати сказать, могли бы произойти с любым уважающим себя Котом, не сидящим на собственной жопе в домашней теплоте и пресности, а живущим нормальной, активной половой и общественной жизнью, я, честно говоря, засомневался — а потянет ли старик Кунин эту третью часть?..

С первыми двумя его, слава Богу, как-то пронесло. И то к концу второй части было уже заметно, что Автор малость подвыдохся.

Явно проглядывало желание побыстрее свести концы с концами и как можно быстрее закончить всю эту хреновину, в которую его всяческими авансами, посулами и многократными совместными поддачами втравил друг-приятель Кунина — Александр Житинский.

Я лично с А. Житинским никогда не сталкивался, но мой Человек Шура Плоткин несколько раз с почтением упоминал его имя среди ленинградских писателей. И кажется, где-то вместе с ним даже выпивал и закусывал. Тогда еще был Ленинград и Житинский был Писателем. Теперь Ленинград стал Санкт-Петербургом, а Житинский — Издателем.

Но если с А. Житинским я знаком лишь косвенно, то с В. Куниным за время работы над первыми двумя частями «Кыси» я познакомился достаточно хорошо. И поэтому на третью часть «Кыси» больших надежд я не возлагал.

Старик сам не раз говорил, что сегодня в рыночной чести и нарасхват идет тот вид литературы, куда он никак не может вписаться. То есть, дескать, может, но не хочет. Но я-то подзреваю, что уже и не может...

Да и чего ждать от Человека, который тридцать лет подряд сочинял для СОВЕТСКОГО кино этикие СОВЕТСКИЕ Сказочки, очень похожие на Правду? А я слышал, как мой любимый Шура Плоткин по пьянке пытался втолковать одному типу, что успех СОВЕТСКОГО писателя или киносценариста В ТО ВРЕМЯ определялся именно по этому признаку: похожа твоя Сказочка на Правду, а твоя Правда на Сказочку — живи относительно спокойно. Не похожа — пеняй на себя.

Хотя иногда, признавал справедливый Шура, вдруг КТО-ТО, КОМУ ПОЛОЖЕНО, углядывал в якобы невинной Сказочке истинную Правду, и тогда сочинителю приходилось так кисло, что лучше об этом и не вспоминать! Не приведи Господь.

Это сейчас каждый пишет что хочет. Сейчас можно кого угодно обгадить — хоть самого Президента. И ничего тебе не будет. В лучшем случае — набьют морду, в худшем — пристрелят. А так — дерзай, твори, выдумывай, пробуй! Полная свобода творчества. Абсолютная отвязанность...

И конечно, сильно пожилому Человеку окунаться во всю эту мутотень жутко неохота. Тем более что сейчас, как говорил Житинский, книжки нужно сочинять максимально быстро — на одном дыхании.

А Кунин мудохаетсся с каждой страницей так, что даже меня распирает от бешенства! Уж чего проще — я же тебе все рассказываю, ты только успевай записывать. Какого хрена ты все время что-то переделываешь, переписываешь, перепридумываешь?!

Стоп, стоп! Последнее слово — очень даже неточное. «Перепридумывать» он ничего не мог, так как (надо отдать старику должное) сам он ничего в «Кысе» не придумывал. Он честно писал все с моих слов. Но делал это до офонарения медленно!..

Ну что вы хотите, если только на поиски эпиграфа к третьей части Кунин потратил полтора месяца?! Хорошо, что

Шура Плоткин когда-то мне объяснил, что такое эпиграф. Он к своим статьям и рассказам эти эпиграфы выуживал из одной маленькой зачуханной книжечки, которая у него вечно валялась на столе и всегда была под руками. Она у меня и сейчас будто перед глазами:

«...НЕВЕРОЯТНО? НО ФАКТ!»

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия».

Ташкент, 1971 год.

Тираж 75000.

Цена 33 копейки.

А там что ни строка — то эпиграф к чему угодно! Когда Шура читал мне эту книгу, мы с ним всегда так смеялись...

Я и по сей день помню оттуда несколько разных хохмочек. Например, чем не эпиграф к Шуриной статье о повальной эмиграции:

«...ПЕСЧАНАЯ БЛОХА ПОСЛЕ БЛУЖДАНИЙ ПО БЕРЕГУ НАХОДИТ ПУТЬ К МОРЮ, ОРИЕНТИРУЯСЬ ПО ПОЛОЖЕНИЮ ЛУНЫ».

Хотя какого черта нужно паяться на луну, если ты уже шляешься по берегу этого моря? Тут явная неувязочка. Или неважный перевод с узбекского. Я еще тогда об этом Шуре говорил...

А вот еще один перл к очерку А. Плоткина об отделении Прибалтийских государств от России:

«...МУ — ЕДИНИЦА РАССТОЯНИЯ В ИНДИИ. ОЗНАЧАЕТ ПРЕДЕЛ СЛЫШИМОСТИ МЫЧАНИЯ КОРОВЫ».

Ну и совершенно гениальный эпиграф выдернул Шура из этой книжечки для какого-то отчета о заседании Государственной Думы:

«...НА ОСТРОВЕ ДОМИНИКА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕМ ГРУППЕ МАЛЫХ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ, ЖЕНЩИНЫ ГОВОРЯТ СОВСЕМ НА ДРУГОМ ЯЗЫКЕ, ЧЕМ МУЖЧИНЫ».

Однако, когда я стал пересказывать это своему приятелю по пустырю — бесхвостому Коту-Бродяге, тот сначала попытался узнать у меня, где находятся Антильские острова, и когда я с Шуриных слов сказал: «очень-очень далеко», а от себя добавил, что, наверное, где-то в районе Васильевского, Бродяга фыркнул и заявил, что у нас в России у Людей происходит

почти то же самое. На хрена, дескать, переться в такую даль — к Антильским островам?

Но я не об этом. Я о том, что у моего Шуры никаких сомнений, связанных с поисками эпитафий, никогда не было. Шура брал со стола свою удивительную книжицу «Невероятно? Но факт!» и дергал оттуда изречение на любой случай жизни.

Кунин же был вдвое старше моего Шуры, и той легкости в принятии решений, которой обладали мы с Плоткиным, у него, конечно, не было: возраст — процесс, к сожалению, уже необратимый...

Следуя моему совету заглянуть в эту замечательную узбекскую книжечку, В. Кунин честно перелопатил ее от корки до корки, но для третьей части «Кыси» так ничего оттуда и не выскреб. А без этого дурацкого эпитафия не мог сдвинуться с места и все время врал Житинскому по телефону, что уже вовсю начал писать «Кысю» номер три.

Помог случай. В. Кунин со своей женой Ирой (кстати, прекрасная тетка, и старик совершенно справедливо посвятил ей первые две части «Кыси»...) были как-то в ночном варьете и познакомились там с пареньком, написавшим довольно забавную повестушку. Писал он ее вместе со своим приятелем.

Кунину очень понравилось, что проза там перемежается со стихами. А две стихотворные строки ему особенно приглянулись. Не скрою: мне — тоже.

Через несколько дней Кунин позвонил этому пареньку и попросил разрешения взять эту пару строк в качестве эпитафия к третьей части «Кыси». Паренек был польщен, мы с Куниным получили эпитафию и наконец начали действительно работать.

Эпитафия, по-моему, получился очень пристойный:

ДАВАЙТЕ ПЫТАТЬСЯ ДЕРЖАТЬСЯ ДРУГ ДРУГА
В НЕПРОЧНЫХ ПРЕДЕЛАХ ПОРОЧНОГО КРУГА...

Кто не согласен со мной, пусть ни на секунду не забывает, что при всех моих Неоспоримых Достоинствах я все-таки — КОТ, и не Наше Кошачье дело оценивать художественный уровень Вашей литературы. Тем более что я даже читать не умею. Мне всегда Шура Плоткин все читал вслух.

Зато слух у меня — дай вам Бог каждому! Может быть, вы бы меньше глупостей в жизни делали.

Мне лично эти стишата на слух очень даже понравились.

Теперь по поводу всяческих «умных» и «ученых» выражений и высказываний, которые могут любого, даже самого доброжелательного Читателя настроить на недоверчиво-скептический лад. Дескать, откуда это обычный ленинградский, дворовый и абсолютно беспородный КОТ может с такой легкостью чего-то там цитировать, опираться на труды всемирно известных биологов и вообще — РАССУЖДАТЬ?!

Так вот, любой самый недоверчивый Читатель должен быть и справедливо-внимательным Читателем. Тогда он обнаружит в первых двух частях «Кыси», а потом и в третьей части (если, конечно, старик В. Кунин осилит эту третью часть), что я, КОТ МАРТЫН, в течение шести лет своей жизни воспитывался и вращался в кругу, прямо скажем, интеллигентном и незаурядном. Я имею в виду Шуру и его наиболее пристойных приятелей. Это во-первых.

А во-вторых, заметьте, я каждый раз совершенно сознательно и честно ссылаюсь на истинных Авторов той или иной фразы, которая может у таких Читателей вызвать состояние недоверчивости и раздражения. Чуть ли не на каждой странице я без устали повторяю: «...как сказал бы Шура Плоткин», «...как обычно говорил Водила...», «...по выражению Фридриха фон Тифенбаха».

То есть я и не собираюсь натягивать на себя венок эдакого фантазмагорического всезнайства. Я открыто опираюсь на первоисточник: это почти всегда Человек, которого я люблю и которому доверяю. А мне, в большинстве случаев, на Людей очень и очень везло. За редкими исключениями, как вы сами, наверное, сумели заметить по первым двум частям «Кыси».

Да! И еще... Хорошо, что вспомнил!

За все неприличные выражения и матерные ругательства ответственность несую только Я.

Старик Кунин тут абсолютно ни при чем. Он с самого начала был против мата. Ну, трудно, трудно перестроиться пожилому Человеку!

Но я доказал ему всю необходимость этих слов в нашем тексте. Я сразил его всего одним, но очень точным утверждением моего Шуры Плоткина, что, если в вашей книге все ваши

герои — и шоферюги, и милиция, и пьяненькие интеллигенты, и матросня, и еще черт-те кто, о ком вы рассказываете, — будут разговаривать элегантно, аристократическим языком академика Лихачева, ваши Читатели не поверят ни единому вашему слову.

Должен признаться, что я и понятия не имею, кто такой академик Лихачев. Но зато я хорошо знаю Шуру Плоткина. А Шура зря не скажет...

Теперь о соблюдении формы подобных предисловий...

Как мне сказал тот же В. Кунин, в такого рода обращениях к Читателям необходимо принести благодарность всем, кто тебе хоть чем-то, но помог.

Поэтому, следуя совету старика Кунина, я хотел бы в самом начале книжки (если она, конечно, состоится!..) поблагодарить всех, живущих на пути в Америку и внутри ее Соединенных Штатов:

ЕФИМА ЗАКОНА
БОРИСА МОГИЛЕВСКОГО
АЛЕКСАНДРА ГРАНТА
АЛЕКСАНДРА НИКИТИНА
АЛЕКСАНДРА ПРИВАЛОВА
МАРИАННУ ШАТЕРНИКОВУ
ДЖЕКА ПИНСКИ...

С уважением КОТ МАРТЫН.

Или, если вам так удобнее, просто — КЫСЯ.

Давайте пытаться держаться друг друга
В непрочных пределах порочного круга...

Миша Валигура и Миша Юдовский

На следующее утро я, слава Богу, никем не замеченный, аккуратно покинул свой инструментальный ящик, выполз из-под ремонтного верстака, просквозил через все машинное отделение, быстренько отыскал противопожарный ящик с песком и мгновенно сделал все свои, сами понимаете какие, дела. Они из меня буквально рвались наружу!

Я тщательно все закопал передними лапами поглубже, притоптал задними и отметил про себя, что ничего лучшего, чем наш обычный русский противопожарный песочек, для таких Кошачьих дел Человечество не придумало.

На иностранных судах я не плавал и поэтому не имею понятия, чем они там тушат свои пожары. Но, повторяю, когда за бортом плещет вода и этим своим звуком дико провоцирует и усиливает твое желание немедленно опорожнить себя, — дорожке ящика с песком, с моей точки зрения, ничего даже и вообразить нельзя!

Поэтому, что бы там ни говорили, будто во времена Советской власти все было плохо и неправильно, я, Кот Мартын, в просторечье — Кыся, от имени всего нашего Вида, тем или иным извивом судьбы оказавшегося на Российском плавающем средстве в открытом море, совершенно искренне восклицаю:

— Да здравствуют наши Советские пожарники — самые мудрые пожарники во всем мире!!!

Я, правда, никогда рядом с Пантерой не гадил, но подозреваю, что не ошибусь, если в этот восторженный хор я включу и наших более крупных Родственников.

Потом я привел себя в максимальный порядок — умылся, прилизался, пригладился и придал своей исполосованной хамской роже относительно интеллигентно-благожелательное выражение. На счет своей внешности у меня никогда никаких заблуждений не было. Чего Бог не дал — того не дал. Зато Он вознаградил меня целым рядом других совершенно замечательных качеств. Ими я и беру.

И вот с этим, слегка фальшивым, выражением на собственной харе я и отправился представляться Капитану.

Тут я решил свято выполнить последнее напутственное указание старого жучилы и лихоимца — Кота Санкт-Петербургского Торгового Порта. Уж кто-кто, а в таких штука-дрюках, как правила соблюдения субординации, умение верно держаться на поверхности элементарных общественно полезных взаимоотношений, Кот Торгового Порта соображал не хуже Дейла Карнеги. Иначе этого взяточника и прохиндея (Кота, естественно!..) уже давно выставили бы пинком под хвост за ворота Порта.

Шура Плоткин как-то читал мне выдержки из книги этого Карнеги и, помню, все жаловался, что никак не может в нужный момент заставить себя (в собственное же благо) следовать советам Дейла. Хотя, отчетливо вспоминая сейчас, в книге этого мужика было несколько очень толковых мыслишек...

Вычислить Капитана было плевое дело.

Дело в том, что ночью мой сладкий сон в ящике был прерван тем, что КТО-ТО спустился в машинное отделение и, перекрывая шум двигателей, начальственно гаркнул:

— Привет, маслопупы!

Как я потом выяснил, «маслопупы» и «мотыли» были законными кличками для машинных команд на всех судах Российского флота. Ну, вроде как я — Кыся...

— Привет, маслопупы! — прокричал этот неведомый мне тип, и я сразу же почуял, как в густой и теплый воздух машинного отделения, наполненного запахами перегоревших масел, раскаленного металла, пропотевших человеческих тел

и старых кроссовок, тоненькими незримыми нитями стали неожиданно вплестаться запахи «Данхилла» — сигарет, которые всегда курил мой дорогой мюнхенский друг Фридрих фон Тифенбах, запах хорошего одеколona, очень напоминающий одеколон профессора фон Дейна, и чего-то неуловимо женского...

Так всегда пахло от Шуры Плоткина, когда он возвращался домой от какой-нибудь барышни. Или когда какая-нибудь барышня уходила от нас, оставляя мне измочаленного Шуру, пропахшего ее запахом.

— Александру Ивановичу — пламенный с кисточкой!

— Привет, Кэп!..

— Салют, Мастер! — услышал я из своего ящика под верстаком.

— Как дела, дед? — спросил Александр-Иванович-Кэп-Мастер.

— Нормально, капитан, — ответил чей-то дед, и я понял, что Александр Иванович-Кэп-Мастер и есть тот самый Капитан, которому я обязан представиться и постараться понравиться с первой же секунды нашего знакомства.

А то, что «Дед» — это просто кличка старшего механика тридцати лет от роду, это я понял только на следующий день.

Но сейчас выскакивать из своего инструментального ящика и начать раскланиваться перед Капитаном и вытрясываться, стараясь изо всех сил понравиться ему, на глазах у всей машинной команды — было бы, по меньшей мере, идиотизмом. А ну как ему захочется при подчиненных проявить всю свою безраздельную власть в открытом море и он прикажет вышвырнуть меня с судна к едрене-фене?! Или я ему со своим рылом вообще не покажусь?.. Я ведь, как говорится, НА ЛЮБИТЕЛЯ. Что тогда?..

Ну уж херушки, как сказал бы мой замечательный кореш Водила. Знакомиться будем с глазу на глаз. Это всегда слегка уравнивает шансы. Намного выгоднее и безопаснее. Я рисковать не имею права. Мне в Нью-Йорк нужно попасть — кровь из носу. Тут я не только о себе должен думать — там Шура меня ждет. А это вам — не хвост собачий...

Я постарался запомнить все запахи Капитана, свернулся калачиком и снова задремал.

А уже утром я сделал все то, с чего начал свой рассказ.

Когда я говорил, что отыскать Капитана-Александра-Ивановича-Кэп-Мастера было для меня плевым делом, я ничуть не преувеличивал. В моем активе были все его характерные запахи, и они служили мне той путеводной звездой, профессиональное использование которой было дано мне от рождения, как абсолютное зрение в кромешной темноте и как уйма других потрясающих Котово-Кошачьих качеств, так выгодно отличающих нас от всех остальных живых существ.

Основная трудность была для меня — преодоление многочисленных корабельных дверей: высоченные металлические пороги, автоматически защелкивающиеся замки и невероятной тяжести железные двери, которые так просто, лапой, не откроешь. Поэтому у каждой двери приходилось подолгу ждать, пока кому-нибудь из команды не понадобится пройти именно в эту дверь, и нужно было успеть незаметно юркнуть вослед этому типу.

И чертова уйма лестниц! А так как я начал свое путешествие по судну снизу — из машинного отделения, то, пока я, по следу Капитанских запахов, добрался до верхнего коридора, все эти двери и лестницы меня просто вымотали. Не физически. Нервно.

Тут еще, на мою беду, когда мне казалось, что я уже почти достиг цели, Капитанско-Александр-Ивановические-Кэп-Мастерские запахи стали неожиданно раздваиваться! Часть из них ровным потоком влекла меня к центральной двери этого коридора, откуда раздавались голоса и команды, а вторая часть уводила меня вниз — не к той лестнице, по которой я сюда поднялся, а к другой, коротенькой лесенке, вправо от этих центральных дверей.

Должен признаться, что на мгновение я растерялся. Однако, на мое счастье, снизу вдруг примчался какой-то мужик в сапогах, комбинезоне и вязаной шапочке и постучал в эту дверь. Дверь отворилась, и оттуда высунулся молоденький паренек в свитере и огромной фуражке.

— Чиф, Мастер на мостике? — спросила вязаная шапочка у огромной фуражки.

— Чего ему тут делать? — ответила фуражка шапочке. — Он на мостике всю ночь проторчал. Имеет право человек отдохнуть после вахты?!

И я понял, что Капитана за этими дверями нет.

Тип в сапогах, комбинезоне и шапочке ссыпался вниз по большой лестнице, а я прямиком направился к маленькой, короткой.

Спустившись на несколько ступенек вниз, я увидел в тупичке дверь с красивой золотой табличкой, на которой что-то было написано. Концентрация Капитанских запахов в этом тупичке была максимально сильной.

Но самое замечательное, что еле уловимый элемент женских запахов, который я с трудом различил ночью, лежа в инструментальном ящике под ремонтным верстаком машинного отделения, здесь ощущался столь явственно, что я даже слегка обалдел!

Кроме того, из-за двери я слышал хриплое мужское дыхание и очень ритмичные слабенькие женские повизгивания, не оставляющие никаких сомнений в действиях, совершаемых за этой дверью.

Ручаюсь, что никто из Людей даже шороха не услышал бы из-за такой двери. А я услышал!

И вдруг сам так завелся, что в башку мне полезли десятки Кошек, которых я когда-либо трахал!.. Не говоря уже о моей верной немецкой подружке — Карликовой пинчерихе Дженни, которую, вопреки всей зоологической науке о несмешении Видов, я хотел в любое время дня и ночи!

Я даже вспомнил Оттобрунновскую Лисичку, впоследствии шлявшуюся ко мне в Грюнвальд и которую я «оприходовал» (Водилино выраженье!..) со смертельным риском для собственной жизни.

Весь краткий и суматошный период своего пребывания в таком родном и таком чужом городе (как заметил с кривой ухмылкой мой новый приятель милиционер Митя, «Санкт-Петербург — столица Ленинградской области...») я находился в совершеннейшем оцепенении и состоянии непроходящей, чудовищной, разрушительной усталости.

Особенно с того момента, когда получил пинок в бок от какого-то Жлоба из НАШЕГО ДОМА и узнал, что в НАШЕЙ КВАРТИРЕ ЖИВУТ ЧУЖИЕ ЛЮДИ. А Шура — в Америке...

И если я еще хоть что-то пытался делать, как-то трепыхался и в отчаянии, собрав остатки своих сил, сумел растормозить Водилу и вернуть его к сознательной жизни, то уже

проводимый Котом Торгового Порта на судно — я ничего не соображал. Будто меня всего изнутри выскребли, будто раздавили, размазали и кто-то за меня переставляет мои лапы. Сил не было настолько, что я впервые в жизни не мог поднять свой хвост, жалко и нелепо волочившийся за мной по грязным ступеням корабельного трапа.

И только Шура Плоткин, приснившийся мне в окружении американских Кошек-сексапилок, как-то вдохнул в меня надежду на то, что еще далеко не все потеряно...

Теперь, прячась за дверью Капитанской каюты, я жадно прислушивался к доносящимся до меня звукам и чувствовал, что силы мои восстанавливаются, хвост непроизвольно и самостоятельно хлещет меня по вздувшимся от желания бокам.

Ах, Кошечку бы мне какую-нибудь сейчас сюда! Любую! Даже самую завалашенькую!.. Я бы ей показал «небо в алмазах», как говорил Шура Плоткин, совершенно не имея в виду ни «небо», ни «алмазы».

Но, как изредка замечал умнейший и интеллигентнейший Фридрих фон Тифенбах, «все в жизни имеет свое логическое завершение».

Кончил хрипло дышать и Капитан-Александр-Иванович-Кэп-Мастер. Вскрапнул коротко, будто жеребец, и кончил. В последний раз тихонько взвизгнула обладательница женских запахов.

А потом я услышал негромкий разговор в Капитанской каюте.

Это мог услышать только Я! Никто из Людей, даже вплотную приложив ухо к этой двери, никогда не услышал бы ни единого слова.

Мне же казалось, что я даже вижу, как Женщина моется в душе, а Капитан-Александр-Иванович-Кэп-Мастер закуливает свой «Данхилл» и натягивает на себя голубой «адидасовский» тренировочный костюм. Я только лиц не мог разглядеть...

— А в городе ни разу не позвонил... — огорченно проговорила Женщина.

— В городе у меня семья, — спокойно сказал ей Капитан. — Дочь-невеста, сын-придурок и жена.

— А я как же?..

— Ты кто по судовой роли?

— Буфетчица.

— Так, какие проблемы?

— Бедная я, бедная... — горько сказала Женщина.

— Ты бедная?! — презрительно переспросил Капитан. — Я в Питере с женой — всего десять дней, а с тобой в море — четыре месяца. Потом — неделю дома и на полгода с тобой в рейс. И так уже третий год. Так кто из вас беднее — ты или моя жена?

Женщина промолчала.

— И кстати! Еще одного таракана увижу в кают-компании — спишу с судна, к чертовой матери. Ясно?

— Да... Мне идти?

— Иди.

Дважды повернулся ключ в замке, дверь приоткрылась, и из Капитанской каюты вышла молодая Женщина с припухшими глазами. Стараясь не задеть хвостом о ее ноги, я незаметно проскочил в каюту.

Тут же, на всякий случай, я спрятался за выступом какого-то шкафчика, и получилось, что я совершенно инстинктивно прошмыгнул именно туда, где меня не было видно, но сам я обрел превосходную позицию для обзора и наблюдения.

Оказалось, что Капитанская каюта состоит из двух просторных комнат.

Первая, куда я влетел без спросу, была кабинетом — с письменным столом и компьютером, кожаным диваном и двумя креслами. Над диваном висела в раме под стеклом большая красочная фотография низкого, длинного парохода, уставленного железнодорожными контейнерами. Как потом выяснилось, этот пароход и был тем самым «Академиком Абрамом Ф. Иоффе», на котором я сейчас имел честь присутствовать. Напротив же дивана, в углу, под невысоким потолком, в какой-то хитрой металлической раме висел большой телевизор.

Из кабинета была видна вторая комната — спальня. Широкая Капитанская кровать несла на себе все следы только что завершившегося, как говорил мой любезный друг Водила, «сладкого греха».

Кстати, почему ЭТО у Людей называется «грехом» — понятия не имею. «Сладкий» — еще куда ни шло, а вот «грех» — то тут при чем?..

Я прекрасно слышал, как в спальне Капитан наливал себе виски «Джек Дэниельс». Именно это виски чуть ли не каждый вечер понемногу попивал в Мюнхене Фридрих фон Тифенбах, и запах «Джека Дэниельса» врезался мне в память, полагая, до смерти.

Но вот когда Капитан-Александр-Иванович-Кэп-Мастер, которого я за истекшие сутки только слышал, но так ни разу и не увидел, вышел наконец из спальни, — я чуть умом не тронулся!..

СО СТАКАНОМ ВИСКИ В РУКЕ ИЗ СПАЛЬНИ В КАБИНЕТ ВОШЕЛ Я!!!

Я — в Человечьем обличи, в голубом «адидасовском» тренировочном костюме, которого у меня отродясь не было, и в мягких белых тапочках без задников, которые я, естественно, никогда не ношу.

Уже не говоря о том, что я не пью виски. Тем более — «Джек Дэниельс».

И тем не менее сходство наше было поразительным! Я бы даже сказал — ПОТРЯСАЮЩИМ! От усов до разорванного левого уха. Те же самые шрамы на мордах: один — пересекающий чуть ли не всю голову до левого глаза, второй — разрубающий правую бровь, нос и верхнюю губу. Все было МОЕ!.. Справедливости ради следует заметить, что и ЕГО — ТОЖЕ!

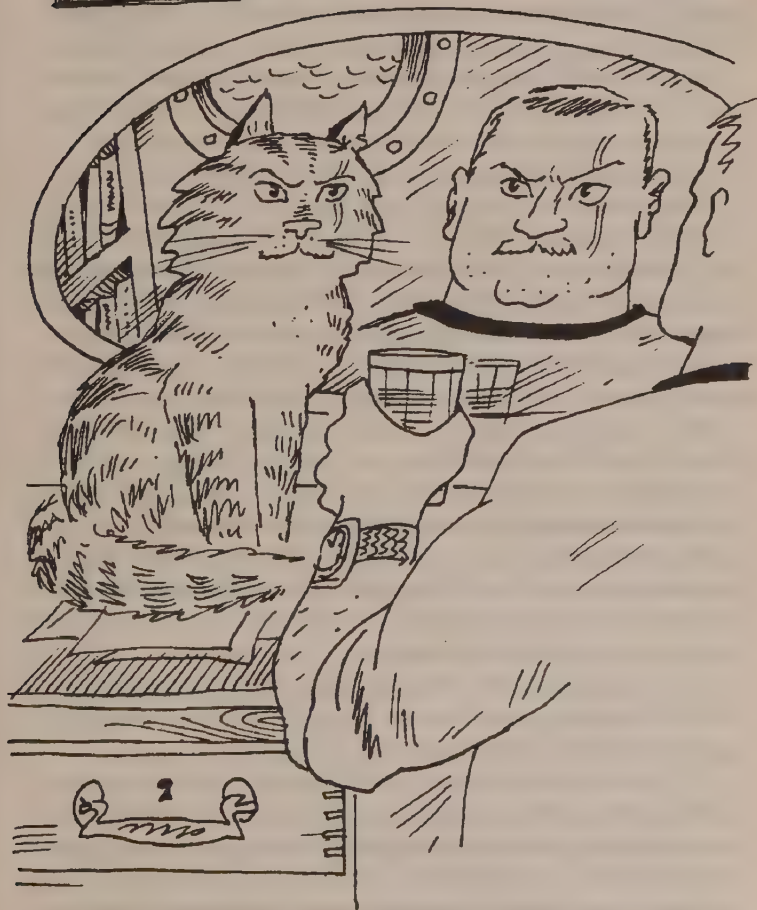
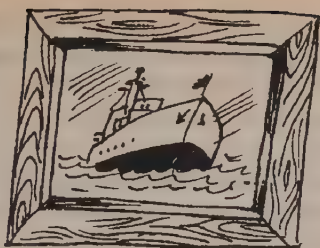
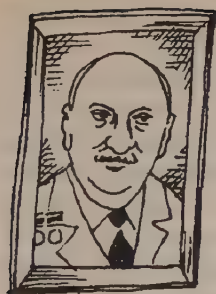
То есть хотите — верьте, хотите — нет, но я увидел СИЛЬНО УВЕЛИЧЕННУЮ И ОЧЕЛОВЕЧЕННУЮ СОБСТВЕННУЮ КОПИЮ!!!

Та же мощная короткая шея, та же широченная грудь, набитые мышцами ноги и руки, сила которых угадывалась даже под просторными складками голубого тренировочного костюма...

Та же мягкость походки, та же вкрадчивость и осторожность в движениях. Уже в том, как он почти беззвучно повернул ключ и запер дверь своей каюты, я просто узнал свою повадку! Будто в зеркало глядел. Только хвоста не было...

Итак, свершилось невероятное! Передо мной стоял сильный, коренастый ЧЕЛОВЕКОКОТ, или, если хотите, КОТО-ЧЕЛОВЕК, как две капли воды похожий на меня. Или я на него?!

Такой же жесткий, решительный, расчетливо-бесстрашный, неумный сластолюбец с обостренным ощущением

ответственности за все, что ему дорого и близко, — от ЖИВЫХ СУЩЕСТВ, которых он должен защитить, и до ДЕЛА, которое он обязан выполнить.

И плевать мне на так называемую пресловутую скромность в оценках самого себя, но в этом ЧЕЛОВЕКОКОТЕ, или КОТОЧЕЛОВЕКЕ, как и во мне, во всей нашей внешней некрасивости (я имею в виду, как говорил мой Шура Плоткин, «замшелые параметры этого значения»), за грубыми наружными формами угадывалось такое внутреннее ОБАЯНИЕ, что не заметить этого было бы просто непростительно!

Да, с подобным невероятным явлением я столкнулся впервые.

И если бы ОН в эту секунду заговорил бы со мной по-нашему, ПО-ЖИВОТНОМУ, я этому ничуть бы не удивился.

Глядя на него из-за своего укрытия, наблюдая за тем, как он садится в вертящееся кресло у письменного стола, как прихлебывает виски из стакана и просматривает деловые бумаги, я понял, что с ним, с этим ОЧЕЛОВЕЧЕННЫМ моим ДВОЙНИКОМ, я просто не имею никакого права играть в разные пошлые игры и выкидывать всяческие трюки, пытаюсь понравиться ЕМУ, даже ради достижения своей Главной цели — оказаться в Нью-Йорке и встретиться наконец с Шурой Плоткиным. Как бы благородно эта цель ни выглядела.

Тут разговор должен быть «на равных», и действовать необходимо только напрямую.

Я вышел из-за шкафчика, неслышно пересек кабинет и мягко вспрыгнул к нему на письменный стол.

От неожиданности он на мгновение отпрянул, что и я бы сделал на его месте. Однако он тут же взял себя в руки, взболтнул лед в стакане и сделал небольшой глоток «Джека Дэниельса», молча глядя на меня.

Я выбрал свободное местечко на его рабочем столе и сел, уставившись ему прямо в глаза. Ну ей-богу, словно собственное отражение разглядывал!..

Не знаю, просек ли он нашу поразительную похожесть, узрел ли он во мне САМОГО СЕБЯ так, как это увидел я, но, глядя на него, можно было дать хвост на отруб, что вздрючился он нервно не меньше меня. Но держался при этом — великолепно! Как я. Уже в следующее мгновение он совершил то, что наверняка совершил бы и я.

Он оставил стакан с виски на столе, подошел к небольшому холодильнику и открыл дверцу. Достал оттуда несколько ластиков нарезанной колбасы, паштет, сложил все это на тарелку, принес к столу и поставил передо мной. Затем вернулся к холодильнику, вытащил из него открытую банку сгущенного молока и вопросительно посмотрел на меня.

— Сгущенку лучше слегка разбавить водой, — сказал я ему по-Шелдрейсовски.

— Холодной или горячей? — через малюсенькую, почти незаметную, паузу спросил Он.

Я понял, что эта крохотная пауза была необходима ему для окончательного осмысления происходившего ЧУДА.

— Не очень холодной, — попросил его я.

В отличие от моего первого случайного плавания по маршруту Россия — Германия, где я, прямо скажем, был всего лишь пассажиром-нелегалом, тайно состоявшим при Водиле и его грузовике, сегодняшнее мое пребывание на «Академике Абраме Ф. Иоффе» носило совершенно иной характер.

Тогда я перемещался по воде в плавучих условиях небольшого западного города — с почти тысячей грузовых и легковых автомобилей, с магазинами, ресторанами, концертными залами, кафе и ночными барами. С казино, проститутками и бандитами всех мастей и национальностей. Плюс человек семьсот нормальных пассажиров, которые за право трехсуточного пребывания в этом движущемся по воде комфортабельном городе заплатили какие-то громадные деньги. И еще триста пятьдесят человек команды, обслуживающих всю эту машину и получающих за это жалкие гроши.

Я даже название этого плавучего чудовища не помнил. Водила мне как-то говорил, но оно у меня из головы выскочило...

Другое дело — «Академик Абрам Ф. Иоффе».

Команда — семнадцать Человек. Пассажиров — один. Это Я.

Никаких автомобилей, ресторанов. Небольшая кают-компания с телевизором и видеком. Она же — столовая, она же — комната отдыха.

Только не воображайте, что мы такие уж маленькие. Ничего подобного! Длина — как от нашего петербургского дома

до шашлычной Сурена Гургеновича. Шура говорил — там метров сто пятьдесят.

Загрузка у нас не полная. Пятьсот сорокафутовых контейнеров. С чем бы сравнить?.. Ну, как полтысячи Водилиных фургонов без колес.

Кстати, все цифры со слов Капитана. Я в них — ни уха ни рыла.

Вот эту жуткую тяжесть и волочет на себе наш глубокоуважаемый «Академик Абрам...» Ну как его? «...Ф. Иоффе». А над всем этим, как говорят в море, «Царь, и Бог, и Воинский начальник» — КАПИТАН-АЛЕКСАНДР-ИВАНОВИЧ-КЭП-МАСТЕР. Или, как некоторые еще называют его за глаза, ПАПА.

По поводу того, как мы будем называть друг друга, мы договорились с самого начала, как только я прикончил колбасу, паштет и разбавленную сгущенку.

Ему очень понравилось мое имя Мартын. Он сказал, что это прекрасное мужское имя и он будет меня звать только Мартын. Никаких Кысь! Кыся — это что-то неопределенное, сказал он. Не то Кот, не то Кошка. И годится «Кыся» разве что для каких-нибудь сугубо домашних Мусек, Пусек, Мурзиков и Барсиков, а не для такого самостоятельного Кота, как я.

Я ему тоже сказал, что если он не возражает, то я буду называть его «Мастер». Ибо «Капитан» — слишком официально: я у него не служу, а всего лишь пользуюсь его гостеприимством; «Александр Иванович» — тяжеловесно и утомительно; «Кэп» — излишне фамильярно, а «Папа», извините, звучит просто пошлово. Поэтому я считаю, что «Мастер» — в самый раз.

— Отлично. Мне «Мастер» тоже больше нравится. А вот откуда это у тебя такие отметины? — Он осторожно коснулся шрама, идущего через всю мою морду.

— От разных драк с Котами и Собаками, — ответил я. — А у вас?

— Один тоже от драки. Но очень давно. Еще когда я был курсантом «Мореходки». А второй — чистая случайность...

И рассказал, как несколько лет тому назад один болван вызвался буксировать его «Волгу» и тянул не плавно, как положено, а рывками. Стальной трос, конечно, лопнул, размолотил лобовое стекло «Волги» и чуть не снес полголовы Мастеру, сидевшему за рулем своей машины.

— С тех пор я больше всего на свете боюсь неквалифицированных идиотов, — сказал Мастер. — Буксируют ли они автомобили или пытаются руководить государством...

За обедом в кают-компании Мастер отрекомендовал меня команде, свободной от вахты. Остальным — после обеда, по ходу осмотра судна. Знакомил с каждым. Сначала представлял меня, затем своего подчиненного. Называл его имя и должность. И кличку.

Так, например, я узнал, что палубные матросы называются «рогачи» или «рогали», что радиста зовут Маркони, а Старшего помощника Капитана — Чиф. Боцман — Дракон, про Деда — Старшего механика — и его «маслопупов» я уже рассказывал. А вот матроса-токаря, в хозяйстве которого, как выяснилось, я провел всю первую ночь, звали просто и незатейливо — Точило.

Матросу-плотнику по прозвищу Колобаха было приказано соорудить для меня туалет — специальный ящик с песком, а матросу-приборщику с кличкой Кандей (от морского названия помойного ведра — «кандейка») было поручено ежедневно менять в этом ящике песок.

На капитанском мостике я был познакомлен со Вторым и Третьим помощниками Капитана. Там же, на мостике, мне был отведен специальный наблюдательный пункт — на Главном Компьютере. Оттуда я мог свободно смотреть вперед — в тревожную, серую, грязно-белопенную воду, которой не было ни конца ни края...

Одна немаловажная деталь. Еще у себя в каюте Мастер взял с меня слово ни с кем на судне не вступать в Телепатический Контакт. Рейс ему предстоит тяжелый: их, слава Богу, зафрахтовала одна западная фирма и они будут вламывать еще месяцев пять без захода в Питер. Домой вернутся не раньше лета. А это очень тяжелая психическая нагрузка. Если же я еще выступлю со своим Телепатическим Контактom — у половины экипажа наверняка поедет крыша. А в таком рейсе каждый на вес золота. Не говоря о валютных расходах на лечение и транспортировку из собственного кармана. Потому что они теперь, после развала Российского торгового флота, исключительно на самоокупаемости. Сами на Западе ищут, кому

запродаться, хотя бы за полцены, сами заключают контракты, зачастую грабительские, где потерпевшей стороной все равно будет русское судно, меняют Российский флаг на какой-нибудь либерийский, и — вперед!..

Но хоть есть работа! Хотя бы на что жить — есть...

А если Капитан не только приличный судоводитель, но еще и толково шевелит мозгами и обладает четкой деловой хваткой, тогда можно вывернуться из любого положения.

Например, не попадать в идиотские ситуации, как попали две трети российских грузовых и торговых судов, арестованных во всех иностранных портах мировой акватории за неуплату долгов.

И помощи им ждать неоткуда. Нашему правительству на них насрать со Спасской башни...

— Так что извини, Мартын, за резкость, но жизнь наша идет по принципу — «Кто кого сгрел, тот того и уёб», — напоследок охарактеризовал сегодняшнее бедственное положение русского флота Мастер — капитан контейнеровоза «Академик Абрам Ф. Иоффе».

Готов поклясться чем угодно, в эту секунду Мастер был похож на сильного, решительного и умного КОТА. Похож в три раза больше, чем Я сам — наиболее характерный КОТ в мире!!!

Я честно признался Мастеру, что почти ни хрена из всего этого не понял, за исключением того, что наш флот сегодня в полном говне, и пообещал ни с кем из членов экипажа в Контакт не вступать.

А потом вспомнил, что по совершенно иным причинам, но об этом же меня просили уже несколько человек. И тот оттобрунновский добрый жулик-кошколов, ветеринар-недоучка Эрих Шредер, и мой сердечный друг из Грюнвальда Фридрих фон Тифенбах. И даже Водила, помню, сказал мне при подъезде к Мюнхену:

— Ты, Кыся, со своими талантами сильно на людях-то не высывайся. А то вмиг хвост оборвут. Счас народ знаешь какой пошел?..

И только Шура Плоткин никогда меня ни о чем подобном не просил. Наоборот, в каком-нибудь очередном интеллигентно-пьяненьком кухонном споре, отчаявшись в чем-то убедить своего собеседника, кричал мне на весь дом:

— Мартын! Мартышка!.. Сукин кот, мать твою за ногу! Что ты сидишь и ухом не ведешь?!.. Ты что, не слышишь, какую херню он несет? Ты-то хоть скажи ему!..

И иногда, когда я был согласен с Шурой, я говорил.

Если, конечно, мне удавалось достучаться до хмельного рассудка Шуриного оппонента.

Почти весь вечер и часть ночи я проторчал с Мастером на вахте, на капитанском мостике.

Мастеру и штурманам буфетчица Люся пару раз приносила на мостик крепчайший чай и бутерброды. А мне вдруг неожиданно притащила... Что бы вы подумали?! Несколько увесистых кусков настоящего, сырого, размороженного хека, о котором я так мечтал последние несколько месяцев!..

Я птичкой слетел с Главного Компьютера, благодарно потерся о Люсины ноги, ласково коснулся ее хвостом и уже в который раз убедился, что Женщины гораздо более тонко организованы, чем Мужики.

Естественно, я не имею в виду Шуру Плоткина, Водилу, Фридриха фон Тифенбаха... Или того же Мастера. Тот просто вылитый КОТ! Эти ребята, с моей точки зрения, — уникальны.

Я говорю о массе. А Мужская масса очень даже проигрывает Женской. Ведь стоило мне на обеде только лишь подумать о старом, добром ленинградском мороженом хеке, который я когда-то обожал до беспамятства, как Люся мгновенно восприняла МОЮ МЫСЛЬ как руководство к СВОИМ ДЕЙСТВИЯМ...

Стал я наворачивать этот хек, попутно размышляя о благодарности всем представителям женского пола — от Кошек, Собачек, Лисичек до Женщин, которые в моей жизни сыграли хоть небольшую, но положительную роль. Как говорил Водила: «От половухи до бытовухи...»

Однако на втором куске хека я слегка застопорился. Второй кусок как-то уже не лез в глотку.

И я понял, что со мной произошло то, что обычно происходит со всеми, кто однажды во ЧТО-ТО влюбился, это ЧТО-ТО оставило в его душе неизгладимый след, а потом было утеряно. И долгие месяцы, а может быть и годы, ты

только и жил надеждой на то, что это ЧТО-ТО тебе встретится снова...

И наконец встреча! Казалось бы — ура...

Но тут с грустью выясняется, что это ЧТО-ТО совершенно не стоило тех радужных и трепетных воспоминаний, которые преследовали тебя все это время.

Особенно после того, как ты уже попробовал и форель, и угря, и севрюгу, и свежего лосося.

Господи... Да, не дай Бог, чтобы такое перешло и в область ЖИВОТНО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ отношений!..

Вот я сейчас плыву через моря и океаны к Шуре в Америку, стремлюсь к нему всей душой и всем телом, а вдруг с ним там произойдет в отношении меня все то, что со мной произошло в отношении хека?!.. Да я же умру с горя...

В полном смятении и тоске я снова вспрыгнул на Главный Компьютер и застыл, глядя в ночную, мокрую, недобрую даль.

Пребывал я в таком состоянии достаточно долго, и разные печальные мысли о несовершенстве мира лезли в мою голову. Пока я не услышал, как Второй помощник спросил моего Мастера:

— Александр Иванович, а это ничего, что ваш Котяра сидит на Главном Компьютере?

— А ты боишься, что Мартын своими яйцами может на него как-то воздействовать и Компьютер начнет выдавать погрешность за погрешностью? — рассмеялся Мастер.

— Я не о Компьютере пекусь — что с ним станет? Я тревожусь за яйца Мартына, — сказал Второй помощник.

У меня сразу торчком встали уши и мелко-мелко забил кончик хвоста.

— Точно! — подхватил молоденький Штурман. — Я вчера перед выездом в порт хотел напоследок еще разок натянуть благоверную, пока детеныш спит... И ни тпру, ни ну, ни кукареку!.. Висит, бедняжка, орелик мой, головку свесил, глядит на «полшестого» и делает вид, что его ничего не касается. Моя давай блажить: «Тебе сколько раз говорить, чтобы ты возле микроволновой печки не садился? Вот ты и облучился!..»

— Так твой орелик и не расправил крылья? Не взорлил? Не спел свою боевую песню? — поинтересовался Мастер.

— Взорлил... Но если честно — то невысоко. И спел, прямо скажем, негромко... — признался Штурман. — Вот теперь

и гадай, — то ли я ночью перетрудился, то ли действительно виновата эта гребаная микровелле?..

— А в Главном Компьютере излучение раз в десять сильнее, чем в твоей микроволновке, — заметил Второй помощник. — Так что, Кэп, сами смотрите со своим Мартыном...

— Через пару суток дошлепаем до Англии, в Абердине пришвартуемся и посмотрим. Там в порту кошек — видимо-невидимо. Выпустим Мартына на причал и проверим — такое ли сильное излучение у нашего Главного Компьютера?.. — сказал Мастер.

«А не пошли бы вы со своим излучением подальше? Береженного Бог бережет», — подумал я и немедленно перепрыгнул с Компьютера на какую-то ровную плоскость, рядом с которой был расположен большой наклонный пульт управления со множеством разноцветных рычажков и кнопок.

— Очень самостоятельный Котяра! — восхитился Второй помощник. — Словно понял, чем рискует...

— А вдруг действительно понял? — улыбнулся Мастер.

— Кэп! А в Лох-Несское чудовище вы не верите?

— Верю.

— А в летающие тарелки?

— Тоже. Следи за курсом внимательней.

— Есть следить за курсом! А если вы его в Абердине на причал выпустите, а он возьмет и убежит. Что тогда?

— Не убежит, — твердо сказал Мастер. — Ему в Нью-Йорк нужно.

— Ну, вы даете, Александр Иванович!..

Теперь захода в Абердин, почти на самый север Великобритании, все ждали с нездоровым нетерпением.

По словам Мастера и из болтовни на капитанском мостике я понял, что в Абердине «Академик Абрам Ф. Иоффе» должен был оставить англичанам около двадцати контейнеров, а у англичан забрать какой-то груз для канадского порта Сент-Джонс в районе острова Ньюфаундленд. У себя в каюте, когда мы оставались только вдвоем, Мастер мне даже по карте пытался показать — как и куда мы плывем и в какие порты будем заходить.

Правда, от Абердина до Сент-Джонса через Атлантику нужно было еще чухать чуть ли не неделю, зато от Ньюфаундленда

до Нью-Йорка — вообще пара пустых!.. Двое с половиной суток — и мы, как говорится, тама! И...

— Здравствуй, Шурочка! Здравствуй, дорогой мой Плоткин, новоиспеченный Американец! Как же я по тебе соскучился!.. Сколько же мне нужно тебе рассказать, Шурик...

Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! Как выражался Водила — «Рано Пташечка запела, как бы Кошечка не съела...»

Тут как раз все наоборот: в смысле, «Пташечка» — это я, а «Кошечка» — СУДЬБА. Так мне растолковал Водила, когда я излишне легкомысленно высказался по какому-то сомнительному поводу.

В Абердине же, помимо сдачи одного груза и приемки другого, Мастер и его помощники собирались еще проверить меня на английских Кошках. Так ли влияет излучение Главного Компьютера на сексуальную мощь Живого Организма?

Не скрою, я слегка нервничал. Несмотря на то что на этом «Академике Абраме...» я уже успел и отдохнуть, и отожраться в спокойной и доброжелательной обстановке, несмотря на то что ощущение «последней финишной прямой» наполняло мою душу миром и благодатью, — ночной рассказ молоденького Штурмана о страшноватом треугольнике — Он, Его Жена и Микроволновая Печь — заставлял меня беспокоиться за собственные возможности в сфере Большого Секса.

Хотя, если бы я логически сопоставил все двадцать четыре года, которые плавает мой Мастер и каждый день общается то с Радаром, то с Главным Компьютером, то еще с каким-нибудь Излучателем, с тем, как чуть ли не каждую ночь, а порою и пару раз в день, буфетчица Люся захлебывается в тоненьких взвизгах в Капитанской постели, — я на все эти ИЗЛУЧАТЕЛИ должен был бы, извините за выражение, ХВОСТ ПОЛОЖИТЬ! И не нервничать... Тем более что трахаться хотелось — ну, просто ужжжжасно!

Поэтому, когда до Абердина оставалось всего несколько часов хода и я лежал в низком кожаном кресле Капитанского кабинета, а из-за закрытой двери спальни доносились тоненькое взвизгивание Люси и половой рык Мастера, мне показалось, что по Северному морю мы тащимся невероятно медленно.

И тогда я подумал, что неплохо было бы хоть немного увеличить скорость и пораньше подойти к Абердину. Где, как утверждал Мастер, Кошек — видимо-невидимо!

Клянусь, я только ПОДУМАЛ!

Как вдруг услышал, что машина нашего «...Ф. Иоффе» работала мощнее и громче, а поглядев в иллюминатор, увидел, что мы стали двигаться намного быстрее.

В ту же секунду резко оборвался ритмичный скрип Капитанской кровати, испуганно затихла Люся, и я почти увидел сквозь стену, как Мастер своей мускулистой мохнатой лапой схватил трубку телефона внутренней связи и рявкнул жутковатым голосом:

— В чем дело?!.. Почему ход увеличили? Старшего механика на связь! Дед!.. Что за самодеятельность?!.. Ты про расход топлива думаешь? Про расчетное время прихода в порт помнишь?! Кто ПРИКАЗАЛ? Я ПРИКАЗАЛ??? То есть как это — ТЫ ПОЧУВСТВОВАЛ, ЧТО Я ПРИКАЗАЛ УВЕЛИЧИТЬ ХОД?!! Ты в своем уме?!

Я понимал, понимал, что в чем-то я тут виноват... Неужели только в том, что ИЗЛИШНЕ СИЛЬНО захотел как можно быстрее трахнуть неведомую мне английскую Кошку? Боже мой, я что-то явно нарушил! А может быть, ОТКРЫЛ?! Может быть, я в себе самом что-то ТАКОЕ ОТКРЫЛ, что поставит меня в один ряд с такими светилами науки, как Ричард Шелдрейс, как Конрад Лоренц!..

А Мастер уже натягивал свой тренировочный костюм, напяливал кроссовки, чтобы немедленно взлететь на мостик и всыпать вахтенному штурману, а потом вниз — в машинное отделение, поглядеть на Старшего Механика, который не СЛЫШИТ приказы Капитана, а ЧУВСТВУЕТ ИХ!.. И это все устроил я.

Разъяренный Мастер распахнул дверь спальни и натолкнулся в моей морде на четкую картину «Осознание своей вины Котом», так прекрасно описаную Конрадом Лоренцом в его замечательной книге «Человек находит друга», — уши прижаты к затылку, хвост непроизвольно прячется между задних лап Кота, сознающего свою вину...

Только глянув на меня, Мастер замер на месте, словно наткнулся на стену.

Несколько секунд, которые он смотрел, не мигая, в мои глаза, показались мне вечностью. Сейчас я должен признать, что это были не самые приятные секунды в моей жизни.

Все-таки КОТ есть КОТ! Теперь-то я свято убежден, что в своей ПРОШЛОЙ жизни Мастер был абсолютным КОТОМ!..

Он намного раньше меня сообразил, ЧТО произошло, прикрыл дверь спальни, чтобы не делать Люсю свидетельницей нашей первой размолвки, и негромко спросил меня:

— Твоих лап дело?

Я отвел глаза в сторону и промолчал.

— Мартын! Я тебя как Кота спрашиваю — твоих лап дело?

— Я только ПОДУМАЛ, что неплохо бы... — замямлил я.

Но Мастер меня оборвал решительно и жестко:

— Так вот, заруби у себя на носу: в море, на этом судне, прежде чем ПОДУМАТЬ, ты должен спросить у меня разрешения. Понял?

— Есть спросить у вас разрешения, — ответил я ему так, как ему отвечали на судне все.

Ну, что мне сказать об английских портовых Кошках?

Кошки как Кошки. Ничего особенного. Как говорил Шура, не фонтан... Прямо скажем — не наши Кошки. Это я не в упрек, а ради четкого разграничения национальных особенностей. Не более того.

Наши российские Кошки к половому акту относятся взволнованно и трепетно — как к восхождению на Голгофу. Как к некоему акту самопожертвования. А в глазах трахающего их Кота они больше всего на свете боятся потерять уважение, которого они, по их мнению, несомненно заслуживают. Вопрос «А ты меня потом уважать будешь?» — я в своей жизни слышал чуть ли не от каждой русской Кошки.

Шура был убежден, что такое преувеличенное отношение к собственной Личности возникло в Кошках под влиянием очень давнего и достаточно сомнительного утверждения, что «Отныне любая кухарка сможет управлять Государством!..»

Естественно, я не имею в виду разных Кошек-потаскух, которых у нас развелось за последнее время немерено!

Не похожи английские Кошки и на немецких — сытых, равнодушных, туповатых исполнительниц природного Кошачьего долга, относящихся к трахательному процессу как к обязательной обязанности вроде уплаты налогов.

Платить — не хочется, а не платить — опасно. Какое уж тут удовольствие?..

Боюсь судить обо всех французских Кошках по той аристократической поблядушке в бантиках, которую я поймел в кустах на бензозаправочной станции при Германском автобане А-7 Гамбург—Мюнхен. Ибо если все французские Кошки хотя бы слегка похожи на эту избалованную и распущенную тварь, то мне остается только пожалеть Францию — страну мечты моего Шуры Плоткина.

Длинношерстую Персианку — личную Кошку губернатора острова Борнео, которая, честно признаться, трахнула меня сама в петербургском Кошачье-Собачьем отеле господина Пилипенко, — я просто не помню.

Помню только, что от усталости и какой-то докторской успокоительной таблетки я был крайне половонекачественен и дико хотел спать! Так что тут степени сравнения у меня — никакой.

Английские же Кошки...

Я опять-таки должен заметить, что говорю лишь об Абердинских, провинциальных, портовых Кошках и вовсе не переношу свои оценки на все Кошачье сословие Соединенного Королевства Великобритании.

Так вот, Абердинские портовые Кошки были деловиты, решительны и очень точно знали, чего они хотят. А хотели они, как мне показалось, только меня! Еще когда я спускался по трапу...

Стоп! Я чуточку переувлекся сравнительным анализом национальных Кошачьих особенностей и повел себя явно несправедливо в отношении «Академика Абрама Ф. Иоффе» и его Мастера. Не сказать о них хотя бы несколько слов, в ситуации подхода к берегу Англии, было бы непростительным хамством.

За два часа до прихода в Абердин я был негласно для всех и торжественно для нас двоих — меня и Мастера — прощен за ВОЛЬНОДУМСТВО, так неожиданно нарушившее строжайшие правила морского судоходства, и получил разрешение присутствовать на капитанском мостике во время подхода к берегу Англии.

Вот когда я увидел нашего Мастера во всем профессиональном блеске! Как он подводил судно к причалу, как швартовал своего «Академика Абрама...», на каком прекрасном английском языке разговаривал с берегом и как никто пикнуть не смел на мостике, когда Мастер негромким голосом отдавал приказания своим, а в ответ только и слышалось: «Есть!», «Есть!», «Есть!»... И тут уже никаких хиханек и хаханек, никакой посторонней болтовни...

Я-то чувствовал, каких нервных затрат, какого внутреннего напряжения стоит Мастеру этот негромкий голос, это абсолютное внешнее спокойствие и демонстрация беспредельной уверенности в точности своих решений, приказов и действий!

Но он был НАСТОЯЩИМ КОТОМ! Внутренний напряг Мастера автоматически передался мне и выразился в том, что меня вдруг одолела нервная зевота и, как обычно, стал мелко подрагивать кончик хвоста.

Мастер заметил это и сказал мне МЫСЛЕННО, по-Шелдрейсовски:

— Не дергайся, Мартын. Возьми себя в лапы. Все будет о'кей!

Все и было «о'кей». Через полчаса наш «Академик Абрам Ф. Иоффе» стоял у причала Абердинского порта. Огромные подъемные краны перегружали контейнеры с судна на твердую английскую землю. Две трети команды под водительством Дракона-Боцмана и Второго помощника занимались разгрузкой, а Мастер в теплой меховой куртке с капюшоном стоял на палубе, покуривал свой «Данхилл» и по-английски болтал со знакомым Представителем порта.

Я же в это время уже спускался по трапу, собираясь без промедления окунуться в пучину плотских наслаждений. Еще при швартовке я увидел на причале штук двадцать Котов и Кошек, смотревших на меня снизу вверх. Причем Коты смотрели хмуро, заранее ощущая во мне соперника, а Кошки — с откровенным призывным вожелением.

Когда я уже миновал половину трапа, Мастер по-английски извинился перед Представителем Абердинского порта и крикнул мне по-русски:

— Не дрейфь, Мартын! В Главном Компьютере излучения не больше, чем в обычном телевизоре... Не посрами чести русского флота!

Затем вытащил из кармана уоки-токи и сказал куда-то внутрь судна:

— Третьего помощника ко мне!

Я еще не успел ступить на твердую английскую землю, как тот молоденький Штурманец, он же Третий помощник, у которого были какие-то заморочки с женой и микровелле, появился рядом с Мастером. Мастер показал ему на меня и назидательно сказал:

— Смотри в оба. Это чтобы ты потом не клеветал на микроволновые печи.

К сожалению, мне пришлось начать с того, что я был вынужден намахать по харе одному особо настырному Коту-англичанину и пугнуть еще парочку рискованных ребят-Котов, которым на секунду показалось, что они могут воспрепятствовать моему неукротимому желанию, как говорил Шура, «слиться в едином экстазе» с двумя-тремя англичаночками. И начать вон с той рыженькой... Последнее время меня очень тянет на рыжих Кошек!

Одним словом — «Моряк сошел на берег...»

Я знаю (об этом мне еще Шура Плоткин не раз говорил), что существует целая армия Читателей, которая с наслаждением грязно матерится, предается разнузданному разврату, пьянству, наркомании, однако как только встречает описание куда более скромных действий в литературе, так они становятся моментально святее Папы Римского (убей Бог, кто это — понятия не имею!) и обрушивают на головы Авторов, Редакции и Издательств тучи гневных писем с требованиями истребить эти книги, Авторов сжечь и развеять их прах по ветру, дабы остальным было неповадно...

Поэтому, как говорил Шура, «не будем дразнить гусей». Хотя я бы всем этим «гусям» глотки перекусил. Ненавижу фальшь в любом ее проявлении!

Итак, во избежание возможных эксцессов, ограничимся сухим и беспристрастным отчетом. Так, как это можно было бы записать в вахтенном журнале «Академика Абрама Ф. Иоффе»:

1. За время десятичасовой стоянки в английском порту Абердин выгружено 21 (двадцать один) 40-футовый контейнер

и принято на борт судна 7 (семь) 40-футовых контейнеров для порта Сент-Джонс (Канада).

2. За это же время КОТ МАРТЫН, приписанный к судну «Академик Абрам Ф. Иоффе», произвел 1 (одну) крупную драку и 2 (две) мелкие драки с 5 (пятью) Котами английского порта Абердин.

3. За время стоянки в порту КОТОМ МАРТЫНОМ употреблены в половом отношении 6 (шесть) Кошек — подданных Великобритании. 2 (две) Кошки по 3 (три) раза, 1 (одна) Кошка — 2 (два) раза и 3 (три) Кошки по 1 (одному) разу.

4. К отходу судна из английского порта Абердин для дальнейшего следования КОТ МАРТЫН был собственноручно перенесен Капитаном судна «Академик Абрам Ф. Иоффе» на борт вышеназванного судна и для восстановления утраченных сил был передан на судовой камбуз под наблюдение Буфетчицы и Повара.

Надеюсь, что такая форма записи устроит кого угодно...

За то время, которое я проторчал на Капитанском мостике — с Мастером или без Мастера, с его Помощниками-штурманами, — я так часто заглядывал в мореходные карты, так часто слышал, что у нас осталось позади, где мы идем в настоящий момент и какие «цоресы» (Шурина поговорочка!..) нас ждут впереди, что уже к выходу из Абердина я мог бы самостоятельно, не очень подробно, но и без особой путаницы, объяснить все происходящее в эту секунду с нашим дорогим «Академиком Абрамом...».

Ну, например: как только мы вышли из Абердина, мы достаточно долго пересекали залив Мори-Ферт в самом его широком месте и четко перли к Оркнейским островам в пролив Пентленд-Ферт, который находится как раз между этими островами и самой-самой северной оконечностью Англии.

Нужно сказать, что весь командный состав во главе с Мастером все это время торчал на мостике и очень даже держал «ушки на макушке» из-за каких-то жутких «приливных» течений в этом сволочном проливе!

Только когда мы, оставляя Оркнейские острова по правому борту, а всю Великобританию — по левому, прошли этот чертов Пентленд-Фертский пролив и, обогнув мыс Рат,

наконец-то вышли в открытый океан, — все вздохнули с облегчением, и народ на мостике как-то сам собою рассосался, оставляя только вахтенного штурмана, Старшего помощника и кого-то из матросов.

С команды тоже спала нервная напряженка, судовая жизнь вошла в почти спокойную буднично-морскую колею, и вот тогда-то по «Академику Абраму Ф. Иоффе», от носа до кормы, проникая во все закоулки огромного контейнеровоза, вихрем понеслись легенды и сказки о моем пребывании в порту Абердин!

Так как мой английский сексагул наблюдал почти весь командный состав «Академика Абрама...» и большая часть палубной команды, то следующие пять с половиной суток, которые мы шли через холодную и бескрайнюю Атлантику к берегам Канады, я был героем судна и ежесекундно купался в лучах собственной половой славы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Машинная команда — механики и мотористы — короче, «маслопупы», не имевшие возможности наблюдать за моими береговыми подвигами, были вынуждены довольствоваться самой что ни есть недобросовестной информацией, которую они получали от «рогачей» — палубной команды.

По словам этих врунов и фантазеров, число «оприходованных» мною английских Кошек, в их рассказах «маслопупам», доходило до семидесяти—семидесяти пяти! А число «убитых» мною и «сброшенных в море» Абердинских Котов варьировалось где-то от двадцати пяти до пятидесяти...

От этого беззастенчивого вранья и несусветного бреда даже у меня вяли уши. Так и подмывало гаркнуть по-Шелд-рейсовски:

— А ну, кончайте трепаться, врунишки нахальные!

Тем более что большинство команды было по-детски внушаемо.

Но я помнил слово, данное мною Мастеру в первый день нашего знакомства, — ни с кем на судне в Контакт не вступать. И молчал.

Самое же забавное, что Мартыном меня называли только на Капитанском мостике. И подозреваю — лишь потому, что так называл меня Мастер. Все же остальные называли меня просто — Кыся.

Даже буфетчица Люся, прибирая капитанскую каюту в отсутствие Мастера, иногда шептала мне:

— Господи, Кыся... Что же мне делать? Я же так его люблю! А он... Ну, что делать, Кыся?.. Что делать?

А что я мог ей ответить?!.. Что вообще можно сказать женщине в такой ситуации?

Ну, сочувственно лизнул пару раз ей руку — так она даже расплакалась! Хотел я ей процитировать старую французскую поговорку, которую часто вспоминал Фридрих фон Тифенбах. По-нашему, по-русски, она звучит как «Каждый в жизни несет свой крест». Но и этого я не рискнул сделать. Как говорил Водила: назвался груздем — полезай в кузов. Дал слово — держись!..

Зато Мастер после того случая, когда я лишь одним своим ЖЕЛАНИЕМ КОШКИ, одной лишь настойчивой МЫСЛИШКОЙ сумел ускорить ход нашего «Академика Абрама...», Мастер наш, суровый и немногословный Котяра, буквально рот не закрывал. Естественно, когда мы оставались с глазу на глаз...

Более любопытного Кота я в жизни не встречал! Ему было интересно все — и про Конрада Лоренца, и про Ричарда Шелдрейса, и про Шуру Плоткина, и про мои, не всегда объяснимые, действия и ощущения.

Мастер с удивлением сопоставлял собственные чувства и поступки, оказывается, тоже не всегда соответствующие здравому смыслу, с тем, что я рассказывал о себе, и каждый раз (Я ЭТО ЯСНО ВИДЕЛ!..) был потрясен сходством наших душ и характеров...

Однако вовсе не нужно думать, что Мастер только и делал, что потрясался и всплескивал руками. Ничего подобного!

Мастер обнаружил такое блистательное знание истории Котов и Кошек, что это мне приходилось ахать и всплескивать лапами от восхищения!

От восхищения, к которому примешивалось искреннее чувство стыда за себя и моего Шуру Плоткина, за то, что мы, выучив наизусть и Конрада Лоренца, и Ричарда Шелдрейса, ни разу не удосужились открыть книгу своего, русского, замечательнейшего мужика — Игоря Акимовкина.

А вот у Мастера эта книга была настольной. Как, кстати, старая, затрепанная, дурацкая книжка В. Кунина «Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа!..»

Кунин сочинил ее в сладком начале перестройки, и речь там шла о двух пожилых идиотах, которые, не умея плавать и впервые увидев море, отправились на яхте в Израиль. Один из них когда-то был шиномонтажником у нас в Ленинграде. И выяснилось, что Мастер его хорошо знал и даже чинил у него свои автомобильные колеса.

Помню, Шура читал эту кретинскую книжку и что-то очень хихикал. Я попросил почитать мне ее вслух, а Шура отмахнулся и сказал:

— Тебе, Мартышка, это будет неинтересно...

И в двух словах рассказал, про что там. Тогда я сразу понял, что книжка дурацкая, и потерял к ней всякое любопытство.

А вот сейчас, посредине Атлантического океана, в Капитанской каюте российского контейнеровоза «Академик Абрам Ф. Иоффе», на рабочем столе Мастера я обнаруживаю это старье В. Кунина и потрясающую книгу этого... Ну, как его?!.. Игоря Акимушкина!

— Вот слушай, слушай, Мартын! — возбужденно говорил Мастер, раскрывая книгу Акимушкина. — Слушай, что он пишет: «...уже в шестнадцатом веке до нашей эры, в долине Среднего и Нижнего Нила... (это река такая в Африке) ...и Нижнего Нила домашняя кошка стала очень популярным и любимым животным». И еще! «Особая, прямо-таки райская судьба ожидала кошку в Египте: жрецы произвели ее в ранг священных животных!..»

— Что такое «жрецы»? — спросил я.

— Как бы тебе объяснить? — Мастер даже слегка растерялся. — Что такое «идеология», ты знаешь?

— Нет.

— Хорошо. Ближайший пример: совсем недавно на всех наших судах была должность Первого помощника Капитана по политической части. Не моряк, не судоводитель — коммунист. Знаешь, что это?

— Шура мне как-то объяснял, но я забыл...

— Быстро вы все, ребята, забываете!.. Ну, да авось вам еще напомнят, не дай Бог... Короче, этот Первый помощник следил за тем, чтобы все считали, что у НАС все очень хорошо, а у НИХ — все ужасно плохо. У НАС — блеск и сияющие дали, а у НИХ — тьма-тьмушая и безысходный тупик! А кто в этом

сомневается, то Первый помощник потом на берегу доложит КОМУ СЛЕДУЕТ и КУДА СЛЕДУЕТ, и хер этот сомневающийся потом выйдет в море!

— Это и есть — «Жрец»? — удивился я.

— Конечно! И Замполиты, и Жрецы — создатели легенд: «Мы — лучшие в мире!», «Кошки — священные животные!..» Теперь понял?

— Почти. Читайте дальше...

— «Суровые законы Древнего Египта без пощады карали всех, кто причинил вред Кошке. За ее убийство назначалась смертная казнь. При пожаре из горящего дома первым делом спасали Кошек, а только потом — имущество...»

— Разумно, — заметил я. — Разумно и справедливо. А то одному моему петербургскому приятелю Коту какой-то подонкок отрубил хвост!.. Не было на эту сволочь законов Древнего Египта! Вы знаете, Мастер, мне очень нравится эта книга. Но у меня есть одна претензия к Автору...

— Какая? — поинтересовался Мастер.

— Он все время пишет — «Кошки», «Кошки». В то время как Кошка... Как бы это поделикатнее?.. В то время как Кошка — существо хотя и Воспроизводящего, но все-таки Вспомогательного типа. КОТ же при этом — Особа Основополагающая. И не заметить этого...

— Ах, Мартын, гордыня тебя погубит!.. — рассмеялся Мастер, но тут же серьезно сказал: — Мне тоже это поначалу не очень понравилось. Но потом я понял, что словом «Кошка» Автор объединяет весь, так сказать, Вид. Смотри, что пишет он дальше...

Мастер нашел нужную строку и с удовольствием прочитал:

— «В конце четвертого века римский писатель Палладиус впервые ввел в употребление слово «Каттус» вместо старого латинского наименования Кошки «Фелис». Полагают, что от «Каттуса» ведут начало и английское «Кэт», и немецкий «Катер», и русское «Кот». Как видишь, Автор вовремя вспомнил, что Кот есть Кот, как ты справедливо заметил, — Особа Основополагающая!

И, клянусь всем для меня святым, Мастер с нескрываемым Котовым достоинством легко и аккуратно разгладил свои франтовые усыки!..

Он отложил книгу в сторону и, глядя сквозь меня, словно всматриваясь в тысячелетние дали древности, негромко продолжил:

— И знаешь, Мартын, ведь в Вавилоне домашние Коты появились лишь во втором тысячелетии до нашей эры. Отсюда они попали в Индию, позднее — в Китай, на Крит, в Грецию... Мы там, кстати, в прошлом году неделю на ремонте стояли. Цены там на Котов были безумные!.. Не в прошлом году, а до нашей эры. Иметь Кота тогда считалось там роскошью. Человек, в доме которого жил Кот, заведомо оценивался, как личность незаурядная!..

Я вдруг понял, почему Мастер перестал мне читать книгу этого Акимушкина, а взялся пересказывать ее своими словами. У Акимушкина, наверное, было повсюду написано это безликое объединяющее слово — «Кошка» и ни разу не было упомянуто слово «Кот».

Мастер решил, что в вольном пересказе он имеет право на вольную редактуру. Называя Акимушкинских «Кошек» «Котами», он таким образом щадил мое слегка уязвленное самолюбие и примирял меня с Автором.

Это было очень трогательно с его стороны и ничуть не нарушало моего интереса ко всему, о чем он рассказывал.

А рассказывал он поразительные вещи! Я узнал, что с началом христианства Коты и Кошки из «Божественных созданий» превратились в «темные силы», в «исчадие ада», в «пособников» колдунов и ведьм и подвергались жесточайшему и идиотскому истреблению.

По всей католической Европе, во все христианские праздники живьем сжигали и закапывали Котов в землю, жарили их на железных прутьях!.. А во Фландрии, в городе Иперн, Котов сбрасывали с высокой башни!..

Этот дикий обычай был введен жестоким кретином графом Болдуином Фландрским и просуществовал, благодаря этому идиоту, этому подонку и мерзавцу, начиная с десятого века еще сотни лет... До самого Ренессанса продолжалось массовое истребление Котов, нелепые судилища над ними и жесточайшие расправы.

Мне чуть дурно не стало от всех этих подробностей. Я припомнил кое-какие не очень трезвые рассказы Шуры и прервал Мастера:

— Мне мой Плоткин как-то не раз говорил, что с Людьми было тоже нечто подобное...

— В сравнении с недавним российским прошлым, средневековая трагедия Котов и Кошек была, как говорят твои друзья-немцы, — киндершпиль — детские игры, — жестко усмехнулся Мастер. — Если в средние века Коты погибали сотнями тысяч, то только за последние восемьдесят лет Россия сожрала более пятидесяти миллионов своих собственных Человеков, перемалывая их в бездарных войнах, лагерях и тюрьмах...

Я не знал, что такое «сотни тысяч» Котов. Понятия не имел, что такое «пятьдесят миллионов» Человеков. Но лишь по интонации Мастера, по внутреннему нервному напряжению, с которым он произнес эти слова, я понял, что «сотни тысяч» умерщвленных Котов — это капля в океане «пятидесяти миллионов» загубленных Человеческих жизней...

— Господи!.. Что же делать? — прошептал я, впадая в глубочайшее уныние. — И вам, и нам?..

— Наверное, ждать Возрождения. Почему бы ему не возникнуть еще раз? — тут же ответил Мастер. — Или попытаться создать Ренессанс собственными руками и лапами. Кстати, пара забавных примеров из эпохи Возрождения: Кольбер, французский политик Людовика Четырнадцатого, сядя за работу, окружал себя Котами. И тогда Кольбер обретал душевное равновесие и покой... Кардинал Ришелье — просто обожал Кошек. И Котов, разумеется... А прошлый век? Скульпторы, художники, поэты, пораженные грацией, красотой и пластичностью Котового племени, чуть с ума не сошли! Швейцарец Готфрид Минд — «Кошачий Рафаэль» — всю жизнь рисовал только Котов. Француз Теофил Штайнлайн выпустил роскошный альбом рисунков под названием «Кот»... Последователи нового «кошачьего» культа собирались в Париже на Монмартре, в кафе «Черный кот»... Ну, и так далее.

— Потрясающе... — пробормотал я.

И подумал, как мы любим счастливые финалы!..

— А в странах, где господствовал ислам, Коты и Кошки пользовались буквально королевским почетом, — сказал Мастер. — В отличие от Собак, которых ислам считал «презренными».

Мне показалось, что «Ислам» — это имя Человека, руководителя каких-то нескольких стран. И мне понравилась его мысль о «презренных» Собаках. Я и брякнул:

— И этот Ислам совершенно прав!

Но тут же вдруг неожиданно вспомнил свою подружку собачку Дженни, своего корешка мюнхенского полицейского Рэкса, парочку русских Псов, с которыми у меня в свое время сложились приятельские отношения, и подумал, что от мыслишки этого Ислама очень даже потягивает расистским духом...

Мастер тут же просек, о чем я думал, закурил свой «Данхилл» и брезгливо произнес:

— Проявление нетерпимости к другому Виду — это очень неинтеллигентно, Мартын. Где-то на уровне антисемитизма. Так что подумай над этим. А я пойду осмотрю судно. Ты со мной?

— Нет, — сгорая от стыда и проклиная себя за поспешную похвалу Исламу, сказал я. — Я полежу, подумаю...

— Это иногда полезно, — саркастически ухмыльнулся Мастер и вышел из каюты.

«Недолго мучилась старушка в бандита опытных руках», — часто говорил Шура, когда хотел подчеркнуть быстротечность той или иной ситуации.

Через пару часов в каюту вернулся Мастер, проглядел какие-то записи, сделал в них ряд пометок и поманил меня пальцем к себе. Я вспрыгнул к нему на рабочий стол и сел рядом со стопкой судовых документов, тихо и скромно поджав хвост.

Вообще-то, на рабочий стол Мастера вспрыгивать было нежелательно. Я получал на это разрешение только лишь в минуты особого к себе расположения. Вот и сейчас Мастер, словно этот... Как его?!.. Людовик (забыл номер!)... Или нет! Кольбер, что ли? Кто там при ком был? Совсем из головы вылетело! Кольбер, кажется... Вот Мастер, будто Кольбер, и окружил себя мною. Но не стал, как тот французский тип, немедленно работать, а протянул мне руку (мне почему-то тут же подумалось: как кардинал Ришелье!) и спросил, глядя мне прямо в глаза:

— Осознал?

— Да... — тихо ответил я.

— Тогда — лапу!

Я подал ему свою правую лапу. Он уважительно и осторожно ее пожал, а я, в благодарность за прощение, потерся своим рваным ухом о его синий якорец, наколотый, как он рассказывал, давным-давно — еще на первом курсе Мореходного училища.

По сравнению с подходами к канадскому острову Ньюфаундленд, проход по английскому проливу Пентленд-Ферт с его опасными «приливными течениями» смахивал на воскресную прогулку по Летнему саду.

Шура как-то пару лет тому назад возил меня туда осенним теплым днем, тыкал носом в скопище грязно-серых скульптур, которых там до хрена и больше, и очень обижался, когда я не проявлял к ним никакого интереса, чего бы Шура там про них ни рассказывал.

Мне, вообще, Летний сад совсем не понравился. Куча детей — все они обязательно хотят тебя схватить, потискать, дернуть за хвост. Защититься практически невозможно. Не будешь же ты отбиваться от них когтями или клыками — дети же! А постоянно смыливаться от них — унижительно.

Уйма маленьких Собачонок (больших в Летний сад, слава Богу, не пускают...), которые, увидев обычного, нормального Кота вроде меня, прямо-таки обсераются от злости и страха! И их визгливые тьяканья заполняют все аллеи этого Летнего сада до такой степени, что хочется заткнуть уши, броситься в воду, переплыть Неву и сразу оказаться на Петроградской стороне — только бы не слышать их визг!..

В небольшом пруду, давно не чищенном и заросшем зеленой ряской, плавают преисполненные спесивой важностью Лебеди. Один взгляд на них — и ты понимаешь, что перед тобой скопище длинношеих идиотов, которые только по недоразумению могут считаться «Царственной птицей». Так назвал их Шура.

Странно, что Шура — существо ироничное и наблюдательное — не увидел, с какой тупой и холуйской поспешностью эта так называемая «Царственная птица» подгребает к берегу, когда какой-нибудь тип протянет ей крохотный кусочек засохшей хлебной корочки!..

«Царственная птица» с абсолютно лакейской сущностью, да еще с постоянно изогнутой вопросительным знаком длинной шеей, — ничего более нелепого, по-моему, природа не создавала...

Единственное, что меня в какой-то степени примирило с Летним садом, — это памятник одному толстому Старика в окружении кучи Животных! Причем в большинстве своем таких Животных, которых я никогда в своей жизни не видел.

Шура жутко обрадовался, что хоть что-то меня заинтересовало в Летнем саду, и стал водить меня вокруг памятника и рассказывать про этого Старика всякие истории. Как он писал про Животных, а Люди всё принимали на свой счет. Какой он был неряха, обжора, и какой он был все равно грандиозный Старик, хотя и служил всего лишь библиотекарем!..

Шура даже почитал мне стихи этого Старика — про Кота и Повара, где Повар выглядит абсолютным дебилом, а Кот — откровенным наглецом.

А потом Шура рассказал мне, что одновременно с этим российским Стариком во Франции жил точно такой же чужак. Тоже писал про Животных, имея в виду Людей. И вот, дескать, по сей день никто не может точно сказать, кто у кого чего слязил! Наш русский Старик у Француза — или Француз «кинул» нашего Старика... Тем не менее и тому и другому поставили по памятнику: нашему — в Летнем саду, а Французу — где-то во Франции. Потому что они оба считаются «классиками».

Тьфу, черт меня подери! Прошу прощения. Разболтался не по делу...

Казалось, нашел вроде бы удачное сравнение про Летний сад, и валяй дальше — про подходы к водам Ньюфаундленда...

Ан нет! Вспомнил Летний сад — вспомнил Шуру. В голову полезли аллеи, скульптуры, кретины Лебеди, памятник толстому Старика с Животными, дети, Собачки, Нева...

И потянуло на НОСТАЛЬГИЮ. Причем ведь отчетливо понимаю, что это НОСТАЛЬГИЯ уже не по Летнему саду, не по его аллеям, наполненным визгом карманных Собачек и криками бабушек и дедушек: «Деточка, оставь Кысю в покое!..» Даже не по тому памятнику толстому Старика с Животными.

Еще тогда, когда мне все это грезилось наяву или возникало в тревожных снах в Германии: в Мюнхене ли, в Оттобрунне, в Грюнвальде, — и я всеми силами, данными мне Господом, рвался обратно, к Шуру Плоткину, к нам домой, в наш Ленинград-Петербург (да назовите вы этот город как угодно — он все равно останется Моим Городом!..), куда я стремился всей своей Котовой душой, — вот тогда это была настоящая НОСТАЛЬГИЯ.

Сейчас же, когда в Этом Городе нет моего Шуры, нет Нашего Дома, а в памяти остались только пустырь и щемящие воспоминания о былом, это и НОСТАЛЬГИЕЙ не назовешь. Просто самая обычная и очень болезненная ТОСКА ПО ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ, которая уже, наверное, никогда не повторится.

А вот в какую ЖИЗНЬ я теперь плыву — понятия не имею.

Наверное, в ЖИЗНЬ моего Шуры Плоткина. Потому что иной ЖИЗНИ я себе совершенно не представляю...

Итак, начнем все сначала.

А именно с обстановки на нашем «Академике Абраме...», в которой мы подходили к Канадскому порту Сент-Джонс, и вообще, с условий плавания в районе острова с чисто Собачьим названием — Ньюфаундленд.

Шура говорил, что есть такая порода огромных Собак. Я, правда, ни одной Собаки больше Дога не видел, но Шура сказал, что Дог рядом с Ньюфаундлендом — просто Шавка.

Я представил себе Собаку величиной с «Запорожец» и подумал: не встречал я Ньюфаундлендов — и не надо! Еще неизвестно, смог бы я с ним справиться, если бы дело, предположим, дошло до драки? А смыливаться от него куда-нибудь в подвал или отсиживаться на дереве, чтобы он стоял внизу и, задрав морду, тупо гавкал бы на меня, — унижительно, отвратительно и недостойно такого Кота, как я. Так что, Бог миловал от разных там Ньюфаундлендов, и ладушки. Как сказал бы Водила.

И вот теперь, по словам Мастера, часов через двенадцать—четырнадцать — остров с таким удивительным Собачьим названием.

А еще Мастер сказал мне (остальные, наверное, про это уже знали), что плавание в районе острова Ньюфаундленд считается опасным и у моряков пользуется дурной славой из-за частых туманов и айсбергов — таких плавающих ледяных гор. И эти айсберги могут быть в сто раз больше любого самого большого парохода. Причем на поверхности воды плавает всего одна десятая часть айсберга. Остальная громадина скрыта под водой.

Пока Мастер называл мне всякие цифры и числа, я ни хрена не мог сообразить, чего на поверхности, чего под водой, что такое «в сто раз больше» или «в десять раз меньше»... А как только Мастер все это нарисовал мне на бумаге, — я в одно мгновение врубился. Врубился и чего-то ужасно разнервничался!..

К тому же Мастер рассказал мне, что много-много лет тому назад здесь затонул «Титаник», гигантский пассажирский пароход. Самый большой в мире — по тем временам. Напоролся на подводную часть айсберга... Столько Людей погибло!.. А спустя пятнадцать лет здесь же в тумане столкнулись и тоже погибли два пассажирских судна — «Андреа Дориа» и «Стокгольм». Людей потонуло — чудовищное количество...

Но разнервничался я не из-за этого. Хотя сами по себе события, поведенные мне Мастером, — более чем печальные.

Трясет меня всего, будто перед бедой какой, а объяснить сам себе ни черта не могу. Вот так, возникла вдруг внутри меня напряженка, и все! Ни жрать не могу, ни общаться ни с кем, кроме Мастера, и вообще — места себе не нахожу...

Даже Люсе не дал себя погладить. Увернулся и побежал на корму, где у меня был мой песочный гальюн принайтовлен.

Как у меня с морской терминологией?! Блеск, да?.. «Гальюн» — это уборная, а «принайтовлен» — закреплен. Я специально, еще в первый день знакомства, попросил Мастера, чтобы туалет мне на свежем воздухе соорудили. Дескать, привык все эти ДЕЛА совершать на природе — извините, если что не так...

А природа поливает нашего «Академика Абрама...» ледяным дождем со снегом!.. Вернулся с кормы на капитанский мостик мокрый, промерзший, все никак места себе не могу найти. Мастер сразу просек, что со мной творится что-то

неладное. Ну, Кот есть Кот! Против очевидности не попрешь. Это я про Мастера...

Стоит, на меня не смотрит, следит за показаниями радара, а сам, незаметно для других, спрашивает меня на чистейшем Шелдрейсовском:

— Ты чего дергаешься, Мартын? Не ешь, мечешься туда-сюда, нервничаешь... Тебя укачало, что ли?

Надо сказать, что последние сутки нас даже очень валяло. Еще и туман к тому же. Это только сейчас дождик со снегом пошел, видимость хоть немного, но улучшилась.

— Нет, — отвечаю я ему. — Со мной все в порядке, Мастер. Вы на меня не отвлекайтесь, пожалуйста. Можно мне посидеть на Главном Компьютере?

С тех пор как мы с Мастером еще в Абердине выяснили, что излучение Главного Компьютера только усиливает потенцию у Котов, а отнюдь не подавляет ее, я последнее время на всякий случай как можно чаще старался посиживать на нем. Неизвестно, какие Кошки тебя ждут в Америке...

А так как я уже научился на все спрашивать разрешения у Мастера, то без его согласия позволял себе только лишь на корму бегать, в собственный галльюн. Но каждый раз докладывал, где был.

— Садись, садись, Мартын! Погрей задницу, просуши хвост, — вслух сказал мне Мастер.

На мостике уже привыкли к тому, что Мастер частенько со мною разговаривает вслух и я почти всегда как-то странно верно реагирую на его слова.

Сами понимаете, «странно верно» — для непосвященных. Для Мастера мои реакции совершенно нормальны и ожидаемы. У нас с ним — диалог на равных. Только я — младше, а он — старше.

Я тут же вспрыгнул на Главный Компьютер, сразу же ощутил тепло под хвостом и промерзшими лапами и постарался устроиться на нем как можно уютнее и спокойней. Как всегда.

Ни хрена из этой затеи не получилось! Нервный колошмат неизвестного происхождения бил меня изнутри, кончик хвоста непроизвольно выстукивал бешеную дробь, и сама собой топорщилась шерсть на загривке. От ощущения надвигающейся неотвратимой беды уши мои сами прижались

к затылку, и я мгновенно слетел с Главного Компьютера в невероятном психическом вздрыве, граничащем с потерей сознания...

— Что происходит, Мартын?!.. — в полный голос нервно крикнул Мастер, наверное тоже почуяв что-то неладное.

И тогда я в ответ, изо всех своих Шелдрейсовских сил, заорал благим матом:

— Стоп!!! Стоп!.. Лево руля!!!

Боясь в истерике разорвать нить Контакта с Мастером, я сиганул к нему на правое плечо и вцепился в его куртку когтями всех своих четырех лап. Это было последнее, что я запомнил...

...А ПОТОМ Я ВДРУГ УВИДЕЛ СЕБЯ ПОДВОДНЫМ КОТОМ!..

Я плыл в серо-зеленой мерзлой воде с ледяным крошевом, чуть впереди нашего «Академика Абрама...», и видел, как на нас надвигается чудовищная, гигантская, необъятная ледяная глыба айсберга! Она заполняла собою все пространство впереди, и только над самой поверхностью океана виднелась узенькая полоска просвета...

Этот ледяной кошмар, величиной с три наших ленинградских девятиэтажных дома, не высывался наружу «ОДНОЙ ДЕСЯТОЙ ЧАСТЬЮ НАД ПОВЕРХНОСТЬЮ ВОДЫ», как рисовал мне айсберги Мастер, а был подло и коварно притоплен, оставляя перед взором нашего ничего не подозревающего, несчастного «Академика Абрама...» чистую, холодную гладь Атлантического океана!..

Я вижу, что через несколько минут наш «Академик Абрам Ф. Иоффе» врежется в эту синюю, безжалостную ледяную стену и погибнет вместе со своими контейнерами, бедными «маслопупами» и «рогочами», совсем молоденькими Дедом и Чифом, Маркони и Драконом... Не станет на этом свете Колобахи и Точилы... Утонут Шеф и Люся... Уйдет из жизни такой потрясающий образец КотоЧеловека, как Капитан этого судна — МАСТЕР!..

— Остановите машину!!! — кричу я из-под воды. — Тормозите, мать вашу в душу!!! Сворачивайте, сворачивайте скорее, иначе... Мастер! Вы меня слышите?!.. — отчаянно кричу я

и пытаюсь упереться передними лапами в подводную носовую часть нашего судна, пытаюсь хоть как-то затормозить его гибельный ход...

Но мои задние лапы не находят твердой опоры, и я ничего, ничего, ничего не могу сделать!..

«Ма-а-астер!!!» — истошно воплю я из последних сил и понимаю, что мне уже никогда ни до кого не докричаться...

Я чувствую, что мне не хватает воздуха, я захлебываюсь и начинаю отставать от судна, тонуть, а мимо меня, навстречу собственной смерти, движется темно-серый стальной борт нашего «Академика Абрама Ф. Иоффе», которому осталось всего несколько минут жизни...

Я опускаюсь все ниже и ниже — туда, где вода теряет свою полупрозрачную зеленость и становится черной и очень страшной. Смертельный холод сковывает мои движения, заползает в каждую клеточку моего тела, и последнее, что я вижу перед тем, как навсегда опуститься в эту жуткую пучину, — днище нашего судна, проплывающее надо мной. И выкрашено оно почему-то в оранжево-красный цвет...

Сознание мое меркнет, но мне все еще чудится, будто я слышу приглушенный толщей океанской ледяной воды, далекий голос Мастера — Капитана моего бывшего «Академика Абрама Ф. Иоффе»:

— Стоп машина!!! Полный назад! Лево руля!!!

И действительно, я вижу своими полуживыми глазами, как огромная махина, проплывающая надо мной, резко меняет курс и счастливо уходит от столкновения с негодяйски приотпленным и невидимым на поверхности океана айсбергом!..

...На чем, как говорится, разрешите откланяться...

КАК ТАМ ШУРА БУДЕТ БЕЗ МЕНЯ В АМЕРИКЕ?..

Но именно в тот момент, когда я окончательно собрался умереть (убедившись в том, что «Академик Абрам...» избежал верной катастрофы), когда я уже мысленно попрощался со всеми и в первую очередь с самим собой, в моем остывающем мозгу возникли еле слышимые, но такие родные и встревоженные голоса:

— Кыся!.. Родимый... Ну, что там с тобой такое, бля?!.. У меня от мыслей об тебе — прям башка лопается! Чем помочь-то, Кыся, корешок мой бесценный? Я, ебть, всех на ноги подыму!.. Ты только откликнись... — кричал с другой стороны земного шара Водила.

— Кот! Миленький Кот!.. — плакала Таня Кох, путая русские слова с немецкими. — Я чувствую — тебе сейчас очень плохо...

— Что происходит с судном, Кыся? С тобой?.. — по-немецки спрашивал меня Фридрих фон Тифенбах. — Я сейчас же свяжусь с Канадским правительством! Вы ведь, как я понимаю, где-то совсем рядом, да? Как только все образуется — я сразу же прилечу к вам в Штаты...

— Кысь, а Кысь!.. Младший лейтенант милиции Митя Сорокин беспокоит. Ты чо там, а, Кысь?!.. Ты кончай эти штуки!.. А то кто мне без тебя приглашение в Америку вышлет? Шучу, шучу... Ты, главное, сам выгребайся. Понял?..

Я еще совсем немножко подождал умирать — все ждал, что вот-вот возникнет голос моего Шуры Плоткина...

Но не дождался и с тревогой подумал:

«БОЖЕ МОЙ, ЧТО ЖЕ ТАМ ТАКОЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ С ШУРОЙ?..»

Еще повременил самую малость — и умер...

— Смотрите, смотрите, задние лапы дергаются...

— И хвост!.. Глядите, хвост шевелится...

— Александр Иванович! Сент-Джонс запрашивает наши точные координаты для оказания нам немедленной помощи. У них уже все наготове...

— На кой хер нам теперь их помощь! Они-то откуда знают? Им-то откуда известно?!..

— Маркони говорит — по распоряжению правительства Канады.

— Пусть поблагодарит их и вежливо пошлет в жопу. Даже если бы что-нибудь и случилось, у нас штанов не хватило бы расплатиться с ними. Да и они ни хрена подойти бы к нам не успели.

— Мастер! Мартын глаза открыл!!!

— Вот это другое дело!..

Я отчетливо слышу голос Мастера, чувствую, как его большие, сильные лапы поднимают меня, прижимают к себе...

У самого своего носа вижу маленький синий якорец, наколотый на левой руке Мастера, слышу стук его сердца — я сейчас совсем рядом с ним.

Мастер зарывается своим лицом в мою шерсть и, покачивая меня на руках, словно новорожденного, шепчет мне на нормальном Человеческом языке:

— Ах, Мартын, Мартын... Дорогой мой друг, товарищ и брат... Героическая ты личность! Если бы не ты — нам ни одно правительство в мире не смогло бы помочь.

И, переходя на Шелдрейсовский, тихо меня спрашивает:

— Это ты дал «Мейдэй» в Канаду?

— Что?..

— Ты попросил помощи у берега?

— Нет... Это один мой старый друг из Германии.

Силы мои кончаются, я чувствую, что сейчас засну, и уже почти с отключенным сознанием спрашиваю Мастера:

— А у «Академика Абрама...» днище и подводная часть — какого цвета?

— Красного, — отвечает Мастер и тут же уточняет: — Оранжево-красного. Почему ты об этом спрашиваешь?

— Значит, все правильно, — говорю я уже сквозь сон. — Значит, я там был...

Я зарываюсь носом в куртку Мастера, пропахшую сигаретами «Данхилл», одеколоном «Гаммон» и буфетчицей Люсей, и засыпаю...

Проснулся я в Капитанской каюте, в «своем» низком кожаном кресле, когда мы уже стояли в Сент-Джонсе.

Дверь была, на мое счастье, чуточку приоткрыта, и я свободно смог выскочить в коридор, преодолеть несколько лестниц и бесчисленное количество переходов и промчаться на корму судна — в свой собственный галюн.

Простите за подробность, но меня всего изнутри распирало так, что малейшее промедление грозило катастрофой! В любую секунду я был готов взорваться и испачкать пол-Канады...

Слава Богу, этого не произошло. Канада не получила возможности предъявить России претензии и штрафы (за «бугром» все стоит денег!..), я успел доскакать до своего спасительного ящичка и даже успел отметить, что песок в нем совершенно свежий, и...

Я вовремя все исполнил, почувствовал невероятное облегчение и решил, что, несмотря на адский холод и пронизывающий ветер с океана, утренний туалет я совершу именно здесь.

Мне очень хотелось предстать перед Командой и Мастером уже в полном порядке и пристойном, интеллигентном виде. А во-вторых, я предполагал, что, хоть ненадолго сойдя на Сент-Джонскую твердую землю, я вправе рассчитывать на встречу с какой-нибудь местной — Канадской Кошкой, а может быть, и не с одной... И к этому моменту я, как говорится, «ДОЛЖЕН ВЫГЛЯДЕТЬ».

Воспоминания об Абердинской стоянке в Англии вливали в меня силы и воспаляли воображение.

Тщательно умываясь и прилизываясь, я огляделся.

Наш «Академик Абрам...» стоял у специального «контейнерного» причала, по которому были проложены обычные железнодорожные рельсы, а по рельсам туда-сюда кагались самые обычные железнодорожные платформы.

Подъемные краны уже снимали с нашей палубы абердинские контейнеры, предназначенные для Канады, и аккуратно устанавливали их на платформы.

Итак, я — в Канаде!..

Хотя, глядя на причал, на воду, на портовые строения и краны, на поразительно тоскливую одинаковость, наверное, всех непассажирских морских портов мира, я с успехом мог бы утверждать, что сейчас нахожусь в Петербурге, в Киле, в Гамбурге, Абердине или еще где-нибудь...

Разница была только в языке, на котором матерились служащие порта, и в надписях на автопогрузчиках и порталных кранах. Даже «настенная живопись» граффити, про которую мне много объяснял еще Шура Плоткин в Ленинграде, и то была одинакова! Те же гигантские мужские половые члены с яйцами и без, те же женские эти самые органы — мохнатые, отвратительные и совершенно несексуальные, те же, иногда очень забавные и не бесталанные, сочетания цветов и фигур...

И, глядя сейчас на длиннющую стену пакгауза, всю разма-
леванную этими цветными пульверизаторами, я подумал, что
Мир повсюду одинаков. Различны только... Как это выразался
Мастер?.. А-а, вспомнил! «ЖРЕЦЫ»!.. Различны только Жре-
цы — те, кто выдумывает необходимые (с их точки зрения) се-
годняшнему дню легенды для СВОЕГО народа. И то подозре-
ваю, что сами по себе легенды Жрецов разных народов —
сюжетно одинаковы и не очень-то остроумны. Если судить по
нашим сегодняшним российским Жрецам, — все они не Бог
весть какого высокого полета. В умственном отношении.

Это не мое — КОТОМАРТЫНСКОЕ — утверждение. Это
я слышал от многих очень умных и знающих Людей, которым
доверяю абсолютно и беспредельно. А следовательно, имею
полное право повторить это утверждение и от собственного
имени!

...Уже пробегая через все судно, здороваясь со всеми
встречными и поперечными, я почувствовал слабый запахок
«Джека Дэниельса». Когда же я подлетел к Капитанской каю-
те, запах виски усилился до состояния, когда уже хочется за-
кусить! Шурина хохмочка.

Дверь была плотно прикрыта, но я мавнул своим хрип-
лым и достаточно хамским голосом, и Мастер тут же открыл.
Впуская меня в каюту, усмехнулся и сказал:

— Мог бы и не вопить под дверью. Я и так чувствую, когда
тыходишь.

«Елки-палки, как я мог забыть, что он — вылитый Котя-
ра!» — подумал я и увидел в каюте высокого пожилого мужи-
ка в теплой меховой куртке с капюшоном.

Мастер и этот мужик держали в руке по широкому квад-
ратному стакану с «Джеком Дэниельсом», а на столе для гост-
ей между ними стояла тарелка с маленькими бутербродика-
ми, которые умеет делать только Люся.

— Мой друг Мартын, — по-английски представил меня
Мастер мужику в куртке.

— Привет, Мартин, — тоже по-английски сказал мне му-
жик и приподнял стакан с виски в мою честь.

— А это мой старый друг, представитель Сент-Джонского
порта мистер Чивер, — сказал Мастер. — Извини, Мартын, он
по-нашему — ни слова. Я буду говорить по-английски. Потом
тебе переведу...

— Можете говорить хоть по-китайски, — спокойненько поведал я Мастеру. — Мне это, как говорят, без разницы. У меня языковых барьеров и преград не существует.

— Ох, Мартын! Ты для меня непрочитанная книга. Что ни день, то — новая страница. Ну, будь здоров!

Мастер прикоснулся краем стакана к моему носу и предложил Чиверу за меня выпить.

Чивер тоже чокнулся с моим носом. Они выпили. А я от этого запаха виски так захотел жрать, что ничуть не удивился, когда через минуту в каюту вошла Люся с МОЕЙ плоской, полной прекрасной жратвы!

— Александр Иванович, можно Мартынчика здесь покормить? А то у нас там на камбузе аврал... Ну, в смысле — приборка.

Неожиданно Мастер ответил Люсе таким тоном и таким голосом, которого я у него ни разу не слышал! Я даже и не подозревал, что Мастер способен на такие интонации!..

— Конечно, Люсенька, конечно, лапочка... — и, обняв Люсю за плечи, сказал Чиверу по-английски: — А это Люся. Женщина, к которой я очень нежно отношусь и очень высоко ценю ее отношение ко мне.

Люся потрясенно посмотрела на Мастера. Наверное, она тоже никогда не слышала от Мастера таких слов и таких интонаций.

Чивер встал и поклонился Люсе.

— Посиди с нами, — попросил ее Мастер. — Я тебе твоего любимого «Кампари» со льдом сделаю...

— Что вы, что вы, Александр Иванович!.. — застеснялась Люся. — У нас там с Шефом еще столько работы... Спасибо, спасибо большое!

И я понял, что сейчас Люся благодарит Мастера не за приглашение посидеть с ним и Чивером, а совсем-совсем за другое.

Может быть, действительно время от времени Людям необходимо ощутить близкую возможность Небытия, хоть одним глазом заглянуть в ту Черную Пучину, из которой не бывает возврата, — для того, чтобы потом хоть чуточку изменить отношение к оставшейся тебе Жизни?..

— Кушай, Мартынчик, кушай, — погладила меня Люся и вышла из каюты.

Я не стал выдрючиваться и кочевряжиться перед посторонним Человеком и тут же набросился на жратву, краем уха прислушиваясь к тому, о чем говорили Чивер и Мастер.

— Так у вас действительно ничего не произошло на подходе? — спросил Чивер, прихлебывая из стакана.

— Ничего, — твердо ответил Мастер.

— А у нас тут — прямо цирк «Барнума и Бейли»! Из Монреала, из Оттавы звонят — тревога!!! Русский «Академик Абрам Ф. Иоффе» сейчас врежется в утопленный айсберг!.. Поднять все спасательные службы! Для работы в открытом океане военные пригнали специальные вертолеты... Все гадают — что могло произойти?!.. Только два варианта: или отказал эхолот, или, извините, Мастер, Капитан — полный болван. Запросили регистр Ллойда — кто капитан на «Академике Иоффе»? Называют вашу фамилию, Мастер. Все немного успокоились — вас знают. Но информация-то поступила из Германии!.. А вы молчите...

— Какая-то дурацкая ошибка, — смеется Мастер. — Будьте здоровы, мистер Чивер!

Раздается стук в дверь каюты. Мастер неторопливо допивает свой «Джек Дэниельс» и открывает дверь.

На пороге стоит Второй помощник с полиэтиленовым пакетом в руке.

— Разрешите войти, Александр Иванович?

— Входи, входи. — Мастер переходит на русский язык. — Чего вы там чухались?!.. Он мне уже все мозги проеб — что произошло, да как произошло. Полчаса отбиваюсь, как лев...

— Да матрешки эти сраные куда-то задевались. Искали всем скопом.

— Что вы там ему приготовили?

— Как обычно — пузырь «Московской», две хохломские ложки и эту гребаную матрешку.

Мастер берет у Второго помощника полиэтиленовый пакет и спрашивает сквозь зубы:

— Ничего оригинальнее не придумали? Опять ложки-матрешки?!..

— Традиция... — разводит руками Второй помощник. — Разрешите идти?

— Иди. И чтоб к отходу все было в порядке! Нашли в чем дело?

— Нашли. Там наши спецы сейчас на мостике как раз колдуют.

— Глаза бы мои вас не видели, колдуны херовы! Иди.

Мастер с улыбкой протягивает пакет Чиверу:

— Маленький русский презент в благодарность за сотрудничество.

Чивер берет пакет, заглядывает в него и говорит Мастеру:

— Уйду на пенсию — открою лавку русских деревянных ложек и матрешек. И умру богатым человеком. Спасибо, Мастер.

Мастер накидывает теплую куртку на плечи, и мы идем провожать мистера Чивера к трапу. Уже прощаясь, мистер Чивер смотрит на меня и говорит Мастеру:

— Котика своего на берег не отпускайте. Тут у нас крысы величиной с поросенка. Сотни тысяч!.. Вчера на моих глазах двух собак разорвали. Штук пятьдесят сразу накидываются и...

Мне на мгновение становится худо. Я и так-то не перебарываю этих тварей, а тут — величиной с поросенка!..

Итак, как говорила Мюнхенская Кошка Циля, в Сент-Джонсе я пролетел, как фанера над Парижем. А Водила в таких случаях успокоительно бормотал: «Ничего... Еще не вечер». И был прав. Впереди — Нью-Йорк. Тоже, говорят, в смысле Кошек не последний город в мире...

Оказалось, что у большого острова с Собачьим названием Ньюфаундленд есть собственный небольшой полуостров, называющийся Авалон.

И вот на этом-то Авалоне и находится порт Сент-Джонс с этими жуткими пороссячьими Крысами, из-за которых я проторчал на судне все десять часов нашей стоянки в Сент-Джонсе!

А место в Атлантическом океане, где на подходе к Сент-Джонсу с нами произошел тот самый, как сказал бы Шура, «халеймес — он же кадохес» с подводным айсбергом-убийцей, называется уже не «Океан», а район «Большой Ньюфаундлендской банки».

Это мне Мастер все показал на карте, когда мы наконец остались с ним в каюте с глазу на глаз.

— Я не буду тебе полоскать мозги, Мартын, всякими техническими подробностями — они тебе совершенно не нужны. Скажу только, что один очень важный электронный прибор, который должен определять глубину под судном и предупреждать о возможных подводных препятствиях, отказал. И если бы не ты...

— Как это «отказал»? — не понял я.

— А черт его знает как! Электроника... А в электронике, как говорится, существует всего два вида неисправностей — отсутствие контакта, когда он необходим, или наличие контакта, когда он совершенно не нужен. Так вот, повторяю, если бы не ты...

— Нет, нет, Мастер! — запротестовал я. — Если бы не вы...

— Мартын! Не превращай нормальные мужские посиделки в слюнтяйское заседание «Общества взаимного восхищения». Нам с тобой это ни к чему.

— Хорошо, — согласился я. — Ответьте мне только на один вопрос: почему вы не сказали мистеру Чиверу, что произошло с нами в действительности?

— Потому что судно, на котором может произойти такое ЧеПэ... ЧеПэ — это...

— Чрезвычайное происшествие, — подсказал я ему.

— Черт тебя побери, Мартын! Откуда ты это знаешь?

— Не помню. Кто-то объяснял. Не то Шура, не то Водила. Продолжайте, Мастер. Я хочу до конца понять ситуацию.

Мастер закурил свой «Данхилл», ладонью отогнал от меня дым и начал все сначала:

— Потому что судно, на котором может произойти такое ЧеПэ, по вине Капитана или нет (это уже никого не касается), всегда вызывает подозрение. А стоит ли в дальнейшем иметь с ним дело? И контракт с тобой не продлевают. А заключают его с другим российским судном, по тем же демпинговым ценам.

— Как?.. — не понял я. — По каким ценам?

— По демпинговым. Значит — по мизеру. По самым низким ценам. По которым ни одно уважающее себя иностранное судно работать не будет. А мы, русские, будем! Потому что у нас нет другого выхода. У всех родители, жены, дети. Всем есть надо, за квартиры платить. Жить... Жить надо! А нет контракта — сколько людей без копейки останется?

Сколько из них сопьется, повесится, сколько пойдет по миру, а сколько в бандиты?!.. Так могу я рассказать мистеру Чиверу, что у меня на борту изношенная, говенная техника вчерашнего дня и что если бы не Кот Мартын, то все мы давно лежали бы на холодном дне ихней Большой Ньюфаундлендской банки?..

— М-да... — проямлил я.

— А вот теперь к тебе вопрос, Мартын. Можешь мне объяснить, как ты почувствовал заранее, что нам грозит опасность?

— Нет. Ничего я объяснить не могу, — признался я.

— Ну, хорошо... А почему ты закричал мне тогда: «Стоп! Стоп!.. Лево руля...»? Я ведь, если честно, только продублировал ТВОЮ команду. Почему ты завопил?

— Не знаю.

— И потом, ты кричал мне: «Остановите машину... Сворачивайте! Сворачивайте скорее!!!» И жутко матерился.

— Ну да?! — удивился я.

— Еще как! Хорошо, что, кроме меня, никто не слышал... Но, знаешь, ты кричал — будто издалека. Хотя лежал у меня на плече, намертво вцепившись в меня когтями. Смотри!

Мастер стянул свитер и задрал майку. На груди и на плече Мастера были видны глубокие царапины с черными точками запекшейся крови — такие характерные для Котовых когтей. Ничего себе!..

— Ох, Мастер... — виновато вздохнул я. — Просто и не знаю, что сказать... Простите меня, ради Господа!..

— Ладно тебе. — Мастер оделся. — Не в этом дело. Ты мне скажи, как ЭТО: ты рядом, а слышу я тебя вроде бы черт-те откуда?

— Мастер... — жалобно заныл я. — Пожалуйста, не спрашивайте меня про ТАКОЕ. Я же сам ни фига в ЭТОМ не смыслю. Я только ЧУВСТВУЮ, и все! Вы же не можете сказать, почему вы — Капитан с огромным судоводительским опытом — вдруг исполняете команды какого-то приبلудного Кота-дворяни, случайно попавшего на ваше судно?!..

— Может быть, потому, что я тоже ПОЧУВСТВОВАЛ опасность? В какой-то момент мне даже показалось, что я УВИДЕЛ ее...

Ну, точно! Чтоб мне век Кошки не видать!.. КОТ есть КОТ!!!

— Если бы не крикнул ты, Мартын, то через мгновение наверняка крикнул бы я. Ты мне веришь?

— Абсолютно! — горячо заверил его я. — Так каким образом вы ЭТО почувствовали? А уж тем более УВИДЕЛИ?

Мастер подумал, помолчал, закурил новую сигарету и только тогда ответил:

— Понятия не имею... Интуиция, что ли? Результат накопленного опыта?

— Вот видите?! — возмутился я. — Вы сами ни хрена не можете объяснить, а от меня еще что-то требуете! Почему нужно все объяснять и разжевывать?!.. Или ЭТО тебе дано, или — нет! Нам с вами — дано!.. И точка.

— Слушай, Мартын, — сказал Мастер. — У меня есть предложение, которое должно поразить тебя новизной. В аптечке есть немного валерьянки. В баре — еще пара бутылок «Джека Дэниельса». Сейчас я все это достану — валерьянку для тебя, а для себя виски, — и мы с тобой преломим по рюмашу. Совсем по-немногу. А то мне уже скоро идти на мостик...

Я вспомнил, как в Германии, в Оттобрунне под Мюнхеном, мы надрались ночью с добрым и глуповатым ветеринаром-недоучкой Эрихом Шредером, закусывая сырым мясным фаршем, который был приготовлен его сестрой для завтрашних котлет.

Вспомнил, как на следующее утро мне было плохо — как тошнило, как раскалывалась голова, как не хотелось ни одной Кошки, — и вежливо отклонил предложение Мастера.

Но для того, чтобы не огорчать его, попросил перенести идею поддачи на приход в Нью-Йорк и сделать это ВТРОЕМ — вместе со встречающим меня Шурой Плоткиным, о котором я успел уже многое рассказать Мастеру.

Тем более что до Нью-Йорка теперь оставалось всего двое с половиной суток...

...Но через двое с половиной суток не было выпивки втроем, не было слез умиления, всхлипываний, заглядывания в глаза, облизываний. Не было щемяще-сладкого узнавания после долгой и тягостной разлуки...

Не мчались мы с Шурой навстречу друг другу с воплями: «Маргышка-а-а!..», «Шу-ри-и-ик!..» — не оглядывали с головы до ног, он — меня, а я — его, с одинаковыми туповато-радостными вскриками: «Ах, как ты похудел!..» или: «Боже... Ну совершенно не изменился...», «Ну, как ты?!..», «Нет, а ты-то как?..»

Ничего этого не было.

И не зарывались мы носами — он мне в подмышку, а я ему под подбородок, не бормотали разные нежные бессвязные глупости... Так, чтобы никто вокруг не услышал. Потому что эти слова должны были быть только наши, наши — и ничьи больше!..

Не было ничего этого.

И Нью-Йорка никакого не было.

Был самый обычный торгово-грузовой морской порт — как в Петербурге, как в Киле, как в Абердине, как в Сент-Джонсе... Только этот порт был в Нью-Джерси. И грязнее, чем все остальные. И очень... Ну, просто очень большой! А так — все то же самое, что и там, — те же причалы, та же техника, те же запахи. Та же убийственная похожесть: в этом порту, как и во всех остальных, НЕ БЫЛО ШУРЫ ПЛОТКИНА.

НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО МОЕГО ШУРЫ ни на одном причале Нью-Джерсийского порта!!!

— ШУРА!!! ШУ-РА-А-А!!! ШУРА ПЛОТКИН!.. ГДЕ ТЫ?! ГДЕ ТЫ?!..

Господи! Боже мой!.. Мамочки родные!!! Что же делать?! Что же с НИМ такое произошло?!.. Господи, спаси ЕГО и помилуй...

Я снова оказался примерно в том состоянии, в каком я был тогда в Петербурге, когда мы с милиционером Митей увидели в НАШЕЙ с Шурой квартире чужих Людей и узнали, что сам Шура уехал в Америку.

Но тогда мне хотелось только одного — умереть. А сейчас — найти Шуру! Найти во что бы то ни стало!.. Любой ценой!!!

...Куда я только не бегал, где меня только не носило, в какие дырки я только не заглядывал, кого только не встречал на

своем суматошном и горьком пути!.. А ведь ЗНАЛ, ЗНАЛ, ЗНАЛ уже, что ЕГО вообще НЕТУ в порту — иначе он бы откликнулся...

Я чудом уйму раз не попал под колеса грузовиков, автопогрузчиков, чуть не был раздавлен на рельсах портального крана, в последнее мгновение выпорхнул из-под опускающегося контейнера величиной с трамвай...

Меня чуть не убило дикой струей воды из пожарного монитора, которым куча болванов тушила загоревшиеся тюки с хлопком!

Среди всего этого бедлама, этого портового кошмара, сопровождаемого какофонией жутчайших звуков, я метался как ошпаренный в поисках своего Шуры Плоткина и не находил его, не находил его, НЕ НАХОДИЛ...

А в моем воспаленном мозгу все время звучал Шелдрейсовский голос Мастера:

«Вернись, Мартын! Возвращайся на судно. Я жду тебя. Сейчас мы вызовем твоего Шуру по громкой связи. Я уже обо всем договорился с нашим русским представителем и диспетчерами порта. Возвращайся на судно, Мартын. Мы все ждем тебя...»

И словно в подтверждение слов Мастера, с нескольких причалов, перекрывая шум и лязг крановых блоков, визг и скрежет тросов, рык автомобильных двигателей, лающие короткие взрывные взвои сирен маленьких суденышек с белокрасными полосатыми флагами на корме, — могучие динамики, при помощи которых можно было бы запросто докричаться до Петербурга, до Мюнхена, до самого Господа Бога, стали спокойно и внятно вещать по-английски и по-русски на весь белый свет:

— МИСТЕР АЛЕКСАНДР ПЛОТКИН! ВАС ЖДУТ НА ЧЕТВЕРТОМ КОНТЕЙНЕРНОМ ПРИЧАЛЕ НА СУДНЕ «АКАДЕМИК АБРАМ ИОФФЕ». МИСТЕР ПЛОТКИН, ПОЖАЛУЙСТА, СЛЕДУЙТЕ К ЧЕТВЕРТОМУ КОНТЕЙНЕРНОМУ ПРИЧАЛУ. ВАС ЖДУТ НА РОССИЙСКОМ СУДНЕ «АКАДЕМИК ИОФФЕ»! ЕСЛИ ВЫ ПО КАКИМ-НИБУДЬ ПРИЧИНАМ НЕ СМОЖЕТЕ ПРИЙТИ НА СУДНО САМИ, ОБРАТИТЕСЬ К ЛЮБОМУ СЛУЖАЩЕМУ ПОРТА — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ «МОРФЛОТА» РОССИИ И КАПИТАН СУДНА ТУТ ЖЕ ПРИЕДУТ ЗА ВАМИ

В ТО МЕСТО, ГДЕ ВЫ БУДЕТЕ НАХОДИТЬСЯ. ПОВТО-
РЯЕМ...

Снова в моей помутившейся башке прозвучал голос Мастера: «Ты слышал, Мартын? Возвращайся на судно. Будем ждать вместе. Или хотя бы откликнись...»

Но я не мог вернуться на судно! Я не мог откликнуться Мастеру!.. Я был уже НАСТРОЕН НА ШУРИНУ ВОЛНУ и дико боялся утратить ту нить Контакта, которой уже так давно не имел возможности пользоваться. А отсутствие практики в поддержании Шелдрейсовского Контакта — губительно! Я и так-то уже выбивался из последних сил, чтобы сохранить в себе эту способность связи с моим Шурой... Связи, которая не находила своего подтверждения!..

Да мало ли что могло случиться с Шурой?!.. А вдруг он упал от недоедания или еще от чего-нибудь?.. Упал, ударился головой и лежит сейчас в луже собственной крови и ни черта не слышит — ни русского, ни английского, ни Шелдрейсовского?!..

Нет, нет... Его нет в порту! ОН бы МНЕ ответил в любом состоянии. Он может не отозваться на призывы всех громкоговорителей мира; он — гордый, независимый и талантливый — может плюнуть в морду любому хаму-чиновнику; может разорвать многолетнюю дружбу с Человеком, совершившим, с его точки зрения, всего один, пусть даже небольшой, но предательский поступок; он запросто может ввязаться в любую драку с тремя «бычками», каждый из которых будет сильнее его в несколько раз... Он будет избит до полусмерти, но он никогда не будет обвинен в трусости и унижен! И я за шесть лет жизни с ним видел это много раз. А главное, ЕМУ известно, что ОН значит для МЕНЯ! Поэтому я точно знаю: если бы ОН был сейчас в порту, — МНЕ ОН БЫ ОТВЕТИЛ...

На доли секунды причудилось странное и страшное видение — зеленые-зеленые Люди...

Все в них было зеленым — туловища, ноги, лица, руки... Но руки были еще и в крови...

...и стоят они вокруг высокого узкого зеленого стола, покрытого зеленой скатертью... Или покрывалом?

...и там кто-то лежит... Кто это?.. Я не вижу лица... Оно закрыто... Только трубки, трубки — мягкие, извивающиеся, а по ним что-то течет, идет, движется куда-то...

...И много приборов вокруг... Как на Капитанском мостике.

А сверху — яркий-яркий свет!.. Он ослепляет меня... Я перестаю что-либо различать... ЭТО ТЫ, ШУРИК?..

Мой мозг заполняется настойчивым голосом Мастера: «Я жду тебя, Мартын... Возвращайся на судно... Мы завтра же поедем с тобой в Советс... Тьфу, ети их мать! В русскую миссию — мы найдем твоего Шуру!.. Обязательно найдем. Только вернись!.. Ты помнишь, где мы стоим? Четвертый контейнерный... А завтра разыщем твоего Плоткина, и... Ты не забыл, что мы хотели еще втроем немного выпить — ты, я и твой Шура?.. Я тебя очень прошу, вернись, Кыся...»

Меня так встревожили и поразили интонации Мастера, что чуть глотку не перехватило... Совсем слабак стал! Я проглотил подступивший к горлу комок и огляделся.

Конечно, я находился уже черт знает на каком расстоянии от нашего четвертого причала! В своих метаниях по порту, в истерических поисках Шуры я не замечал ни направления, ни расстояний, ни времени... Только сейчас я увидел, что повсюду уже горят фонари и прожекторы, пришвартованные суда игрушечно сверкают светом иллюминаторов, а небо стало темно-фиолетовым. По запахам я сообразил, что нахожусь рядом с какой-то портовой харчевней, около которой росли три чахлых, промерзших деревца без единого листочка.

Вот когда я понял, что сегодня Шуру мне уже не найти. Я переключился на Шелдрейсовскую волну Мастера и сказал ему: «Я все слышал, Мастер... Я просто не мог ответить. Мне тошно так, что и не высказать! Полный завал... Ощущение, что я приплыл в пустоту. И я сегодня ночью хочу побыть один. Простите меня, Мастер».

Мне подумалось, что раз я в этот момент нахожусь не на судне, то мне не нужно спрашивать у него на это разрешения. Здесь, на земле, я волен распоряжаться собою сам. Помогите мне, Господи, делать это как можно правильней!..

«Но завтра ты придешь?» — спросил меня Мастер.

Я вдруг явственно увидел то, что пару раз уже видел — и в Английском порту Абердин, и в Канадском Сент-Джонс. Я увидел, как Мастер с кем-то болтает по-английски, с кем-то — по-русски, отдает различные приказания, бегло просматривает документацию, подписывает кучу бумаг, проверяет, как идет разгрузка контейнеров, отвечает на сотни вопросов команды, Помощников, Представителей порта, фирмы, с кем-то о чем-то договаривается...

А сам мысленно, по-Шелдрейсовски, по-нашему, я бы даже не побоялся сказать — по-Животному, хрен знает через какое расстояние разговаривает со мной!

Сильный и умный КОТОЧЕЛОВЕК, с которым я, к сожалению, был так мало знаком и вынужден так быстро расстаться...

«Завтра я обязательно приду попрощаться, — сказал я. — И поблагодарить. Для моей благодарности вам, Мастер, у меня вряд ли хватит слов, но...»

«Мне не нужна твоя благодарность, — прервал меня Мастер. — Мне нужен ты. Приходи».

И Мастер от меня отключился. Будто положил телефонную трубку.

Не скрою, отключился и я. Чуть ли не в прямом смысле слова: такая усталость вдруг на меня навалилась, такое тупое оцепенение, что мне ничего не оставалось делать, как подогнуть дрожащие задние ноги и усесться на собственный хвост. Из меня будто воздух выпустили, так я вымотался — и физически, и нервно.

А из харчевни — разные съедобные запахи, и двери открываются в обе стороны — куда толкнешь. Я такие в Германии видел. И жрать абсолютно не хочется, хотя и понимаю, что подкрепиться я просто обязан, иначе вообще протяну лапы.

Встать же на все четыре лапы и войти в харчевню начисто нету сил. Ну, не оторвать задницу от холодного асфальта — и все тут!..

В это время из-за угла харчевни прямо на меня выворачивается этакая довольно крупная грязная и лохматая Псина и с диким лаем бросается ко мне!

Однако я успеваю заметить, что бросается Псина не с большим запасом храбрости. И поэтому с места не двигаюсь.

Псина припадает к земле на передние лапы в метре от меня и гавкает как ненормальный. А у меня, честно признаться, нет даже сил разогнуть задние лапы и встать в боевую стойку...

Как когда-то говорил Шура: «Об убежать — вообще не могло быть и речи...»

И вот этот мудака гавкает, я сижу сиднем и отчетливо понимаю, что, если я сейчас хоть что-нибудь не предприму, этот грязный и лохматый дурак осмелеет и может здорово меня тяпнуть...

Но от дикой усталости в голову мне ничего не приходит, и я вдруг, совершенно неожиданно для самого себя, говорю этому идиоту по-нашему, по-Животному:

— Слушай, у тебя пожрать нечего? А то я совсем без сил...

Пес на мгновение балдеет от моей наглости, а потом очухивается и орет хамским приклатненно-хрипловатым голосом на весь порт:

— Ты сюда жрать пришел, Котяра вонючий?!.. Да я тебе пасть порву!!! Ты у меня счас отсюда без хвоста кувыркаться будешь!.. Это кто же тебе разрешил появиться у кормушки старика Кана?! Я два года контролирую эту точку, а тут является какой-то задроченный Кот и...

— Ну, чего ты разгавкался? — говорю я вполне мирно, но чувствую, как у меня на загривке начинает вставать шерсть дыбом. — Я ваших порядков не знаю, я — иностранец...

— Нашел, чем хвастать! — лает этот кретин. — Ты в Америке, засранец! Здесь все иностранцы!.. Все — эмигранты! А вы едете и едете сюда к нам, сволочи!!! Вы что думаете — здесь сосиски на каждом углу валяются?! Добро бы Собаки ехали, а то, глядите, — еще и Коты со всего мира поперли!.. Скоро продыху от вас не будет!..

Тут я вспомнил, как в Мюнхене Таня Кох как-то цитировала одного русского писателя, живущего в Германии много лет. Он, по словам Тани, говорил: «Нет более страшного врага для эмигранта-новичка, чем эмигрант со стажем, приехавший сюда на несколько лет раньше...»

Вспомнил я эту цитатку и чувствую — верхняя губа сама собой поднимается, уши прижимаются к затылку, в лапы вливается невесть откуда взявшаяся мощь и упругость, и тело становится легким и сжатым в комок. Ну, как обычно у меня перед генеральной дракой.

Но я все еще себя сдерживаю... Вернее, пытаюсь сдерживать и говорю этому шлемазлу подрагивающим от напряжения голосом, тщательно стараясь придать голосу спокойные модуляции:

— Ты бы уж так не надрывался, Песик. А то ведь недолго и по рылу схлопотать.

Этот дурак не врубается в то, что я говорю, принимает дрожь моего голоса за проявление испуга, смелеет и с диким криком: «Разорву падлу!..» — бросается на меня.

Ну и, естественно, тут же получает серию ударов когтями по харе — раз, два, три, четыре!..

От неожиданности и боли Пес переворачивается через голову и с воем, срывающимся в обиженный визг, отлетает в сторону.

Я уже собираюсь было войти в харчевню, в расчете на то, что уж там этот «боец» не посмеет продолжить драку. А я смогу, потеревшись о чьи-нибудь ноги, спокойненько стяжать себе чего-нибудь съестного. Но не тут-то было...

На вой этого обалдуя, откуда ни возьмись, мчится такая же беспородная, разноликая и грязная «Собачья свадьба».

Сейчас я попытаюсь объяснить, что это такое.

Так как Собаки, за очень редким исключением, в большинстве случаев — скопище кретинов, подхалимов и тупиц, не умеющих даже нормально трахнуться, то собирается компания, примерно шесть-семь разнокалиберных Псов-Кобелей, и начинает бездарно, по многу часов бегать за ОДНОЙ грязнулей Сучкой, которая, опустив голову к земле и делая вид, что она там чего-то отыскивает, неторопливо убегает от этой унылой своры Кавалеров-Теоретиков.

Кавалеры же — от Кобелька-самосерьки, величиной с пивную бутылку, до провонявшего помойками Дворняга ростом с теленка — сутки покорно бегают за Сучкой, считая за счастье, когда кому-нибудь из них удастся понюхать у нее под хвостом!

Я вообще удивляюсь — как это у них еще Щенки рождаются...

Это вместо того, чтобы прихватить эту Суку за шкирятник клыками, притиснуть, чтоб и не шелохнулась, и оттрахать за милую душу. Да так, чтобы потом она за тобой полгода бегала!

Короче, «Собачья свадьба» — зрелище жалкое и комическое. Со стороны смотреть — обхохочешься!..

Но когда на ТЕБЯ летит вот такая «Собачья свадьба», распаленная несостоявшейся сексополовухой и исконно-посконной жлобской ненавистью ко всему Котово-Кошачьему роду, а впереди всех мчится на ТЕБЯ грязная Сука с отвисшими сосками от еще недавних родов и собственной Сучьей злобой задает тон остальным своим Ухажерам-Дилетантам, — тут, извините, не до смеху. Не до хохоту.

Сами понимаете, что, когда вся эта сексуально озабоченная блохатая компашка примчалась на выручку отлупленного мною Пса, я уже сидел высоко-высоко на дереве. Это же счастье, что кто-то эти деревья когда-то сюда посадил!..

Скопище Собак-дебилов обступило мое дерево, задрало свои морды вверх и, пронзая меня злобными взглядами, подняло жуткий гвалт, неся меня по всем кочкам. Причем лаяли они нормально — по-Животному, но с абсолютно разными акцентами: преобладал (как я уже потом понял...) испанский. Был и венгерский, и польский, и болгарский, и турецкий, и еще — черт знает какой!..

Воспользовавшись суматохой и полным переключением внимания всей своры с половых проблем на меня, самый маленький Кобелек-самосерька попытался втихаря совершить половой акт с коленным суставом задней левой ноги Суки. Выше он не доставал... Но Сука повернулась, злобно щелкнула у него над башкой зубами, и кобелек немедленно задрал морду вверх и влил свой визгливый лай в общий хор. Сделал вид, что тоже очень, очень возмущен моим присутствием на дереве, в порту, вообще — в Америке!..

Дверь заведения старика Кана распахнулась, и из харчевни в потоке теплого и вкусного воздуха на вечерний холод вышел маленький Мальчик лет десяти с дивно пахнущим гамбургером в руке. Одет он был, как и все мальчишки его возраста в Европе, что в Мюнхене, что в Петербурге, лишь в до половины зашнурованные старые, разбитые кроссовки типа ботинок, джинсы «на вырост», с мотней, болтающейся чуть ли не у колен, стеганую куртку размера на три больше, чем нужно, чтобы свободно прятать руки в рукава, что сейчас невероятно модно у них. И конечно же, из-под куртки — подол свитера, а уже из-под свитера — низ рубашки!

Ну и, естественно, традиционный рюкзачок за плечами.

Все, как у всех... Оказывается, во всем мире.

Я так подробно описываю, как выглядел этот Мальчик, по двум причинам...

Во-первых, теперь, сидя на дереве, когда мне уже ничего не угрожало, а на этих лающих внизу кретинов я мог, извините за выражение, «хвост положить», я получил возможность внимательно разглядеть маленького Человека с гамбургером. За последнее время я вообще заметил в себе какой-то странный, повышенный интерес к Котяткам. Невостребованное отцовство, что ли?..

А во-вторых, что-то мне подсказывало, что именно с этим Котен... Тьфу, черт!.. Именно с этим Мальчиком судьба свяжет меня надолго и прочно. Откуда это взялось — понятия не имею!.. Уж если Мастер не может толково объяснить подобные ощущения предвидения, то я и братья не буду. Или ОНО есть, или ЕГО нет.

Итак, Мальчик...

Мальчик проследил за злобными взглядами всей Псиной своры, увидел меня на дереве, улыбнулся мне и приветливо помахал рукой.

Почувяв божественный запах гамбургера, портовая компания секснечей и половонеобученных болванов на мгновение заткнулась и перевела жадные, попрошайнические глаза с меня на Мальчика. Вернее, на его гамбургер. У всех, как по команде, из пастей, будто из кранов, потекла слюна...

— Идите, идите, — вполне миролюбиво сказал им Мальчик по-английски. — Вы тут день и ночь ошиваетесь. Это не для вас. Это вон для того Котика, которого вы загнали на дерево.

Мальчик поднял голову, снова поманил меня рукой и так же, по-английски, обратился ко мне:

— Не бойся. Слезай, слезай, Кыся. Я — с тобой.

Клянусь вам чем угодно, слово «КЫСЯ» в английской фразе Мальчик произнес совершенно по-русски!!!

Как только Псы поняли, что гамбургер им не обломится, а, вполне возможно, будет съеден вон тем «омерзительным Котярой, который сейчас сидит на дереве», поднялся такой вой, такой лай, такое рычание, что я просто дико испугался за Мальчика!

Я уже видел, как Сука и еще парочка Кобелей покрупнее стали просто-напросто подступать к Мальчику с явно гнусными Собачьими намерениями. «Ну уж дудки!..» — подумал я, как обычно говорил и думал Водила, и стал незаметно для Псов спускаться с дерева, чтобы в нужный критический момент спрыгнуть всеми своими когтями на голову самого здорovenного и отвратительного Пса. Не оставлять же Мальчика в такой ситуации...

Но я и тени страха не увидел на лице маленького Мальчика.

Мальчик как-то очень уж нехорошо ухмыльнулся, сунул гамбургер в большой отвисший карман куртки, а оттуда выхватил черную металлическую трубку длиной и толщиной в мой хвост.

Он резко встряхнул трубкой, и из нее выскочило еще несколько таких трубок — одна другой тоньше! В руках мальчика моментально оказался упругий стальной прут длиной уже в пять моих хвостов.

У нас дома, в Ленинграде, у Шуры Плоткина была старая медная подозрная труба. Купил по пьяни в какой-то комиссии-онке... Так вот она тоже так выдвигалась, как этот стальной прут Мальчика. Из короткой становилась длинной.

Но самый большой и грязный Пес, на которого я уже нацелился, оказался еще и самым глупым Псом. Он не понял грозящей ему опасности и рванулся к Мальчику.

Честное благородное слово, я даже не сумел заметить, когда Мальчик взмахнул своим оружием!..

Я только услышал хлесткий звук удара, услышал визг Болонки из пасти огромного, злобного Собака, который только что лаял басом, и увидел, как тот покатился по земле, зажимая передними лапами свою окровавленную морду!..

А еще я услышал, как маленький американский Мальчик вдруг на чистейшем русском языке прокричал всей Собачьей своре:

— Ну что, бляди сраные?! Суки позорные!.. Сявки парашные!.. Кто еще хочет, шестерки подлючие?! В рот вас...

Произошло невероятное! Маленький, на вид — десятилетний, Мальчик рванулся к стае Собак и стал жестоко исхлестывать стальным прутом длиною в пять моих хвостов всю злобную Собачью свору, изрыгая такие чудовищные русские слова,

которые я никогда не слышал ни от пьяного Шуры, ни от разъяренного Водилы, ни от кого бы то ни было в России! А уж у нас на пустыре Мужики иногда так выражались... Но до этого Мальчика им было так же далеко, как от Европы до Америки.

Грязный, тюремно-непристойный российский мат стоял в холодном воздухе Американского морского торгово-грузового порта «Элизабет» в Нью-Джерси!

Чудовищная матерщина, исторгаемая слегка охрипшим от злости и напряжения нежным мальчишечьим голосом, произвела даже на меня неизгладимое шокирующее впечатление. А уж я в своей жизни наслушался всякого.

Панический визг и лай разных Собачьих голосов слился в единый жалобный вой. «Собачья свадьба» улепетывала в разные стороны, уже не помышляя ни обо мне, ни о гамбургере, ни тем более о каких бы то ни было сексуально-половых играх в своем смехотворном Собачьем стиле...

— Вот так-то, котик, — по-русски сказал мне этот отважный Мальчик, стирая со своего страшного оружия кровь и клочья Собачьей шерсти бумажной салфеткой от гамбургера. — Не ты их, так они тебя... Здесь только разинь варежку! Вмиг схарчат и не подавятся...

Этот маленький виртуоз российского мата и блатного жаргона вдвинул все пять трубок одну в другую, и убийственный стальной хлыст сразу же превратился в короткую невинную трубку величиной с мой хвост. Он сунул ее в карман куртки, а оттуда вытащил чуть примятый, надкусанный гамбургер. По-братски разломил его пополам и одну половинку протянул мне:

— Слезай, слезай!.. Ой, ты же по-русски не тянешь, а я... — спохватился Мальчик и повторил уже по-английски: — Давай, давай, спускайся... Тебе помочь?

— Не нужно, — сказал я ему и прыгнул с дерева.

Мальчик секунду ошеломленно смотрел на меня, держа в каждой руке по половинке надкусанного гамбургера.

Каждый из Людей, с которыми я когда-либо решал войти в Шелдрейсовский Контакт — при длительной ли подготовке, как с Водилой, или при внезапном, мгновенном решении, как с Мастером, — все они начинали с того, что любое, первое же слово, которое я ПРОИЗНОСИЛ, они или не воспринимали вообще, или им начинало казаться, что они ОСЛЫШАЛИСЬ.

Из чего я заключил, что взрослые, нормальные Люди самого разного возраста, уровня развития и достатка настолько пришиблены и подмяты обыденной реальной жизнью, что в ЧУДЕСА не верят и верить не хотят.

За очень редким исключением. Вроде Фридриха фон Тифенбаха. Но Фридриху уже далеко за шестьдесят, что, несомненно, приближает его к кое-каким особенностям детского восприятия мира... Хотя нужно сказать, что Фридрих — существо вообще уникальное! Несмотря на свое богатство и принадлежность к древнейшим родам Германии, Фридрих фон Тифенбах просто необходим Человечеству, как некий символ УМА и ПОРЯДОЧНОСТИ!

Ребенок же... Вот, пожалуйста, — живой пример!..

А этот ребенок, этот маленький Мальчик, судя по тому, КАК он вел себя в бою с Собаками, и по тому, ЧТО он им кричал, прошел, как говорил Водила, «огонь, воду и медные трубы».

Что это, Водила не сумел мне объяснить, но я и сам допер — «житуха не из простых и легких».

Так вот, этот ребенок, этот Мальчик сразу же откликнулся на мой зов! Сразу сообразил, что я обращаюсь именно к нему. И сразу же с распахнутым сердцем потянулся ко мне. Он тут же поверил в РАЗГОВАРИВАЮЩЕГО КОТА!!!

Обнаружив, что на свете может быть и ТАКОЕ, он пришел в неопикуемый восторг. В его глазах сверкало искреннее и доверчивое детское восхищение, а рот сам по себе радостно растягивался от уха до уха.

А я смотрел на него и был потрясен этой метаморфозой! Так говорил Фридрих фон Тифенбах...

Будто бы это вовсе и не он, этот маленький Мальчик, минуто тому назад, рискуя жизнью, встал на мою защиту и отважно сражался с несколькими охреневшими от ярости Псами; будто не он только что грязно и ужасно матерился очень-очень «взрослыми» словами...

Сейчас это был РЕБЕНОК, который не мог оторвать от меня сияющих и счастливых глаз!

— Ты... Ты!.. ТЫ — ГОВОРЯЩИЙ КОТ?!! — слегка заикаясь, спросил он.

— Нет. Я — ДУМАЮЩИЙ, — ответил я ему. — Давай сюда свой гамбургер!..

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах... —

часто бормотал мой Шура Плоткин, бесцельно сидя за пишущей машинкой и глядя в потолок.

Обычно это случалось на следующий день после очередной кухонной или «Домжуровской» поддачи или после долгих и изнурительных проводов какой-нибудь барышни, ночевавшей у нас и совершенно не желавшей утром покидать нашу квартиру.

Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит... —

бормотал Шура, и я каждый раз знал, что произойдет дальше.

Шура должен был откинуться, перенести весь свой тощий вес на две задние ножки старого стула с дряхлой подушечкой под Шуриной задницей, покачаться на этих задних ножках, закинуть руки за голову, тупо посмотреть на чистый лист бумаги, заправленный в пыльную машинку, и горестно признаться:

— Ах, Мартын-Мартышечка... Интеллигентское распиздяйство к добру не приводит. Очеркишечко-то (статейку-то, заметочку-то, рассказик-то...) завтра уже в редакцию волоочь. А головка — бо-бо, и денежек у нас в доме... сам понимаешь — тю-тю.

— Только без трагедий! — говорил я самым жестким тоном. — У меня есть хек, у тебя — полпачки пельменей. Выпусти меня и садись работать. И чтобы у нас сегодня вечером ничего не было! Вернись — проверю.

Я уходил из дому на целый день, возвращался запоздно — очерк был готов. При всех своих Человеческих слабостях, Шура был сильной Личностью!

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах...

Это я так часто слышал, что поневоле запомнил эти строчки. И как-то решил попробовать яблоки на зуб. Должен признаться — не понравились. В отличие от оливок и маслин, за которые я, по выражению Шуры, «мог продать план родного завода»!

— А откуда ты знаешь эту песню? — спросил меня Мальчик.

— Какую еще песню? — удивился я.

— Ну, вот эту: «Мы ехали шагом, мы мчались в боях...»

Я чуть не подавился остатками гамбургера!

Ничего себе КОНТАКТИЩЕ!!! Это что же — он МОИ мысли читает?!.. Не Ребенок, а просто Рождественский подарок мистеру Ричарду Шелдрейсу!

— Это не песня, — назидательно сказал я. — Это стихи.

— Песня, — уверенно возразил мне Мальчик. — Ее Никитины поют. Такие — тетка с дядькой и с гитарой. Так тихо поют, но отпадно!.. Они к нам в колонию приезжали петь.

— В какую еще «колонию»? — не понял я.

— В обыкновенную, — отрезал Мальчик. — Лезь в рюкзак!

— Зачем?

— Нам знаешь сколько в автобусе ехать? Потом столько же на метро. А в автобусы и метро с животными даже в клетках и то — запрещается! Так что залезай, не гордись.

— А куда мы поедем?

— К нам. В Квинс.

— Но мне завтра с утра нужно опять быть в порту...

— Мне тоже, — сказал Мальчик. — Вместе и поедем. Залезай в рюкзак. Или ты хочешь, чтобы тебя здесь портовые Собаки разорвали?

— Нет, не хочу. Ты мне так и не объяснил, что такое «колония»...

— Ты залезай в рюкзак, по дороге и поговорим...

Историйка была, как сказал бы Шура, — «я тебе дам!..»

Я попробую коротко пересказать ее своими словами. Мальчик рассказывал ее часа два. Рассказывал сбивчиво и неохотно, а в одном месте, когда мы уже на Сорок второй улице пересаживались с автобуса на метро, даже немножко поплакал — незаметно для окружающих...

Начнем с того, что с определением Человеческого возраста у меня вечные пролеты: Мальчику оказалось не десять лет,

как я предполагал, а почти двенадцать. Просто он был худенький и совсем небольшого роста.

Еще два с половиной года тому назад, в Москве, его звали Тимур Зайцев и он жил с мамой на Васильевской улице, по той стороне, где Чешское посольство, но в старом доме, в однокомнатной квартире.

И с ними жил еще дядя Витя Кияшко. Он был не отчимом Тимура, а «сожителем» Тимуровой мамы. Отца у Тимура вообще никогда не было.

Дядя Витя охранял пункт обмена валюты на Белорусском вокзале, и у него был настоящий пистолет Макарова. В минуты особого трезвого благодушия дядя Витя разряжал пистолет и давал его Тимур поиграть.

А когда дядя Витя не работал, они с мамой Тимура все время выпивали. И когда делались совсем пьяными, дядя Витя начинал бить маму Тимура — почему она его не прописывает в этой квартире?!.. Перепадало и Тимур. То от мамы, то от дяди Вити.

И один раз Тимур убежал из дому к маминой сестре — тете Зине, которая жила в Нарофоминске.

Побыл там два дня, а потом тетя Зина повезла его обратно в Москву, на Васильевскую. И привезла как раз тогда, когда в квартире была уже милиция и «Скорая помощь».

Оказалось, что, пока дядя Витя был на своей работе, мама сама напилась и уснула. А уже во сне захлебнулась своей же рвотой.

Похоронили маму на совсем новом кладбище — очень далеко от Москвы. От центра чуть ли не полдня добираться.

И девятилетний Тимур Зайцев остался жить с дядей Витей Кияшко, которого за доллары все-таки прописали в этой квартире. Как сказал Тимур — «задним числом». Что это — я не понял.

Стал дядя Витя приводить с Белорусского вокзала всяких женщин и делать с ними сами понимаете что. Бросят в кухне матрас на пол для Тимура, закроются в комнате — и начинают!..

Дядя Витя и опекунство над Тимуром на себя оформил. Тетя Зина добровольно отказалась. Своих детей двое.

А один раз дядя Витя пришел домой уже пьяный. И без женщины. Увидел, что Тимур съел остаток супа из кастрюли,

содрал с Тимура штаны и давай хлестать его ремнем по голой попе!

Но Тимур словечка не вымолвил — не хотел унижаться. Хотя боль была очень сильной и крик так и рвался из глотки. А дядя Витя все хлестал и хлестал! Да сам так распалился, что стал рычать по-звериному, а потом...

Вот тут Тимур и заплакал.

Слава Богу, мы уже вышли из автобуса. Это была конечная остановка — Центральный автобусный вокзал. И мы вышли в жуткую толчею, и никому до нас не было дела, и я краем глаза видел из рюкзака такое количество Черных Людей, какого я никогда не видел во всей Германии и России, вместе взятых!..

Мы зашли за угол какой-то китайской будки, торговавшей горячей жратвой, и Тимур там еще немножко поплакал. Потом мы спустились в ужасно грязное и мрачное метро и поехали в Квинс...

Короче говоря, этот дядя Витя Кияшко сделал с девятилетним Тимуром то, что он делал со взрослыми женщинами. Только в попу.

Это был ТАКОЙ КОШМАР, ТАКАЯ БОЛЬ, что тут Тимур не выдержал и закричал! Но дядя Витя зажал ему ладонью рот и сделал ЕЩЕ БОЛЬШЕЕ!

И тогда Тимур потерял сознание.

...А когда очнулся — увидел храпящего во сне дядю Витю Кияшко, увидел свои окровавленные ноги, почувствовал страшную, жгучую боль сзади и с трудом натянул на себя штаны.

Встать он не смог. Ноги подламывались, руки тряслись, каждое движение усиливало ТАМ дикую боль, тошнило, раскалывалась голова.

Тимур на четвереньках дополз до кресла, где валялись вещи дяди Вити, вытащил из кобуры пистолет, снял с предохранителя, дрожащими руками оттянул кожух и загнал патрон в ствол.

Вот когдагодились игры с пистолетом дяди Вити в минуты его благодушного настроения!..

На коленях Тимур подполз к тахте, на которой храпел дядя Витя, и выстрелил ему прямо в лицо.

Пистолет сам выпрыгнул из рук Тимура и с глухим стуком упал на пол. А дядя Витя дернулся и захрапел еще сильнее. В горле у него что-то заклокотало, и Тимур увидел, что у дяди Вити нету почти половины лица. Одно кровавое месиво...

Но дядя Витя храпел так громко и так страшно, что Тимур двумя руками поднял пистолет с пола, и стал стрелять в это бывшее лицо, пока дядя Витя не перестал храпеть, а в пистолете не кончились патроны.

...Потом была «колония». Это как тюрьма, но только на свежем воздухе. Про тюрьму Шура Плоткин когда-то писал статью и одно время там часто бывал. А когда возвращался домой, хватался за голову и очень многое мне рассказывал. И лицо у него при этом было такое, будто у него болят все-все зубы!..

Так как Тимур Зайцеву было только девять лет, его не судили. Отправили в «колонию». Но не во всамделишную, а в «Дом-интернат для трудновоспитуемых детей». Это под Москвой — между Тарасовкой и Челюскинской. У бывшего поселка «Старых большевиков».

Вообще-то там было все как в настоящей тюрьме или колонии. Только охранники назывались «воспитателями». И пацанов заставляли учиться в школе. Но школа была тоже тюремного типа, а учителя почти все — суки. Кроме двух-трех, которых потом и выгнали за это.

Среди пацанов — от восьми до четырнадцати — порядки были еще хуже, чем в тюрьме или «взрослой» колонии. У взрослых хоть «паханы» есть... «Авторитеты», «воры в законе». Они порядок соблюдают, и все вокруг них живут по их правилам.

А у пацанов — беспредел! Каждый хочет быть «крутым», малолеток «опускают» — ну, то есть делают с ними всякие гадости...

Но Тимура там никто не трогал и не обижал.

Тимур Зайцев «чалился» по «тяжелой статье» — за умышленное убийство, и пацаны его за это уважали. А старшая «крутизна» даже подкармливала и защищала, если какой-нибудь «бык» из новеньких вдруг начнет «возникать». Но и самому иногда приходилось отмахиваться!..

И Тимур показал мне шрам на правой брови. Почти такой же, как у меня и у Мастера.

А в один прекрасный день начальство вдруг забегало со взмыленной жопой, затеяло жуткую «понтяру»! Заставили пацанов весь дом выскрести, вычистить, вымыть, покрасить... Дорожки вокруг дома желтым песком посыпали, края дерном обложили... Ну, цирк!

Повели пацанов в баню, подстригли, отмыли, переодели во все чистое и новое и сказали, что завтра утром к ним придет делегация американской полиции. И чтоб никто особо рот не раскрывал, а то американцы улетят, а вы здесь останетесь. Намек поняли?..

Утром на территорию «Дома» вкатилось с десяток черных «Волг», и наши мудаки из МВД были все, конечно, в форме, а американцы в гражданском. Такие обыкновенные толстые высокие дядьки и тетки средних лет. Причем и белые, и черные. А наши — только белые.

Но одна американская полицейка была моложе всех, и не белая, и не черная. Просто — будто сильно загорелая. Но красивая. Фигура — отпад! Старшие пацаны глаз с нее не сводили.

А переводчик только один. И ему никак не разорваться. Хорошо еще, что доктор Хотимский Сергей Яковлевич немного по-английски кумекал.

Он был еврей и хороший. Жил в соседнем флигельке для вольнонаемных. С женой и дочкой Машей. Ей тоже было девять лет. Сейчас они в Израиле...

Так вот, эта молодая, красивая, загорелая полицейка подвела Сергея Яковлевича к Тимуру, и Сергей Яковлевич ей все про Тимура рассказал.

Когда эта полицейка узнала, что у Тимура никого нет, она через Сергея Яковлевича спросила — не хочет ли Тимур уехать в Америку?

А Тимуру было все по херу — хоть в Рязань, хоть в Америку. Лишь бы отсюда вырваться.

Через того же Сергея Яковлевича полицейка рассказала Тимуру, что ее зовут Рут Истлейк, ей тридцать один год и у нее недавно умер муж. Был патрульным полицейским. Спокойненько сидел в машине и разговаривал по радио, а тут разрыв сердца. И все. Они десять лет жили, и детей у них не получалось. И ей одной очень скучно. И если Тимур согласен...

На том и расстались.

А через месяц Рут Истлейк снова прилетела в Москву, куда-то заплатила пятнадцать тысяч долларов, которые они с мужем копили на отдельный домик, усыновила Тимура сначала на Московской территории, а потом, когда прилетели в Нью-Йорк, то и здесь намудожалась с разными документами. Хоть и работает в полиции. Поэтому теперь он — Тим Истлейк, а не Тимур Зайцев.

— Сейчас я тебя с ней познакомлю, — сказал Тимур. — У тебя как с английским?

— Нормально, — ответил я.

— Ой, а чего это я спрашиваю?!.. Я же с тобой говорю... — растерянно спохватился Тимур. — Слушай, а как я с тобой говорю? По-какому?..

— По-Шелдрейсовски.

— Это как?..

— Потом объясню. Будешь представлять меня — скажешь, что меня зовут Мартын. Можно просто — Кыся. И что я русский.

— Так ты еще и русский?!.. Ну, везуха! — радостно закричал Тимур на весь вагон по-русски.

Редкие сонные пассажиры разом открыли глаза и повернулись к нам, услышав незнакомый язык. Но, наверное, сочли Мальчика сумасшедшим, потому что он кричал это никому. Всего лишь в свой чуть приоткрытый рюкзак, который лежал у него на коленях.

— А откуда? — спросил меня Тимур. — Не москвич?

— Петербуржец, — ответил я из рюкзака.

— Отпад!.. — восторженно сказал Тимур, встал и повесил рюкзак на одно плечо. — Ну, Кыся, по весу ты просто — Майк Тайсон!

Я слегка выглянул из рюкзака. Тимур увидел, что я вынул голову наружу, и одобрительно сказал:

— Давай, давай, крути башкой! Запоминай. Мало ли что... Шестьдесят седьмая авеню. Квинс. Я тебе потом план покажу...

Когда-то в Германии — с семейством Шредеров и Манфреди, а потом и с Фридрихом фон Тифенбахом — мы часто смотрели по телевизору теннис. И я, волей-неволей, узнал всех «звезд» — и американцев Андре Агасси, и Пита Сампраса, и Джима Курье, и Майкла Чанга... Короче говоря, всех! Но для меня, как для русского Кота, на первом месте стоял, конечно, наш Кафельников.

Но в Германии был теннисист, которому поклонялись все немцы. И не только немцы. Такой рыжий парень — Борис Беккер.

Помню, все киевские Коты и Кошки, эмигрировавшие в Мюнхен по «еврейской линии», обычно до хрипоты спорили — еврей ли Беккер, или нет? И в конце концов сходились на том, что «звезда» мирового тенниса Борис Беккер — несомненно еврей!

— Вы его маму видели? Вчера показывали по «Евро-спорту»... Типичная Хайка с Подола! Только причесана и одета во что надо.

— А папа Бори?!.. Папу вы заметили? Он же вылитый Изя Майзель, который жил с нами еще в «Хаймухе»! Ну, хозяин Мурзика!.. Мурзик! Что ты молчишь, что?!.. Отец Беккера похож на твоего Изю?

Мурзик — старый, толстый, обожравшийся киевский Кот — нехотя говорил:

— Ну, есть небольшое сходство... Есть. В конце концов, все евреи похожи друг на друга. А шо такого?..

Лично мне, как питерскому Коту, на это было абсолютно наплевать. Но Беккер действительно был одним из лучших в своем деле на всем земном шаре.

И все немецкие газеты и телевизионные программы кричали про него что вздумается. Лишь бы имя упомянуть! Фотографии разные печатали, за которые иногда фотографу не грех было бы и рыло начистить...

Так вот, у Бориса Беккера была жена — Бабс. С темным цветом кожи. Казалось бы, что тут особенного? Все равно, как если бы я влюбился в Сиамскую Кошку. Просто другая

порода. Но многие журналы и газеты сильно упражнялись по этому поводу.

А мой Фридрих фон Тифенбах, глядя однажды на экран телевизора, где показывали Бориса с женой Бабс, тихо и горестно мне сказал:

— Вот, Кыся, пример не только спортивного, но и гражданского мужества. Это все вранье, что мы, немцы, вытравили из себя расизм. Мы его упрятали до поры до времени поглубже. А он нет-нет да и выплеснется из нас зловонными брызгами!..

И Фридрих прочитал мне заметку из «Бильда», где описывается попытка взорвать тоже очень симпатичную полунегритянку — телевизионную «звезду» Арабеллу. Только потому, что она не чистокровная немка.

Но когда Тимур открыл своим ключом дверь квартиры и навстречу нам вышла его американская полицейская мама — в джинсиках и какой-то широченной домашней кофте без воротника, — я малость прибалдел!..

Я видел в своей жизни много красивых Женщин — и белых, и не совсем... К примеру — та же Бабс Беккер или эта теле-Арабелла!.. Они по-Человечески были очень даже красивыми и симпатичными.

Но пусть они заранее меня простят — все они, и белые, и темные, ни в какое сравнение не шли с Тимуровой мамой!

Сужу об этом не со своих Котовых позиций, а пытаюсь посмотреть на нее глазами нормального Мужика. То есть оценить Женщину по ее чисто Человеческим параметрам. Мне это иногда удается...

Так вот, возвращаясь к своему прибалдевавшему состоянию, спешу сообщить, что таких красивых Женщин со смуглой кожей я и среди абсолютно белых не видел. И честно признаюсь, тут же подумал о своем Шуре Плоткине. Вот бы ему такую...

— Привет, Ма! — прямо из двери заорал Тимур. — Не сердись, мы немножко задержались...

— Мистер Тим Истлейк, — со сдержанной яростью тихо произнесла полицейская Мама, — извольте немедленно посмотреть на часы!..

Тимур уже давно дрых без задних ног в своей комнате, взяв с меня слово, что ночевать я буду только у него, а мы

с Рут, абсолютно по-русски, сидели в кухне-столовой и трепались о том о сем, пока Рут не заметила, что у меня стали слипаться глаза...

После того как мы с Тимуром ввалились в квартиру в одиннадцатом часу вечера по нью-йоркскому времени, у нас с Рут не было Контакта всего первые десять минут. И то только лишь потому, что я сидел в рюкзаке, а Рут безостановочно крыла Тимура на чем свет стоит за то, что тот, задерживаясь в порту, не позвонил ей и не предупредил, что у него все в порядке и он скоро приедет домой.

С моей точки зрения, ругань была абсолютно справедливой. Судя по тому, как реагировал на это Тимур, он считал так же, как я. В качестве признания своей вины Тимур даже порывался чмокнуть Рут в щеку, чего мальчишки обычно делать не любят.

Я тихо сидел в рюкзаке, выставив наружу только один глаз и одно ухо, и ни во что не вмешивался. Хотя был целиком на стороне Рут. Уж домой позвонить мог бы, засранец!

Наконец Рут выдохлась.

Я почувствовал, что она неожиданно поняла всю бесполезность сиюсекундных педагогических упражнений, ибо голова Тимура сейчас забита чем-то невероятно важным для него и ничего извне Тимур достаточно четко воспринимать не может.

Тимур слишком был занят предстоящим знакомством ее со мной, и все гневные слова Рут, обращенные к нему, пролетали мимо него.

Рут это отчетливо просекла, сама поцеловала его куда-то в макушку, повернулась к огромному холодильнику, величинной со средний белый автомобиль, вертикально поставленный на задний бампер, и стала вытаскивать из него всякую разноцветную жратву.

Тут я на минутку должен отвлечься.

Я только что с легкостью употребил достаточно сложное, для любого другого Кота, техническое сравнение — «холодильник величиной с автомобиль»...

Каждый, кто читал первую и вторую части «Кыси» и сейчас читает третью, наверное, заметил, как за сравнительно короткое время со мной произошел ряд серьезных качественных изменений. Я стал гораздо более технически раскован. Попросту говоря, стал намного лучше петрить в разной технике. Особенно в автомобилях.

Из чего это складывалось? Конечно же, начало шло от Шуры Плоткина! От его всегдашнего неудовлетворенного желания иметь хоть какой-нибудь собственный автомобиль.

Идя рядом с Шурой по жизни, нога в ногу, в течение шести лет, я перенял начальные любительские и крайне неквалифицированные познания Шуры в автомобильных марках. Сами понимаете, ограниченные лишь советским автомобилестроением.

Затем второй этап моего автообразования — Водила. Профессиональный шофер-дальнорейсовик, с которым я пропутешествовал через всю Германию — от Киля до Мюнхена. Если, конечно, все, что с нами там случилось, можно назвать «путешествием»...

Третий этап — недолгая, но не менее яркая жизнь в Грюнвальде у Фридриха фон Тифенбаха, располагавшего одними из лучших автомобилей в мире. Уж на этих автомобилях я поездил!.. Я сознательно опускаю воспоминания о рыдване Эриха Шредера и Руджеро Манфреди. После «ролсс-ройса» Фридриха о древнем «опеле» Эриха и Руджеро как-то и вспоминать неловко. И даю слово, это не проявление пошлого снобизма, а трезвая оценка описываемого!..

Ну и конечно — общение с Капитаном-Александр-Ивановичем-Кэп-Мастером! Выход далеко за пределы достаточно узких автомобильных интересов, соприкосновение с неведомой доселе стороной Жизни и сопутствующей ей Техникей очень сильно раздвинули границы моих познаний.

Так что если я теперь говорю, что «холодильник был величиной со средний автомобиль, поставленный вертикально на задний бампер», — я очень точно представляю себе, о чем я говорю.

— Ма... Только не пугайся!.. — чуточку подрагивающим от волнения голосом начал Тимур. — Я хочу познакомить тебя с Мартыном. Это говорящий Кот...

— Поздравляю, — спокойно ответила Рут. — Завтра мы просто с утра смогаемся к моему психоаналитику и...

— Ма-а-а! — испуганно заорал Тимур. — Я клянусь тебе!.. Мартын, вылезай и скажи ей!.. А то она меня действительно завтра отведет к психиатру! А я это уже в России проходил — в интернате...

И при воспоминании об интернате злобно добавил по-русски в той же манере, в которой разговаривал с Собаками в порту:

— Ебать их всех в нюх, сук позорных!..

Тут я не выдержал, выпрыгнул из рюкзака и резко заметил Тимуру:

— Заткнись и не смей лаяться, как ханыга! Ты с матерью разговариваешь!..

Удивленная Рут смотрела на нас во все свои красивые глаза.

— Она по-русски не сечет, — успокоил меня Тимур и снова перешел на английский, но уже светским тоном: — Мартын, это моя мама — миссис Рут Истлейк. Мам, а это — Мартын. Русский говорящий Кот. Говорит на всех языках! Давай, Мартын...

Я быстренько прилизался, наспех привел себя в относительно пристойный, после рюкзака, вид и неожиданно для самого себя заговорил хоть и по-Шелдрейсовски, но до отвращения туповато-официозно:

— Здравствуйте, миссис Истлейк. Я настоящий русский Кот. Несмотря на то что по документам Германской авиакомпания «Люфтганза» и Санкт-Петербургского Котово-Собачьего отеля я числился как «Мартын фон Тифенбах», на самом деле я — Мартын Плоткин. Но вы можете называть меня просто Кыся.

Наверное, на меня подействовало еще и то, что я впервые в жизни разговаривал с Женщиной, служащей в американской полиции.

Мне жутко хотелось понравиться этой бабе, но я отчетливо понимал, что весь мой трюковой арсенал для произведения хорошего впечатления при первом знакомстве — от «задушевного» мурлыканья до идиотских прыжков вверх со всех четырех лап — способен поразить воображение только очень невзыскательных Типов. Здесь все эти штуки-дрюки не пройдут.

Наверное, еще одно обстоятельство сделало меня таким зажатым — это цвет кожи Рут Истлейк.

На расстоянии безумно легко чувствовать себя таким широким и либеральным (Шурино выражение...) интернационалистом, для которого цвет кожи или принадлежность к другой расе якобы не имеет никакого значения!

Хреновина все это. Имеет. Еще какое значение имеет.

Когда ты все видишь со стороны, то рассуждается легко и свободно — в силу полной безответственности. А при непосредственном и личном Контакте и Обоюдном участии в разговоре ли, в общем деле — поначалу тебе очень даже нелегко. Даже если ты искренний и подлинный интернационалист.

Тут закрадывается опасение, что по какому-то неясному признаку, по случайному слову, по неверно понятому взгляду тебя могут принять не за того, за кого ты хотел бы, чтобы тебя приняли. И это опасение невероятно сковывает!

Ты остаешься зажатым до тех пор, пока ИСТИННО не перестанешь замечать эту разницу — между собой и, предположим, той же Сиамской Кошкой. Или Длинношерстой Шильдпатт. Даже и не знаю, как это перевести на русский... Ну, у нее еще такая морда сплюснутая — блином. Как у монгола.

У Шуры был приятель — монгол-алкоголик, но жуткий делаешь! Он нам откуда-то иногда продукты доставал по дешевке. Так вот эта Шильдпатт — вылитый монгол! А шерсти на ней столько, что пока доберешься до нужного тебе места у нее под хвостом — пять раз вспотеешь и уже трахаться не захочешь!..

Может, оттого, что я впервые лично столкнулся, прямо скажем, с не очень белой Женщиной, я и представился ей так безлико и бездарно? Может, отсюда и вся эта скованность?..

Правда, это же дурацкое состояние у меня сразу же и прошло, как только Рут протянула мне руку и счастливо расхохоталась:

— Фантастика! Впервые вижу Кота, который так прекрасно знаком с работами доктора Ричарда Шелдрейса!.. Я не ошиблась?

Я так и присел на хвост! Вот это да!.. Какая грандиозная тетка... Ничего себе!.. Зажатости во мне — как не бывало!

— Точняк! — радостно подтвердил я. — Ну конечно, это все по Шелдрейсу! Мы и разговариваем сейчас по его методе.

дила мои усы.

Пахло от нее обворожительно! Какая Женщина! Вот встретить такую Кошку — и больше ничего в жизни не нужно....

— Но ты-то откуда про все это знаешь, Мартин-Кисья? — спросила она.

— Не так, мама! — огорчился Тимур. — Не «Мартин-Кисья», а Мар-ТЫН... Или — КЫ-ся. Попробуй еще разок, ма...

— О'кей, о'кей! Я денек потренируюсь и начну говорить, как Достоевский! Уж если я научилась понимать английский язык бухарских евреев, которые плодятся на моем участке, как кролики, то... Но вопрос... — Рут на мгновение запнулась и с трудом, но отчетливо выговорила: — Вопрос к Мар-ТЫНУ...

— Супер, ма! — гордо крикнул Тимур. — Потряс!..

Рут взяла меня за передние лапы и, глядя мне прямо в глаза, спросила:

— Так откуда же вы, уважаемый сэр, знакомы с трудами английского ученого Ричарда Шелдрейса — автора теории о возможных Телепатических Контактах между Животными и Человеком? Тем более что он англичанин. Ты кто? Внебрачный сын Президента России или младший любимый братишка Нового Русского мафиози, который послал тебя учиться в Кембридж? Или ты кончал Оксфорд?

— Нигде я не учился, и ничего я не кончал, — честно признался я. — Я даже не знаю, что это такое. До доктора Шелдрейса мы докопались вместе с моим Человеком — Шурой Плоткиным. На русский у нас была переведена только книжка «Человек находит друга» Конрада Лоренца...

— Так ты и Лоренца знаешь?!.. — потрясенно воскликнула Рут.

— Естественно!.. Но так как я читать не умею, мне читал вслух мой Шура. А доктора Шелдрейса он мне переводил с английского...

— Он говорит по-английски? — спросил Тимур.

— Говорит неважненько, а читает запросто.

— А где он сейчас? — поинтересовалась Рут.

— Не знаю, — ответил я, и меня вдруг пронзила такая печаль, что чуть слезы на глазах не выступили. — Он должен

был меня встретить, но... Может быть, с ним что-нибудь случилось? Мы так ждали друг друга...

Рут достала блокнот и карандаш:

— У тебя адрес его есть?

— Нет. Но его адрес есть у одного конгрессмена из Вашингтона — приятеля моего Старшего Друга из Германии Фридриха фон Тифенбаха. Может, слышали? Он старый и очень интеллигентный миллионер. Его все знают...

— Я, к сожалению, о нем не слышала, но убеждена, что его должны все знать! — уверенно подтвердила Рут. — Потому что интеллигентных миллионеров в мире можно пересчитать по пальцам на одной руке. Фамилию конгрессмена помнишь?

— Нет.

— Наплевать! Не расстраивайся. Завтра по нашим полицейским каналам мы найдем тебе твоего... Как, ты сказал, его зовут?

— Шура... То есть полное имя — Шура Плоткин.

— Он еврей?

— Да, а что?

— Тогда надо искать «Шнеера Плоткина». Или «Шмуля», или «Шлему». Многие евреи, переехавшие в Штаты, сразу меняют свои имена на чисто еврейские. В общине бухарских евреев — это как правило.

Я подумал, что мой Шура вряд ли переменит имя только из-за перемены страны. Шура есть Шура, и он всегда останется самим собой. Даже в общине бухарских евреев...

Но я тактично промолчал.

Хотя, с другой стороны, моя тактичность слегка попахивала предательством.

Поэтому я решил, что, когда мы поближе познакомимся с Рут, я ей обязательно об этом скажу! Или, если она сама познакомится с Шурой, она и без меня поймет про него все, что нужно.

— Тим, сынок, — молнией в ванную! Душ, пижама — и вернуться к столу. Легкая перекуска и немедленно в постель. Ясно? — распорядилась Рут.

— О'кей, ма. Мартын, ты спишь у меня! — бросил мне Тимур и поплелся в ванную комнату.

Было видно, что ребенок — совершенно без сил.

А что ты обычно ешь на ночь, мой дорогой КЫ-ся? — спросила меня Рут.

Спустя еще минут двадцать уже совершенно сонный Тимур, не найдя в себе сил даже допить стакан молока, чмокнул Рут, пожал мне лапу и, еле передвигая ноги, ушел к себе, повторив, что спать я обязан только у него. Мать рано утром уедет на работу, а у нас с ним еще куча совместных дел...

Когда почти спящий Тимур уполз к себе, я спросил Рут — откуда у него столько свободного времени? Вроде бы сейчас — не лето. Как же школа?..

Все это я знал еще от наших питерских Котов и Кошек, в чьих семьях были дети-школьники.

Рут сделала мне знак — погоди, дескать, и прислушалась к шорохам из Тимуровой комнаты.

Убедившись, что он уже лег, она закрыла плотно дверь кухни-столовой и достала из своего громадного холодильника большую четырехугольную бутылку джина «Бефитер» с пожилым типом на этикетке. Тип был одет в красный костюмчик и дурацкую черную шляпу времен царя Гороха. Я не виноват — так говорил Шура, когда хотел подчеркнуть давность события. В руке этот тип держал длинную хреновину с острием на конце и кистями под острием. Не то — копье, не то — еще хрен знает что...

Затем Рут разбавила джин тоником, смешала все это в стакане и приставила стакан к углублению в двери холодильника. И слегка нажала. Откуда-то сверху в стакан высыпались аккуратненькие шарики льда. «Во, бля, техника!» — сказал бы Водила.

Рут чуть приоткрыла дверь и снова прислушалась. Я понял, что она не хотела бы, чтобы Тимур видел ее со стаканом джина.

— Ты не пьешь? — спросила меня Рут и указала на «Бефитер».

— Очень редко, — честно сказал я.

— Я тоже. — Рут приветственно подняла стакан: — Будь!..

Она сделала хороший глоток и только тогда ответила мне на мой вопрос о школе. Оказывается, в американских «хай-скул» и «паблик-скул» по новой педагогической теории время

от времени теперь возникают неожиданные пяти- и семидневные каникулы в самой середине учебного процесса. Которые призваны якобы разгружать мозг ребенка...

А так как никто, кроме родителей, не думает о том, с каким трудом потом приходится загружать этот же мозг мыслью о необходимости продолжения дальнейшей учебы, то она — Рут Истлейк, мать-одиночка, единственный Человек, всерьез ответственный за образование своего Сына, — считает эти школьные нововведения абсолютным и вредным кретинизмом!..

— Сейчас у него очередная пятидневная пауза... Ребенок, к сожалению, предоставлен почти целиком самому себе. Я на работе — как белка в колесе. — Рут отхлебнула из стакана и закурила сигарету. — Хорошо еще, что теперь у него появился ты и что он еще одержим идеей-фикс...

— Какой идеей? — не понял я.

— Идея-фикс — навязчивая идея. Возможно, он и сам посвятит тебя в эту историю, но пока — я тебе ничего не говорила. О'кей?

— Могила! — пообещал я точно так же, как в этих случаях делал Водица.

— Очень убедительно. Впервые слышу. Так вот, в свободные дни Тим через весь Нью-Йорк мотается в порты Нью-Джерси и в Ньюарк. Ищет какой-нибудь израильский пароход. Хочет договориться с капитаном, чтобы на летние каникулы его взяли на судно юнгой. Ему обязательно нужно хоть ненадолго смотаться в Израиль...

— Зачем?!!

Оказалось, что Тимур, еще во времена своего тюремного интерната, без памяти влюбился в дочь интернатского врача — Машу Хотимскую. И пользовался у нее нескрываемой взаимностью.

Последнюю фразу Рут произнесла с откровенной гордостью!

Сейчас Хотимские живут всей семьей в Израиле. Тимур получает от Маши письма и теперь спит и видит оказаться в Израиле хоть на пару дней. В последнем письме Маша написала, что папа все еще не встал на ноги, лишь готовится к экзаменам на врача, а пока изучает иврит в ульпане и работает кем-то вроде дворника, что дает им какую-то скидку при оплате квартиры...

— Короче говоря, он повторяет извечный начальный путь любого эмигранта, — сказала Рут. — Так что в ближайшее время в Америку им не выбраться. Это для них очень дорого.

Рут загасила сигарету и немножко попила джин с тоником. Лед уже почти растаял в стакане.

— Нам тоже такое путешествие пока еще не вытянуть, — огорченно добавила Рут. — Я имею в виду — поездку в Израиль...

...И как-то так само собой получилось, что я разомлел от тепла, доверия, успокоился от присутствия рядом грустной красивой Женщины и, не вдаваясь в подробности, рассказал Рут свою историю. Надо же мне было как-то представиться...

Я рассказал Рут Истлейк про своего Шуру Плоткина, про моего приятеля по ленинградскому пустырю — безхвостого Кота-Бродягу, про бывшего Кошкодава и Собаколова — отвратительного гада Пилипенко, ставшего хозяином очень богатого пансиона для тех же Котов и Собак, которых он еще недавно отлавливал, убивал и за маленькие, ничтожные рубли продавал их шкурки на Калининском рынке. А сейчас, за большие и уважаемые доллары, он этих же Котов и Собак чуть ли не в жопу целует...

Я рассказал ей про Водилу, про наркотики, про побоище на автобане Гамбург—Мюнхен, про мою жизнь в Английском парке, про семейство Шредеров и Манфреды, про своего любимого старого Фридриха фон Тифенбаха, про Таню Кох и профессора фон Дейна. Я даже рассказал ей про своего немецкого кореша — полицейского овчара Рэкса, про питерского младшего лейтенанта милиции Митю, про Капитана контейнеровоза «Академик Абрам Ф. Иоффе»...

Рассказал, как Тимур спас меня от «Собачьей свадьбы»...

Я только про Кошек не стал рассказывать — ЧТО я могу с ними, СКОЛЬКО раз могу и почему мне ЭТОГО всегда хочется...

И про мою подружку Собачку Дженни я тоже ничего не сказал...

И про Лисицу...

А про Крольчиху мне и самому было вспоминать противно и унижительно.

Я вообще решил не раскрывать перед Рут сексуально-половую сторону моей жизни. Хотя именно ЭТА сторона занимала в моей биографии очень много ярких и волнующих страниц!

Я подумал, что Настоящие Коты не должны вслух рассказывать о своей собственной половухе посторонним. Тем более — Женщинам. Тем более — таким красивым Женщинам, как Рут Истлейк...

В романе, в рассказе, в литературе — да, пожалуйста. Если эти сексуально-половые подробности необходимы для развития сюжета, для точной обрисовки характера героя, для драматургии, — нет вопросов! Пиши и ни хера не стесняйся. Только не делай из этого самоцель — не раз говорил мой Шура, когда его упрекали за «излишнюю откровенность» и «ненормативную лексику». Главное — говорил Плоткин — не впадать в пошлую порнуху! А Плоткин знал, что говорил...

Раньше я как-то о таких его словах не очень-то задумывался. А вот сейчас, на расстоянии, по прошествии большого отрезка времени, неожиданно понял, что, несмотря на все свое безудержное блядство и постоянное желание чего-нибудь да выпить, Шура Плоткин был самым ВЫСОКОНРАВСТВЕННЫМ Человеком, которого я когда-либо встречал!

Более внимательного слушателя, чем Рут Истлейк, я бы не мог себе пожелать. Я вообще заметил, что Женщины умеют слушать гораздо лучше, чем Мужчины.

Закончив свой рассказ эпизодом с «Собачьей свадьбой», я решил, что теперь представлен вполне достаточно, и с устатку взял небольшой тайм-аут — долопал остатки сосиски и допил молоко.

Если кому-нибудь придет в голову спросить меня, откуда Кот может знать, что такое «тайм-аут», — я посоветую ему просидеть перед телевизором с программой «Евро-спорт» столько часов, сколько мы просидели с Эрихом Шредером и Руджеро Манфреди!

— О'кей, — сказала Рут и сотворила себе новую порцию джина с тоником и со льдом. — А теперь послушай меня...

...Матерью Рут была шведская манекенщица и начинающая фотомодель из Стокгольма, а отцом — темнокожий

барабанщик из крохотной нищенской джазовой группы с пышным названием «Черные звезды Гарлема». Звали его — Чак Слоун.

Инга и Чак влюбились друг в друга в первую же секунду знакомства, и Инга умудрилась отдаться Чаку несколько раньше, чем тот сообразил попросить ее об этом.

Как только их дочери Рут исполнилось восемнадцать и она поступила на факультет журналистики Университета штата Нью-Йорк (Колумбийский, в Верхнем Манхеттене, оказался не по карману...), Инга и Чак Слоун справедливо решили, что теперь дочь и сама выгребется, и уехали в Швецию, в маленький городишко Якобсберг, в дом Ингиных родителей, которые вскоре и померли. Якобсберг находился в двадцати шести километрах от Стокгольма, и черный американец Чак Слоун уже много лет считается там достопримечательностью городка — где-то в одном ряду с остатками крепостной стены пятнадцатого века и галереей с копиями картин неизвестных художников, когда-то населявших Скандинавию.

Такая честь оказывается Чаку не потому, что он — единственный чернокожий в городе, а просто еще никто из молодых местных музыкантов, даже учившихся у самого Чака, не насобачился так управляться с джазовыми барабанами, как это и по сей день делает старый черный Чак Слоун!

— К осени мне обещают прибавку за выслугу лет, и уж тогда-то мы втроем — Тим, ты и я — обязательно слетаем к моим старикам в Швецию. Как идея? — спросила Рут.

— Грандиозная, — ответил я и подумал: «Вчетвером бы слетать, с Шурой...»

...Если ты не полный дебил, то обычно нормальный человек заканчивает университет в двадцать два года. Но после этого еще и в аспирантуре учится пару лет, чтобы закрепить выбранную профессию.

Однако между окончанием университета и поступлением в аспирантуру в жизни Рут Слоун возник здоровенный двадцатичетырехлетний белый парень — полицейский из сто двадцатого участка в Квинсе — Фред Истлейк.

И через три месяца мисс Рут Слоун стала миссис Рут Истлейк, так как даже вообразить не могла — как это она прожила двадцать два года, не будучи женой Фреда Истлейка с самого детства?!

Здесь, в Квинсе, была снята вот эта квартира. Здесь они с Фредом только тем и занимались, что каждую свободную минуту пытались завести потомство. Фред, в своем желании стать отцом, был неутомим, как паровая машина Джеймса Уатта! Фред был лучшим мужчиной в мире. В то время Рут еще никогда ни с кем не спала, кроме Фреда, и он по праву считался ее лучшим мужчиной.

Вот только забеременеть она никак не могла. Бегали они с Фредом по врачам, перепробовали все, что возможно, — вплоть до тибетской медицины, в отчаянии опустили до визита к каким-то колдунам...

А на второй год безуспешных стараний родить себе детеныша поклялись теперь жить только друг для друга. И Рут поступила в Полицейскую Академию, чтобы не только дома, но и на работе быть ближе к Фреду.

Три года тому назад полицейская машина сержанта Фреда Истлейка, уже неуправляемая, как потом сказали врачи, медленно подкатилась к отелю «Рамада Милфорд Плаза», что на Восьмой улице Манхеттена, и мягко ткнулась носом в заднюю часть огромного туристского автобуса, ждущего пассажиров.

Когда разъяренный водитель автобуса с отборной руганью выскочил из-за руля, то увидел, что автобус его, слава Богу, лишь слегка поцарапан, а за рулем полицейского автомобиля с помятым бампером и разбитой фарой сидит мертвый сержант полиции Фред Истлейк, у которого просто остановилось сердце...

Этот старый толстый автобусник до сих пор навещает Рут, а с тех пор, как она привезла из России Тимура, стал заглядывать к ним еще чаще.

— Тим рассказывал тебе, как он попал в Нью-Йорк?

— В общих чертах... — осторожно ответил я.

— Естественно, что многих деталей он не знает! — усмехнулась Рут и снова закурила.

...Через полгода после смерти Фреда по обоюдной договоренности руководства Нью-Йоркской полиции и Московского Управления Министерства внутренних дел была организована поездка американских полицейских в Москву с чисто ознакомительно-дружескими целями. В делегацию включили и Рут Истлейк.

Поездка в Москву вся состояла из непрекращающегося вранья. По любому поводу русские устраивали обжираловку с водкой и лгали. Лгали без устали и тоже по любому поводу: шел ли разговор об организованной преступности или борьбе с проституцией, шла ли беседа о финансовых пирамидах или заказных убийствах, говорили ли о транспортировке наркотиков в Россию и через Россию, или детских преступлениях и беспризорности...

Посещение русского следственного изолятора — заранее подготовленный спектакль. Поездка в колонию — тщательно отрепетированное представление... Осмотр подмосковного детского тюремного учреждения, где содержатся дети, совершившие тяжелые преступления, но не подлежащие суду по возрасту, — опять вранье и показуха.

Но все равно — это было счастье, что их туда свозили!..

Когда Рут увидела наголо стриженного девятилетнего Тимура, одетого в негнувшийся новый, мышинового цвета, костюмчик, который ему выдали, наверное, специально перед приездом американской делегации, она подумала, что если Господь Бог дал бы ей радость родить тогда, когда они только поженились с Фредом, — у них был бы уже точно такой же мальчик. Ну, может быть, младше на год...

Она смотрела на этого ребенка с неслыханным татарским именем Тимур и понимала, что пройдет еще совсем немного времени, и этот мальчик неминуемо погибнет. В глазах ребенка-убийцы Рут увидела его собственную смерть: не приживется в том мире, который его сейчас окружает, — свои уничтожат, приживется — убьют те, кто будет за ним охотиться.

Вот тогда-то она и подошла к Тимуру.

...А через месяц прилетела за ним уже без всякой делегации. Одна. В руках у нее был чек на пятнадцать тысяч долларов, куча идиотских документов, рожденных воспаленным воображением американских бюрократов, ответственных за всякие «усыновления», и два обратных билета на самолет — взрослый и детский.

Провожали их три сотрудника детского отдела Управления московской милиции, сестра покойной матери Тимура, которая за триста долларов подписала полное отречение от

родственников прав, и в качестве переводчика — интернатский доктор Сергей Хотимский с дочерью Машей.

Спустя несколько месяцев Тимур затараторил по-английски, а еще через пару недель впервые назвал Рут «мамой».

Сейчас он говорит по-английски так, будто родился в Штатах и никогда не бывал в России. Хотя Рут и слышала, как он иногда треплется по-русски в окрестных магазинчиках, где торгуют эмигранты.

— Мне кажется, что Тим не забыл русский язык. Во всяком случае, мне не хотелось бы, чтобы он его потерял, — неуверенно сказала Рут и спросила меня: — А как твое впечатление?

Я вспомнил весь невероятный и чудовищный мат, который Тимур обрушил на головы «Собачьей свадьбы» в порту «Элизабет», и, не покривив душой ни на йоту, успокоил Рут Истлейк:

— Не волнуйся, Рут, он сохранил русский язык во всех его тончайших нюансах и говорит на нем превосходно!

Про «нюансы» я ввернул сознательно. У меня всегда в запасе есть несколько слов, значение которых мне когда-то объяснил мой Плоткин, и я порой жду не дождусь логической возможности ввернуть в свою фразу одно из таких словечек. Кстати — тоже способ произвести впечатление! Выше рангом, чем зазывное мурлыканье или кретинские прыжки, и при разговоре с интеллигентным Человеком — достаточно действенный приемчик!..

Но только Рут собралась было восхититься моей образованностью, как я — нечаянно, ну совершенно произвольно — разинул пасть, как говорил Водила, «шире некуда!» и зевнул.

— О, Боже! — испугалась Рут и посмотрела на часы. — Четверть третьего! Я же совсем тебя заговорила... Идем, идем, мой дорогой... Я сейчас приготовлю у Тима постельку, и ты ляжешь баиньки...

К этому времени я, честно говоря, хотел даже больше не спать, а писать. Просто стеснялся разрушить стройность рассказа Рут и терпел до последнего. Но сейчас я ей прямо сказал:

— Знаешь, Рут... Мне бы до ветру сходить.

— До чего?!.. — не поняла Рут.

— Ну, пописать, что ли... А может, чего и посерьезней.

— Черт подери! Как же я сразу тебе не предложила? Вот дура! Идем, я покажу тебе, где ЭТО сделать, а завтра мы с Тимом купим тебе настоящий туалетик для Котов, и Тим будет ежедневно следить за его чистотой и свежестью.

— Погоди, Рут... А нельзя ли как-нибудь сообразить, чтобы я мог ЭТО делать на улице? Я как-то в доме ЭТОГО никогда...

— А как ты будешь открывать и закрывать запертые двери квартиры и подъезда, когда нас с Тимом не будет дома?

— А окно? — спросил я.

— Ты сошел с ума! У нас второй и достаточно высокий этаж.

— Это уже мои проблемы. Покажи, пожалуйста, как открывается окно. Я никогда не видел таких рам.

— Америка... — усмехнулась Рут. — Повсюду в мире окна распахиваются, а у нас — поднимаются. Смотри! Я беру за эту ручку, поднимаю раму слегка вверх... Здесь по бокам защелки. Чтобы опустить, нужно...

— А нельзя оставить щель, чтобы я мог только просунуть голову?

— Пожалуйста. Тем более что это окно выходит во внутренний дворик со старыми гаражами.

— Блеск! — сказал я.

Внешний подоконник этого старого дома был широким — на нем даже дрыхнуть было можно. К тому же рядом, буквально в двух метрах от окна, росло могучее дерево с прекрасными толстыми ветками, по которым мог бы прыгать даже Слон.

Вот на это дерево, с этого-то подоконника я и сиганул на глазах у восхищенной Рут. Быстренько спустился на землю и сразу почувствовал уйму знакомых и незнакомых запахов, отчего мгновенно утратил чувство сонливости, одолевавшее меня последние полчаса.

Пахло Котами и Кошками, пахло Крысами, старыми автомобилями... Откуда-то тянуло откровенной и неопрятной нищетой, витали запахи несомненной обеспеченности и хорошей еды... Нормальные запахи Большого Города.

Как и всегда в темноте, зрение у меня автоматически обострилось, и я стал обследовать внутренний двор в поисках места для, сами понимаете, чего...

Нашел старый, проржавевший огромный легковой автомобиль совершенно незнакомой мне марки, устроился под ним и, слава Богу, вовремя сделал все свои дела. Как и положено — зарыл, забросал комочками мерзлой земли и еще чем-то, что под лапу попадалось, вылез из-под автомобиля и стал приводить себя в порядок. Почистился, умылся, прилизался, размял когти и только было собрался к «своему» дереву, как вдруг увидел, что рядом со мной сидит грязно-беленькая Кошечка и в упор смотрит на меня во все свои зеленые глазки.

То, что она была ГРЯЗНО-беленькая, я и в темноте увидел. Мало ли я встречал уличных, ничейных, бесхозных Кошек на своем жизненно-половом пути?!..

Короче, я посмотрел на нее, она не отвела своего взгляда от меня, и уже через пять секунд мы трахались как сумасшедшие!..

Несмотря на свою неухоженность, техникой секса она владела безукоризненно! Правда, сквозь стоны наслаждения все время приговаривала и варьировала на все лады одну и ту же фразу:

— А тебе Вагиф разрешил?.. Ты спросил у Вагифа?.. Господи, что скажет Вагиф?.. Я так боюсь, что Вагиф будет против!..

Не скрою, мне это изрядно мешало, но я подумал: в конце концов, в Америке я трахаюсь впервые, и вполне вероятно, что у НИХ это особый национальный обычай — во время траха бормотать вот такие присказки...

А национальные обычаи страны, в которой я сейчас нахожусь, я просто обязан соблюдать и уважать!

Мне же не мешало перетрахать в Германии невероятное количество немецких Кошек, хотя они, несмотря на обилие эротических изданий и секстелепрограмм, почти всегда во время ТРАХПРОЦЕССА спрашивали недовольными головами:

— Ты скоро кончишь? Ну, сколько можно?.. Спать же хочется.

Наши, российские, боясь лишний раз забеременеть, обычно вопят:

— Только не в меня! Только не в меня!..

Каждое государство имеет свои сексуально-национальные особенности. Поэтому я старался не обращать внимания на стенания моей Первой Американской Партнерши, все время повторявшей одно и то же, явно восточное, имя — «Вагиф».

У меня даже мелькнула мысль: может быть, здесь так называют некое Божество, покровительствующее американским Котам и Кошкам во время их соития?..

Кончил я достаточно обильно и бурно. Сказалась невозможность сойти на берег в Канадском порту Сент-Джонс из-за Крыс, как утверждал мистер Чивер, «величиной с поросянка».

— И что же это за «Вагиф»? — лениво спросил я, снова приводя себя в порядок.

Грязно-беленькая Кошечка, нафаршированная мною минимум семью Котятами в будущем, изумленно посмотрела на меня и еле вымолвила:

— Ты не знаешь Вагифа?!..

— Не-а, — легкомысленно ответил я, уже взбираясь на дерево.

— Ой-ой-ой... — только и сказала моя Первая Америчаночка.

Когда я перепрыгнул с дерева на наш подоконник и просунул голову в кухню-столовую, то сразу увидел Рут, стоящую у окна со встревоженным лицом. На ее плечи была наброшена короткая теплая полицейская куртка с меховым воротником.

— Черт побери! Где тебя носило?!.. — обеспокоенно спросила она. — Оттуда еще такой холод... Я уже не знала, что и подумать!

— Пока искал подходящее место, пока что-то-се, пятое-десятое... — уклончиво ответил я. — А чего ты разнервничалась? Что со мной, взрослым Котом, могло случиться?

— Да что угодно! Это Нью-Йорк — банды брошенных и одичавших Котов и Кошек, бродячие собаки!.. Полчища Крыс, от которых вообще спасения нет! Разные маньяки, обожравшиеся наркотиками. Уж за восемь лет работы в полиции я такого насмотрелась, что... Могу тебе по секрету сказать, что я, вопреки всему тому, чему меня учили в университете и в Полицейской Академии, собственноручно снабдила Тима

телескопической полицейской дубинкой, чтобы он хоть как-то мог себя защитить. Это было абсолютно непедagogично, но мне наплевать на всю педагогику мира — начиная от Песталлоцци и до сегодняшних наших болванов, заседающих во всяких ученых советах. Мне мой ребенок дороже!..

Рут решительно опустила окно и сбросила теплую куртку на стул:

— Идем к Тиму. Я там тебе уже все приготовила.

Невысокая, но широкая картонная коробка, сохранившая неясные вкусные запахи, была выстелена старым одеяльцем, сложенным по размерам коробки. Рядом стояла пластмассовая плошка с чистой водой.

Эта коробка с одеяльцем ну точь-в-точь повторяла мою старую ленинградскую коробку с одеялом, в которой я спал первые три года — все свое детство и отрочество, пока окончательно не переселился в любимое кресло Плоткина.

Шура называл ту коробку с одеялом — «Лежбище Котика»...

Я благодарно потерся рваным ухом о ноги Рут, попытался мурлыкнуть, но, как обычно, ничего, кроме хриплого мява, у меня не вышло. Однако моя благодарность была понята и принята, и, пожелав мне «спокойной ночи», Рут затворила за собою дверь.

Впрыгнул я в коробку, улегся, устроился там, еще какое-то недолгое, наверное, время прислушивался к сонному сопению Тимура, а потом...

...а потом смотрю — Шура Плоткин лежит!.. На таком высоком каменном столе...

И у него на ноге, у самой ступни, картонный номерок привязан.

А вокруг на таких же столах лежат, кажется, Люди. Только уже прикрытые простынями. И тоже с номерками на лапах... То есть на ногах.

И вроде бы все они уже мертвые...

А Шура — живой, слава Богу. Но ничем не прикрыт, в одной рубашке белой и без воротника...

Я оглянулся — огромный зал с высоченными окнами. Пустой. И столы с накрытыми фигурами. По стенам изморозь, на

окнах — лед, на полу — лед... Мне к Шуру никак не подойти! Я рвусь к нему и вниз соскальзываю... Скольжу, скольжу, царапаю лед когтями, еле-еле продвигаюсь!..

— Шура!.. — кричу я. — Шурочка, это я — Мартын! Сейчас я доползу до тебя!.. Лежи, лежи, не нервничай!..

А Шура мне так спокойненько-спокойненько и говорит:

— А я и не нервничаю. С чего это ты взял? Доползешь — так доползешь, нет — так нет. Какая разница?

«Господи!.. Что он говорит?!» — думаю.

А сам ползу по льду, когти срываются, и почему-то надо все время вверх ползти! И зацепиться не за что... И я скатываюсь назад. И снова ползу вверх!..

— Ты бы накрылся чем-нибудь, Шурик! — кричу я ему. — Холодно же!..

— Мне накрываться нельзя, — отвечает Шура и поднимает подол рубахи.

А на груди у него — от горла чуть ли не до пупа — страшный, ну просто кошмарный шрам! И зашит он через край, как Шура когда-то зашивал дырки на своих носках. Только шрам зашит не нитками, а какими-то толстыми веревками с большими узлами... И все это в запекшейся крови. И концы веревок, грязные, пересохшие, царапают его по телу, а из царапин сочится свежая кровь!..

— Мамачки родные!.. — в ужасе кричу я. — Что же это?!!

А Шура так усмехается и говорит:

— Да так... Здесь, в Америке, старичок, это плевое дело — сердце из меня вынули. Сейчас жду замены. У нас бы мне его с корнем выдрали, а здесь мягонько так, почти безболезненно.

Я в панике оглядываюсь на соседние столы, на тела, закрытые простынями, и спрашиваю:

— А это кто, Шурик?..

— А это разные... Кто не дождался нового сердца, кто замены не перенес.

Я-то в этом во всем ни хрена не понимаю, знаю только, что Живое без сердца жить не может... И понимаю, что я сейчас обязан во что бы то ни стало что-то предпринять! А что — понятия не имею...

Шура, видать, просек мое смятение и так успокаивающе говорит мне в обычной своей манере:

— Не бойсь, Мартышка! Все будет — нормуль. Я тоже по-началу трусил, а теперь понял — оказывается, можно и без сердца. В чем-то даже удобнее — никого не жалко, никто тебе не нужен...

А я все, дурак, лезу и лезу наверх по гладкому льду...

— И Я тебе не нужен?!.. — шепчу я обессиленно и скатываюсь по ледяной горке куда-то вниз, вниз, вниз...

Слышу, Шура оттуда, сверху, усмешается и говорит мне:

— А это как у тебя с хеком, Мартынчик. Долго не ел. Отвык. За это время попробовал другой рыбки. А она оказалась лучше хека раз в сто! Так и с нами — сколько мы с тобой не виделись? Несколько месяцев. Я вот тоже раньше думал — как это я смогу без тебя прожить?.. А выяснилось, что могу. И очень даже неплохо.

— Шура... Шурочка!.. Я же к тебе через весь мир добирался!.. — бормочу я и плачу, плачу, плачу...

А Шура так вежливо-вежливо говорит мне:

— Извини, старичок, но это уже твои проблемы.

И тут я понимаю, что мне никогда не взобраться по этой ледяной горке, никогда не приблизиться к Шуру!.. Вот теперь уже просто нет сил.

И вижу: несется на меня «Собачья свадьба» — Кобелей штук десять и эта мерзкая Сучка впереди всех! И ни одного деревца рядом, куда можно было бы влезть, ни одного подвала, куда сигануть, спрятаться, скрыться...

Сейчас, сейчас эта оголтелая свора разорвет меня на куски!

Я уже чувствую их вонючее дыхание на своем носу и уже откуда-то знаю, что эту Суку зовут почему-то Котовым именем — «ВАГИФ».

— Шура-а-а-а!!! — кричу я истошным Шелдрейсовским голосом. — Спаси меня, Шура!.. Помогите мне!.. Помогите...

А откуда-то сверху раздается холодный Шурин голос:

— Старик, я же тебе сказал, — здесь каждый свои проблемы решает сам.

— Помогите, Шурик... — беззвучно кричу я и понимаю, что это мой последний крик на этом свете...

...Меня явно кто-то поднимает. Открываю глаза — ни хрена не сообразить. Поворачиваю голову — Тимур!

Сидит в своей пижаме на полу и вытаскивает меня из коробки. Прижимает к себе и шепчет:

— Мартынчик, Кысинька... Ты чего? Хочешь, я маму позову?..

Тэк-с... Значит, мне все это приснилось? Господи, ну надо же, чтобы такое причудилось! Гадость какая...

Понимаю, что это был всего лишь сон, а на душе чего-то так мерзко, так себя жалко, что и не высказать! Я наспех лизнул Тимура в щеку — ребенок все-таки — и спрашиваю его:

— Ты-то как здесь оказался? Тебе же спать нужно.

— Я и спал, — обиженно отвечает Тимур и кладет меня обратно в коробку. — А когда ты начал кричать, я и проснулся. У тебя задние лапы так тряслись — просто ужас! А передними, ты посмотри, что ты сделал...

Показывает на одну внутреннюю сторону коробки, а она вся в клочья когтями изодрана!

— Ты так жалобно мяукал, — говорит Тимур.

Я уже совсем пришел в себя. Только голова очень болела.

— Ладно тебе фантазировать, — говорю. — Я только Котенком мяукал. И то всего месяца четыре. От силы — пять. А с тех пор...

— Нет, мяукал! — настырничает Тимур. — Я же слышал! Ты спал и мяукал, а я смотрел на тебя и слушал. Может, ты во сне в детство вернулся. У меня так очень часто бывает.

— Может быть, может быть... — говорю. — Мне теперь кажется, что может быть все. А теперь послушай совета старшего — ложись-ка в постель. Ночь на дворе.

Тимур прыгнул к себе под одеяло и говорит мне оттуда:

— Идея! Залезай ко мне в кровать. Тут как раз две подушки. Чего тебе там одному? А то ты какой-то дерганный, нервный. Давай, лезь ко мне.

Я сел, почесал в затылке задней лапой и пошел спать к Тимуру. Хотел я его было спросить, кто такой «Вагиф» или что это, а он на меня лапу... То есть руку забросил, придавил меня и сразу заснул. Я покрутился малость и тоже задрях.

И больше мне до утра, слава Богу, ни хрена не снилось.

— «Ребята! Когда проснетесь, обязательно позавтракайте. Оставляю вам пять долларов. Надеюсь, хватит. Закончите

свои дела, сразу же заезжайте ко мне в участок. Я буду там весь день. Может быть, сумею освободиться раньше, — привезу вас домой на машине. Тим! Не забудь слегка подогреть молоко Мартыну. Холодное не давай — вредно. Мама», — читал мне Тимур записку, оставленную Рут на столе в кухне.

— Она настоящий полицейский? — спросил я Тимура уже за завтраком.

— А ты думал! Будь здоров, еще какой!.. Называется — «сотрудник по связям с общественностью».

— А почему я не чувствую запах оружия в доме? — удивился я.

— Потому что оружие она оставляет на работе. В специальном сейфе. Поедем за ней — я тебе все там покажу. Я в этом участке, знаешь, сколько раз был?!.. Меня там все знают!

Я вспомнил русских милиционеров, немецких полицейских — даже когда они были не в форме, а в обычных шмотках, от них всегда пахло оружием. И я сказал об этом Тимуру.

— Ей не обязательно таскать с собой «пушку», — ответил Тимур. — Она уже год вкалывает специалистом-психологом по общине бухарских евреев нашего района. А там в основном — сплетни. Разборки — редкость. И вообще... Кыся! Кончай жрать, поехали! Нам еще до Нью-Джерси добираться часа два.

Опять из-за этого проклятого рюкзака и уже ненавистного мне мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани, запретившего перевозку домашних животных в автобусах и метро (здесь это называется — сабвей!), я ни хрена не увидел Нью-Йорка!..

Пока шли от дома до сабвея, я еще что-то посмотрел. Даже узрел небольшой магазинчик, исторгавший поразительный букет запахов — рыбы и мяса, сладостей и фломастеров, копченых колбас и презервативов... Это я называю только знакомые мне запахи! Но самое забавное, что вывеска на магазинчике была, кажется, написана по-русски. Я хоть и не умею читать, но хорошо знаю русские буквы, которых нет в остальных языках. Так вот, там, сдается мне, почти все было написано на русском. И потом, я вспомнил, как Рут ночью обронила фразу, что Тим шляется в какие-то русские магазинчики и треплется там по-русски.

Да! Самое главное!.. Когда мы выходили из дома, до меня донеслась такая мощная концентрация Котово-Кошачьих запахов, которая могла идти от одновременного скопления моих коллег и дальних родственников числом не менее пятидесяти!

Причем запах этот был не случайной компашки, а устойчиво отлаженного коллектива, обитающего в районе этого дома с незапамятных времен.

По запаху всегда можно узнать — случайно ли он возник или, как говорят у нас, «прописан тут постоянно». Так вот этот запах был «прописан» здесь просто всегда...

Я ведь и ночью, когда «пользовал» ту самую беленькую Кошечку-грязнульку, чувствовал этот запах. Но то ли был вымотан до предела предыдущим днем, то ли, «находясь в Кошке», перестаешь на все остальное обращать внимание, но такой силы запаха я не ущучил. А тут — будто по носу шарахнули! Интересненько.

Кстати, интересненько еще и другое: не подхватил ли я от моей Первой Американочки что-нибудь настораживающее и идущее вразрез с моей врожденной чистоплотностью? Чистоплотностью, постоянно находящейся в противоречиях с моими же половыми запросами. Например, блохи — как наилучший вариант. О худших даже подумать страшно!..

Пока от «худших вариантов» Боженька милостивый меня как-то уберегал. Может, и здесь не оставит?

Да, так вернемся к мэру Нью-Йорка, Рудольфу Джулиани.

Как истинный нью-йоркец и Прирожденный Горожанин, Тимур повесил на мэра еще кучу всяких претензий: проезд в метро, мерзавец, повысил до полутора долларов!.. Вместе с губернатором Джорджем Патаки заставил финансовый комитет Управления пассажирского транспорта Нью-Йорка и Нью-Джерси — место, куда мы сейчас направляемся, и куда иначе, как через туннели под Гудзоном или по мостам, не проедешь, — поднять плату за проезд этих мостов и туннелей с шести долларов до семи! Правда, в оба конца...

— Это еще хорошо, что мама служит в полиции! — возмущенно воскликнул Тимур вслух по-русски. — Им там каждый год выдают такой специальный пропуск на машину, и она, как сотрудник полиции, в любое время дня и ночи может

поставить машину, где она хочет! И бесплатно ездить через эти мосты и туннели. Сколько хочет. Пропуск этот каждый год другого цвета... В прошлом году, к примеру, был красный, в этом — зеленый...

Но самое страшное обвинение Рудольфу Джулиани Тимур предъявил за то, что тот из-за своей «вонючей демократической показухи» прошелся вместе с гомосеками и лесбиянками на традиционном городском параде!

— С кем, с кем?.. — переспросил я, не видя ничего предосудительного в каких-то традиционных парадах. — С кем, ты сказал?

— Ну, с педрилами! — злобно прошипел Тимур. — С мужиками, которые в задницу друг друга... Понял? И с бабами, которые лижутя!..

Какое-то время, пока Тимур мне рассказывал про повышения цен в Нью-Йорке на транспорт, я полагал, что он все это говорит «с чужого взрослого голоса». Я думал, что у двенадцатилетнего пацана — в силу отсутствия жизненного опыта, комплекса своих мальчишечьих интересов, из-за извечной детской тяги к подражанию и «обезьянничанию», как говорил Шура, — это всего лишь желание казаться взрослее. Желание — чисто ребяческое, но от этого не менее сильное.

Последнее обвинение мэру Нью-Йорка этот двенадцатилетний русский американец с татарским именем решительно и жестоко предъявил СВОИМ СОБСТВЕННЫМ ГОЛОСОМ. Тут он, к несчастью, обладал и страшным трагическим опытом, и неотъемлемым правом рано повзрослевшего Человека.

— Правда, он не антисемит, как некоторые, — уже мягче сказал Тимур, будто за это кое-какие грехи он прощал мэру Нью-Йорка Рудольфу Джулиани.

И, наивно представив себе, что я, прожив шесть лет бок о бок с Шурой Плоткиным, мог не знать, что такое «антисемит», Тимур добавил:

— Тут надо быть справедливым — он не против евреев, а за...

Мне так осточертело сидеть в этом тесном рюкзаке, что я был счастлив, когда мы вылезли из метро в Манхеттене на Сорок второй улице и какое-то время ждали автобуса на Нью-Джерси.

Мой «Академик Абрам Ф. Иоффе» стоял в порту «Элизабет» у четвертого контейнерного причала, и хоть я понимал, что все фантастическое несбыточно, но никак не мог отогнать мысль, что Шура все-таки явился в порт, нашел Мое судно и сейчас сидит у Мастера в его каюте, и они, в ожидании меня, неторопливо потягивают неразбавленный «Джек Дэниельс» со льдом из широких квадратных стаканов. Эти стаканы буфетчица Люся когда-то купила на свою нищенскую валютку в Марселе в подарок Мастеру...

Навыдумывал я себе такую картинку и почти поверил в ее реальность. От этого опять задержался, занервничал, засуетился. Если вообще можно засуетиться в тесном рюкзаке с моими габаритами.

Поэтому в ожидании автобуса я нахально высунул голову из рюкзака и несколько раз глубоко вдохнул несвежий, но холодный воздух Сорок второй улицы. Помню, у Шуры Плоткина еще книжка такая была про эту улицу. Называлась «Сорок вторая параллель».

Тимур — вот чуткий чертенок! — мое состояние прочувствовал моментально. Даже сказал:

— Представляешь, Кыся, мы приезжаем в порт, находим твое судно, а там... А там тебя уже ждут! А?.. Тогда мы втроем ищем тот корабль, который нужен мне, я там кое о чем договариваюсь, и мы все вместе едем за мамой в Квинс... Как идея?

— Отличная.

Я решил прикинуться дурачком, и чтобы хоть немного снять напряжение ожидания, спросил, немилосердно фальшивя:

— Что за корабль тебе нужен, и о чем ты собираешься там договариваться?

Но тут подошел наш автобус. Тимур запихнул мою голову в рюкзак, перекинул его через плечо и, бормоча по-Шелдрейсовски: «Потом расскажу...», влез в автобус.

Когда мы устроились и рюкзак со мной перекочевал со спины Тимура на его колени, он мне «туда» сказал:

— Я тебе расскажу, но ты будешь про это молчать как рыба!

— Лучше как Кот, — попытался я сострить.

— Как рыба, — жестко повторил Тимур.

— Нет вопросов!.. — пообещал я тут же.

Я последнее время стал жутко много врать! Нет, давая сейчас обещание, я не собирался потом рассказывать историю, которую я уже знал, кстати, каждому встречному и поперечному. Но я заметил, что искренности и открытости во мне за последние несколько месяцев жизни не в России сильно побавилось.

— Ну, слушай... — сказал Тимур. — Они с Фредом, который умер еще до меня, всю жизнь копили на отдельный дом. Хотели выплатить за него сразу побольше, чтобы сильно не залезать в кредитные долги банку. Там знаешь какие проценты?!.. Кошмар! Понял?

— Нет.

— Ну, неважно. Потом мама тебе объяснит. А тут Фред умер. И мама все эти деньги заплатила за меня в Москве. Все пятнадцать штук, которые они на дом копили... Представляешь?!.. Нашли, бляди, бизнес! Но в Москве — цветочки... На Украине торговля малолетками идет вообще как в колбасной лавке. По русскому телевизору еще в России передавали, что у хохлов малышня шла всего по семьсот баксов за штуку! Их потом вывозили в Италию, и там уже америкашкам толкали по тридцать и даже по пятьдесят тысяч долларов!.. Так что мы с мамой еще хорошо отделались. А может, они полицейского постеснялись так уж напаривать?..

Я тут же вспомнил слова Шуры, который однажды сказал, что нам, русским, никто в мире вообще не указ! Мы на всех болт забили. По принципу — что русскому здорово, то немцу — смерть. Поэтому вряд ли кто-нибудь у нас так уж постеснялся американской полисменки. Просто красивая баба приглянулась...

— А она получает лишь сорок тысяч в год! Это на руки, считай, всего двадцать пять. По две с хвостиком в месяц... Машина, квартира, жратва, шмотки... Только за квартиру — тысячу, не грехи — отдай!.. А питание на двоих сколько стоит? Мне на одежду... Каждые полгода приходится новое докупать. Расту же... Ей нужно одеться. Нужно выглядеть?! Ты видал, какая она красивая. Мне каждый день на карманные расходы... И остается у нас...

Тимур помолчал, а потом плюнул на приличия и сказал те слова, которыми он пользовался в своем подмосковном тюремном интернате. Для более точной обрисовки их финан-

совой ситуации эти слова показались ему наиболее выразительными:

— И остается у нас — два ни хуя и мешок дыма!.. А мне в Израиль надо до смерти... Там меня Маша Хотимская ждет. И я ее так люблю, что у меня все сны — только про нее... Смотри, Мартын, ты обещал! Чтобы никто никогда...

— Ну, сказано же! — оборвал его я. — Давай дальше.

— Вот... Так могу я прийти к своей матери и сказать: «Мама, дай мне шестьсот долларов на билет в Израиль и обратно»? Нет. Не могу. Эти бабки я должен сам заработать! А как?.. Я и придумал — найти израильское судно и упротить капитана взять меня летом туда и обратно юнгой. Как в «Острове сокровищ». Правда, наш школьный географ мистер Гринспен, по нашему — «Гринштейн», сказал мне, что теперь юнгов на кораблях нет. Но я думаю, что, если хорошо попросить, может быть, и возьмут? А?..

Я мало сталкивался с Детьми и Котятами. И никогда не испытывал к ним ни умиления, ни любопытства. Так... Иногда жалко их было, но не более. Но тут я был несколько ошарашен такой смесью абсолютно противоположных черт характера в одном двенадцатилетнем Человечке! Он до копейки (или как это здесь называется?..) просчитывает бюджет своей семьи и в то же время бредит девочкой, живущей на другой стороне глобуса! Нежно гордится своей приемной матерью-полунегритянкой и хладнокровно злобен и жесток в бою с Собаками!..

Наивный и Мудрый, Маленький и Взрослый.

Девять лет жил страшной российской, кровавой жизнью и только три года нормальной — американско-мальчишечьей. И сумел из двух таких разных Жизней вобрать в себя только лучшее. Если, конечно, не считать того, что в родимом матерном он может переплюнуть и Шуру Плоткина, и Водилу, вместе взятых!

Пауза слегка затянулась, и поэтому я торопливо сказал:

— Если хорошо попросить — обязательно возьмут!

Я попытался сказать это с максимально выразительной уверенностью, хотя уверенности у меня не было ни на грош.

— Мало того, — сказал я. — Сейчас мы приедем в порт, найдем сначала «Академика Абрама...» ...Не пугайся, так мое судно называется. Я попрошу Мастера Александра Ивановича,

и он нам, то есть тебе, поможет! Он как-то говорил, что старые Капитаны всех стран хорошо знают друг друга. Может, у него и найдется здесь какой-нибудь израильский кореш!..

— Ну, отпад! — восхитился Тимур. — Фантастика!..

Когда идет полоса непухи — так кажется, что она никогда не кончится...

НЕ БЫЛО НИКАКОГО «АКАДЕМИКА АБРАМА...» НА ЧЕТВЕРТОМ КОНТЕЙНЕРНОМ ПРИЧАЛЕ!

Стоял вместо него какой-то турецкий пароходишко, втрое меньше моего «Академика...», а у причала, вдоль железнодорожных рельсов, — штук двести наших контейнеров.

Их я узнал и по запаху, и по виду.

Мы с Тимуром обегали обе стороны «Элизабетинского канала», куда швартуются корабли из разных стран, обследовали все прилегающие к каналу улочки, начиная с Терминал-стрит.

Мы побывали почти во всех кабачках и забегаловках Арабиа-стрит, Бомбей-стрит, Кадис-стрит, Дакар-стрит, Мак-Лестера, на улицах Египта, Формозы... Мы даже до Измир-стрит доскакали! А это уже в самом конце канала.

Мало ли, думали мы, — может, Шура не нашел, как и мы, наше судно и сейчас сидит где-нибудь в кафе и с горя водку трескает.

Но Шуры не было нигде.

Не было и «Академика Абрама Ф. Иоффе»...

Тимур предложил смотаться на автобусе в соседний порт Нью-Арк. Может быть, туда мое судно перегнали?

Но что-то подсказывало мне, что судна нет и там. И я попросил Тимура зайти в какую-нибудь портовую контору — к тем же диспетчерам, о которых мне вчера еще говорил Мастер, — и выяснить, где же наш «Академик Абрам...»? А заодно узнать — не пришел ли в порт какой-нибудь пароход из Израйля.

— Ну, ты голова, Мартын! — с уважением сказал Тимур.

Совет был действительно неплохим. Он исключал нашу неквалифицированную беготню по причалам.

В управлении портом «Элизабет» Тимур повел себя так настойчиво и четко, что всякие ответные хихикания прекратились уже после второй его фразы.

К нам вышел какой-то большой начальник и сказал, что русский контейнеровоз «Академик Абрам Ф. Иоффе» был вынужден ночью уйти в Бостон, в Массачусетский залив, так как основная часть грузов была необходима в том порту, а не в этом.

Ошибка же произошла и по вине русских властей, неверно сориентировавших фирму, на которую работает это судно и, в не меньшей степени, по вине американских идиотов, неправильно составивших документы на распределение груза по портам Америки.

Так что, если переводить весь этот международный бардак на интернациональный язык спортивного матча Америка — Россия, то он думает, что справедливым будет счет: один — один, в ничью пользу!

И добавил, что уже много лет знает Капитана этого судна и искренне сожалеет о том, что здесь этот Капитан потерял своего любимого Кота. Капитан даже хотел было оставить судно у причала хотя бы до утра, в надежде, что к утру Кот вернется.

Но выяснилось, что задержка груза для Бостона обойдется судну в такую сумму, что Капитан, полностью отвечая за свой экипаж и их семьи, позволить себе этого не смог.

Я так огорчился, так огорчился, что чуть ли не наполовину высунулся из рюкзака, встал там на задние лапы, а передние положил на плечи Тимура.

— Тот самый Кот? — спросил начальник.

— Да, сэр, — сказал Тимур.

— Превосходно! — обрадовался начальник. — Я сегодня же отправлю его в Бостон. Через час один мой сотрудник едет туда по делам, а по хайвею — это практически три часа пути. Он и передаст Кота на русское судно. А тебе за Кота выплачивается премия!

Начальник достал из кармана десять долларов и протянул их Тимуру:

— Держи. Твоя десятка.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Тимур, но не взял доллары. — Дело в том, что у этого Кота еще куча дел в Нью-Йорке.

И он просто хотел попрощаться с капитаном. Но если этот капитан еще раз приплывет в Нью-Йорк...

— Моряки говорят — «придет», а не «приплывет»! — поправил я его по-Шелдрейсовски.

— То есть — придет в Нью-Йорк, — повторил Тимур, и я видел, как все вокруг улыгнулись, а начальник насторожился.

Неужели он просек нашу незримую связь?

— ...то, пожалуйста, передайте ему наш номер телефона.

Тимур продиктовал номер своего телефона и добавил:

— Но если вас что-то не устраивает, сэр, вы можете позвонить в Квинс, в сто двенадцатый полицейский участок и попросить сержанта Рут Истлейк. Это моя мама. Она вам подтвердит мои слова. Кстати, и телефон участка тоже можете передать капитану. Вдруг он еще раз приплы... придет в Штаты, а нас не окажется дома.

— Разумно. Диктуй, сынок, — сказал начальник.

Тимур продиктовал телефон участка. Начальник записал.

— На всякий случай, как тебя зовут?

— Тим Истлейк, сэр.

Начальник опять протянул десять долларов Тимуру:

— Твоя десятка. Ты ее честно заработал.

— Спасибо, сэр, — не ломаясь и без малейшего стеснения Тимур спокойно взял десять долларов и спросил: — Мы можем идти?

— Конечно, Тим. — Начальник пожал руку Тиму и погладил меня по голове, чего я, не скрою, ужасно не люблю.

— Ты что, сдурел?!.. — прошептал я на ухо Тимуру. — А Израиль?!..

— Ох, сэр! — спохватился Тимур. — Совсем из головы выскочило... Скажите, пожалуйста, нет ли у вас в порту сейчас какого-нибудь парохода из Израиля?

— Нет, сынок. И в ближайшее время не предвидится. А тебе очень нужно?

— Да, сэр.

Начальник достал из бумажника свою визитную карточку (у Шуры тоже были такие. Он ими ужасно хвастал!..) и протянул ее Тимуру:

— Позвони мне через месяц. Может быть, я сумею тебе чем-нибудь помочь.

И тут мне в голову неожиданно пришла здравая мысль!

— Спроси, нельзя ли поговорить с русским капитаном по радио или телефону? — прошипел я по-Шелдрейсовски в ухо Тимуру.

— Простите, сэр, — сказал Тимур. — А нельзя ли связаться с русским капитаном каким-нибудь способом? Мы заплатим.

— Не надо платить, — коротко сказал начальник. — Пошли ко мне.

В кабинете начальника у окна в углу стоял американский флаг. На столе в красивой рамочке — фотография женщины и трех девочек. Кроме компьютера и обычного телефона стоял пульт с кнопками, размером с Шурина пишущую машинку.

Начальник нажал на пульте одну кнопку и сказал в какую-то решеточку на пульте:

— Бостон. Порт. «Академик Иоффе». Каюту капитана или мостик. Если отсутствует — Старшего помощника.

Внутри пульта что-то щелкнуло, нежно взвыло, и послышалась негромкая ритмическая трескотня. Затем — пауза, короткий слабый гудочек, и сразу же хрипловатый голос моего Мастера по-английски:

— Хелло! «Академик Иоффе». Слушаю.

— Мастер! «Элизабет» приветствует тебя, — сказал начальник в решеточку и поманил нас с Тимуром к столу. — Тут с тобой хотят поговорить...

Я моментально выпрыгнул из рюкзака и дрожащим от волнения Шелдрейсовским голосом сказал в решеточку на пульте:

— Мастер... Это я — Мартын... Кыся.

— Кыся!!! Друг ты мой бесценный!.. Да где же ты, мать твою? Я уже не знал, что подумать!.. — закричал Мастер по-русски.

Краем глаза я видел, что хозяин кабинета был слегка охреневшим — он думал, что с Мастером будет говорить Тимур. Тем более что меня он НЕ СЛЫШАЛ, но чувствовал, что я что-то говорю.

А тут капитан «Академика...» еще и кричит что-то по-русски!

Начальник растерянно посмотрел на Тимура, а тот в ответ только руками развел — дескать, и такое бывает, сэр...

— Мастер, пожалуйста, говорите со мной по-английски, а то здесь, кажется, небольшой перепуг, — сказал я. — И вообще, не волнуйтесь. У меня все в порядке...

— О'кей, о'кей!.. — Мастер перешел на английский. — Стив! Я тебе очень признателен за эту связь!.. Мне это было чрезвычайно важно...

— Я это вчера видел, — сказал начальник. — Говорите друг с другом. Не теряйте времени.

— Кыся! Как ты там? Что ты там? Встретил своего Шуру?

— Нет, Мастер. Но в это дело мы уже подключили полицию Квинса. — Мне показалось, что так мой ответ будет звучать веселее.

Тимур не выдержал и добавил в решетчатый микрофон:

— А они, наверное, свяжутся потом с Бруклином. С их полицией. Потому что...

— Это еще кто? — удивился Мастер.

— Это мой новый друг, Мастер. Бывший москвич. Я пока у него поживу. Пока не найдем Шуру.

Тимур снова влез в разговор:

— Мы вам здесь все наши телефоны оставили! Так что, если в следующий раз...

— Понял, — уже спокойным голосом прервал его Мастер. — Мартын! Кыся ты мой дорогой. Тебе тут все передают привет. И «маслопупы», и «рогачи», и все мои помощники. Обнимают тебя, скучают, а вот Люся тебя даже целует...

Тут же раздался голос Люси. Наверное, она была в каюте капитана.

— Кысичка! Лапочка моя...

— Ну, все, все! — строго оборвал ее Мастер. — Я тебе жму лапу, Мартын. Эй, парень! Москвич! Ты смотри там... Помогите Мартыну.

— Не волнуйтесь, сэр. Все будет о'кей.

— Мартын! Спасибо тебе за все! Ты меня понимаешь?

— Да. И вам спасибо, Мастер. До свидания...

— Стив! — крикнул Мастер из решеточки пульта. — У меня нет слов! Но я сегодня же пришлю тебе пару бутылок «Джека Дэниельса»!.. Конец связи.

Я никогда в жизни не был в полиции.

Те столкновения с полицией, которые происходили у меня в Германии, совершались на свежем воздухе у таможни в Кильском порту, или под открытым ночным небом на автобане Гамбург — Мюнхен, или в миллионерском районе Мюнхена — Грюнвальде, под крышей нашего с Фридрихом фон Тифенбахом дома...

Вот в милиции я бывал!

Правда, всего один раз. Которого мне вполне хватило для исчерпывающей полноты впечатлений.

Года четыре тому назад Шура Плоткин решил всерьез заняться моим образованием. Мы с ним уже постигли Конрада Лоренца, — собственно говоря, Лоренца постигал Шура. Он тщательно изучал схемы выражений морды Котов, соответствующие их сиюсекундному настроению. А я специально для него корчил рожи, чтобы он мог отгадать — что я думаю в этот момент и что произойдет в следующее мгновение.

Но уже доктора Ричарда Шелдрейса мы штудировали вдвоем, тренируя друг друга, помогая друг другу и зачастую поначалу не понимая друг друга. Однако потом все наладилось. Не сразу, но наладилось.

Следующим этапом моего образования было — постижение прекрасного. Так сказать, прикосновение к искусству во всех формах.

Начали мы с живописи. Шура сначала показывал мне репродукцию, а потом разругивал ее, говоря, что это, дескать, образец препошлейшего социалистического реализма.

Я тупо разглядывал картинку и ловил себя на предательской мысли, что в этой картинке мне почти все очень нравится! Я на ней все-все понимал. А для Котов, оказывается, это самое главное.

Когда же Шура, захлебываясь от восторга, совал мне под нос другую репродукцию и говорил, что это блистательный шедевр французского импрессионизма, вершина мирового искусства, но смотреть ее нужно издалека, ибо она написана в модной тогда манере и технике «пуантилизма», то есть из сочетания разноцветных точек, которые сливаются в единый зримый образ лишь при взгляде с достаточного расстояния, — я покорно отходил к противоположной стенке комнаты и искренне скорбел о том, что еще не дорос до понимания подлинного искусства...

Мое тяготение к фотографии, реализму и телевидению Шура считал проявлением полного жлобства, унаследованного мною от какого-то своего далекого Кошачьего предка-хама.

Подтверждением своей теории о некотором количестве хамских генов в моей крови Шура посчитал и то, что я умудрился заснуть в своем кресле во время исполнения Первого концерта Чайковского. Тем более что эту пластинку Шура поставил на проигрыватель специально для меня!..

На этом с музыкой было покончено.

Но и это не остановило Шуру в своем просветительском стремлении, в желании привить мне некий внешний интеллектуализм. Когда Шура говорил «внешний», он имел в виду мою ВНУТРЕННЮЮ духовную наполненность. Ибо, как утверждал Шура, действительно ВНЕШНИЕ интеллектуальные черты моей роже можно было придать только лишь при помощи полутора десятков пластических операций. И то — за результат никто не поручится.

Венцом Шуриных попыток сыграть в «Пигмалиона и Галатею» — когда-то он пересказал мне этот незамысловатый сюжетец — был, конечно, наш культпоход в Эрмитаж.

Накануне в Ленинград прилетел из Варшавы старый Шурин приятель — польский журналист Сташек. И остановился у нас, заявив, что они лучше пропьют с Шурой деньги, выданные ему редакцией на гостиницу, чем бросят их в «ненасытную глотку Социализма»!

Наверное, денег было не так уж много, потому что хватило их всего на трое суток беспробудной пьянки у нас на кухне, во время которой я, на всякий случай, взял себе три отгульных дня. И дома практически не появлялся.

Мне было вполне достаточно того, что, прогуливаясь по своему родному пустырю, я слышал из раскрытых окон нашей квартиры нестройное хоровое пение в два мужских пьяных голоса, густой русский мат с польским акцентом и дамские взвизги обид и восторгов...

На третий день наступило затишье. Я уселся в траве напротив парадного входа нашего дома и стал ждать дальнейшего развития событий. То, что они последуют незамедлительно, я уже чувствовал и чисто Шелдрейсовским образом, и собственной интуицией, заложенной в меня моими хамскими предками.

И действительно, вскоре раскрылась дверь и на волю выполз очень аккуратненько одетый, но опухший Шура Плоткин с прозрачными и бессмысленными глазками. В руках он держал сверток с запахом жратвы.

— Мартышка-а-а-а... — попытался он меня позвать, но засипел и закашлялся. — Мартынчи-и-и-к!..

Я вышел из травы. Шура увидел меня, глаза его приняли некое осмысленное выражение. Он облегченно вздохнул, сел передо мной на корточки и развернул пакет с остатками моего чека и ихней колбасы.

— Все, все, Мартышка... — виновато забормотал Шура. — Денег — ни хуя, пьянству — бой, начинаем культурную программу... Все идем в Эрмитаж! Этот польский мудак семь раз был в Париже и ни разу в Лувре... Пятый раз прилетает в Ленинград — и до сих пор не знает, где находится Эрмитаж!.. Хотя — жутко талантливый парень! Но алкаш, сволочь, — пробы ставить негде!..

— Ты на себя посмотри, — в упор сказал я ему.

— Да ты что?!.. Мартын, окстись!.. О чем ты говоришь?.. Я по сравнению с ним — новорожденный Котенок...

Потом Сташек с Шурой долго гадали — как протащить меня в Эрмитаж.

Сумки и портфели там запрещены, а я в свои тогдашние два года был уже достаточно крупным Котярой, и за пазуху меня тоже не спрячешь.

Однако еще не совсем трезвому Сташеку, от которого за версту разило перегаром, пришла в голову идея пронести меня в Эрмитаж в кофре из-под видеокамеры. Камера у Сташека была профессиональная — большая, и кофр — соответственно, тоже серьезных размеров.

Было решено не жалеть редакционное имущество и прорезать в боковой стене кофра круглую дыру для моей головы. Чтобы через эту дыру я мог легко и свободно наслаждаться наследием гениев, которому Лувр, где Сташек не был уже семь раз, и в подметки не годится!

Так с гордостью заявил Шура, и они со Сташеком проделали уродливую дыру в прекрасном кожаном японском кофре, принадлежавшем Польскому союзу журналистов.

За их почти непосильные труды они были вознаграждены тем, что обнаружили в кофре полбутылки польской водки «Выборовой»!

— О, пся крев! — счастливо воскликнул Сташек. — То та ж вудечка, ктуру не допишем в самолете! Хвала пану Бугу!..

Они тут же разлили водку по стаканам, немедленно выпили и стали заметно лучше соображать и координированно двигаться.

Сташек закинул видеокамеру на плечо — там был такой специальный ремень. Шура, якобы его ассистент, нес кофр с дыркой, из которой я созерцал окружающий мир. И мы вдвоем направились в Эрмитаж...

...Перед входом в Эрмитаж стояла туча народу! Иностранцев заводили в боковую дверь, минуя озлобленную километровую очередь русских провинциальных туристов.

Сташек тут же нацепил на куртку картоночку в прозрачной пластмассе с одним большим словом — «Пресса», и тремя маленькими — «Польское радио и телевидение». А Шура привесил на свой пиджачишко чудом сохранившуюся с моих Котеночных времен старую табличку со словом «Жюри». Он действительно был когда-то в составе жюри на конкурсе детского самодеятельного творчества Ленинградского Дворца пионеров.

Для понта Сташек подсуетился с камерой у входа, чтобы все видели, как он «снимает», а потом нагло раздвинул плечом группу робких китайцев и с криками:

— Пресса!!! Польское телевидение!.. — прошел сам в Эрмитаж и протащил нас с Шурой, отрекомендовав Шуру как своего ассистента.

И все шло прекрасно. Шура обнаружил глубокие и серьезные познания, которыми щедро делился со мной и Сташеком, а у меня хватило сообразительности, при переходах из зала в зал, убирать свою голову из дырки кофра, чтобы меня не заметили старенькие и сонные служители в эрмитажной униформе.

Все произошло в «Рыцарском зале». И, каюсь, по моей вине...

Правда, надо сказать, что к этому времени счастливо найденная бутылка «Выборовой» сделала свое черное дело.

Как помнится, она была распита перед выездом из дому, без малейшей закуски, как сказал Шура — «на посошок»,

и взбодрила союз польских и русских журналистов всего лишь до определенного момента.

Уже на подходе к «Рыцарскому залу» запас бодрости иссяк, «Выборовая» всколыхнула в Шуре и Сташке всю предыдущую трехсуточную поддачу и, повествуя нам заплетаящимся языком о достоинствах рыцарских лат четырнадцатого века Инсбрукского периода, Шура был вынужден придерживаться за фигуру этого рыцаря, кстати, очень небольшого роста...

А так как он изрядно устал таскать меня, то поставил кофр на пол. Сташек в это время делал вид, что снимает, и, чтобы не упасть, старался на кого-нибудь облокотиться.

— Пардон... — говорил Сташек. — Еще пардон!.. Курррррва мать!.. Эксклюзе муа!.. Айм сори... Сори, блядь, говорю!..

Но и это прошло бы, наверное, незамеченным в густой толпе с гидами, щебечущими на разных языках. Если бы...

Если бы я НЕ УВИДЕЛ МЫШЬ!!!

Она вылезала из стального башмака этого рыцаря-недомерка, и тут я не выдержал!..

Сейчас понимаю — был молод, несдержан, глуп и крайне импульсивен. Сегодня мне эта мышь — тьфу! Я бы на нее и внимания не обратил. Подумаешь — дерьма палата, как говорил Шурик.

А тогда... Ну, что возьмешь с двухлетнего дурачка?

Я пулей вылетел из своего кофра и как идиот бросился за этой мышью! Раздался многоголосый женский визг, началась дикая паника, суетня!.. Мышь — от меня, я — за мышью, дурак необученный...

От неожиданности и с похмельюги Шура покачнулся, еще крепче ухватился за этого железного мудака четырнадцатого века, а тот не выдержал повисшего на нем Шуру Плоткина и рухнул, рассыпаясь на все свои инсбрукские составные части! Естественно, вместе с членом «Жюри» конкурса детского творчества двухлетней давности Александром Плоткиным!!!

Я жутко перепугался грохота и лязга железа и, не помня себя от ужаса, взлетел на свисающую с потолка длиннющую занавеску, впоследствии оказавшуюся уникальным рыцарским штандартом-гобеленом, сотканным шестьсот лет тому назад.

Древний гобелен затрещал, гнилье, на котором он был привязан к потолку, лопнуло, и я вместе с этой рухлядью, как потом нам объяснили, стоимостью в миллионы долларов, сверзился на пол...

Что было?! Зазвенели какие-то звонки!.. Замигали лампочки! Завыла сирена!!! Откуда-то набежал крепенький народ — все в штатском! Повязали Шуру и Сташека, а когда я увидел, что Шуре заламывают руки за спину, и бросился на его защиту, то и меня скрутили в одно мгновение. Очень были тренированные ребята!

— Вот теперь — полный пиздец, — на весь Рыцарский зал очень отчетливо произнес представитель польской прессы Сташек. — На хер нам нужен был этот Эрмитаж?..

Милиция мне сразу не понравилась. Еще с того момента, когда нас вывели из Эрмитажа и посадили в желто-голубой УАЗик.

Там внутри, прямо на ходу, три здоровенных милиционера сразу же отлупили и Шуру, и Сташека, да так здорово, что Шуру даже вырвало с кровью. За что его отлупили еще раз.

В отделении милиции было грязно: на полу коридора окурки, следы плевков, мусор... И пахло, как в общественном туалете, куда мы однажды заходили с Шурой. Хлоркой и паршивыми Человеческими запахами немытых и потных тел. И повсюду пахло оружием.

Под потолком коридора висели тусклые, грязные лампочки без абажуров. Все было выкрашено в омерзительный грязно-серый цвет, а двери кабинетов — в коричневый.

Через час за Сташеком приехали из польского консульства и увезли его вместе с продырявленным кофром и видеокамерой.

Какой-то тип в рукавицах, чтобы я его не оцарапал, подтащил меня к двери и вышвырнул на улицу — во двор какого-то дома, — предварительно сообщив мне начальную скорость сильным пинком сапога под хвост. Больно было и обидно — до чертиков!

А Шуру Плоткина оставили.

Я оказался в старопетербургском дворе-колодце, куда выходили «черные» лестницы отделения милиции и продуктового магазина. Пахло бензином, стухшим мясом и гнилыми овощами.

Я решил дожидаться Шуру во что бы то ни стало!

Ждал я его довольно долго — до следующего утра.

За это время познакомился с несколькими Крысами и двумя вполне приличными Котами, которые, как и Крысы, кормились в продуктовом магазине и поэтому были равнодушны друг к другу. Наоборот, между ними была заметна даже некая общность и, я бы не побоялся сказать, подобие дружелюбия...

Уже под вечер один Кот куда-то смотался и привел с собой парочку домашних Кошек. У одной даже бантик был на шее.

Можете себе представить, что ночь мы все пятеро провели совсем недурно. К тому же второй Кот слямзил на складе магазина огромный кусок свежей трески. Как он его доволоч — ума не приложу!..

Короче, мы и перетрахались в доску, и треской этой обожрались, еще и Крысам оставили хороший шмат! И если бы так не болела задница от милицейского пинка и не мучила бы совесть, что, пока я здесь жру и справляю всякие удовольствия, тут же рядом, за толстой кирпичной стеной, в грязной милиции томится мой дорогой и любимый друг Шура Плоткин, — все было бы вообще в кайф!..

Утром Шуру выпустили. Он вышел небритый, помятый, отлупленный и униженный. Увидел меня, вздохнул глубоко, посадил меня к себе на плечо, и мы поехали трамваем домой.

Так что в русской милиции я побывал.

Участок же американской полиции в Квинсе произвел на меня совершенно иное впечатление.

Это отнюдь не означает, что Тимур привел меня в некое подобие полицейского рая, где летают ангелы в форме и штатском — с дубинками, наручниками и пистолетами, пахнущими одеколоном «Арамис».

Я назвал «Арамис» только лишь потому, что это был любимый одеколон Шуры Плоткина. Мне нравилось, что очень сильно небогатый, прямо скажем — нищеватый, Шура покупал себе всегда такой дорогой одеколон! Я считаю, что настоящий Кот... То есть Мужчина, обязан хорошо выглядеть, даже если у него, как у Мастера или у меня, физиономия

расположена шрамами или, к примеру, разорвано ухо. Это я утверждаю при полном врожденном неприятии каких-либо одеколонных запахов...

Нет, в полицейском участке Квинса работали нормальные Люди. И в форме, и в штатском, и пахли они нормальными Человеческими и оружейными запахами...

Если вы заметили, я много и часто говорю о запахах. Кого это будет слегка раздражать, я прошу сразу же вспомнить, что в эту секунду вы общаетесь не с Человеком вам подобным, а с КОТОМ, для которого обоняние является одним из важнейших инструментов постижения мира и окружающей действительности.

Итак, американский полицейский участок был совершенно не похож на ленинградское отделение милиции, куда четыре года тому назад нас с Шурой и Сташеком приволокли из Эрмитажа.

Там был грязный заплеванный коридор и наглухо закрытые двери кабинетов, за которыми ни черта не было видно.

Здесь все было открыто — практически никаких кабинетов. Лишь в углу большого зала с письменными столами друг против друга, за которыми работали сотрудники, большой стеклянной стенкой с поднятыми пластмассовыми жалюзи был отгорожен кабинет, наверное, начальника участка. Потому что у него в углу тоже стоял флаг Соединенных Штатов Америки. Как и у того начальника из Управления порта «Элизабет» в Нью-Джерси.

Думаю, что это было очень удобно: начальник мог видеть, что делают его подчиненные, а подчиненные постоянно могли наблюдать — чем занят их начальник. Конечно, пока тот не опустит жалюзи...

На каждом столе был свой телефон, на многих столах — компьютеры. Сзади и сбоку письменных столов расставлены были невысокие железные шкафы с глубокими ящиками. Там хранились разные дела, картотеки, фотографии...

Как вы сами понимаете, всю эту информацию я получал от Тимура, который в этом участке был со всеми на дружеской ноге.

А уже сам я заметил, что на всех письменных столах в общем зале, кроме служебных бумаг, телефонов и компьютеров, обязательно стояло еще что-то, совершенно не имеющее

отношение к службе в полиции, — что-то очень личное и собственное хозяина этого служебного стола. Это могла быть заводная игрушка, резиновый Микки-Маус, нестандартная настольная лампа, фотография в рамочке — чаще всего детская, — маленький школьный глобусик, разрисованный фло-мастером, с изображенной веселой мультяшной рожицей...

На стенах приколоты временные записи, бумажки с телефонами, памятки с кучей восклицательных знаков. Висели и объявления о розыске преступников с двумя фотографиями — в профиль и анфас. Или с рисунком. Тимур объяснил, что это называется «фоторобот».

Напротив, на другой стене, — большая карта района этого участка полиции.

Дальний угол зала был отгорожен нормальной тюремной решеткой, за которой стояли, сидели и валялись временно задержанные, в ожидании разборок.

У некоторых столов сбоку сидели Люди, уже дождавшие-ся своего часа выяснения отношений с законодательством США. Как мне объяснил Тимур, это были мелкие торговцы крэгом (наркотиками), проститутки — ценнейший источник информации, воришки невысокого ранга, взломщики автомо-билей и прочая шушера.

У одного стола сидела роскошная молодая дама невероятной красоты, вся в дорогих мехах. На ней были серебряные туфли с высоченными золотыми каблуками. Она курила длинную коричневую сигарету и очень ловко пускала в потолок синие колечки дыма.

Я на нее так засмотрелся, что чуть не выпал из рюкзака! А когда я услышал, как с ней разговаривает пожилой толстяк в свитере, весь перепоясанный наплечной кобурой с огромным пистолетом, я вообще запаниковал. Уж слишком это было похоже на то, как когда-то милиционер Митя, еще работа-тая в ГАИ, разговаривал с Пилипенко — бывшим тогда еще рядовым жуликом по отлову Собак и Кошек.

— Ты, мудила, мне глазки не строй, — говорил толстяк. — А то я упеку тебя на девяносто дней без всякого залога в такое место, что ты у меня там уже через две недели загнишься! Ясно?

— Ясно, — спокойно отвечала эта красотка с золотыми каблуками. — Скажи мне, что я должна сделать, — и вся про-блема.

— А «ДОЛЖНА» ты мне вот по этим фотографиям опознать Хозе-Луиса Мартинеса, блядьюга.

— Если я это сделаю, я загнусь не через две недели, а гораздо раньше, — улыбнулась красотка и пустила новую серию колечек в потолок.

— Ну, держись, говно собачье! — посоветовал ей толстяк и стал куда-то названивать по телефону.

— Ты чего уставился? — нехорошим голосом спросил меня Тимур. — Это же мужик в бабьих шмотках! Сам не видишь, что ли?

Я, честно говоря, просто обалдел! Ну надо же... Никогда бы не подумал.

И тут мы подошли к столу Рут Истлейк, за которым ее не было. Но то, что это был ее стол, — я мог дать хвост на отруб!

В столпотворении сотен самых разных запахов большого полицейского участка, зачастую резких, явственных, знакомых и неожиданных, сбивающих с толку и настораживающих, — нежный, «негромкий», тончайше-характерно-женственный запах Рут Истлейк, в котором уже неразрывно присутствовали и запахи Тимура, я узнал сразу же!

— Куда тебя несет? — спросил я Тимура. — Вот же мамино место, не видишь, что ли?..

— Но ее же... Ой, а откуда ты знаешь, что это ее стол?!!

— Как-нибудь объясню, — пообещал я. — Там записка. Не для нас?

— Точно... — Тимур прочитал записку. — Она просит подождать. Скоро вернется.

К нам подошел низенький квадратный человек. Из-под короткой кожаной куртки у него на живот свисали наручники. А еще от него разило пистолетом.

— Привет, Тим! Мама просила тебя подождать.

— Спасибо, Джек. Я уже прочел записку... Вылезай, Мартын. Познакомься.

Я выпрыгнул из рюкзака прямо на стол Рут и уставился на этого Джека.

— Мартын, это — детектив Джек Пински, бывший партнер Фреда Истлейка. Наш друг. Джек, это — Мартын. Настоящий русский Кот. Представляешь, Джек, он один, сам приплыл в Нью-Йорк из России!

— Привет, Мартин, — сказал Джек, не осилив буквы «ы».

Я вежливо вильнул хвостом, но промолчал.

— Серьезный Котяра, — с уважением заметил Джек и оценивающе оглядел меня со всех сторон. — По версии профи-бокса — верный полутяж. Даже ближе к тяжу...

Я сразу почувствовал симпатию к этому Джеку.

Уж чего-чего, а профессионального бокса, и именно американского, я в Германии по телеку насмотрелся до одури! И что такое «тяж» или «полутяж», для меня не составляло загадки.

— Только он не любит, когда его гладят, — неожиданно сказал Тимур Джеку.

— Я его понимаю. Я тоже этого не люблю, — ответил Джек. — Вас покормить, ребята?

— Спасибо, Джек. Мы подождем маму.

— Олл райт! Тогда — привет, — и Джек пошел по своим делам.

— Откуда ты знаешь, что я не люблю, когда меня гладят? — спросил я Тимура.

— Я это в порту понял.

Нет, я определенно везучий Котяра: пацан мне попался, как сказал бы Водила, — просто зашибись! Классный пацан. Теперь бы еще разыскать Шуру...

Но тут прибежала запыхавшаяся Рут, притиснула к себе Тимура, поцеловала меня в нос, бросила какие-то бумаги в стол и побежала за стеклянную загородку к своему начальнику.

Там она ему что-то рассказала — весело, со смехом, а потом указала на нас. Начальник посмотрел в нашу сторону, помахал Тимуру, и Тимур сделал ему ручкой в ответ. После чего Рут выскочила в общий зал, перебросилась несколькими словами с Джеком Пински и побежала к нам.

Честно говоря, направляясь в полицейский участок, я рассчитывал увидеть там Рут Истлейк в полной полицейской форме — вот как та ужасно толстожопая негритянка, которая только что остановила Рут и стала ее о чем-то просить.

Вот толстуха была в порядке! Форма, пистолет, дубинка, полицейский значок буквально лежал на ее фантастической груди, какие-то знаки на рукавах, небольшая рация типа уоки-токи, которыми пользовались наши «Академико-Абрамовцы...» во время стоянки в портах и при разгрузке контейнеров.

А кроме всего, толстуха была обвешана еще кучей всяких полицейских предметов, которых я в жизни не видел!..

В отношении же Рут Истлейк мои ожидания были обмануты самым симпатичным образом: она была в элегантной спортивной меховой «парке» с капюшоном, ярком джемперочке и джинсах. Через плечо болталась большая сумка на длинном ремешке. Однако, когда она закидывала эту сумку на плечо, джемпер у нее слегка задрался, и я увидел, что на поясе джинсов у Рут был пристегнут большой металлический полицейский знак на кожаной подкладке. Но уже в следующее мгновение Рут одернула джемпер — и значка как не бывало!

С трудом отвязавшись от толстухи в форме, Рут подхватила меня под мышку, скомандовала Тимуру: «Вперед!» — и мы помчались на выход мимо всех столов, мимо тоже прозрачной загородки дежурного по участку со всякими пультами и мониторами, мимо бледного долговязого типа в наручниках, которого под руки вели два ну абсолютно хиповых паренька! У одного из них были даже разноцветные волосы...

Помню, такие хипари в Мюнхене обычно кучковались на Мюнхенерфрайхайт, у Хауптбанхофа и на бульваре Герцог-Вильгельм-штрассе. Задвигались наркотой и пили дешевое вино с пивом.

Оба американских хипаря почтительно поздоровались с Рут.

— Это тоже полицейские?!.. — удивился я.

— Одни из лучших, — ответила Рут. — Ребята, я отпросилась пораньше, и мне совсем не хотелось бы сейчас же мчаться домой и становиться к плите. Есть предложение. Тим! Катим в Манхеттен, показываем нашему дорогому гостю деловую и роскошную часть Нью-Йорка и там лопаем в какой-нибудь симпатичной и недорогой забегаловке... Я лично хотела бы японское «суши».

— А с Кысей пустят? — резонно спросил Тимур.

— Попробуем договориться.

Договорились. Пустили с Кысей.

Мало того, даже приволокли для меня специальный высокий детский стул с откидывающимся небольшим столиком. И все это сооружение поставили вплотную к нашему столу.

И подали потрясающую жратву! Причем для меня — бесплатно.

Хозяин ресторанчика — у Таймс-Сквер на углу Сорок шестой улицы и скрещения Бродвея с Седьмой авеню — пожилой японец вспомнил, как когда-то Рут с Фредом несколько раз бывали у него, а потом, уже недавно, кажется в прошлом году, миссис была здесь со своим мальчиком. И с тех пор мальчик очень-очень вырос и стал очень-очень похож на свою очень-очень красивую маму!..

Мы все трое переглянулись, Рут поблагодарила хозяина за комплимент, после чего нам и стали метать на стол всякие японские вкусности.

— Вот видишь? — сказал Тимур, словно продолжая давно начавшийся разговор. — Мне и в школе говорили, что я на тебя похож! А однажды, в спортзале, когда мы только что вернулись с тобой из Флориды и я был такой загорелый, один говнюк даже сказал мне, что я... Ма, ты не огорчайся... Слышишь, мама? Он сказал мне, что я — «черномазый»...

У меня даже в животе похолодело! Я перестал есть и боялся поднять глаза на Рут.

— Ну, а ты? — спокойно спросила Рут и улыбнулась странной улыбкой.

— Отгадай!

— Уже, — сказала Рут. — Это было в тот день, когда ты вернулся домой с рассеченной бровью и разбитым ртом. А потом не очень талантливо сочинил историю про падение с турника.

— Откуда ты знаешь, мам?!

— У меня такая профессия — быть твоей «мам». Ешь! В порту были?

— Да.

— Нашел то, что искал?

— Не темни, мам. Я Мартыну уже все рассказал. Нет, не нашел. Но получил вот это... — и Тимур протянул Рут визитную карточку того портового начальника. — Обещал что-то придумать.

Рут внимательно изучила визитку и уверенно сказала:

— Видимо, сильный мужик. Обязательно созвонись с ним.

Я свою изумительную японскую сырую рыбу прикончил в один присест. Рут и Тимур еще макали ее в какие-то соусы,

чем-то сдабривали, посыпали, и на это у них уходила масса лишнего времени. Мне же все эти приправы были до лампочки: рыба есть рыба, и жрать ее надо, с точки зрения нормального Кота, без всяких примесей и гарниров.

Поэтому Рут и Тимур еще были заняты едой, а я уже умылся, прилизывался, приводил себя в порядок и думал: «Интересно, а про Шуру она что-нибудь узнала?..»

— Да, КЫ-ся... По Квинсу твой Шура Плоткин не числится, — тут же сказала Рут. — Мы запросили Бронкс и Бруклин. Бронкс обещал дать сведения завтра. А Бруклин — не раньше, чем дня через четыре. У них там куча проблем с вашими новыми русскими евреями — одно убийство за другим, каждый вечер стрельба, все под контролем вашей мафии, и наши ребята вкалывают там день и ночь, и то зашиваются. Просили чуточку подождать. Ладно?

— Конечно, — сказал я, а сам подумал: «Надо что-то предпринимать самому. Это им кажется, что они за четыре дня покончат с русскими. Я-то знаю, что наши — неистребимы!»

Наверное, наверное, и у нас в России сейчас есть такие замечательные отделения милиции, как этот полицейский участок в Квинсе!

У нас сейчас вообще все есть. Малость залежалое, сильно подороже, но есть же!.. Это мне милиционер Митя говорил. Он врать не станет. Ему врать смысла нету.

И наверняка где-то в Америке есть маленькие, мрачные полицейские участки с заплеванными полами, ничуть не лучше того ленинградского отделения милиции, где мы были с Шурой...

Просто ни одна полиция в мире ни хрена еще сто лет не сможет поделаться с нашими ребятами, пока у них перед глазами есть такой замечательный пример, как наши родные русские правители, которые ограбили свой народ и разворовали собственную страну.

Это мне еще посредине Атлантического океана Мастер говорил. Это же в Санкт-Петербурге мне втолковывал Митя — младший лейтенант милиции Дмитрий Павлович Сорокин. А за месяц до моего знакомства с Митей, в Грюнвальде, самом дорогом районе Баварского Мюнхена, теми же словами и совершенно то же самое объяснял мне мой старший друг Фридрих фон Тифенбах.

Только Митя в каждую фразу вставлял минимум три слова «бля», а заканчивал фразу одним словом «ёбть», чего Фридрих фон Тифенбах, несмотря на свое блистательное образование, естественно, не делал, по причине незнания нормального русского языка.

— Мам, а что это за русская баня, о которой ты начала говорить еще в машине? — спросил Тимур.

Оказалось, что сегодня Рут по служебным соображениям была в районе Форрест-Хилл, рядом со Сто восьмой и универмагом «Ломанс», на улице Каллоуэй, в «сердце русского Квинса», на открытии огромной бани под названием «Сандуны».

— У нас в Москве тоже были «Сандуны»! — тут же сказал Тимур.

Премьера Квинсовских «Сандунов» была безудержно роскошной, с уймой гостей, с выпивками и закусками.

Торжественно открывалась «парилка». Это такая комната, где при помощи очень... ну, просто очень горячего пара люди доводят себя до обморочно-полусваренного состояния, а потом сигают в бассейн с ледяной водой, что лишний раз доказывает природное мужество русских и их евреев!

Открытие русской бани именно там — было безошибочным. Что за «русский» район без русской бани?..

— В этом районе много русских? — с неясной надеждой спросил я у Рут.

— Очень! — ответил мне Тимур.

Может, Шура пока что живет у кого-то из приятелей? И поэтому в полиции о нем не знают? Он же в Америке всего полтора месяца... Он и в Москве всегда останавливался у одного знакомого художника. «Ни гостиниц не было, ни денег на гостиницу», — говорил Шура.

Надо, надо будет самому пошуровать! Или ехать в Вашингтон, к тому конгрессмену — приятелю Фридриха. До Вашингтона на автобусе всего пять часов неторопливой езды. Это мне еще Капитан-Александр-Иванович-Кэп-Мастер рассказывал.

А там уже все просто — где тут у вас Конгресс? Ах, вот он! Тогда, пожалуйста, позовите мне конгрессмена... Ох, елочки точеные! Как же его зовут?! Он еще учился вместе с герром Фридрихом фон Тифенбахом... Может, знаете? Как зовут?..

А черт его знает! Как же его звали, конгрессмена этого?.. Мамочки родные! Ведь Фридрих мне раз десять его имя повторял, а я... Склеротик чертов!!!

Тимура бы к этой поездке подключить... Тем более у них какой-то автобусник есть знакомый.

— Тебе когда теперь в школу? — спросил я Тимура.

— Уже завтра. А что?

— Да так... — ответил я и подумал: «Ничего. Сам справлюсь».

...Потом Рут и Тимур показывали мне вечерний Манхеттен.

Я, как обычно, сидел на спинке переднего пассажирского сиденья, положив лапу на плечо Тимуру.

В отличие от Мюнхена, да и от Санкт-Петербурга, — все было кошмарно большим и ярким! И длинным! Улицы, дома, автомобили. Даже у Рут и Тимура автомобиль был длиной чуть ли не с прицеп Водилиной «Вольвы». И назывался автомобиль семьи Истлейк — «плимут».

Так вот, о Манхеттене... Дома там были невероятно длинными в высоту! Двигались мы там ужасающе медленно, но у нас, слава Богу, был полицейский пропуск и мы могли останавливаться где угодно.

В желании показать мне Нью-Йорк как можно лучше, Тимур и Рут постоянно сыпали всякими названиями — Пятая авеню, Рокфеллер-центр, музей Гугенхайма, Бродвей... Кстати, Бродвей — самая яркая и освещенная улица, которую я когда-либо видел в жизни. Германия удавилась бы от жадности, если бы ей предложили зажечь такое количество лампочек сразу!..

Так вот, все эти названия — от Централ-парка до Маленькой Италии и Китайского квартала, включая сюда и две чудовищные башни Мирового Торгового центра, — абсолютно не задерживались у меня в голове и начисто пролетали мимо моего сознания.

Все они постоянно вытеснялись из моей башки лишь одной и той же мыслью: «Вот где-то здесь, может быть даже вон за тем поворотом, сейчас бредет Шура Плоткин... А может быть, он сидит сейчас вот в этом доме, у приятелей... или одинешенек киряет сейчас вон в той невзрачной забегаловке...»

Из болтовни Тимура и Рут я понял лишь одно — они показывали мне СВОЙ город. Мало того, они, уже в который раз, САМИ СЕБЕ показывали этот город! Потому что они оба преданно и недоверчиво, с горделивой нежностью и разумной настороженностью очень любили этот огромный город! И очень хотели, чтобы он понравился и мне — впервые попавшему в Америку...

А я почувствовал себя не Котом, а Свиной, потому что никак не мог толком врубиться в их рассказы, а постоянно думал только лишь о Шуре...

Наверное, Рут просекла состояние моей души, так как сказала:

— Все! Поехали домой. Переизбыток информации вреден. Завтра всем рано вставать. Кроме Мар-Тына... Он может дрыхнуть сколько угодно. Да, КЫ-ся?

Она была несомненно талантливым Человеком — эта Рут Истлейк.

Я потянулся к ней и благодарно потерся носом о ее правое ухо.

Хотел мурлыкнуть, но ничего не вышло. Надо бы потренироваться, что ли...

Дома, после ужина, перед тем как всем следовало уже разойтись по постелям, я попросил Рут оставить окно в кухне чуть приоткрытым — вдруг мне ночью понадобится выйти по малой нужде?..

Это я так Рут сказал. Сам-то я точно знал, что выйти мне будет просто необходимо. Уж больно мне приглянулась та беленькая Кошечка-грязнулька с высшим сексуальным образованием!

И потом, я сгорал от любопытства узнать — кто такой... Или что такое — «Вагиф», о котором моя Первая Американочка бормотала даже во время ЭТОГО САМОГО...

Ох, чувствую я, что подустал бороться за чистоту названий частей тела или совершаемых ими действий! Эта повсеместная идиотски-ханжеская возня с «НЕНормативной лексикой» — кого угодно в гроб загонит.

Я уже и сам начинаю сдаваться — вместо того чтобы называть подлинным словом один из прекраснейших природных

процессов всего Живого, от соприкосновения пестиков и тычинок до воспроизводства Слонов, я вынужден писать большими буквами — «ЭТОГО САМОГО», чтобы можно было догадаться, что я имею в виду.

По-моему, это отвратительно! Скоро мои воспоминания можно будет рекомендовать для школьного чтения в самых младших классах.

Нет, нет, я не ПРОТИВ детей. Я ЗА взрослых.

Ночью я осторожненько выполз из комнаты Тимура и неслышно — по стеночке, по стеночке — пробрался в кухню. Вспрыгнул на подоконник, высунулся под приподнятую и закрепленную оконную раму в холодную черноту Нью-Йоркского Квинса и прислушался.

Ночь была полна звуков, большая часть которых Человечеству недоступна. В такие моменты я лишний раз тайно убеждаюсь — насколько мы совершеннее! Это отнюдь не умаляет целый ряд достоинств Людей, не свойственных нам — Котам. Ну, и в какой-то степени — Кошкам...

Однако все свои достоинства Человеки получают при определенном воспитании и серьезном образовании. Мы же — Коты — все это обретаем еще при рождении. Природа-матушка с младых когтей щедро награждает нас всем тем, что потом с возрастом в нас закрепляется и усиливается.

Конечно, конечно, не спору, есть и среди нас — Котов — полные дебилы и тупицы, которым даже Природа была не в силах помочь. А что, среди Людей нету таких? Да полно! Особенно сейчас. Но в общей своей массе...

Ладно. Не будем продолжать этот затянувшийся и по сути беспредметный спор. Пусть каждый останется при своем мнении. Но, как утверждал не самый последний Человек в мире писатель и ученый Конрад Лоренц в своей книжке «Человек находит друга», давайте и относиться друг к другу с уважением. Что я в большинстве случаев и делаю.

И недостатки давайте друг другу прощать! Вы, господа, не умеете видеть в темноте? Ничего страшного. Зато я — не умею читать. Хотя читать я могу научиться, а вы...

Хорошо, хорошо! Не будем. Подобных сравнительных примеров можно привести невероятное количество.

Но главное — нужно уметь Любить. И не считать любовь Человека к тебе — явлением обязательным и само собой разумеющимся. Как это делают немецкие Коты и Кошки в Германии. Там они свято уверены в том, что Хозяева Жизни — именно они, а Люди, с которыми они живут, только и существуют для того, чтобы их Котикам и Кошечкам было бы удобнее, сытнее и забавнее жить на свете...

Живешь с любящим тебя Человеком — изволь и ты чувствовать за него ответственность! Сыт ли он, не холодно ли ему, не грозит ли ему опасность, не слишком ли он много пьет, как Шура?..

Вот что такое Любовь с большой буквы. А не всякие там облизывания и мурлыканья.

Старею, что ли? Шесть лет... Это сколько же по-Человецки будет? Мы с Шурой как-то высчитывали — получалось года тридцать три, тридцать четыре. То есть мы с ним почти ровесники.

М-да... Рановато я взялся проповедывать столь примитивные философские сентенции, так откровенно лежащие на поверхности бытия.

Это все равно если бы Шура Плоткин сегодня начал бы писать многотомный труд — «Моя жизнь в российской словесности». Хотя а почему бы и нет? Если есть, что сказать, — валяй...

Мои ленивые размышления были резко прерваны шипением сразу нескольких Кошачьих голосов и ответным, достаточно дружелюбным лаем какого-то не очень большого, явно бродячего Собака.

Я совсем вылез на внешний подоконник нашего дома, но оттуда тоже было ни черта видно, и мне пришлось махануть с подоконника на «наше» дерево.

Там я покрутился и перепрыгнул на нижнюю толстую ветку. Сквозь ее короткие безлистные отростки я увидел внизу следующую картинку...

У старого, брошенного автомобиля, под которым я справлял свою нужду прошлой ночью, а потом «пользовал» (вот что такое — внутренний редактор!) Кошечку-грязнульку, ради которой, собственно говоря, я и торчу сейчас на дереве, нервно крутился небольшой кудлатый Песик, забежавший сюда, видимо, совершенно случайно.

Вокруг Песика, по кругу, жутковатой поступью, с выгнутыми спинами и прижатыми к затылкам ушами, медленно двигалась Котово-Кошачья банда. Я не умею считать, но их было очень много!

То, что банда была организована, было видно с первого взгляда. Я только не мог понять, кто из них — Главарь. Зато тут же узрел свою грязно-беленькую Кошечку, в ужасе прижавшуюся к заднему колесу автомобиля.

— Ну чего вы, ребята?!.. — дрожащим голосом лаял этот Собак по-нашему, по-Животному. — Чо я сделал-то?.. Я просто так, поссать сюда забежал... Да если б я знал!.. Так разве я бы... Ну чего вы, в натуре?..

— Ну чего вы, в натуре? — повторил чей-то насмешливый Котовый голос с восточным акцентом, и круг шипящих Котов еще теснее приблизился к несчастному Песику.

Вот тут я увидел, как из подвала неторопливо вышел гигантский Кот с мертвой Крысой в зубах. Он был больше меня раза в полтора!

— Вагиф... — заплакал Песик. — Вагиф!.. Ну, пожалуйста!..

Так вот что это за «Вагиф»!.. А я еще наивно пытался понять, кто Главарь этой банды... Ох и здоровый, гад!.. То-то вчера эта беленькая тряслась и все время твердила: «А что скажет Вагиф?..» Теперь-то я ее понимаю.

Громила Вагиф сел в сторонке, положил перед собойдохлую Крысу и так ухмыльнулся Песику, что у меня мороз по коже пошел.

— Вагиф!.. — уже просто зарыдал Песик. — Я больше никогда не буду сюда приходить!.. Я нечаянно...

— Конечно нечаянно, дорогой, — почти ласково ответил ему Вагиф. — Конечно ты больше никогда не будешь сюда приходить!

Это прозвучало как приговор. Я не успел и опомниться у себя на дереве, как вся банда с жуткими воплями бросилась на несчастного Пса. Не скрою, я даже зажмурился...

...Когда я открыл глаза, Коты уже расступались. Истерзанное, окровавленное тело Песика валялось посередине двора. Наверное, в каком-то уголке Песьего существа теплились остатки жизни — его задние лапы еще конвульсивно дергались и мелко-мелко трясла измочаленный хвостик...

— Вы что-нибудь до конца доделать можете?!.. — с характерным восточным акцентом спросил Вагиф у своей банды.

Коты молчали, тупо глядя на умирающего Собака.

— Учишь вас, учишь!.. — прошипел Вагиф и встал.

Подошел к гибнущему Песику, наклонился над ним и мгновенно прокусил ему шею. Из прокуса брызнула вверх толстая струя крови, но Вагиф не дал ей разбрызгаться по пыльной, утопанной земле двора. Наполняясь дикой яростью и захлебываясь от жадности, Вагиф стал пить эту кровь, пока задние собачьи лапы не замерли, а хвостик не перестал трястись.

Я видел, что даже многие Коты и Кошки банды Вагифа, под тем или иным предлогом, отворачивались, стараясь не смотреть на эту омерзительную сцену.

Меня трясло, как в лихорадке! Теперь я уже не зажмурился, а, наоборот, не мог оторвать глаз от окровавленной морды Вагифа.

Я чувствовал, что меня покидают рассудок, знание Лоренца и Шелдрейса, опыт интеллигентного общения с Людьми и Животными, и во мне, внутри меня, поднимается дикая, могучая и мутная волна Звериных инстинктов, напрочь стирая в моем мозгу все ограничения — все, чем я жил последние несколько лет...

А Вагиф — сволочь, подонок, убийца — развалился посередине двора и, облизываясь, подозвал к себе двух молодых Котов из своей шайки.

Те беспрекословно подошли. Вагиф перевернулся на спину, раздвинул свои задние лапы, и дальше стало происходить уже что-то совсем невероятное и невозможное!!!

Один молодой Кот стал вылизывать Вагифу задницу под хвостом, а второй Кот, стараясь не мешать первому, лизал у Вагифа яйца.

Меня чуть не вытошнило.

Я многое видел в своей жизни и многое перепробовал сам. Но с таким гнусным зрелищем, с такой мерзостью я никогда не сталкивался. Добро бы эту огромную тварь, этого вонючего Вагифа ублажали бы пара нормальных Кошек — это я еще мог бы понять.

Но то, что ЭТО делают молодые, здоровые Коты, — я просто не мог поверить своим глазам!..

Багиф стнаал от удовольствия, перекачивался с боку на бок, закатывал глаза, сладострастно таращился в черное американское небо и...

...в какую-то секунду вдруг неожиданно увидел на дереве меня!

Он злобно хлестнул хвостом по земле, отбросил молодых Котов одним движением задней лапы и, глядя на меня снизу вверх, крикнул:

— Эй, ты! На дереве!.. Марш сюда! А то у меня давно свежачка не было... Давай, давай, слезай. Хорошо вылижешь меня — оставлю жить, плохо — пеняй на себя!..

Вот тут я вдруг понял, что этот огромный, наверное невероятной силы, самец, при всех своих внушительных статях, — примитивный и злобный ИМПОТЕНТ!

Импотент, которому ничего не остается, как люто ненавидеть Кошек и унижать Котов, способных нормально трахаться...

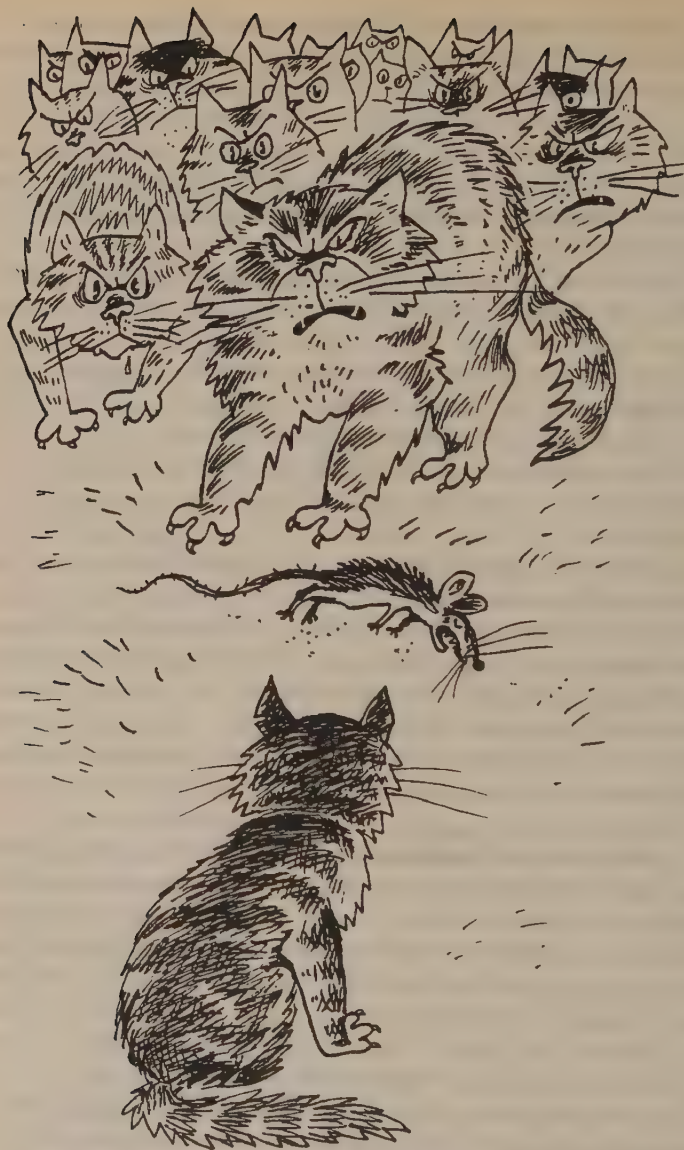
Мало того, даже гомосексуализм, который он так назойливо выставлял напоказ, был сотворен из злобы и зависти. Его гомосексуализм был насквозь лжив. Это была не врожденная аномалия, когда одна особа не в состоянии победить в себе влечение к субъекту своего же пола. Недуг — вечно охаиваемый, всегда преследовавшийся и только в последние годы завоевавший свое место в мире под половым Солнцем. Недаром же мэр Нью-Йорка благосклонно участвовал в ИХ демонстрации!

В Германии, в Грюнвальде, я знал трех Фоксиков-педерастов. Милые, доброжелательные и очень сердечные ребята. Как только я однажды отказался участвовать в их сексиграх, сказав, что я совсем-совсем из другой команды, тактичные Фоксики тут же предложили мне бескорыстную дружбу, которую я с благодарностью принял.

В конце концов, кого ты хочешь трахать — это твое личное дело. Хоть замочную скважину. Бог в помощь...

Но лживый, искусственный гомосексуализм Вагифа был соткан из элементарного полового бессилия, мстительности и неукротимой, чисто восточной жажды власти.

— А ты не боишься, что я увлекусь этим занятием и нечаянно оторву тебе твои дряблые, пустые яйца? — спросил я, осторожно слезая с дерева.

Боже, что тут было?! Коты и Кошки банды Вагифа ша-рахнулись в разные стороны от ужаса. Наверное, никто никогда не позволял себе так разговаривать с «самим Вагифом»!..

Краем глаза я видел, как моя беленькая Кошечка-грязнулька в панике юркнула под автомобиль, уткнулась носом в землю и обхватила голову передними лапами, закрыв глаза и уши.

Сам Вагиф тоже был потрясен! Он перевернулся на живот, огляделся в недоумении и встал на все четыре лапы.

— Что ты сказал?.. — просипел он, не веря своим ушам.

С последней, самой нижней ветки дерева я спрыгнул на землю.

— Я сказал, что отгрызу сейчас твои вонючие, грязные яйца! — повторил я.

Голос мой вибрировал от чудовищной злобы. Чувствовал я себя сейчас так, как тогда в Германии. — на автобане Гамбург—Мюнхен, когда Алик начал стрелять в Водилу! Выбора не было. Или я — или он...

Этот подонок был и тяжелее меня, и клыки у него были побольше моих, да и физически он был мощнее меня. Бодибилдингом занимался, что ли, сволочь?!..

Банда очухалась и стала сжимать круг. Я понимал, что, если сейчас я не совершу что-нибудь из ряда вон выходящее, я буду разорван на куски.

И тогда я, не отдавая себе отчета в своих действиях, просто сел на землю. Это было неожиданно не только для меня, но и для Вагифа, и для всех окружавших меня Котов и Кошек.

Теперь, когда я находился в непосредственной близости от Вагифа, — я смог разглядеть его поподробнее. Он был огромен, грязен, перемазан кровью несчастного Песика и очень вонял!

Вагиф еще больше выгнул спину, прижал уши к затылку и пошел мне навстречу, в остервенении хлеща себя по могучим, клочкастым бокам.

А круг становился все теснее и теснее, — кольцо Котов, жаждущих моей крови, все плотнее сжималось вокруг меня.

Даже если Вагифу не удастся покончить со мной одним разом, в следующее мгновение я буду растерзан дружным

коллективом этих провонявших помойками, злобных, тупых, хвостатых тварей.

«...Будто кто-то мне в кабацкой драке саданул под сердце финский нож...» — вспомнил я вдруг нашу петербургскую кухню и пьяненького Шуру с гитарой...

И в ту же секунду, когда уже совсем рядом, у самого своего носа я ощутил хриплое и нечистое дыхание этого негодяя Вагифа, я из положения сидя, со всех четырех своих лап, взвился в воздух над ним, метра на два с лишним, и сверху рухнул на спину этого могучего и грязного идиота!..

Когтями всех четырех лап я пронзил мощное и жилистое тело своего смертельного Врага, а клыками...

Хочу извиниться сразу за излишний натурализм этой сцены. Но и я попросил бы не забывать, что все-таки я — КОТ. ЖИВОТНОЕ! И когда в сотые доли секунды решается извечный вопрос — «БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ...», из меня начисто улетучиваются такие славные чувства, как Жалость и Сентиментализм. Как говорил в таких случаях Шура Плоткин, «кончилось время благородных мушкетеров капитана де Тревиля!..»

Я даже не осознал произошедшего. Просто услышал у себя на зубах противный и громкий хруст шейных позвонков Вагифа, ощутил вкус его крови, хлынувшей мне в рот, и под всеми четырьмя лапами с глубоко вонзенными в его тело когтями почувствовал предсмертную судорогу этого Гада!..

Но я еще глубже запустил в него, уже в мертвого, свои когти, а клыками вконец раздробил ему шею у самой головы.

Не разжимая зубов, сдерживая рвущийся из меня Дикий Победный вой, я поднял глаза на окружавшую меня трусливую хамскую свору и посмотрел на них так, что они попятились.

Тогда я разомкнул пасть и, не слизывая кровь ни с морды, ни с усов, негромко сказал им всем по-Нашему, по-Животному:

— Ну что, бляди? Кто следующий?!..

Я даже и не представлял себе, что могу так ОЗВЕРЕТЬ!

И в России, и в Германии я очень любил смотреть телевизионные передачи о Животных. Особенно — в Германии!

Немцы эти передачи делают просто великолепно. В отличие от всего остального кино, которое, по выражению Шуры Плоткина, да и того же Фридриха фон Тифенбаха, — «в рот взять нельзя».

Я-то в этом кино, признаюсь, не очень тяну. Мне — или интересно, или — не интересно. А вот эти два столь разных Человека, обладавших, с моей точки зрения, безупречным вкусом, утверждали, что художественный кинематограф немцам явно противопоказан! Ну, не дано людям, и все тут...

В отличие от американцев, которым это ремесло вложил в руки сам Господь Бог.

Вернемся к телевизионным фильмам о Животных. Вспоминаю, как меня всегда раздражал и приводил в бешенство один и тот же момент в охоте больших и ужасно хищных моих Собратьев и Со... («Сосестер» — можно сказать? Или так не говорят?..) из клана Тигров, Львов, Леопардов и других Котообразных, когда они подкрадывались к гигантскому стаду полосатых Зебр и, предположим, Львица набрасывается на одну Зебру и тут же, на глазах у всего стада, убивает ее и утаскивает, к чертям собачьим!

Каждый раз, когда на экране появлялась подобная сцена, мне вдруг становилось наплевать на все мои Видовые и Родовые связи со Львицей и я целиком становился на сторону Зебры!..

Глядя на экран, мне всегда хотелось вопить дурным голосом:

«Суки вы все трусливые!.. Чего вы смотрите, как эта падла терзает вашу подругу?!.. Чего вы боитесь, кретины огромные?! Да бросьтесь вы на эту паршивую Львицу хоть небольшой компашкой, она же обсерется от страха! Забейте ее своими сильными копытами! Не давайте ей нападать на вас!.. Почему вы отворачиваетесь?.. Вон, даже травушку щиплете, вроде вас это не касается... Еще как касается! Вон ты, которая делает вид, что ничего не происходит, хотя в десяти метрах от тебя убивают тебе подобную, ты же, говно, будешь следующей!.. А вокруг все твои полосатые тупые бздылы будут щипать травку и отворачиваться!..»

Я понимаю — кушать всем нужно, детенышей кормить... И каждый промышляет, как может. Как говорится, Бог вам судья.

Но когда я вижу стадо Зебр, вооруженное могучими копытами, или Антилоп с рогами-кинжалами, или Буйволов, способных лбом свалить дерево, — и вижу, как они трусливо бросают Своего на растерзание одной Львице, я отказываюсь их понимать!

Да соберитесь воедино, затопчите вы Львицу копытами, проткните ее рогами, раздавите своей чугунной тупой башкой! Но только одной командой, сообща...

Я всю свою сознательную жизнь существовал по принципу — «Своих не закладывают!» Мне посчастливилось общаться с Людьми и Животными, для которых этот девиз тоже не был пустым звуком: Шура Плоткин и мой друг безхвостый Кот-Бродяга, Водила и Таня Кох, полицейский овчар Рэкс и его подчиненный лейтенант Клаус (забыл фамилию...), профессор фон Дейн и Хельга Шредер, Фридрих фон Тифенбах и карликовый пинчер Дженни, милиционер Митя и Капитан-Александр-Иванович-Кэп-Мастер... Да тот же Кот Рудольф и его супруга Маня! А мои новые друзья — Тим и Рут Истлейк?!..

Все они обязательно следовали этому правилу — «Своих не закладывают».

Я все это к чему? А к тому, что я сильно ошибался, полагая, будто банда Вагифа хорошо организована. Была бы она организована — от меня остались бы только клочья. Ан нет! Никто и не рюхнулся, когда я прикончил их засранного Главаря!..

Наоборот, вот они его тут же ЗАЛОЖИЛИ! Да еще как... Прямо по историческому примеру, о котором рассказывал мне Фридрих фон Тифенбах, — «Король умер! Да здравствует Король!..»

Тут же около меня оказалось несколько давно немых, но вполне приличных Кошек с томными глазами. Их, правда, достаточно решительно и как-то по-хозяйски тут же оттерла моя Первая Американочка — беленькая Кошечка-грязнулька.

Трусовато поджав хвосты, на полусогнутых лапах подходили по очереди разные Коты — представиться и снюхаться. Рыла у них были самые что ни есть готовые к повиновению. Причем это были те же самые Коты, которые пятнадцать минут тому назад по приказу Вагифа скопом, ни за что ни про

что растерзали несчастного заблудившегося Песика. А еще минуту назад были готовы схарчить и меня!..

Но тут, извините, Вагиф не успел скомандовать. Я ему слегка помешал...

Конечно, это была свора беспредельщиков и банда преступников. Но организованы они были из рук вон плохо. Нельзя держать в повиновении такое количество Живых существ только на одном страхе и унижении. Наверное, у любого Главара или Президента должен быть хотя бы небольшой элемент Любви к своему народу.

Тогда никто не будет обходить тебя, мертвого, стороной, будто и не лежишь ты сейчас в луже собственной крови. И, нечаянно вступив в эту кровь, никто не будет брезгливо отряхивать лапы и пытаться как можно скорее избавиться от «этой гадости», как пробормотал один из Котов, ублажавших Вагифа.

Этот подоняра и у меня попытался понюхать под хвостом, но я только показал ему клыки, как он моментально на жопе отъехал к стенке старого гаража. Это произвело впечатление и на остальных.

И снюхиваться я не хотел ни с кем из них. Меня все еще трясло от пережитого, кровь Вагифа засыхала у меня на морде, усах, под когтями, но облизываться было противно и невмоготу. Неожиданно моя Кошечка-грязнулька будто прочитала мои мысли. А может, так оно и было? Во всяком случае, она очень вовремя шепнула мне:

— Тебе нужно водой умыться. Идем. Тут недалеко...

— Спасибо, — тихо сказал я ей, а на всех остальных рявкнул: — Трупы убрать! Никуда не расходиться. А кто смется...

Я грозно оглядел эту бандитскую шоблу и, на всякий случай, добавил:

— Вернусь — всех пересчитаю!

Перебивая друг друга, Коты и Кошки хором закричали, что будут следить друг за другом и никто без спросу не уйдет. Тоже достаточно гнусно, но действенно. Однако и я — хорош! «Всех пересчитаю!..» Наврал для пущего страха. Считать-то я, сами понимаете... Надо, чтобы Тимур позанимался со мной хотя бы самой простой арифметикой. Еще бы научиться самому читать...

Мы вышли со двора на Шестьдесят пятую. Из каждого дома на высоте моего носа торчал пожарный гидрант. Мы с Грязнулькой пробежали парочку домов и нашли подтекающий гидрант, из которого сочилась струйка воды.

— Прокладку надо бы сменить... — сказал я, чем привел мою Грязнульку в полное восхищение.

Что такое «прокладка» и почему ее надо «менять» — я и понятия не имел. Но так всегда говорил Шура Плоткин, когда видел подтекающий водопроводный кран.

Наверное, если бы он хоть раз в жизни «сменил» эту «прокладку», я бы знал, что это такое. Но Шура только об этом говорил. Сколько я себя помню, кран у нас подтекал всегда...

Я с наслаждением подставил морду и передние лапы под струйку воды и вымылся начисто. После чего отряхнулся и заставил вымыться и Грязнульку.

Мылась она крайне неумело. Мне даже пришлось ей помогать и показывать, как это делается по-настоящему. Зато когда процесс обучения и омовения был закончен, передо мной предстала такая Беленькая, такая Хорошенькая, такая Пушистая Кошечка, что я не удержался и тут же, не отходя от гидранта, как говорил Шура Плоткин, «слился с ней в едином экстазе»!

Вернувшись во двор, мы не увидели ни бедного Песика, ни эту омерзительную грудку костей, мяса и шерсти под бывшим названием «Вагиф».

Вся Котово-Кошачья стая сгрудилась между гаражом и старым автомобилем, и лишь два молодых Кота, которые еще совсем недавно ублажали своего Главаря, теперь бешено скребли задними лапами по земле и торопливо забрасывали кровавые следы, оставшиеся после совершенных событий.

Увидев меня, они сразу приняли невероятно озабоченный вид, стремясь показать — как они старательны и горды тем, что именно им поручено такое важное и необходимое дело!

Увидев мою подружку чистенькой, беленькой и пушистой, Кошки презрительно переглянулись и завистливо уставились на нее. Старые Коты опустили глаза, а молодые трусливо отвернулись. А моя... Ну, смех прямо!.. Как внезапно возникающая

уверенность в себе преображает даже Кошку-дворяну! Моя гордо повела головой и спокойно окинула всю эту вонючую компаху взглядом Первой Дамы Королевства.

Мы с ней сели напротив этой немытой шоблы, и я толкнул речь.

Я сказал этим американским курвам, что УБИВАТЬ можно только в случае замозащиты. Или когда твои Котята погибают с голоду.

Но что-то я не вижу, сказал я им, чтобы кто-нибудь здесь так уж выглядел голодным. Грязные все, вонючие, нечесанные, неприбранные — да, а рожи у всех очень даже откормленные!..

Поэтому теперь будет так: УБИЛ — СДОХНИ сам. А я тебе в этом помогу всеми своими силами. За это — ручаюсь!

Вокруг — кучи магазинов, кафе, ресторанчиков, шашлычных, сказал я. Привести себя в порядок, умыться, покрутить мозгами и жить можно, как у Христа за пазухой!

Это выражение я слышал от Водилы, и оно мне очень понравилось.

— А Собаки? — спросил меня пожилой Кот. — Тут их столько... Стаями нападают. Даже на Людей!..

— Знаю, сам сталкивался, — сказал я. — В этом случае — не жалеть ни себя, ни их!.. Но делать это надо организованно! Продуманно. Заранее обеспечивая себе пути отхода — гаражи, деревья, подвалы...

— А там — Крысы... В сто раз больше, чем нас! — крикнул кто-то.

— Уже двух наших разорвали!.. — прогундосила старуха Кошка и сделала вид, что смахнула слезу. — Накинутся целой стаей на одного и...

— Как вы на ту Собачку, да? — спросил я.

Все тут же заткнулись, поджали хвосты, стали какие-то щепочки, камушки разглядывать у себя под ногами.

— А с Крысами можно договориться, — сказал я, хотя никогда в своей жизни не разговаривал с Крысами.

— Разумно, — раздался за моей спиной совсем не Кошачий голос.

Я резко повернулся. Из полукруглого решетчатого подвального окошка, в том месте, где в переплетении оконной рамы было выбито стекло, на меня смотрела большая Крыса

с седой мордой. Причем Крыса была явно мужского пола. Значит, КРЫС, что ли?..

Четверо «наших» инстинктивно рванулись было к этому Крысу, но я только хлестанул себя хвостом, прижал уши и приподнял верхнюю губу, предъявляя свои клыки на всеобщее обозрение, как все четверо будто наткнулись на невидимую стену и прилипли жопами к земле.

— Я же сказал — ДОГОВОРИТЬСЯ, — негромко, но внятно прошипел я Котам. — ДО-ГО-ВО-РИТЬ-СЯ! А не лезть в драку вчетвером на одного, а потом жаловаться, что их слишком много... Хватит! Хватит крови, это вы можете, наконец, понять?!

— Очень разумно, — повторил у меня за спиной седой Крыс.

И вдруг на какое-то мгновение я услышал в своей башке далекие голоса!..

Явственней всех слышался голос Мастера:

— Очень, очень разумно, Мартын!

Слабее, но достаточно отчетливо прозвучал голос Фридриха фон Тифенбаха:

— Я искренне горжусь тобою, Кыся...

— Я знала, что ты потрясающий Кот!.. — где-то там прокричала Таня Кох.

И уж совсем слабо, еле-еле слышно, словно с другой планеты, Водила и милиционер Митя сказали далеким-далеким хором:

— Ну, Кыся... Ты, бля, даешь!

Только Шуринога голоса я не услышал...

Были, правда, какие-то тревожные шорохи со знакомыми интонациями... Мне даже стон Шурин почудился! Но... Он это был или не он — кто знает?.. А если это был Шура — то что с ним? Почему, как мне кажется, я всех слышу, а его нет?.. Значит, с ним что-то произошло?..

У меня прямо комок подкатил к глотке. Еле отдышался.

Наверное, поэтому я несколько скомкал конец своей речи, потребовав ото всех Котов и Кошек — без малейшего исключения и скидок на возраст, как в одну, так и в другую сторону, — завтра ночью явиться на сходняк к старому гаражу чисто вымытыми, прилизанными и желательно с уже выкусанными блохами. И без какой бы то ни было агрессии!

— Все! — сказал я. — Переходим на мирные рельсы... Будя, едрена вошь! Навоевались!..

Это я в каком-то кино по телеку слышал.

Мало того, я потребовал от них, чтобы каждый к завтрашнему вечеру приволок хотя бы одну толковую идейку по переустройству и, как говорят сегодня, «реформам» нашего будущего сообщества. Ибо мне думать за всех некогда, у меня своих дел по горло, сказал я, и скорее всего, через несколько дней мне придется на недельку смотаться в Вашингтон, повидаваться с одним конгрессменом, — так что просил бы прикинуть — кто бы мог подменить меня, пока я буду находиться в правительственной командировке...

Я не собирался вешать им лапшу на уши. Мне просто показалось, что для пользы дела — так будет звучать весомее.

Все-таки Кот, воспитанный Советской властью, или, вернее, российским менталитетом (потрясающее слово!), где бы ни было — в России ли, в Германии, в Америке, — все равно останется самим собой! Вот обязательно ему нужно подчеркнуть свою близость к начальственным кругам, без нажима упомянуть два-три популярных имени, неназойливо напомнить о своем былом величии...

Последнее в полной мере относится к Котам-эмигрантам.

Помню, Шура всегда очень смеялся над этим. И я с ним...

А когда сам Шура вдруг получил какую-то вшивую комсомольскую премию за крохотный сборничек рассказов — ни денег, ни хрена, кроме медальки «под золото» на красной ленточке, — так он же больше недели пил с кем ни попадя — так ему это понравилось!

Вот тут я малость напутал: от лауреатского восторга Шура выпивал всего лишь пять дней. А уже от стыда, что «поймался на эту муху», — еще дня три пил без просыпу. И потом две недели каялся, что повел себя как последний жлоб и что он не достоин высокого звания русского интеллигента, и бормотал строчку чьих-то стихов — «Быть знаменитым некрасиво...».

Чего бормотал, понятия не имею. Если честно, так знаменитым он никогда и не был. Его все любили за совершенно другое...

...По всей вероятности, с этими засранцами-бандитами никто никогда не разговаривал нормальным языком. Они

чуть не чокнулись от картинки, которую я им нарисовал! То, что у половины этой хевры поехала крыша, — тут и к гадалке не ходи...

А моя Первая Американочка-прихехешка сидела рядом со мной, да еще мордочкой ко всем остальным, — словно в президуме, — и разглядывала свою же братву так, будто она видит их впервые!..

Я-то понимал, что еще до вчерашнего дня на ней, на молоденькой Грязнулке, теряли свою невинность и обучались сексуально-половым азам десятки юных Котов, только вступающих в свой трахательно-возрастной период. Никаких особых иллюзий у меня по поводу этой помытой поблядушки не было...

И все равно было очень приятно наблюдать, как от соседства и близости со мной эта Киска (я тоже хорош — не удосужился узнать, как ее зовут!..) так задрала свой розовый носик, что даже бывалые и наглые Кошки-профессионалки, которые всего час назад и не смотрели в ее сторону, стали мести перед ней хвостами и подлизываться!

Сзади меня раздался негромкий голос старого седого Крыса:

— Прошу прощения, мистер... На два слова!

— Минутку, — сказал я ему, а Котово-Кошачьей компахе рывкнул в манере старшины, которого Шура всегда изображал при воспоминаниях о своей армейской службе: — Разойди-и-ись!!!

А беленькой, пушистенькой тихо сказал:

— Ты меня прости, малыш, но я не могу пригласить тебя к себе. Я пока сам в гостях. До завтра, о'кей?..

— Ноу проблем, май дарлинг. Бай-бай! — легко ответила она и покосилась на одного молодого черного Кота, который исподтишка бросал на нее выразительные взгляды.

На мгновение я почувствовал непонятно откуда взявшийся укол ревности... Да нет! Не ревности, а уязвленного самолюбия.

Я понимал, что проигрываю этому молодому дурачку всего лишь в возрасте — ему было от силы три года. Но в остальном-то я его наверняка превосходил!.. А вот оказывается, что все это не так уж важно. Оказывается, важнее быть молодым...

Но я ничего не сказал этой беленькой посикухе. Даже взглядом себя не выдал и пошел к старому, седому Крысу.

Из короткого разговора со старым Крысом выяснилось, что со мной очень хотела бы поговорить Мадам — коронованная и полновластная хозяйка огромного Крысиного клана, занимающего достаточно серьезную территорию, даже по Нью-Йоркским масштабам. Ее владения с одной стороны простирались до самого Квинс-бульвара, а с другой, противоположной, — аж до Шестьдесят четвертой «дороги». Это у них тоже — улица. Включая, естественно, и нашу Шестьдесят пятую. С боков же границы территории Мадам проходили по Девяносто девятой и Сто второй стритам. Что тоже — улицы. Только какие-то из них идут с севера на юг, а другие — не то авеню, не то стриты (пока не разобрался...) — с востока на запад...

Про стороны света я теперь знаю почти все! На судне я так наблатыкался следить за компасом, что даже самостоятельно отмечал отклонения от курса на три-пять градусов.

Я вежливо ответил строму Крысу, что еще плоховато знаю этот район и не очень ясно представляю себе величину всех владений Мадам. Однако охотно верю в их грандиозность.

В разговоре с седым Крысом я невольно заговорил языком Фридриха фон Тифенбаха — сдержанно и, насколько мне это доступно, интеллигентно, время от времени обнаруживая глубину своих знаний, способную поразить любого собеседника. А так как знаний у меня было «с гулькин хвост», то я пользовался только манерой разговора Фридриха.

Я начисто исключил из своего лексикона слегка приблатненную манеру речи сегодняшнего так называемого «культурного слоя» общества и совершенно не пользовался наиболее близкой мне — чуть хамоватой, но четкой и выразительной — речью Водилы, милиционера Мити и всего нашего Санкт-Петербургского пустыря.

Старый Крыс заверил меня, что Мадам уже почти все знает о моем коротеньком пребывании на территории ее владений — у них превосходно поставлена разведка. Знает о бое и победе над Вагифом, слышала о моей миротворческой речи и готовности к переговорам и теперь хочет познакомиться со

мною лично. И, если я не возражаю, то эти переговоры сразу же и провести. Безопасность гарантируется.

И несмотря на то, что лапы мои буквально подламывались от усталости и пережитого, я ответил уже даже не в манере, а почти голосом Фридриха фон Тифенбаха:

— Я чрезвычайно ценю приглашение Мадам, буду искренне рад быть представленным ей, и если мое скромное участие в будущем взаимоприемлемом Единении столь противоположных представителей Животного мира послужит на пользу этого Союза, я буду считать, что мой жизненный и нравственный долг выполнен.

Старик Крыс чуть не выпал в осадок!..

Не скрою, я и сам едва не рухнул под тяжестью этой фразочки. Мелькнула мысль, что Фридрих все-таки намного умнее меня — он никогда не стал бы выражаться с такой пышностью. Так мог сказать Шура Плоткин, и то — в порядке трепа, в своем привычном иронично-издевательском стиле.

Боюсь, что я уже давным-давно перестал быть самим собой.

Я — Шура Плоткин, я — Водила, я — Фридрих фон Тифенбах, в чем-то я уже — Мастер... И в то же время я — Кот Мартын. Кыся. Вот как это?!..

Уже потом, лежа в своей уютной коробке с одеяльцем, слушая мерное дыхание спящего Тимура, сам я, несмотря на дикую усталость и очень поздний час, никак не мог заснуть — все вспоминал о переговорах с Мадам.

Владения ее были поистине огромны! Старый Крыс вел меня по такому количеству подвальных переходов, по таким узким для меня лазам, где я из-за своих габаритов протискивался с величайшим трудом, мы шли так долго, мы одолели такое количество старых водопроводных труб без воды, что мне показалось — не пройдет еще и трех минут нашего путешествия к резиденции Мадам, как мы вынырнем где-то уже в середине пустыря перед моим бывшим домом в Санкт-Петербурге! Или, на худой конец, окажемся рядом с Хинезиштурм Английского парка в Мюнхене.

Справедливости ради, должен отметить, что весь путь был удивительно чист — ни грязи, ни мусора, ни дерьма. Все было буквально вылизано. И мне это очень понравилось.

Впереди нас бежала Группа Охраны — четыре здоровенных молодых Крысы с такими устрашающими резцами, что при одном взгляде на них мне становилось не по себе. Точно такая же Группа замыкала наш кортеж. Тоже словечко — будь здоров, да? Это я от Фридриха слышал и все время ждал случая вернуть его в свою фразу...

На непросматриваемых поворотах или неожиданных спусках и подъемах дежурили Патрульные Крысы.

В помещениях, отстоявших влево и вправо от основного пути, судя только по запахам и звукам оттуда, — обитало такое количество Крысов, Крыс и Крысят, что я только диву давался, как скромно они себя вели — разорвали всего двух Котов!

Да выйди они хоть половинным составом на поверхность Квинса, они уничтожили бы давным-давно всех Котов и Кошек в округе, а с тем омерзительным Вагифом сообща справились бы гораздо раньше меня.

Меня потрясла четкая продуманность всего того, что я увидел своими глазами, — от чистоплотности до строжайшей дисциплины.

Я не преминул выразить свое восхищение старому Крысу, уже с трудом бегущему впереди меня.

Он был польщен и сказал мне, что у Крыс это врожденное. Однако время от времени приходится вводить ряд корректив в сложившиеся традиции.

— С чем это связано? — вежливо поинтересовался я.

— Тут масса превосходящих факторов... — сказал старый Крыс. — И бурное развитие американской химической промышленности, производящей каждый год все новые и более сильные средства против нас... И стремление Людей переселиться за пределы Нью-Йорка. Тут мы теряем экономическую стабильность... И загрязнение сточных вод, и попытки Людей, производящих продукты питания для самих себя, максимально насытить эти продукты различными суррогатами. Из-за этого мы вынуждены как можно больше держать наших Крысят на материнском молоке. А это значит, что Матери-Крысы значительную часть суток прикованы к дому. Самцы выбиваются из сил — им приходится воевать, строить, добывать пищу пристойного качества и, прошу прощения, охранять свои семьи, извините, от вас... Я уже не говорю о всяких там

пошлых крысоловках, о бетоне с толченым стеклом и прочими проявлениями Человеческого идиотизма!

— Боже! — искренне воскликнул я, с трудом влезая в очередную бывшую водопроводную трубу. — Но об этом кто-то должен постоянно думать?!.. Кто-то должен всем этим руководить! Насколько я понял, это требует совершенно феноменальной организации...

— Конечно. — Старый Крыс с удовольствием замедлил свой бег, в ожидании, когда я протиснусь сквозь трубу. — Все возглавляет Мадам. Ну и некоторым образом Совет.

Мы наконец вылезли из трубы и побежали широким подвальным переходом. Из боковых ответвлений за нами следили сотни и сотни Крысиных глаз...

От усталости я растерял интеллектуальную манеру Фридриха фон Тифенбаха, зато вдруг приобрел непривычный для себя, какой-то простовато-дворницкий тон.

— А вы, извиняюсь, кем будете? — спросил я седого Крыса.

— Я — Главный Советник Мадам, — скромно ответил мне Крыс. — Когда-то, в молодости, мы были с ней достаточно близки... Потом ее постигло несчастье: она — легкомысленное и прелестное создание, эталон Крысиного изящества и очарования — случайно попала в лапы этого гангстера Вагифа. Они с хозяином только-только переехали в Америку из какого-то Третьего мира. Я, тогда еще молодой, полный сил Крыс, бросился на помощь, прокусил Вагифу низ живота, и он выпустил Мадам. Подоспели наши друзья — Вагиф бежал... Но что-то он успел повредить у Мадам, у нее отнялись задние лапы. С тех пор она не ходит. Я же не считал возможным бросить ее. Я остался при ней. Сначала — просто другом, потом — Советником. Теперь я Главный Советник. Прошла молодость, прошла влюбленность, но мое восхищение Мадам во мне не иссякло, и когда вы с ней познакомитесь, вы поймете меня лучше, чем кто-либо...

— Охотно вам верю, — любезно откликнулся я.

— Надо сказать, что Мадам провела свое детство и юность под домом одного ученого-крысоведа и обладает еще целым рядом энциклопедических знаний...

— О-о!.. — сказал я, постаравшись придать своему беспородно-хриплому голосу интонацию максимального уважения к обширным знаниям Мадам.

Вот с этим моим «О-о!..» мы и вошли в ЕЕ хоромы.

Никогда в жизни я не видел такой огромной, такой чудовищно разжиревшей, жуткой старой Крысы с полуметровым облезло-чешуйчатым хвостом, с отвисшим седым брюхом, парализованными задними лапами и с глазами — живыми, умными, ироничными и, ей-богу, веселыми!..

Ни унылой старости, ни ущербности я не заметил в глазах этой Мадам-калеки, Мадам-развалины. Гигантская жирная старуха Крыса была полна жизни и, судя по некоторым признакам, не лишена тяги к «светским» удовольствиям.

Уж слишком крутились вокруг нее два молодца Крыса, слишком был явствен запашок валерьянки, от которого многие Коты — просто сходят с ума!

— Мадам! — торжественно начал Главный Советник старый седой Крыс. — Позвольте представить вам...

Бедняга не успел договорить...

— В жопу! — спокойно сказала Мадам. — В жопу все твои дипломатические штуки. Никаких официозов! Достаточно одного взгляда — и понимаешь, что имеешь дело с настоящим жестким и сильным, но, к сожалению, слишком ДОМАШНИМ Животным...

И, клянусь, старуха оглядела меня откровенно блядским глазом!

— Мадам, — тут же нашелся я. — Коты и Кошки — единственные в мире домашние Животные, так и оставшиеся НЕПРИРУЧЕННЫМИ. В некоторой степени это нас с вами роднит.

— С ума можно сойти! — Мадам в восторге всплеснула достаточно изящными передними лапами. — Он еще и умный?!.. Откуда ты такой взялся?

— Из Санкт-Петербурга, Мадам.

— А что это?

Вот оно! Вот она — наша российская чванливость, наше гипертрофированное самомнение, когда мы убеждены в том, что все на свете только о нас говорят и думают... Да, добрая половина мира о нас и слыхом не слыхивала! Ах, как был прав Шура Плоткин, когда говорил об этом...

— Видите ли, Мадам, — поразмыслив, ответил я. — Санкт-Петербург — это место, где я родился. То есть моя родина. Один из городов России...

— А, так ты русский? Знаю. Здесь, в этом квартале, их полно! А что тогда такое — Россия?

— Что же такое Россия — вряд ли я смогу вам объяснить. Думаю, что сегодня этого не знает никто. Даже в самой России.

— Нет! — воскликнула старуха. — В лице этого Кота мы сталкиваемся с какой-то новой формацией Вида! Сплав Мужества и Интеллекта — это ЧТО-ТО ОСОБЕННОГО! — вдруг воскликнула старуха, и я заподозрил, что ее предки были выходцами с юга России.

С теми же хохмочками в Мюнхене разговаривали киевские и одесские Коты-эмигранты.

Мадам лихо оглядела меня от усов до хвоста, прямо скажем, нескромным взглядом и плотоядно ухмыльнулась:

— Если бы мы встретились с тобой в моей молодости, мы смогли бы перевернуть общепринятое представление о врожденном антагонизме Котов и Крыс. Тебе не кажется?

— Я в этом просто уверен! — нагло соврал я для дела.

А сам подумал: «Было у меня Кошек — немерено, Собачка была, Лисица, даже Крольчиха — тьфу, тошно вспоминать... Но — Крысу?.. Да у меня на нее ни в жисть не встанет! Даже на необитаемом острове...»

— Нет, от него можно просто сдохнуть! — восхитилась Мадам, лишний раз утвердив меня в своем подлинно историческом происхождении. — Выпьем?

Два молодых Крыса тут же выкатили пузырек валерьянки.

— Благодарю вас, Мадам. Я вообще-то не пью.

Ну, неохота мне было возвращаться в комнату спящего ребенка с запахом поддачи... Хотя, не скрою, после всего случившегося — треснул бы с удовольствием!

— А я выпью. Раньше могла чистяру, а сейчас — возраст, болячки разные... Разбавляю.

Ее шустрилы накапали в плошечку с водой немного валерьянки. Старуха выпила, крикнула, вытерла передними лапками морду, усы и сказала мне:

— Все знаю. И про Вагифа — чтоб ему было пусто на том свете! И про твою тронную речь... Особенно это — «Хватит крови!..» Кстати, рыбки хочешь?

— С удовольствием.

Шустрилы приволокли откуда-то кусок неизвестной свежайшей рыбы и осторожно, не приближаясь ко мне, положили ее неподалеку от Мадам. Я протянул лапу за рыбой и краем глаза увидел, как напряглась Охрана, как обнажились их резцы, как туго вытянулись хвосты.

— Ешь! — приказала мне Мадам.

Я аккуратненько подтянул рыбку к себе и с удовольствием стал ее жрать. Охрана расслабилась, хвосты повисли, резцы исчезли.

— У тебя есть имя? — спросила Мадам.

— Даже два — Мартын и Кыся.

— Ты знаешь, у нас в Америке не любят длинных имен. И для удобства мы их сокращаем. Так делают и все прибывающие к нам. Например, все ваши русские Гринштейны сразу же становятся — Гринами. Или — Файнберг... Он немедленно превращается или в Файна, или в Берга. Это — кто как хочет. А один еврей из ваших — Иван Досадный стал теперь Ив Де Сад и утверждает, что он прямой потомок французского писателя маркиза Де Сада. Мне же нравятся оба твои имени. Я буду называть тебя Маркыся. Идет?

— Как скажете, Мадам.

— Зови меня просто — Муся. Мое полное имя звучит полатыни — Мус Децуманус. Но вот этот мудрый старик, — Мадам указала на тихо дремлющего усталого седого Крыса, своего Главного Советника, — когда-то, много времени тому назад, назвал меня Мусей. И, ты знаешь, мне это понравилось...

Старуха еще врезала валерьянки с водой и рассказала мне массу интересных вещей, о которых я даже не подозревал.

Оказывается, большие серые Крысы, так называемые Пасюки (омерзительное название, правда?..), известны Людям еще с тринадцатого века!

В отличие от меня, старуха блестяще оперировала цифрами...

Уже в начале пятнадцатого столетия епископ Аутинский отлучил Крыс от Церкви, на что, естественно, Крысы положили с прибором!.. И стали шататься за Человеком по всему свету.

Корабли развезли Крыс по прибрежным странам, а уже оттуда Крысы своим ходом чесали дальше — в глубь материка.

Один ученый того времени, Паллас, целую книгу написал про то, как осенью тысяча семьсот двадцать седьмого года, после землетрясения, Крысы жуткими массами двинулись из прикаспийских стран в Европу. Фантастическими скопищами они переплывали Волгу у Астрахани...

— Но это же и есть Россия!.. — тут же почему-то сказал я.

Откуда мне это было известно, убей Бог, не помню!..

— Да что ты?!.. — удивилась Мадам. — Я и понятия не имела. А дальше...

А дальше Крысы поперли на Запад как сумасшедшие! Прошлепали на кораблях из Ост-Индии в Англию, затем в Восточную Пруссию, потом в Париж пешком, а спустя пару лет приплыли в Америку.

Об одной страничке своей родословной Мадам или не знала, или сознательно умолчала. Ручаюсь, что во время Великого Исхода Крыс на Запад ее предки явно останавливались в Одессе. И кто-то там у них по женской линии таки трахнулся с местным Одесским Крысом!.. А Пруссия, Париж, Америка были уже потом.

Это я сужу по тому, КАК она это все рассказывала — в какой манере, с какими интонациями...

Я, в свою очередь, чтобы не показаться полным дураком, поведал Мадам средневековую историю взлетов и падений Котов и Кошек, запросто жонглировал эпохами и именами, — короче, пересказал ей все, что еще совсем недавно узнал от Мастера в открытом Атлантическом океане. Чем привел старуху в искреннее восхищение!..

Охрана и прислужники тоже слушали меня развесив уши. Но восхищались не всем, что нравилось их Мадам, а лишь периодами истории, когда Котов и Кошек варили в кипящем масле, жарили на железных прутьях и сбрасывали с крепостных стен и башен.

И это я просек во время переговоров о мире!.. Ну что ж, запомним — мало ли как еще жизнь повернется.

После чего мы с Мадам обговорили ряд пунктов о ненападении и взаимовыручке, наметили несколько совместных мероприятий и стали прощаться, очень довольные друг другом.

— О'кей, Муся! — сказал я Мадам. — Как говорят в Германии — «Абгемахт»! В смысле — договорились!

Глянул на недобрые рожи Охраны, на подозрительные рыла Прислужников и прочих Холуев, посмотрел в мудрые, хитрые глаза Мадам и снова, на всякий случай, добавил:

— Но если твои раздолбаи только попробуют...

— Все, все! — прервала она меня. — Как ты сказал? «Абгемахт»? Так вот — абгемахт. Договорились. И кончай залупаться!

Проснулся в двенадцать.

То, что в двенадцать, — сомнений не было. День в окнах, а на больших Тимуровских часах с Дональд Даком на циферблате обе стрелки пиками строго смотрят вверх. А это — двенадцать. Я знаю.

Пить хочется, жрать хочется, гадить хочется — спасу нет!

В доме никого. Рут на работе, Тимур в школе.

Ноги мягкие, подламываются, хвост волочится по полу, самого качает — еще поспать, что ли?.. Так ведь недолго во сне и описаться! Этого еще не хватало. Не Котенок все-таки...

Ташусь в кухню. С диким трудом вспрыгиваю на подоконник, оттуда жутко неловко и некрасиво перепрыгиваю на дерево, плюхаюсь на ветку, как мешок с говном (в любом смысле этого слова), спускаюсь на землю и лезу под старый автомобиль.

Сижу, пытаюсь делать свои дела...

Заглядывает какой-то пожилой Кот.

— Хай! — говорит. — Я, извиняюсь, вчера так и не понял...

— Иди отсюда, дубина стоеросовая, — говорю. — Не видишь, я занят!

Ушел, слава Богу, кретин несчастный. Выбрал время...

Ох, батюшки... Что же я вчера такого сожрал, отчего меня так крепит?!.. Жидкости, жидкости нужно больше употребить — супчики разные, сливочки жирненькие, сметаночку... Тогда и запоров не будет. И двигаться нужно больше — прыгать, бегать, трахаться! Чтобы организм работал на полную! И спать ложиться вовремя, а не под утро.

Вот отыщу Шурика Плоткина, обустроимся мы в Нью-Йорке, и начну я вести новый, здоровый образ жизни...

Фффу-у!.. Слава те Господи! Сработало.

Понимаю — натурализм, то, се, пятое, десятое... Но ведь — Жизнь. Куда от нее денешься?

Минут десять, наверное, зарывал. Вылез из-под автомобиля — этот Кот опять ко мне:

— У меня всего один вопросик...

— Вот вечером его и задашь, — говорю. — Сейчас мне некогда.

На дерево, с дерева на подоконник, а уже оттуда в кухню.

И сразу вижу: низенькая подставочка, на ней — две белые мисочки. В одной — какая-то замечательная жратва неведомая, во второй — нескисающее молоко. Вот как они его делают? И в Германии, и в Америке.

А вокруг все пахнет Тимуром и Рут... Какая женщина! И пацан, конечно, классный.

Я давай скорей умыться, приводить себя в порядок. Тут я ни времени, ни сил не жалею. Это у меня в крови.

А жрать хочу, как говорил Шура, будто семеро волков!

Это еще хорошо, что старый Крыс вывел меня ночью во двор совершенно другим, коротким ходом, а то я бы еще позже домой вернулся.

И тут же вспомнил картинку маслом! Идем мы со стариком Крысом по этому новому широкому проходу: впереди Охрана, сзади Охрана — все, как положено, а навстречу нам движется какой-то Крысиный цирк: две рабочие Крысы (у них там иерархия — строжайшая!), пятясь задом, волокут за хвост третью Крысу. Та лежит на спине и всеми четырьмя лапами плотно прижимает к животу большое куриное яйцо! А за ними, точно так же, движется еще одна тройка Крыс — две волокут за хвост третью с яйцом... А за второй тройкой — третья...

— Е-мое и сбоку бантик! — говорю. — Это что же такое?!..

— Это обычная, нормальная транспортировка сырых яиц для Мадам и нашего Детско-Крысятного сада. Очень, очень древний способ! Мадам говорила, что он даже описан в «Жизни животных» у Брэма. А мы как раз сейчас освоили новый продуктивный склад ресторана «Регистан», а там этих яиц — видимо-невидимо! — объяснил мне старый Крыс.

Короче, пожрал я, снова умылся, почистил лапы между когтями и пошел осматривать квартиру. Я ведь нигде, кроме кухни-столовой и комнаты Тимура, и не был.

Большая квартира. Больше нашей ленинградской раза в три. В Нью-Йорке вообще — все очень большое. По объему. Уж на что в нашей квартире питерской, в кухне, на восьми с половиной метрах, человек по десять собиралось, а на этой, американской, можно было принять всех пассажиров трамвайного вагона в часы пик! А про холодильник я уже говорил...

Комната Рут тоже была большая — с огромной кроватью, больше, чем у Фридриха фон Тифенбаха. Наверное, после Фреда осталась. Шкафы по стенам, фигурки всякие смешные, фотографии на тумбочках и туалетном столике — здоровый простоватый парень с симпатичной физиономией в полицейской форме — скорее всего, Фред Истлейк. И без формы, в одних трусах. На пляже, а вокруг — пальмы. И с Рут... И свадебное фото: Рут в белом платье, а Фред в сером фраке. И цветы, цветы, цветы.... И похороны Фреда. Тоже очень много цветов. Рут в черном, с черной шляпки на лицо свисает такая черная сеточка. Я в каком-то кино такую видел...

А вот Рут в полицейской форме с Тимуром у типичной полицейской машины. Такие машины обычно по телеку показывают. Они приезжают с воем и мигалками к концу фильма, когда уже обычно все сделано и закончено.

Из комнаты Рут есть выход прямо в ванную. Очень удобно. И там же все остальное...

Гостиная просто необъятная! Как вся наша квартира на Гражданке. Была, была... Сам понимаю, а все никак не могу свыкнуться с мыслью, что всего лишь «была», а теперь — нету...

Хотя, помню, кто бы ни приходил, все говорили: «Какая у вас с Мартыном миленькая квартирка! Только зачем так много книжек? Они же пыль собирают...» Но это в основном говорили или Шурины поблядушки, или Шурины «друзья детства».

Вот кого я не переваривал — это Шуриных друзей детства!!!

Им всем почему-то казалось, что они имеют на Шуру больше прав, чем остальные. И все время им хотелось вспоминать «правду» об их совместном детстве. Но не про себя, а про Шуру. А все вокруг, кто познакомился с Шурой позже, должны знать, что если для вас Шура — известный, скандальный

журналист и какой-то там «правозащитник» (что это такое — по сей день понять не могу!..), то для друга детства он всего лишь «Шурка Плоткин». И кто, как не друг детства, скажет правду в глаза?!..

И говорили. Пили Шурина водку, жрали иногда мой хек и говорили: «Нет, Шурик, а ты помнишь, как тебя из пионеров исключали?..» Или: «Ой, ну, не могу! Счас обхохочетесь!.. Шурка в четвертом классе написал любовные стихи одной дурочке — Нинке Кошич, а учительница русского МарьВанна — помнишь, Шурка? — эту записочку перехватила и давай вслух всему классу разбирать Шуркины грамматические ошибки в этих стихах!.. Мы все — в покат со смеху, а Шурка наш стоит, слезки катятся, красный весь, аж малиновый!..»

Помню, я тут не выдержал, прошмыгнул под стол, отыскал вонючие, потные лапы Шуриного школьного друга и обоссал! А когда он дернулся и заблажил, я его за ногу так рванул клыками, что этот мудака у нас больше никогда не появлялся. Шура мне за это потом целую банку оливок купил. Испанских.

Гостиная у Рут и Тимура Истлейк была просто прекрасная! Очень красивая. Мебель стильная. Белая, кожаная. Телек огромнейший. И книжек — до чертовой матери. Вот ведь что замечательно!

У Тимура оказался свой собственный душ и туалет. Я приглядел, как там спускается вода. Мало ли что? Забудут приоткрыть мне окно в кухне, или еще что-нибудь...

Шурик один раз уехал в Москву и забыл оставить ключи соседям. Они обычно во время его командировок кормили меня и на пустырь выпускали.

А в этот раз — привет! Я взаперти, у соседей ключей нет, квартира наша на восьмом этаже, зима, окна заклеены — что делать?

Пришлось ходить в уборную на горшок и спускать за собой воду. Но там от бачка шел такой рычаг, и на нем нужно было повиснуть, чтобы смыть горшок. А здесь просто такая большая кнопка.

Попробовал, нажал лапой — все работает, вода бежит. «Нам не страшен серый волк...» — пел в таких случаях Шура.

У Тимура в комнате книжек тоже было до хрена. Только не в таком порядке, как у Рут. Надо будет сказать ему...

А еще у него был компьютер, которого я сначала не заметил. Всякие радио, магнитофоны, кассеты разные. И очень много старых игрушек, которые ему уже не по возрасту. И фотография — Рут и Тимур стоят в обнимку со здоровым Котом Томом из мультяшного сериала «Том и Джерри», а вокруг — дети, дети, дети и какая-то совершенно сказочная обстановка! И ни одной фотографии из России. Будто России и не было в его жизни...

Есть в квартире и еще одна небольшая комната, рядом с комнатой Тимура. Так называемая «гостевая». Там обычно раньше останавливались родители Рут, когда прилетали на недельку к дочери и зятю. Об этом мне еще вчера ночью Рут сама рассказала.

Сейчас эта комната закрыта на ключ. Рут собрала там все вещи Фреда, оставшиеся после его смерти, а часть разных симпатичных мелочей, принадлежавших Фреду, Рут раздарила на память о нем его близким друзьям.

Я подошел к этой запертой двери и принялся. Не было никаких запахов. Я не поверил своему носу и улегся у самой нижней щели. Из-под двери не пахло ничем, словно с уходом из Жизни Фред Истлейк унес даже все свои запахи. Странно...

Но в общем квартира мне очень понравилась!

Большая, удобная, уютная и, что всегда для меня очень важно, — чистая. Без вылизанности, без назойливого педантизма, без показухи — просто очень аккуратная, прибранная квартира. Это как раз то, за что я всегда боролся с Шурой Плоткиным!

Нет, нет, лично Шура был на самой что ни есть высоте — поразительно чистоплотен. Но его тошнило от необходимости класть вещи на место; ему было проще купить новые чашки, чем вымыть старые. Даже при редком наличии у нас денег Шура забывал оплатить телефон и квартиру, а потом бегал со взмыленной задницей по всяким чиновникам... Сдать белье в стирку было для него равносильно подвигу. Забрать белье из прачечной — покорение Космоса.

Он утверждал, что все это ограничивает его Свободу, а этого он вынести не в силах!

А «священный» бардак на его письменном столе, к которому даже я не имел право притрагиваться?!.. До сих пор у меня

в ушах его крики — сплошные матюги — при поисках какой-нибудь фантастически важной бумажки, которую он сознательно спрятал куда-то, в святой уверенности, что ЭТО место он запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Сколько раз я был вынужден помогать ему находить эти бумажки!..

Господи Боже мой, где ты, Шурик?..

И словно отвечая мне на мой вопрос, в башке у меня вдруг что-то щелкнуло — будто включилось... Появился неясный шум в ушах, раздались странные пiski, трески, шорохи, и мне неожиданно показалось, что я слышал слабенький-слабенький голос Шуры:

— Мартышечка, родной мой... Я слышу тебя... Слышу!..

— Шури-и-ик!!! — заверещал я по-Щелдрейсовски. — Где ты? Я тут с ума схожу!.. Где ты, Шурик?!.. Только скажи — где... Я сейчас приеду!.. То есть приду... Прибегу!!! Где ты, Шура?!!

— Не знаю... — прошелестел Шура. — Прости меня...

Но тут у меня в мозгу вдруг раздался невероятный грохот, и слабый далекий голос Шуры потонул в железном лязге и скрежете. Звук был такой же, как на автобане под Мюнхеном, когда мы с Водилой таранили своим огромным грузовиком «Вольво» микроавтобусик «Тойота», за рулем которого сидел симпатичнейший паренек, очень похожий на отличника старшеклассника, Алик. Один из самых страшных наемных убийц в Европе. Исполнитель «заказов» экстра-класса!

Секунду мне казалось, что от невероятного удара металл разрывается прямо у меня над головой, внутри ее, а потом все вдруг стихло, и через мертвую паузу я понял, что это всего лишь негромкий скрежет ключа, открывающего входную дверь квартиры...

А может, я уже действительно того?..

Еще Шура говорил: «Талант — это аномалия, Мартын. То есть явление ненормальное. А ты поразительно талантливый Кот! И я, кажется, тоже... Говорят — талантливый. Так что, если нам с тобой не повезет, — у нас прямая дорога на „Пряжку“...»

Это у нас в Питере такая больница для чокнутых придурков.

Дверь отворилась, и в квартиру пулей влетела Рут. Она бросила сумку в кресло, стоявшее в прихожей у зеркала, и, не снимая куртки, заметалась по всей квартире, приговаривая:

— Салют, компаньерос! Мар-ТЫН, привет... Отоспался? Я на секунду... За наплечной кобурой, черт бы ее побрал!

Она ринулась в спальню, перерыла шкафы, рванулась к комоду и стала вытаскивать все ящики...

— Ну вот, куда, куда я ее засунула?!.. У нас через час в тире учебные инспекционные стрельбы, а я... Дура старая! «Пушка» на работе, в сейфе, а кобуру я куда-то засунула еще до Нового года... А приказ строжайший — на стрельбах оружие должно доставаться из наплечной кабуры! Черти бы подрали этот Голливуд!.. Может быть, кому-то и нужны всякие эти ковбойские штучки, но мне-то с моими бухарскими евреями зачем это?!.. О, дьявол!.. Опаздываю!.. Куда, куда я ее запихала?!..

— погоди, Рут. Не мечись, — сказал я. — Чем может пахнуть эта штука?

— Потрясающий вопрос!.. Правда, а чем может пахнуть кобура для пистолета?!..

— Пистолетом? — неуверенно переспросил я.

— Нет, фиалками! — саркастически бросила Рут, продолжая раскидывать вещи из ящиков.

Но я не обратил внимания на ее нервное остроумие. Я сказал:

— Если штука, которую ты ищешь, пахнет оружием, то иди за мной. Я покажу тебе, где она лежит!

Я потрохал в прихожую, где стояли два низких обувных шкафчика: один — для обуви Рут, второй — для обуви Тимура.

— По-моему, эта штука здесь, — зевнул я и уселся напротив Тимурова шкафчика.

Рут потянула на себя переднюю стенку шкафчика. Стенка откинулась, и между старыми, стоптанными кроссовками Тимура и его же роликовыми коньками на пластмассовых жестких ботинках валялась эта самая кобура со всеми своими наплечными ремнями.

— КЫ-ся! Гений!.. Эйнштейн!!! Карл Маркс, Эркюль Пуаро, Эдгар Гувер и президент Кулидж — все они, вместе взятые, — дерьмо по сравнению с тобой!!!

Рут мгновенно сбросила куртку, напаялила на себя эту штуку, снова надела куртку, подхватила меня на руки, подбросила вверх, поймала и поцеловала меня в нос!

Приятно было до офонарения... Я поспешно лизнул ее в щеку и спросил:

— Рут, а нам с Тимуром нельзя зайти потом за тобой в тир?

Рут слегка отстранила меня от себя и, глядя мне прямо в глаза, очень внятно сказала:

— Заходить туда не имеет смысла. Тим не переваривает пистолетной стрельбы. Это в нем отпечаталось очень четко. Так называемая «посттравматическая идиосинкразия». Во всем остальном он совершенно нормальный ребенок. Стопроцентный двенадцатилетний американский мальчишка! Это во-первых. А во-вторых, где я тебе, Кыся, найду противошумные наушники твоего размера? Не хочешь же ты оглохнуть от пальбы? Сделаем иначе: подсказывайте за мной к тире в четыре и подождите меня в машине. У Тима есть ключи. А потом прошвырнемся, купим чего-нибудь вкусенького... О'кей?

— О'кей, Рут, — сказал я. — Конечно о'кей.

Рут опустила меня на пол, выскочила на лестницу, заперла меня и... я услышал, как она снова открывает дверь квартиры.

Но я уже знал, что сейчас она войдет и скажет:

«Знаешь, в Бронксе Шура Плоткин тоже не числится...»

Дверь распахнулась, и Рут, не заходя в квартиру, прямо с лестничной площадки, сказала мне виновато:

— Совсем забыла... Прости, пожалуйста. На наш запрос Бронкс ответил, что твой Плоткин у них не числится ни под одним именем. Но ты не унывай... Самое главное — получить справку от Бруклина. Чао!

Примчался из школы Тим, мгновенно сотворил себе сэндвич — на один кусок хлеба с маслом положил салатный лист, кусок ветчины, два куска сыра, сверху еще кусок ветчины и салатный лист, притиснул все это вторым куском хлеба с маслом и стал лопать все это сооружение, запивая моим молоком.

И взялся допрашивать меня, где я был этой ночью, — он, видите ли, вставал писать и не обнаружил меня, — что я делал и почему меня невозможно было разбудить утром?..

Я плел всякие небылицы, врал без продыху — дескать, задумался, увлекся, заблудился... Короче, черте что наворотил! А потом попросил его не устраивать панику, если он вдруг опять не обнаружит меня ночью в коробке с одеяльцем или не сможет добудиться до меня поутру. Дескать, я — взрослый Кот и сам отвечаю за свои поступки.

Потом я отказался лезть в рюкзак, заявив, что с удовольствием пройдуся до тира пешком. И мы ушли из дому.

От нашей Шестьдесят пятой тир находился довольно далеко — за Хорейс Хардинг Экспрессуэй. Я даже слегка пожалел, что тащусь на своих четверых, а не еду в рюкзаке. Не потому, что я так уж устал, а потому, что это была не прогулка, а сплошная нервотрепка. Все время мимо шмыгали какие-то психованные Собаки на поводках и без. И все норовили гавкнуть на тебя или, того хуже, — цапнуть!..

Одному молодому ротвейлеру пришлось даже публично начистить рыло, а пожилого и полуслеплого коккер-спаниеля, который вел на поводке старуху в норковой шубе, я был вынужден пугнуть так, что старый засранец сослепу шархнулся от меня и чуть не опрокинул свою Хозяйку..

Тимур горевал, что оставил свою телескопическую дубинку дома, а я, наоборот, был рад этому. Ну-ка, попробуй вытащи такую дубинку среди бела дня на оживленной улице — неприятности гарантированы.

А когда защищаешься Собственнолапно — это всегда можно расценить как «необходимую самооборону». Это я еще с Питера от Шуры знаю.

Машин около полицейского тира стояло великое множество. Там были и черно-белые со всякими примочками на крыше и словами на дверцах, с гербом Нью-Йорка. Было полно машин снаружи — частных, а внутри — целиком полицейские. Были машины и вроде нашего «Плимута». Они принадлежали полицейским, которым служебный автомобиль не положен.

Все это мне, конечно, объяснил Тимур, когда мы отыскивали наш старенький «Плимут». Тим своим ключом открыл его, мы залезли внутрь, и Тимур стал показывать мне, что

даже в их собственной машине есть сирена, рация, телефон и полицейская мигалка на магнитной подушке. Вот она — под сиденьем валяется. Опускаешь стекло, ставишь такой фонарь на крышу, врубаешь сирену, и частная машина в секунду становится полицейским автомобилем!

Я не могу сказать, что мне все это было жутко интересно, но я и виду не подал. Я понимал, что Тимур хвастает не машиной, а матерью, Рут Истлейк.

Через полчаса, когда мы уже основательно продрогли, слава Богу, пришла Рут и завела мотор, от которого спустя минуту внутрь машины потекло спасительное тепло.

Наверное, я все-таки недоспал, потому как не проявил никакого любопытства и интереса к нашей дальнейшей поездке по Квинсу.

Я улегся на широченном заднем сиденье «Плимута» и, подреывая, думал обо всякой всячине. А потом и вовсе заснул. И приснился мне отвратительный сон...

...Будто бегаю я с дымящимся своим Котенородным органом, хочу трахнуть хоть какую-нибудь Кошку, а они все от меня шарахаются, уворачиваются — и ни в какую!.. Не дают, сволочи, и все!

А вокруг сидит шайка грязных Котов и издевательски ржет надо мной во все свои жлобские хриплые глотки. Я же чувствую себя оплеванным и униженным, от горя этот самый Орган у меня уже и не стоит — хоть плачь... А я все мечусь среди Кошек — те хихикают, — а я все пытаюсь кому-то что-то доказать!..

ТЬФУ!.. Приснится же такая дрянь несусветная!..

Открыл глаза — стоим неподалеку от нашего дома, у русского продуктового магазина на Девяносто девятой стрит. То, что магазин русский, — я знаю точно. Там все по-русски написано.

Я хоть и не умею читать, но знаю русские буквы, которых нет в других языках. Например: «Ы», «Й», «Ц», «Щ» и «Ж». Если в словах такие буквы есть, — значит, написано по-русски. Вот верьте, не верьте, мне этого никто не объяснял! Путем наблюдательности и логических умозаключений я до этого сам допер.

Жду Тимура и Рут. Вижу их сквозь стекло машины и витрину магазина. Чего-то покупают там, с кем-то болтают...

А у входа в магазин стоит такой долговязый парень и пристально разглядывает сквозь витрину что-то там внутри магазина. Иногда косится на нашу машину.

Стоит себе, и хрен с ним, думаю. Может, жену ждет или старенькую маму. Хотя мог бы, раздолбай, зайти в магазин и помочь женщине...

Тут на улицу вываливаются Рут и Тимурчик. У Рут сумка через плечо, в руках два бумажных пакета полнехоньких, у Тимура — один. Тоже огромный, бумажный. И оттуда разная зеленуха торчит — лук, цветная капуста, петрушка — все, что я не ем.

Я смотрю, в Нью-Йорке все в бумажные пакеты пихается. Никаких пластиковых сумок, как в Германии. Мужики даже пиво на улицах лакают из банок, засунутых в бумажные пакеты!..

Гляжу, этот Долговязый у магазина уже внутрь не смотрит, а искоса наблюдает, как Рут и Тимур открывают багажник. Крышка багажника поднимается, и я перестаю их видеть.

Значит, ситуация такая: Рут и Тимур, видимо, укладывают пакеты в багажник, Долговязый стоит через тротуар у витрины и давит косяка на моих, а я наблюдаю за этим типом, и шерсть у меня сама собой на загривке встает дыбом. И меня начинает мелко трясти от ярости и нервного напряжения. Хотя, заметьте, пока что ничего не произошло. И неизвестно, произойдет ли...

Затем захлопывается крышка багажника, мой обзор увеличивается, я вижу, как Рут и Тимур с разных сторон идут к дверцам нашего «Плимута», одновременно распахивают их и садятся в машину.

Тимур успевает захлопнуть свою дверь, а Рут слегка завозила, доставая ключ от машины...

Долговязый оглядывается по сторонам, делает два быстрых шага к нашей машине, и дальше все происходит точно так же, как в хреновом американском телевизионном сериале. Я и в России, и в Германии пересмотрел их по телеку жуткое количество!..

Воспользовавшись открытой дверцей со стороны Рут, Долговязый сует голову в машину, своим тощим вонючим телом мешая Рут захлопнуть дверцу и, будто обнимая ее за

плечи, буквально в полуметре от моего носа приставляет ей к шее, чуть ниже затылка, узкий и длинный нож. И, улыбаясь, негромко говорит:

— Только пикни, сучка черножопая... Сумку давай!..

Это поразительно, но наши действия с Рут совпали до мельчайшей доли секунды!!! Только у нее они были осознанные, а у меня — инстинктивные...

Уже на последнем его слове «...давай!» я прыгнул вперед и вверх и моментально прокусил долговязому кисть руки, в которой был нож. Прокусил до кости, — под клыками почувствовал!.. Когтями передних лап я постарался разорвать ему запястье, а задними располосовал и рукав, и руку до самого локтя...

Нож у него выпал сразу же, как только мои клыки вошли в его пальцы, да верхними клыками я еще рванул посильнее и, наверное, что-то там у него совсем разорвал, потому что этот засранец обгадил нам своей кровью чуть не полмашины!

Одновременно с моим ИНСТИНКТИВНЫМ прыжком Рут произвела два ОСОЗНАННЫХ ДЕЙСТВИЯ — она тут же сунула Долговязому в морду ствол пистолета одной рукой, а второй пристегнула его здоровую руку к рулю «Плимута» неизвестно откуда появившимися наручниками...

Это я сейчас такой умный и могу так стройно и последовательно рассказать о попытке Долговязого нас ограбить. А в тот момент все произошло с такой скоростью, что Тимур даже испугаться не успел. То есть он, может, и испугался, но не успел этого показать. Очень, очень храбрый пацан!

Я тут же прошмыгнул мимо ног Долговязого и вспрыгнул на теплый капот нашего «Плимута», чтобы в случае чего было удобнее вцепиться ему в рожу.

Рут тоже выскочила из машины, треснула пистолетом в спину Долговязого и поставила его в классическую позу из эпизода «Задержание преступника» тысяча первого телевизионного полицейского сериала: лицом к машине, руки на крышу (в данном случае одну руку, вторая была уже пристегнута к рулю), ноги — на ширине плеч, но по возможности дальше от автомобиля.

Классика жанра нарушалась лишь тем, что в целях безопасности левая рука Долговязого была уже пристегнута к рулю «Плимута» наручниками.

Долговязый так верещал, будто это мы с Рут и Тимуром совершили на него нападение!

Он так орал на всю Девяносто девятую, что из бухарской аптеки, ресторана «Регистан» и русского магазина повыскакивал народ, и пока Рут по радию вызывала оперативно-патрульную группу, собравшиеся вокруг нашей машины наслушались о себе черт знает чего!

Он вопил, что истекает кровью, что умирает по вине всяких там черномазых, латинос и жидов, по вине паршивых и грязных эмигрантов, переполнивших Америку, из-за которых совершенно не стало житья чистокровно белому человеку!!! А всякие вонючие цветные сучки возят в своих машинах диких хищников, чтобы специально натравливать их на сто процентных американских налогоплательщиков!.. И что он сейчас вот-вот окочурится из-за вот этой черножопой проститутки!..

Как Рут успела перехватить Тимура, ринувшегося после этих слов на Долговязого, — уму непостижимо!

Она в последний миг отшвырнула Тимура в сторону и крикнула:

— Назад, сынок!

Кровь из запястья Долговязого действительно хлестала будь здоров!

Однако, когда хозяйка русского магазина по просьбе Рут стала перетягивать Долговязому руку выше локтя какой-то веревкой, он попытался даже лягнуть ее ногой, а уж сказал такое, что его разорвать следовало!

Хорошо, что Рут вовремя ткнула его стволом пистолета чуть повыше его тощей жопы, в самый низ спины. Он чуть не захлебнулся от боли!

И вот тут он стал орать — никогда не поверите! — примерно то же самое, о чем мне как-то говорил в Грюнвальде один из умнейших и интеллигентнейших Людей, которых я когда-либо в жизни встречал, — Фридрих фон Тифенбах. Это было, когда он рассказывал мне об Америке и своем вашингтонском приятеле-конгрессмене. Конечно, другими словами! И ни разу не упомянув о евреях — Фридрих вообще считал эту тему для Германии больной и неприкасаемой. Но говорил он примерно то же самое, о чем с дикой руганью сейчас орал Долговязый...

А Долговязый жуткими словами стал облаивать Президента и его правительство, что они пресмыкаются перед черными из боязни, что их обвинят в расизме!.. Что скоро вторым и главным языком в Америке станет испанский!.. Что на любую работу, от говночиста до сенатора, сначала принимают разных черномазых идиотов, а умные белые остаются за бортом! Сраная демократия и ебанный либерализм искалечили страну, перевернули мозги... Что жида управляют Америкой от Восточного до Западного побережья, и прав был Гитлер, когда...

Ну, и так далее. Как говорят немцы — унд зо вайтер...

После того как ему перетянули кровоточащую руку, он уже окрепшим голосом пообещал всем стоящим вокруг, что при первой возможности он всех перережет, перестреляет, а все эмигрантские лавки сожжет и всех в рот выебет!

— Заткнись, болван, — спокойно сказала ему Рут. — Я очень жалею, что не могу пристрелить тебя. Но каждое слово, произнесенное тобой, будет использовано против тебя в суде.

С жутким воем с двух сторон Девяносто девятой подлетели две полицейские машины с мигающими хреновинами на крышах, лихо развернулись поперек улицы так, чтобы запечатать наш «Плимут». Все, как в кино!

Из машин стремительно выскочили четверо: трое — в форме, один — хиповый паренек в курточке и вельветовых брючках.

Увидев стоящего враскорячку Долговязого, а за его спиной Рут с пистолетом в руке, полицейские резко сбавили темп.

Один достал из своей машины аптечку и ловко перебинтовал Долговязого, а второй отстегнул его от нашего руля, завел Долговязому руки за спину и замкнул наручники уже на двух руках.

А третий — в вельветовых брючках — достал из-за спинки переднего водительского сиденья нож Долговязого и, аккуратно держа нож за лезвие, чтобы не прикасаться к рукоятке, положил его в прозрачный полиэтиленовый мешочек.

Он прижал к себе трясущегося Тимура, потом погладил меня, сидящего на теплом капоте «Плимута», и спросил у Рут:

— Все в порядке, сержант?

— Да, — ответила Рут и спрятала свой пистолет в наплечную кобуру под куртку. — Если не считать испачканной машины.

— О'кей, — улыбнулся ей хипарь в вельветках и сказал Долговязому: — Вот теперь, говнюк, ты у нас сядешь надолго.

Он указал на Тимура и Рут Истлейк и добавил:

— Этого мы тебе никогда не простим, сволочь.

Вечером у нас были гости...

О том, что они придут, я узнал из разговора Тимура и Рут. И тут же попросил их самым настойчивым образом — ни словом, ни взглядом не выдать, что все мы втроем состоим в Шелдрейсовском Телепатическом Контакте.

Объяснил я это очень просто и доходчиво, а уж на правду было похоже — не отличить! Я сказал, что любое, даже незначительное, вхождение в Контакт для меня чрезвычайно утомительно, и когда я разговариваю с двумя близкими мне Людьми — это, в психическом отношении, проходит почти бесследно. Но когда мне приходится вступать в Контакт с Человеком мне незнакомым, напряжение мое возрастает во много раз и у меня может вполне «поехать крыша».

Последнего выражения Рут не поняла, и Тимур поспешил ей его объяснить, отыскав в русско-английском переводе еще кучу синонимов этому выражению, из которых Рут наконец уяснила, что я могу просто-напросто сбрендить.

Естественно, это было не так! Тут я малость лукавил. Тяжелым для меня мог оказаться только Контакт на очень большом расстоянии. Предположим, из одной страны — в другую...

А законтачить с мало-мальски мыслящим Человеком, находящимся со мной в одном и том же помещении, для меня было — раз плюнуть!

Но это была святая ложь. Честно говоря, я хотел ограничить возможность длительных посиделок с трепотней, так как отчетливо помнил, что сам вчера назначил окрестным Котам и Кошкам на сегодня ночной сходняк с собственным докладом о прошедших переговорах с Крысами и с отбором наиболее толковых предложений по переориентации и устройству

нашей дальнейшей Кото-Кошачьей жизни. Ну и, само собой разумеется, жутко хотелось успеть еще разок оттрахать туленькую пушистую Потаскушку!..

Первым пришел бывший напарник покойного Фреда — квадратненький детектив Джек Пински, с которым я познакомился вчера в полицейском участке.

Он принес цветочки для Рут, тортик для меня и Тимура и бутылку виски для себя и всех остальных, кроме Тимура и меня.

Джек уже знал обо всем, что сегодня произошло на Девяносто девятой у Русского магазина, и тут же предложил мне пойти работать к ним в полицейский участок. У них две недели тому назад в метро Рузвельт-авеню и Джексон-Хайтс застарили одного парня, и его место пока свободно.

Я чуть было не ответил ему, но вовремя взял себя в лапы. Тем более что ничего остроумного для ответа в голову мне все равно не пришло. А так как Джек был, наверное, по природе своей не очень разговорчив, то молчать с ним было очень удобно.

Зато когда пришел второй гость — сосед Истлейков по лестничной площадке, старый русский, живущий в Нью-Йорке уже лет двадцать пять, — мистер Могилевский, которого все почему-то называли «БОРИС», с ударением на букву «О», тут я, признаться, даже вспотел!

Этот Борис был такой КОНТАКТНЫЙ, такой КОНТАКТНЫЙ, что удержаться от трепотни с ним — мне стоило больших усилий! Тем более что он мне очень понравился.

Он был одет в такие потрясающие шмотки, которые я не видел ни у кого из знакомых мне мужиков. Даже у мужа дочери Фридриха фон Тифенбаха — Гельмута Хартманна, которого я взорвал вместе с тем подонком Францем Мозером в Рождественскую ночь в Грюнвальде. А уж на что Гельмут Хартманн казался пижоном! Чтоб им икалось на том свете...

С Рут и Джеком Борис говорил по-английски, а со мной и Тимуром по-русски. Что меня в нем еще подкупило — он не вставлял английские слова в русскую речь, что делает большинство эмигрантов, назойливо демонстрируя окружающим свою круглосуточную местечковую «западность».

Тимур прошептал мне, что дяде Боре уже шестьдесят семь лет, — вот никогда бы не подумал!.. — что у него в сердце вшит какой-то стимулятор, чтобы еще хоть немного пожить, — ничего себе уха?!.. — и все свои пенсионные гроши и очень редкие заработки он тратит на модные шмотки в дни распродаж и на жутко дорогую горнолыжную экипировку — ну, потрясный тип!.. — так как дядя Боря до сих пор мотается в горы и там сигает на лыжах наравне со своими взрослыми сыновьями. Я в Германии таких по телевизору видел — обалдеть и сдохнуть!..

Выяснилось, что мы оба с ним — ленинградцы. Он сказал мне, что когда-то жил на Васильевском острове. Я чуть не ляпнул по-Шелдрейсовски, что прекрасно знаю этот район... Слава Богу, что вовремя удержался! Этот Борис со своим сердечным стимулятором сразу бы откликнулся на КОНТАКТ... Это было видно, как говорил Шура, «невооруженным глазом».

Странная штука... За свое, прямо скажем, очень недолгое пребывание в Америке я заметил, что здесь мне легче вступать в Шелдрейсовский Телепатический Контакт с кем бы то ни было — с Котами, Крысами, с Людьми.

В России, кроме Шуры Плоткина, мне никто и нужен-то не был. Механизм общения с другими Людьми у меня работал по принципу «Я тебя вижу, а ты меня — нет». То есть я все слышу, понимаю, оцениваю, предугадываю, а ты, Сударь мой, как говорил Шура, уже сам шевели мозгой. Не получается — твои проблемы. Зато с Животными, как здесь, так и там, я всегда поддерживал двухстороннюю связь. Но на то мы и Животные.

Необходимость вступать в Телепатический Контакт с посторонними Людьми у меня появилась только лишь в Германии, когда я остался один, без Шуры.

Ах, как мне трудно было заставить Водилу понимать себя! Как тяжело шла ломка его сознания... Вернее, перестройка сознания Человека, привыкшего (в отношении к Животным...) мыслить стереотипами! Но тогда на карту была поставлена Жизнь, и на долгое воспитание Водилы у меня просто не было времени. Процесс пришлось форсировать, и, слава Господу, мои старания упали на благодатную почву.

С остальными Людьми — с Таней Кох, с Эриком Шредером — было уже проще. С Фридрихом фон Тифенбахом — случай вообще уникальный! Мы оказались настроенными на

одну волну общения (как, впрочем, и с Капитаном-Александр-Ивановичем-Кэп-Мастером!..) с первой же секунды нашего знакомства.

Иногда я даже боялся признаться самому себе, что Контакт с Фридрихом у меня был четче и яснее, чем с Шурой...

Контакт с Шурой у меня был несколько размыт той безграничной любовью к нему, которую я больше никогда не испытывал ни к кому. Даже к Водиле, даже к Тане Кох, даже к Фридриху. Все они были для меня Люди-Друзья — прекрасные, мужественные, умные, верные. Такие, какими сейчас, кажется, становятся Рут и Тим Истлейк... А Шура был Родной. Мой ближайший и единственный Родной Человек-Родственник! Можно так сказать? Не очень неграмотно?

Но вот здесь, в Нью-Йорке, я неожиданно почувствовал себя настолько раскованно, что при желании (моем, естественно!) я мог бы вступить в Телепатический Контакт с любым Человеком на улице. Если, конечно, он не полный мудака...

Вот что это такое? Особенности страны? Общий настрой?.. Ведь в Германии или в России мне это и в голову не приходило! Или мое постоянное нервное состояние от исчезновения Шуры усиливает мою способность к Контактированию, а как только я отыщу своего Плоткина, эта способность сразу же исчезнет? Да нет, пожалуй...

С Тимуром происходит примерно то же самое. Вот даже Рут говорит, что всего за три года он стал совершенно американским пацаном! Я не уверен, что американский мальчик за три года жизни в России смог бы стать абсолютно русским... А ведь это тоже своего рода Контакт.

Короче говоря, пока что Америка мне нравится больше, чем Европа. Здесь все ПРОЩЕ, все КОНТАКТНЕЕ! Скорее всего, прожив тут подольше, я обнаружу и кучу неудобств, и недостатков, но пока... Пока пусть Европа меня простит.

И потом, я верю в Шуру. Уж если Плоткин решил на отъезд и выбрал Америку — значит, лучше ничего под руками не было. Поэтому и я здесь!..

— А как получилось, что у тебя было с собой оружие? — спросил мистер Могилевский у Рут. — Ты же обычно не носишь эту штуку.

— Я и собиралась после тира вернуться в участок, оставить там «пушку», но эти два типа ждали меня в машине и замерзли, — Рут показала на меня и Тимура. — Я когда увидела нежно-голубую физиономию своего ребенка и трясущийся хвост нашего друга КЫ-си, то решила, что смогу оставить пистолет в участке и завтра. А сейчас нужно мчаться в лавку, отсюда — домой и кормить их чем-нибудь горячим...

— Сто раз говорил: носи с собой. Мало ли что?.. Привыкнешь — перестанешь замечать. Как я, — ворчливо заметил Джек Пински и, отогнув полу пиджака, показал уютно припрятанный там большой пистолет.

— Джек, дорогой! Я занимаюсь эмигрантскими разборками на уровне сплетен, мелких скандалов и примитивного незнания ими наших законов. Я не могу являться к ним обвешанная оружием! Им достаточно того, что я служу в полиции. Это для них и без пистолета очень сильно действующий фактор. Достаточно вспомнить, откуда они приехали. У нас с тобой абсолютно разные задачи, пойми ты это! Я моим клиентам должна помочь здесь выжить, а ты своим — наоборот...

...Вечер прошел довольно симпатично. Без ложной скромности могу сообщить, что очень много и хорошо говорили обо мне — дескать, если бы не Мартын, он же Кыся, еще неизвестно, чем все это могло кончиться.

Я трескал торт, запивал молоком, а для Джека и мистера Могилевского делал вид, что ни хрена не понимаю, о чем идет речь.

Потом оказалось, что мистер Могилевский кроме большой соленой рыбины (не мог принести сырую, пижон старый, горнолыжник чертов!..) приволок в подарок Тимуру одну замечательную книгу.

Рут с интересом повертела ее в руках, прочитала вслух:

— Лейланд Грегори, Дэниель Батлер и Алан Рэй... «Самые глупые преступники в Америке». Издательство «Ратледж-Хилл пресс». А-а-а... Я слышала об этой книге! Эти ребята несколько месяцев интервьюировали полицию разных городов и собрали огромную коллекцию идиотизмов...

— В прошлом году Батлер заезжал к нам, — негромко поведал Джек Пински. — Он два часа мурыжил меня, расспрашивал про всякие смешные случаи. Я думал, он собирается сочинять сценарий комедии. Я сказал ему, что людей, а особенно

детей, калечат фильмы, где все преступники показаны потрясающими интеллектуалами и изощренными гениями. Все это липа, сказал я ему. В них нет ничего романтического и незаурядного — болван на болване. Вроде вашего сегодняшнего недоноса с ножичком...

— Абсолютно точно! Святые слова, — сказал мистер Могилевский. — Я помню, когда я еще чалился в Союзе...

— Что-о «в Союзе»?.. — переспросила Рут.

— Сидел, — тут же охотно объяснил Тимур и с интересом спросил мистера Могилевского: — А по какой, дядя Боря?

— Сто пятьдесят третья, часть первая и часть вторая, — тут же без запинки ответил мистер Могилевский. — Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество. Тогда за это сидели в тюрьме, а сейчас в Кремле и в Думе.

И рассказал несколько смешных тюремно-лагерных историй. Рассказчик он был превосходный, и все очень даже хихикали. А потом стали читать куски из этой книжки.

Ну просто отпадная книжка!.. Мне особенно понравилась история про то, как один кретин был осужден за мелкое хулиганство на девяносто дней. И с первого же дня начал готовить побег. Он бежал на восемьдесят девятый день, был через несколько месяцев пойман и получил за побег еще полтора года тюрьмы...

Другого взяли в Род-Айленде за взлом торговых автоматов, и у него хватило ума внести за себя четыреста долларов залога двадцатипятицентовыми монетами, «квартерами», которые он добыл из ограбленных им же автоматов!..

В Теннесси арестовали одного титана мысли, задумавшего взорвать плотину Перси Прист и затопить Нашвилл, столицу музыки «кантри», а потом надеть акваланг и пошарить под водой в сокровищах затопленного города. До этого злодей ни разу в жизни акваланг и в глаза не видел. Слава Богу, до акваланга дело не дошло: взрыв не причинил плотине ни малейшего вреда, зато разнес дверь находившегося поблизости са-райчика...

Еще один изверг имел обыкновение разбивать витрины ювелирных магазинов и хватать драгоценности. В одном магазинчике стекло витрины заменили небьющимся плексигла-сом. Специалист по быстрому приобретению драгоценностей

запустил в эту витрину огромным булыжником, тот, естественно, отскочил и точнехонько засветил ему в лоб! Изверг потерял сознание и в таком состоянии был доставлен в полицию...

Все очень развеселились. Чтобы не показать Джеку Пински и мистеру Могилевскому, что я все понял, мне пришлось хихикать себе в лапу — отворачивался и делал вид, будто тщательно умываюсь.

Короче, как говорил раньше Шура Плоткин, — «вечеринка явно удалась!..» Она удалась еще и потому, что я, не будучи вовлеченным в общую болтовню, сделал одно открытие, которое вряд ли смог бы совершить, если бы трепался со всеми на равных.

Я очень отчетливо увидел, что и сорокалетний Джек со своим пистолетом под мышкой, и почти семидесятилетний мистер Могилевский со своим стимулятором в сердце давно, трепетно, нежно и тайно влюблены в сержанта полиции Рут Истлейк!..

На мгновение я вдруг почувствовал укол ревности. Не из-за себя — не считайте меня идиотом. Из-за Шуры.

Мне показалось, что лучшей Женщины для него просто и пожелать невозможно.

Я был почему-то свято убежден, что мой Плоткин обязательно понравится Рут.

То, что Рут понравится Шуру, — тут у меня вообще не было никаких сомнений! Что я, Шуру не знаю, что ли?! А то, что у него ТАКИХ ЖЕНЩИН не было, — клянусь чем угодно...

Мало того, и Ребенок уже готовый! Взрослый, умный, смелый, симпатяга... С таким ребенком вообще — кайф. Ни с пеленками не надо мудохаться, ни в коляске его возить. Дашь ему пару долларов на весь день, и Ребенок чешет сам куда хочет...

— Мам! Можно, я завтра после школы заскочу домой, заберу Мартына и мы поедem с ним в Манхеттен на День святого Патрика? — спросил Тимур, когда Джек Пински и мистер Могилевский распрощались с нами и ушли.

Причем при прощании Джек похлопал Рут по спине, фальшиво демонстрируя всего лишь приятельское отношение к ней, а мистер Могилевский грустно поцеловал ей руку.

— Эй, Тим! Не вешай мне лапшу на уши. Что значит «после школы»? Парад святого Патрика начнется в одиннадцать, приехать туда нужно минимум за полчаса, иначе вы ни черта не увидите, а школа у тебя кончается в два часа дня! Не стыкуется, мистер Истлейк.

— Обижаете, миссис Истлейк, — в тон ей ответил Тимур. — Наш «классный» — мистер Хьюз — пообещал нам завтра всего два урока, а потом коллективный выезд в Манхеттен. Сабвей — на халяву, за счет школы!

— Тогда какого черта ты спрашиваешь у меня — можно ли тебе поехать? — удивилась Рут.

— Ма!.. Но ты же для меня важнее, чем мистер Хьюз! — возмущенно закричал Тимур и даже стукнул кулаком по холодильнику.

Несколько секунд Рут смотрела на Тимура остановившимися глазами, потом схватила его в охапку, прижала к себе и стала целовать в макушку, быстро-быстро спрашивая срывающимся голосом:

— А зеленая шляпа у тебя есть?.. А кленовый листочек, сынок? И КЫсе нужно что-то зеленое!..

— Ты же подарила мне шляпу еще в прошлом году!.. А кленовый листок сам потерялся.

— Я сделаю... Я тебе сделаю этот листок, мальчик мой! — бормотала Рут, не отпуская Тимура. — И для КЫси что-нибудь придумаю. Ты возьми его с собой в школу... Уж два урока он как-нибудь высидит... А потом вместе и поедете... А сейчас спать. Спать, ребятки! Завтра вставать рано...

Когда мы с Тимуром остались одни в его комнате, я спросил:

— А что за парад святого Патрика, Тим?

— Я тебе завтра расскажу. Спать хочется... Ложись со мной.

— Нет. Спи, Тим, — твердо сказал я. — У меня еще куча дел во дворе.

— У тебя там уже есть подружка? — В глазах Тимура сна как не бывало.

Мне вовсе не хотелось посвящать его в Котово-Кошачье-Крысиные дела, и я посчитал вариант «подружка» самым благоразумным. Тем более что в некоторой степени так оно и было. Кошку хотелось — до безумия!

— Да, Тим. Подружка.

— У нас тут во дворе этих кошек ничейных — армия! Знаешь, был один месяц, когда они вдруг все взялись... Ну, это... Ну, ты сам знаешь. Трахаться. Так во дворе стоял такой вой, что наши соседи даже полицию вызывали! А что полиция может?..

— Действительно, — смущенно подтвердил я. — Что может полиция в такой ситуации...

Я совсем не был склонен продолжать эту тему в разговоре с двенадцатилетним Ребенком. Я понимал — в свое время Мальчик прошел такое, что и в самом кошмарном сне не приснится. И в своей коротенькой, поначалу не очень счастливой жизни он видел массу Человеческих мерзостей и только последние годы живет в любви и внимании и сам научился любить и быть внимательным...

А еще я понимал, что его, как и любого двенадцатилетнего мальчишку, ужасно тревожит его собственная пипка, которая встает торчком при одном взгляде на полуголую девицу с обложки какого-нибудь журнала. Я же хорошо помню себя Котенком-подростком!

Один вид взрослой Кошки, один лишь ее запах приводил меня в полное половое неистовство. Мне казалось, что я готов насадить на свой членчик подросткового размера всех Кошек мира!!!

— Знаешь... Только никому!.. — стыдливо прошептал Тимур.

Я сделал успокаивающий жест лапой.

— У нас в классе есть одна девчонка — я ее ненавижу! — шепотом сказал Тимур по-русски и посмотрел на закрытую дверь. — Она все время трогает меня за ЭТО... И смеется. И прижимает меня к себе. А она такая здоровая, на полголовы выше меня, блядища... Ее все старшекласники поимели!.. Говорят, наш тренер по бейсболу ее каждый день натягивает.

— Врут, наверное... — совершенно смешался я.

— Что ты!.. Ребята притащили в класс порнуху, так многие девчонки отказались смотреть, а она — хоть бы хны! Смотрит и приговаривает: «Вот так я пробовала, а вот так еще нет...» А знаешь, что самое страшное?

— Нет.

— Она мне все время снится... И в таких видах!.. А я Машу Хотимскую люблю, я тебе говорил. Получается, что я изменяю Маше? Да?..

Ну что? Что я мог ему сказать?!

— Не дергайся. Ни черта ты никому не изменяешь. Сны от тебя не зависят. Эта девчонка из вашего класса поедет с нами в Манхеттен?

— Конечно...

— Покажи мне завтра эту лахудру. Я ее быстро отучу хватать тебя за ЭТО... А теперь — спокойной ночи, Тим, — сказал я и вышел.

Ах, как мне было жаль Тимура, душу которого раздирали такой клубок страстей!..

И одновременно я был рад тому, что могу считать этот разговор высшей формой мальчишечьего доверия ко мне... Такое дорогого стоит...

Рут перед сном принимала душ, и я без проволочек смог вылезти через кухонное окно, перепрыгнуть на дерево и спуститься во двор.

Бог мой!.. Я просто не узнал вчерашнюю грязную, хамскую, постоянно чешущуюся стаю вонючих жлобов и невымытых потаскух!.. Это, как говорил один Шурин приятель-одесит, было «что-то особенного»!!!

Передо мной предстало такое чистенькое и благопристойно-умильное Котово-Кошачье сообщество, что заподозрить кого-нибудь из них в чем-то предосудительном было бы если не святотатством, то, во всяком случае, непростительным и оскорбительным грехом.

Кошки-бляди, независимо от возраста, все поголовно выглядели юными и невинными! А уж добродетель из них сочилась наружу прямо из каждой дырки.

Коты-разбойники — разномастные убийцы, жулье и ворюги, подавленные собственной чистотой и прилизанностью, запуганные грядущими жизненными переменами, — смущенно слонялись по двору, словно «...еще трезвые крестьяне в самом начале престольного праздника». Эту фразочку я взял из одного Шуриного очерка о деревне. Помню, она мне тогда очень понравилась...

Котята, еще вчера дикая, жестокая банда уличного хулиганья, насильно вымытая старшими Котами и Кошками, теперь неумело играли в слащавые, домашне-оранжерейные Котенковые игры: прятки, ловля собственного хвоста и прыжки друг через друга. При нечаянном столкновении никто из них не вопил со зверской рожей: «Ай фак ю, сука!..», а извинялись(!) и вежливо бормотали: «Ах, как мне, право, жаль...»

Такой метаморфозы я не ожидал! Я как увидел все это, так и сел на задние лапы. Подвернул под себя хвост — сижу, глазам не верю...

Нет, прав был Шура, когда говорил, что во мне есть все задатки несокрушимого ЛИДЕРА! Ну, что ж... Как говорится, Бог нам в помощь.

— Леди и джентльмены! — начал я небольшой цитаткой из одного фильма, который я еще в России видел по телевизору.

Там главарь одного преступного концерна собрал всех своих коллег, партнеров и подельников с семьями на свой юбилей и вступительное слово начал именно с того, что сказал:

— Леди и джентльмены!..

Начав точно так же, я напомнил своим, что нет на свете существ более Прекрасных, более Грациозных, более Свободолюбивых, чем Коты и Кошки, за которыми уже идут остальные представители Кото-Кошачьего рода — разные там Гепарды, Ягуары, Пантеры, Тигры. Поэтому я счастлив видеть уважаемых леди и джентльменов преобразенными и свободными! Отныне и навсегда никто никому не обязан рабски лизать яйца и прочие места! Хочешь лизать яйца? Не можешь совладать с желанием? Вот тебе, пожалуйста, твои собственные яйца — лижи, сколько твоей душе угодно. Хоть до посинения!.. Заставить это делать кого-то насильно — никто не имеет права, если не хочет разделить участь Вагифа...

Дальше я сказал, что рад им доложить: вчерашняя встреча с Мадам, предводительницей крупнейшего клана Крыс нашего района, прошла в доверительной беседе, результатом которой явилось важное соглашение о взаимном ненападении и посильном партнерстве и сотрудничестве.

— Надеюсь, — сказал я, — что представители клана Мадам сейчас слышат нас, и если кто-то из них захочет внести свои

поправки или предложения по заключенному договору, то безопасность гарантируется...

— Спасибо. Если позволите, позже, — раздалось у меня за спиной.

Я тут же повернулся и увидел в проеме полукруглого подвального окошка Первого Советника Мадам — старого седого Крыса в окружении черт знает какого количества охраны!..

Мы раскланялись, и я повернулся к своим.

Я напомнил им, что еще вчера просил к сегодняшнему сходянью приготовить свои соображения по перестройке.

В рядах Наших почувствовалось легкое замешательство, и после тихих и недолгих препирательств вперед был вытолкнут пожилой Кот в бедноватой, местами вытертой шерсти, явно интеллигентного вида. В прошлом.

— Дорогой мистер Мартин! — взволнованно сказал он, делая ударение в моем имени на букве «А» и, конечно, не имея понятия о нашей замечательной букве «Ы». — Каждый новый день приносит нам ваш новый подвиг. Вчера — эта кошмарная личность Вагиф, сегодня — бандит с ножом, напавший на миссис Истлейк!..

«О, черт побери! Откуда они-то знают про этого кретина с ножиком?!» — подумал я.

Как я и предполагал, пожилой, потертый Кот оказался далеко не дураком, — он тут же прочитал мои мысли и немедленно объяснил:

— Первую информацию о происшествии на Девяносто девятой улице мы получили от... — Кот сделал легкий полупоклон в сторону Крыс, торчавших в подвальном окошке, — от наших новых, м-м-м... союзников, если можно так выразиться...

— Можно, — сказал у меня за спиной старый седой Крыс.

Потертый Кот достойно и благодарственно кивнул седому Крысу и сообщил, что вторая информация поступила от Кошки, служащей непосредственно в русском магазине, на глазах которой все и происходило.

— И поэтому, — продолжил пожилой Кот, — сегодня мы счастливы предложить вам, мистер Мартин...

Беленькая, пушистенькая поблядушечка уже шла ко мне, зазывно покручивая попкой с хвостиком, и я понял, что, если

сейчас не прерву пожилого Кота, наше первое деловое совещание превратится черт знает во что! Ибо я уже видел, как несколько Котов и Кошек собираются выступить именно в таком же хвалебно-истерическом ключе: «Да здравствует наш новый Царь-батюшка — самый великий, самый смелый, самый-самый-самый!!!»

— Моментик! — решительно гаркнул я. — Попрошу умерить восторги. В моих поступках, как во вчерашнем, так и в сегодняшнем, нет и малейшего намека на то, что вы так пышно называете ПОДВИГАМИ. Никаких героических поступков я не совершаю. Большей частью ИНСТИНКТИВНО, то есть даже не совсем осмысленно, я просто нахожу единственно приемлемое, с моей точки зрения, решение, как выйти из той или иной создавшейся неблагоприятной ситуации. Все вы обладаете теми же возможностями. Это нашему Виду и Роду дано свыше. И не пользоваться этим подарком природы я считаю преступлением! Попрошу перейти к делу. Насколько я понял, наиболее важной, я бы сказал, «жизненной артерией» как для нас, так и для наших коллег из клана миссис Мадам, является участок Девяносто девятой улицы от Шестьдесят пятой роуд до Квинс-бульвара. Пожалуйста, перечислите мне все возможные точки приложения наших сил по правой стороне улицы, если стоять хвостом к Квинс-бульвару.

Коты и Кошки, освободившись от необходимости льстить мне и подлизываться, наперебой заорали:

— Ресторан «Регистан» — открыли недавно бухарские евреи!..

— Китайская химчистка!..

— Корейский рыбный магазин... — всхлипнул кто-то из Котов.

— Американско-еврейская аптека...

— Кошерная лавка!..

Надо будет у Рут спросить — что это?..

— Гросери... Что-то типа гастронома, — пояснил пожилой Кот, почувствовав мое замешательство.

— Банк на углу Квинс-бульвара...

Как-то в Грюнвальде мы были с Фридрихом в его банке — тоска смертная. Вот уж не для Котов.

— Ну, в банке нам делать нечего, — сказал я. — Теперь, пожалуйста, — левую сторону.

Хорошо, что Водила как-то обучил меня, где лево, а где — право. Оказалось, что это совершенно разные стороны!

— Еще одна китайская прачечная...

— Русский магазин!.. — снова сказал пожилой Кот и робко добавил: — Около которого вы, мистер Мартин, сегодня приняли «единственно верное решение в неблагоприятно сложившейся обстановке» для миссис Истлейк и ее сына...

— Еврейская сапожная мастерская Ленина...

Мне показалось, что я ослышался, и не поверил своим ушам:

— Чья сапожная мастерская?!

— Ленина, Ленина! — подтвердил из-за моей спины седой Крыс. — Мы там бываем. Вообще-то его зовут Алик, но так как он похож на какого-то «Ленина» — лысина, борода, кепочка, — то все-все евреи и русские нашего района называют его «Ленин».

— Интересненько... — пробормотал я. — Давайте дальше!

— Бухарскую парикмахерскую забыли!..

— Правильно! И русский кар-сервис. Такси...

— А греческий ресторан?! — вождественно простили чуть ли не хором несколько Котов и Кошек.

— Все? — спросил я.

— Да, пожалуй... — неуверенно промямлил кто-то.

— К сожалению, все забыли про китайцев с их «Стесенери», — смущенно сказал пожилой Кот. — Это журналы, газеты, открытки, бумага... А так как у меня в прошлом есть достаточно большой опыт работы с печатным словом, то мне очень хотелось бы сотрудничать именно там. Я смог бы держать всех вас и наших союзников в курсе текущих событий!..

Тут у меня вообще глаза на лоб полезли! Вот она — Америка... Мало того, что на одном квартале уместились представители половины земного шара со своими заведениями, здесь еще и Коты «работают с печатным словом»!..

— Вы, что же, читать умеете, мистер... — спросил я.

— Хемфри, — подсказал мне пожилой Кот. — Да, мистер Мартин. Умею.

История старика Хемфри оказалась просто поразительной!

Когда-то Хемфри служил на углу самой знаменитой в Манхэттене Пятой авеню и не менее известной Сорок второй улицы, в огромной Публичной Библиотеке Нью-Йорка.

Сказав «служил», я ничуть не преувеличил. В расцвете своей молодости Хемфри был зачислен в штат служащих Нью-Йоркской Публичной библиотеки в качестве «ОФИЦИАЛЬНОГО МЫШЕЛОВА» с окладом, покрывающим все расходы на его содержание. Он даже медицинскую страховку имел!

Эта Библиотека, по словам Хемфри, была одним из крупнейших книжных собраний, превосходящим и Батлеровскую библиотеку, и библиотеку Лоу-Лайбрериз Колумбийского университета, а также и Моргановскую библиотеку, находящуюся на Тридцать шестой Ист-Стрит...

Согласитесь, что не научиться читать, работая в таком месте, — было бы равносильно тому, чтобы не напиться, сидя у ручья!

Однажды компания, производящая Кошачье питание, обратилась к администрации библиотеки с просьбой разрешить Коту Хемфри сняться в рекламном ролике для телевидения. Администрация Нью-Йоркской публички категорически возразила! Дескать, Кот Хемфри является ШТАТНЫМ МЫШЕЛОВОМ библиотеки, а стало быть — ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ. То есть входит в число тех официальных персон, которым американскими законами запрещено иметь частный бизнес или участвовать в рекламных кампаниях.

По молодости лет Хемфри «положил хвост» на все американское законодательство и за фунт говяжьих сосисок и полтора фунта свежей сырой рыбы снялся в рекламном ролике, достоверно сыграв неподдельный интерес к продукции фирмы, один взгляд на которую у нормального Кота должен был бы вызвать неудержимую рвотную реакцию.

В один из зимних вечеров кто-то из библиотечного начальства углядел эту рекламу на экране собственного телевизора, и на следующий день Кот Хемфри был вышвырнут на улицу без выходного пособия.

С годами он падал все ниже и ниже и вот теперь живет в Квинсе и влачит достаточно жалкое существование опустившегося интеллигента...

...Но это я все узнал потом, из личного разговора со старинной Хемфри, после совещания.

Пока же я предложил нашей банде любыми способами войти в доверие ко всем Служащим и Хозяевам вышеперечисленных интернациональных заведений Девяносто девятой улицы.

Не обкрадывать их тайно, не вымаливать жалкие подачки, являясь перед ними в в затрапезном, антисанитарно-немытом виде, трусливо зыркая по сторонам вороватым глазом и ползая на полусогнутых вдоль стены, источая помоечный запах...

...А входить в Заведение или Жилище Человека во всем блеске своей чисто вымытой шерсти и пушистости, с весело и гордо задранным хвостом, с ласково-снисходительным взглядом, заранее прощая Человечеству все их Людские слабости!..

— Вот как нужно знакомиться, если вы хотите добиться хоть малейшего успеха в жизни! — сказал я им. — Но и этого может оказаться недостаточным. Прошло время, когда Люди просто умилялись присутствию Котика или Кошечки в своем доме. Теперь от Котиков Люди вправе потребовать ПОСТУПКИ, которые им, Людям, покажутся полезными. Да, да! К несчастью, мир сегодня — прагматичен. Ничто в жизни не дается даром!.. Вы должны доказать свою необходимость там, где вы собираетесь бросить якорь и начать возделывать целину!..

Не скрою, я просто упивался собственным красноречием! Я понял, что в наше время стать Вождем — раз плюнуть: нужно просто насобачиться уверенным голосом поучать других и советовать им сделать то, чего ты сам никогда не делал и делать не собираешься. Другой вопрос — пойдут ли потом за тобой массы?.. Но на первых порах ты свой кус всегда успеешь открямзать!

Но это я не о себе. Я как раз предложил «МЕТОДИКУ ПОСТУПКА» на основании своего российского опыта. В первой части «Кыси» я достаточно подробно об этом рассказывал. Не будучи уверенным, что все так уж выучили наизусть первые две части этой книги, я вкратце напомню об этой «МЕТОДЕ», изобретенной, кстати, не мной, а моим питерским корешком — Бесхвостым Котом-Бродягой.

Естественно, что я всего этого не сказал, а предложил им голую техническую схему ПОСТУПКА, мгновенно рождающего

доверие Людей к Коту или Кошке. Проверено многократно, действие — безотказное!

— Вы берете дохлую Крысу... — начал было я и поперхнулся. — Пардон! Еще пардон!.. В нашем частном случае вы договариваетесь с любой союзнической Крысой, чтобы она притворилась мертвой, осторожно берете ее за шкурку — храни Господь сделать ей больно — и несете ее к Хозяину облюбованного вами Заведения. И молча кладете Крысу перед ним. С понтом — вроде бы вы ее поймали только что у него в кладовке или еще черт знает где... Дальше я вам гарантирую восторги Людей и мольбы о том, чтобы вы унесли Крысу. Вы, с Крысой в зубах, заходите за угол, прощаетесь с ней до вечера и возвращаетесь в заведение, где вас кормят и умоляют остаться здесь навсегда! Все. Отныне эта Крыса — ваш постоянный партнер. Сработаетесь — будете вдвоем шустрить в этом доме, как вам заблагорассудится. Отныне — вы Хозяева в этом доме! Но два-три раза в неделю вы со своим партнером должны повторять этот маленький спектакль, чтобы Люди понимали, что теперь они без вас и дня прожить не смогут.

Ба-а-а-альших трудов стоило уговорить Крыс принять участие в этом эксперименте!..

Лишь после многократных обещаний, что Коты и Кошки напрочь подавят в себе всяческие опасные и вредные охотничьи инстинкты, только после клятвенных заверений о последующем равномерном разделе добычи, Крысы согласились на этот вариант.

Разбивка Котов и Крыс по партнерским парам тоже стоила чудовищных усилий: для того чтобы обезопаситься, Крысы требовали себе в партнеры небольших и слабосильных Кошек (или Котов), с которыми, в случае самопроизвольного проявления природных Кошачьих наклонностей, Крыса и сама была бы в состоянии справиться.

Причем Крысы на роль «трупов» подбирались из бойцовской группы охраны. Их вес, вид и передние резцы даже у бывалых Котов вызывали чувство озноба.

Мелковатые Коты и Кошки, отобранные Крысами себе в партнеры, вопили, что им не под силу таскать таких гигантов и они требуют себе Крыс поменьше...

Короче говоря, репетиции мы начали только лишь через час.

Актерское мастерство по изображению «трупов» Крысам преподавал Первый Советник Мадам — старый седой Крыс. Он так натурально играл, что мы один раз все — и Коты, и Крысы — жутко напугались!

Нам причудилось, что старый Крыс действительно умер. Но, слава Богу, оказалось, что он, изображая труп, просто-напросто заигрался и заснул!..

Я взял на себя показ этюда приноса Крысы к Хозяину, предположим, мясного магазина. Хозяина играл пожилой, потертый Кот Хемфри из Нью-Йоркской Публичной библиотеки.

Дай Господь, чтобы все Люди, торгующие мясом, были бы хоть наполовину так интеллигентны, как старина Хемфри!..

Во время репетиции между Котами и Крысами стояла непрекращающаяся ругань, а взаимные упреки и обвинения в бездарности так и сыпались на головы как одних, так и других. И все же!..

И все же, спустя еще час, мы достигли первых пристойных результатов!!!

Впервые за сегодняшнюю ночь я смог передохнуть... Я обычно предпочитаю активный отдых.

Поэтому я тут же сграбастал ту, вчерашенькую, беленькую и пушистенькую, заволок ее под старый автомобиль, где и стал, по выражению Шуры Плоткина, «драть ее как сидорову козу».

Я трахал ее за все!

За вчерашнего молодого черного Кота; за сегодняшнюю невротрепку с этим болваном, напавшим на нас у магазина; за исчезновение Шуры Плоткина; за неясность моего социального положения; за то, что они так долго терпели Вагифа; за грязь и разобщенность, в которой они пребывали до моего появления; за запрещение Котам ездить в саввее и автобусах легальным образом; за мусор на улицах; за стаи бездомных Собак и Котов, охреневших от голода и бесприютности; за необходимость завтра с утра тащиться в Манхеттен на Праздник какого-то святого Патрика, в то время когда мне будет хотеться спать до безумия...

Можете себе представить, в каком виде она выползла из-под меня и старого автомобиля, когда я кончил в пятый раз?!..

О том, чтобы разбудить меня утром, не могло быть и речи!

Бедный Тимур даже совал мне под нос кусок свежайшей сырой мерлузы из корейского рыбного магазина, которую я за последние два дня полюбил на всю оставшуюся жизнь! Но тщетно...

Голос Тимура, умолявшего меня проснуться, ибо он опаздывает в школу, я слышал словно с другой стороны земного шара. Хотя и ощущал, как Тимур в отчаянии запихивает меня в свой рюкзак, но открыть глаза так и не смог...

Я дрых самым пошлым образом и по дороге в школу, и в школе, и поэтому ничего толкового о своем первом посещении американского учебного заведения сказать не могу.

Помню только неясный дикий шум и гам и странные, с моей точки зрения, запахи для детского учреждения, где явно тянуло вчерашним алкоголем, дешевой косметикой, самой разной жратвой, резиновой жвачкой всех сортов, сигаретами, кокаином (!..), еще каким-то наркотиком — «крэг», как потом объяснил мне Тимур; пахло откровенным сексом, и, не поверите, очень даже пахло оружием!..

Потрясенный столь НЕ ДЕТСКИМИ запахами, я, сквозь глубочайший и вполне заслуженный сон, пару раз приоткрывал глаза и слегка высовывался из рюкзака, но не увидел ничего особенного — того, что разительно отличало бы американскую школу от русской.

У нас за пустырем, напротив нашего с Шурой дома в Ленинграде, была почти такая же школа, и мы с моим соседом и корешом Бесхвостым Котом-Бродягой иногда харчились там на кухне школьной столовой. Взяли мы эту кухню старым испытанным способом — надохлую крысу.

В отличие от русских, американские парты были на одного ученика, а не на двоих. И сквозь сон я углядел длинный коридор, уставленный с двух сторон узенькими железными шкафчиками, запиравшимися на ключ. Изнутри шкафчики были оклеены цветными картинками, вплоть до откровенной порнухи.

У Тима тоже был такой шкафчик, но без голых баб, а с какими-то, кажется, русскими открытками. Хотел он было оставить меня в этом шкафчике до конца второго урока, но пожалел и потащил меня, дрыхнувшего без задних лап, к себе в класс.

А еще в школе были телефоны-автоматы, и девочки почти все были одеты, как мальчики. Никакой формы! Кто во что горазд...

В классе я сумел заметить своим соловым, полуспящим глазом, что мистер Хьюз — классный руководитель Тимура — оказался молодым парнем в джинсах, ковбойских полусапожках с разными медными блямками и заклепками, клетчатой байковой рубаше, из-под расстегнутого воротничка которой выглядывала белая майка, и в какой-то замшевой жилетке с бахромой из тоненьких полосок кожи. И сидел он в классе не на стуле за своим учительским столом, а прямо на столе, поставив свои башмаки с медными заклепками прямо на стул! И мне, сквозь сон, это очень в нем даже понравилось...

Я проснулся и хоть чуточку стал соображать только лишь в сабвее. Очухавшись, я обнаружил, что на шее у меня повязан какой-то зеленый бантик, а голова Тимура украшена старой зеленой шляпой. Обе щеки Тимура были разрисованы зелеными листиками. А вокруг нас бесилось и вопило уйма пацанов и девчонок из Тимурова класса. И все они были разрисованы зеленой краской в цветочек, у всех были шапки, шляпы, косынки зеленого цвета, зеленые бантики в петлицах, а у некоторых девчонок даже волосы были зеленого оттенка! Даже мистер Хьюз, ехавший с нами, был в каком-то зеленом колпачке с зелеными очками на носу.

А еще я заметил, что наш Тимурчик, когда-то нахлебавшийся в России дерьма под самую завязку, а теперь самый храбрый, самый замечательный пацанчик, с которым я когда-либо сталкивался, — самый маленький в классе. Ну, буквально все, даже самые плюгавые, были выше его на полголовы. То-то мне в порту тогда показалось, что ему лет девять, не больше!..

Я вообще-то раньше старался на Детей внимания не обращать. У Котов и Кошек с Детьми отношения обычно напряженные. А тут вот столкнулся нос к носу с таким Тимуром

и думаю: найду Шуру Плоткина, перееду к нему в какой-нибудь Бруклин или Бронкс, а Тимур останется в Квинсе. Вот как тут быть? Известно же, что далекие расстояния для любви и дружбы — ужасно опасная штука!..

В это время к нам подсаживается такая смазливая деваха лет тринадцати, но уже с титьками и задницей вполне взрослого размера, облапывает нахально моего Тимурчика, хихикает и начинает шарить по нему своими лапами. И вроде бы в шутку лезет к нему в ухо своим языком!..

Мой Тимурчик как задышит, как задышит!!! Покраснел, как Государственный флаг Советского Союза, только вместо золотого серпа и молота у него на мордочке зеленый листок нарисован.

Отталкивает эту курву малолетнюю, бормочет: «Отстань, дура!..» — а у самого голос срывается, вот-вот задохнется от желания. И пипка у него (сам вижу!), ну, просто на дыбы встает — сейчас его ветхие джинсики по швам разлетятся! Батюшки! Что делать-то, думаю?!..

А та насаждает на Тимура, подмигивает подружкам — дескать, посмотрите, как надо пацанов заводить! И своей наглой лапой с грязью под ногтями и облупленным маникюром на них же лезет прямехонько к Тимуровой ширинке. А тот и без того уже трясется, бедняга...

Все, думаю, пора спасать парня! На хрен ему эта несвоевременная половуха?! Придет время — пожалуйста. На здоровье.

А пока...

Высунул я наполовину из рюкзака да как шваркну выпущенными когтями по ее наманикюренным пальцам! Она, конечно, в голос заблажила на весь вагон, а мистер Хьюз, их классный руководитель, посмотрел поверх зеленых очков на то, как она слизывает кровь со своих царапин, и так спокойненько-спокойненько говорит:

— Ну вот видишь, Мэгги... Я же говорил тебе, что ты не всем нравишься. А ты мне не верила.

Ехать до Манхэттена пришлось долго, и мистер Хьюз напомнил своим ученикам, что такое День святого Патрика. Само собой, я тоже развесил уши...

Оказалось, что это знаменитый праздник ирландской культуры весны и возрождения. Возрождения чего — я не

понял... Был там такой тип, миссионер Патрик, который при-
волок откуда-то в Ирландию какое-то там христианское уче-
ние — и стал самым уважаемым святым ирландского народа.
Как Ленин в России. Это мне Шура еще рассказывал со своей
обычной усмешечкой.

Так вот, этот Патрик умел договариваться со Змеями
и прогонял каких-то Злых Духов (которых, наверное, сам
и придумал...) с помощью обыкновенного зеленого листочка
клевера. Этот листочек и стал символом Ирландии. И в День
Святого Патрика каждый житель Америки — белый, черный,
желтый — любой! — как бы становится ирландцем!.. Нарисо-
вал листок клевера на роже, напялил зеленую шляпку — и ты
уже натуральный ирландец.

И сегодня этот праздник в Нью-Йорке отмечается уже в
двести тридцать шестой раз!..

Когда мы наконец вылезли из сабвея прямо у Рокфеллер-
Центра, и под предводительством решительного и веселого
мистера Хьюза рванули к углу Пятой авеню и Сорок шестой
улицы, и, опять же при помощи достаточно жестких, реши-
тельных действий все того же мистера Хьюза, протиснулись
сквозь тучу народа и всем нашим классом заняли лучшие мес-
та в первом ряду у самого ограждения, по Пятой авеню уже
шла замечательная процессия!

Видно мне было изумительно: задними лапами я стоял
в рюкзаке за плечами Тимурчика, а передними опирался
о его плечи. Таким образом, наши головы были на одном
уровне, и мы могли по-Шелдрейсовски обмениваться впе-
чатлениями.

А их было — хоть отбавляй! Тимур комментировал мне
все происходящее, а сзади нас, как самых маленьких, обере-
гал мистер Хьюз. Не давал нас толкать и заслонять вид на
процессию...

Шли какие-то гвардейцы с барабанами и тоскливыми
дудками — «волынками», как сказал мистер Хьюз. Шли по-
лицейские, катились в зеленых колясках инвалиды всех
войн, девочки из школы «Дрик Тауншип Дракон» в одних
купальниках размахивали лентами и делали всякие гимна-
стические упражнения. А перед ними, с короной на голове

и в норковой шубке, вышагивала «Мисс Нью-Йорк» Килин Криник!..

С целой свитой фальшиво веселящихся солидных дядечек руководящего типа шел губернатор Патаки. В петлице его черного пальто красовался зеленый листок клевера. Неподалеку от губернатора, в одном пиджаке и зеленом галстуке, топал мэр Нью-Йорка Джулиани. И губернатор, и мэр махали нам руками, посылали воздушные поцелуи всем, стоявшим за ограждениями, — словом, вели себя как отцы родные...

За ними топали какие-то вопящие гримзы — ни одной хорошенькой! Несли плакат: «Англичане! Руки прочь от Ирландии!»

И все вокруг было зеленым! У некоторых — даже уши...

Ах, как мне стало жалко, что мой Шура Плоткин не видит всего этого! Стоял бы он сейчас рядом с нами...

Но тут же мне пришло в голову, что Шура к этому празднику отнесся бы не с таким восторгом, который испытывали мы с Тимуром. Наверняка Шура ухмыльнулся бы и, естественно, если Тимура не было бы рядом, сказал бы открытым текстом:

— На хера попу гармонь, если есть колокола? Почему Америка должна праздновать День какого-то святого из Ирландии?! Где именье — где вода, где Ромео — а где Джульетта?.. У американцев своих поводов для веселья и праздников достаточно. Есть, есть во всем этом какой-то фальшак...

Я даже услышал привычные насмешливые Шурины интонации, даже его ироничную рожу увидел, черт бы его побрал!

И вдруг мне почудилось... И вдруг мне прислышалось, как откуда-то издалека — ну, совсем непонятно откуда — негромкий Шурин голос внутри меня проговорил с характерной его усмешечкой:

— Ты абсолютно прав, Мартышечка... Умница ты мой ненаглядный.

Я так заволновался, так задергался, так стал крутить башкой и оглядываться, что, уже не говоря о Тимуре, даже мистер Хьюз всполошился.

— Что с ним, Тим?!.. — спросил мистер Хьюз у Тимура.

— Что с тобой? — спросил встревоженный Тимур у меня.

— Все... Все в порядке, — ответил я Тимуру по-Шелдрейсовски.

— Говорит — «все в порядке», — перевел Тимур мистеру Хьюзу, и тот, приняв это за шутку, весело рассмеялся и погладил меня.

Но было все совсем не «в порядке»!

Я понимал, что крутить головой и выискивать в толпе Шуру Плоткина — полнейший бесполезняк. Это был голос СВЫШЕ, из НЕВЕДОМОГО...

Но интерес к этому действительно странноватому для Америки празднику у меня вдруг иссяк и сменился на совершенно конкретную заинтересованность двумя типами, которых я неожиданно увидел совсем неподалеку от нас.

А увидел я двух здоровенных мужиков, прекрасно одетых, с золотыми кольцами на пальцах и золотыми цепочками на могучих шеях, которые когда-то, когда мы с Водилой еще плыли из России в Германию, ночью в переполненном корабельном баре по приказу Бармена освободили место у стойки для моего Водилы.

Правда, им для этого пришлось снять пьяного финна с высокого круглого табурета у стойки и вынести его вместе с его бутылкой из бара, к чертям собачьим. И в тот вечер мы были очень даже признательны этим парням, так верно служившим Бармену.

Но уже потом — после Германии, когда я на несколько дней вернулся в Питер, перед самым моим отплытием в Америку, — мой дружок, бывший Морской, а ныне обычный Береговой, Кот Рудольф, проплававший с Барменом несколько лет по всем морям и океанам, рассказал мне, что именно эти два крепких паренька, один — русский, другой — немец, после захвата партии кокаина немецкой полицией пришли ночью в уже закрывшийся бар и сказали Бармену, что «товар» погиб под Мюнхеном.

И на глазах ошалевшего от ужаса Кота Рудольфа в упор расстреляли Бармена из длинных и тихих пистолетов...

Тимур... Вот чуткий звереныш, стервец!

Он сразу почувствовал, что я вздрючился. И спрашивает меня, как обычно спрашивают во всех американских фильмах, независимо от того, подвернул ли герой ногу или его разнесло взрывом на мелкие куски:

— С тобой все в порядке?

— Тимурчик, — говорю, а сам по сторонам озираюсь. Мало ли!.. Одни мы по-Шелдрейсовски чешем, что ли?! Береженого Бог бережет. — Тимурчик, посмотри назад и чуточку налево. Но с понтом делай вид, что тебе все до фени... Видишь двух мужиков в золоте?

— М-гу... — аккуратноенько отвечает Тимур.

— Так вот это — киллеры. Убийцы. Один — русский, второй — немец...

И в двух словах рассказываю все, что я про них знаю.

— Спокуха! — Тимур автоматом переходит на блатной русский жаргон, но по-Шелдрейсовски: — Счас мы этих сук обрабаем. Век свободы не видать!..

И говорит мистеру Хьюзу по-английски:

— Сэр, мы не могли бы на секунду отлучиться?

— Конечно! — говорит мистер Хьюз. — Только не надолго.

— Спасибо, сэр.

И мы с Тимурчиком смыливаемся. Тимур прокладывает дорогу сквозь толпу, прилипшую к ограде, а я ни на секунду не выпускаю из вида тех двух жутких Типов. И прошу Тимура пройти мимо них как можно ближе. Что Тимурчик и делает. А я прекрасно чувствую, как от одного из них аж прямо в нос шибает пистолетом!.. Да и от второго, кажется, тоже оружием потягивает...

Подгребаем к здоровенному полицейскому, обвешанному всеми примочками с головы до ног, и просим его отойти в сторонку. А он наклоняется к нам сразу же и говорит без запинки:

— Туалет — за углом Сорок шестой, в Китайской закусочной «Панда», в глубине зала, влево от стойки, первая дверь направо.

— Сэр, — негромко говорит Тимур и оглядывается по сторонам, не слушает ли его еще кто-нибудь. — Я Тим Истлейк. Моя мама — сержант полиции Рут Истлейк. Сто двенадцатое отделение в Квинсе. Телефон...

И сходу диктует полицейскому служебный телефон Рут. И, на всякий случай, домашний. И говорит:

— Это для того, чтобы вы могли меня проверить. Но дело в другом. Посмотрите, сэр... Вон туда! Видите тех двух джентльменов? Левее смотрите. Видите?

— Да. Это Ал Капоне и Джо Валлачи, — смеется полицейский.

— Нет. Это убийцы. Один — русский, второй — немец. Они недавно прибыли сюда из Европы...

— О'кей. Пойдите рядом и помолчите.

Полицейский нажал на кнопку своей рации и что-то тихо забормотал. Помолчал, послушал и снова забормотал. Мы расслышали только два его слова «сержант Истлейк».

Мы даже и сообразить не успели, как откуда-то, словно с неба, около нас появились трое высоких парней, размалеванных зелеными листиками клевера, и пожилой толстяк в зеленой шляпе и куртке с капюшоном.

— Это ты — Тим Истлейк? — спросил толстяк.

— Да, сэр.

— А кота твоего зовут Мартин?

— Да, сэр, — ответил Тимур, не поправив толстяка.

Тот откинул полу куртки, показал нам полицейский жетон у пояса и спросил:

— Откуда у тебя эти сведения? — и Толстяк незаметно повел подбородком в сторону тех двух Типов.

— От одного моего русского друга, сэр.

Толстяк посмотрел на размалеванных парней и спросил у них:

— Ну, что? Возьмем в разработку?..

— Да надо бы, — сказал один парень.

— А потом опять — мордой об стол!

— Не исключено, — заметил второй.

— Ох, боюсь, что ты нас сильно подводишь, сынок, — сказал Толстяк Тиму.

— Но на всякий случай... — медленно проговорил третий.

— Учтите, сэр. Они оба вооружены, — говорит Тим Толстяку.

У всех пятерых — полицейского, трех парней и Толстяка — сразу ушки топориком!

— Откуда это тебе известно?!.. — спрашивает Толстяк.

— От него, — говорит Тимур и показывает на меня.

— Тебя мама никогда не водила к психиатру? — спрашивает Толстяк и протягивает ко мне руку, чтобы почесать меня за ухом.

Я ка-а-ак разину пасть на него, ка-а-ак покажу ему клыки — он сразу руку отдернул, засранец! Как он смел так разговаривать с Тимуром?!.. Ни хрена не петрит в науке, тупица толсторожий, а еще и хиханьки строит... Жлоб с деревянной мордой!

— Ол райт, ол райт!.. — примирительно говорит Толстяк. — Я потом перезвоню твоей матери. Она попросила тебя не задерживаться в Манхеттене и немедленно возвращаться домой. У нее что-то там для вас есть...

В животе у меня даже екнуло: неужели Рут нашла Шуру?!!

Я так засуетился, задергался в своем рюкзаке, так разнервничался, что чуть оттуда не выпал! Толстяк удивился, спросил у Тимура:

— Он что, понимает, о чем мы говорим?..

— Он все понимает, сэр. Он и опознал тех Типов!

— О, ччччерт!.. Идти на задержание без единого доказательства, да еще и по наводке КОТА!.. Большого идиотизма я никогда себе не позволял...

— Вменим незаконное ношение оружия, — говорит один парень.

— А ты убежден, что оно у них есть?!.. — взъярился Толстяк.

— Но Кот же говорит!

— Ты себя слышишь, псих?!.. «Кот говорит»!!! Ты в своем уме? Ладно, черт с вами, попробуем. Скорее всего, уже завтра меня вышибут из полиции и я получу вполне пристойную пенсию... А вы, Пинкертоны чертовы, марш отсюда!

Он не позволил нам даже посмотреть, как этих Типов будут задерживать.

Он сказал, что по телеку мы можем увидеть в любом полицейском сериале типа «Хантера» подобную акцию, только намного эффективнее. И приказал здоровенному полицейскому проводить нас до сабвея.

Мы предупредили мистера Хьюза, что уезжаем, и действительно уехали...

Спустя еще час мы как сумасшедшие уже мчались по Кингс-хайвей в Бруклин на нашем «Плимуте».

Коллега Рут из Бруклинского отдела полиции, сержант Барри Грант, кажется, отыскал Шурины следы! Не самого Шуру — его никто не видел уже несколько дней, — а лишь дом и квартиру, где Шура мог, якобы, проживать...

Сейчас сержант Барри Грант и хозяин дома, который сдавал эту квартиру (возможно...) Шуре, ждут нас в Шипсхед-бей на углу Оушен авеню и Авеню Зет.

Ждут, чтобы в нашем присутствии вскрыть квартиру и...

Тут Рут запнулась. На мгновение она растерянно посмотрела на нас с Тимуром, а потом решительно и жестко продолжала:

— Вы оба достаточно навидались в своей жизни. А я чуть ли не ежедневно сталкиваюсь на работе вообще черт знает с чем. Поэтому я не буду с вами сюсюкать. Вполне вероятно, что мы найдем там уже полуразложившийся труп. К несчастью, одинокие молодые эмигранты в первые же два-три месяца не выдерживают груза рухнувших надежд, потери самого себя, унижительности иждивенчества начального периода, языковую немоту... Эти фудстемпы — талоны на питание, — почти полная изоляция, это крушение всей прошлой жизни... Очень, очень часто, особенно люди интеллигентные, кончают жизнь самоубийством...

— Нет!!! — завопил я в полной панике. — Нет!.. Он ждал меня! ОН МЕНЯ ЖДАЛ!!! ОН ЖДАЛ МЕНЯ ЖИВОЙ, ОН ЖИВ И СЕЙЧАС!.. Я же его недавно слышал... Может быть, он болен... Мне кажется, что он ГДЕ-ТО болен. Или куда-то уехал... Далеко. Потому что его было очень плохо слышно...

Никакого рюкзака, я просто сидел на коленях у Тимура, и мы оба были пристегнуты к сиденью одним ремнем безопасности.

Но для верности Тимур сильно прижимал меня к себе руками, и я все время слышал, как стучит его сердце.

— Мамочка! Мамуленька!.. Ну что тебе стоит?!.. — умолял Тимур. — Пожалуйста, поставь на крышу свою полицейскую мигалку, вруби сирену!..

Но Рут ответила категорическим отказом:

— Остановят за превышение скорости — покажу полицейский жетон. Не остановят — слава Богу! А ездить с мигалкой и сиреной, когда все видят, что в машине сидит вполне

благополучный ребенок и Кот с мордой гангстера, — элементарное свинство!.. Называется — использование служебного положения в личных целях. А ты, Мартын, немедленно прекрати истерику и возьми себя в лапы. ЕСЛИ ОН ЖИВ, мы его найдем. Это я тебе обещаю!

А потом Рут обозвала нас с Тимурчиком двумя юными русскими форменными идиотами. Потому что мы все время Плоткина называли Шура, Шура, Шура, когда он вовсе никакой не Шура, а Александр! Она, Рут, понимает, что существуют укороченные и ласкательные имена: Роберт может называться Бобби, а Уильям — Билли. И, слава Господи, Рут догадалась сегодня спросить у мистера Бориса Могилевского, как по-русски могут еще называть Шуру. И ответ был ошеломляющим: ласкательно — Шурик, Саша, Сашенька, Саня, Санек... А настоящее, полное имя — АЛЕКСАНДР!

Но когда объявляется официальный розыск, то человека ищут по его полному ДОКУМЕНТАЛЬНО ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМУ имени. Конечно, ни в одной телефонной книге Нью-Йорка нет Шуры Плоткина. Хотя в одном только Бруклине этих Плоткиных — сорок два человека, в Манхеттене — пятьдесят пять, в Квинсе — двадцать один Плоткин, даже в Бронксе есть три Плоткина, а в Стейтэн-Айленде — всего два. На всякий случай проверили Филадельфию. Там Плоткиных оказалось одиннадцать душ... Есть еще парочка семейных бизнесов под именем Плоткиных — фотография и что-то связанное с музыкой.

Но никто из американских Плоткиных не записан под именем Шура! Так что мы сами, Тимурчик и я, затруднили работу по поиску единственного необходимого нам Плоткина.

И тут мы подъехали к этому дому...

У входа в палисадник нас встретили трое: сержант полиции Барри Грант — высокий, тощий человек, потрясающе не похожий на полицейского, Хозяин этого трехэтажного «билдинга» — старый еврей, лет семидесяти пяти, — и его Собак, абсолютно повторивший внешность своего Хозяина.казалось, что старый еврей и его Собак — близнецы с разницей в возрасте не более трех лет в пользу Собака.

Еврей-Собак тут же потянулся носом ко мне, и хотя мне было не до него, я все-таки принял оборонительную стойку.

— Не задирай хвост, сынок, — сказал мне этот удивительный Собак по-нашему, по-Животному. — Я не ссорюсь ни с Котами, ни тем более с Кошками. Будет время — объясню почему. А сейчас — к делу. Слушай, что Мой будет говорить...

— ...очень, очень милый молодой человек... — уже говорил Хозяин Собака и Дома. — Такой культурный... Из Петрограда. Столько книжек привез!.. Я же беру с него всего триста пятьдесят долларов... Зачем ему столько книжек?..

— Кто-нибудь из вас сможет опознать по вещам интересующего вас Человека? — негромко спросил сержант Грант у Рут.

Рут посмотрела на меня. Я ей кивнул.

— Да, конечно, — с легкостью ответила Рут.

— Мы хотели бы осмотреть квартиру, — сказал Грант старому еврею. — У вас есть запасные ключи?

— Интересный вопрос. А почему у меня не должно быть запасных ключей? Идемте.

И мы все потопали на второй этаж.

Собак на своих старческих, подагрических ногах поплелся за нами следом.

А мне и в квартиру уже не нужно было заходить! Я уже здесь, на лестнице, почувствовал Шурины запахи!..

Ноги у меня подкашивались от волнения и страха, я принохивался изо всех своих сил, стараясь уловить хотя бы малейший запах самого страшного...

Но нет. Пахло Шурой, пахло НАШИМИ книгами и фотографиями, Шуриной одеждой...

Пахло, в конце концов, МНОЙ!!! Моими запахами, которые не выветрились из Шуриной жизни даже за эти несколько месяцев...

Как только Старик открыл ЭТУ квартиру, то все тончайшие оттенки запахов, которые я почувствовал еще на лестнице, обрушились на меня такой мощной волной, что я, не помня себя, словно в бреду заметался по совершенно незнакомой мне маленькой американской квартирке среди родных и близких мне НАШИХ ленинградских вещей!..

Уйма картонных коробок с книгами повсюду стояли почти до потолка. Какие-то были уже распакованы. Валялись и уже

висели на стенах масса НАШИХ любимых фотографий, рисунков, карикатур на Шуру, на меня с Шурой и пара картинок масляными красками... Все это в разные времена было подарено нам с Шурой нашими знакомыми и Шуриными собутыльниками-художниками...

Над каким-то чужим диванчиком висела самая лучшая моя фотография величиною с кухонный поднос. Года три тому назад Шура снимал меня на нашем пустыре. Истратил целую пленку, а потом мы вместе с ним отбирали лучший снимок из контрольных отпечатков, которые ему сделали в лаборатории одной газеты. Там же потом отпечатали и этот здоровенный портрет.

— Елки-палки! — вскричал в восторге Тимур. — Это же ты, Кыся! Ты, ты, ты!.. Ну, отпад!!!

Все тут же посмотрели на меня. Еврей-Собак даже зашел сзади и понюхал у меня под хвостом, словно хотел убедиться, что на фотографиях изображен именно я. Но почему таким способом?..

— По-моему, это то, что мы ищем, — сказал Рут сержанту Гранту, показывая на другие мои фотографии вместе с Шурой. Эти фото делал наш польский приятель, журналист, с которым мы по пьянке были в Эрмитаже. — Мне кажется, здесь никаких сомнений!.. Это то, что нам нужно...

И несмотря на свое собственное смятение души, граничащее с помешательством от тревоги и радости, я вдруг заметил, что Рут Истлейк, сержант американской полиции тридцати трех лет от роду, мать русского мальчика Тимура, одна из самых красивых Женщин светло-шоколадного цвета, которые когда-либо встречались мне в жизни, с очень пристальным вниманием и совершенно не полицейским интересом разглядывает Шурины фотографии, висящие на стенах и валяющиеся на письменном столе рядом с НАШЕЙ пишущей машинкой...

Надеюсь, что заметил это только я!.. Рут проявляла к Шуриным фото такое поистинне Женское любопытство, что в моей башке неожиданно вдруг что-то сместилось, будто я перешел в некое совершенно иное состояние, словно заглянул туда, куда, кроме меня, никто не имел права вторгаться. И тогда во всю стену рядом с моей фотографией вдруг повисло совсем уж гигантское фото! А на нем...

...ПУСТЫННЫЙ ЖЕЛТЫЙ ПЛЯЖ, БЕСКРАЙНИЙ ОКЕАН... И НА ТЕПЛОМ ПЕСКЕ, ОБНЯВШИСЬ, СИДИМ МЫ ВСЕ ЧЕТВЕРО — РУТ, ШУРА, ТИМУРЧИК И Я... А НЕПОДАЛЕКУ, В СТОРОНКЕ, СКРОМНЕНЬКО ЛЕЖИТ ТА — ПУШИСТАЯ, БЕЛЕНЬКАЯ ИЗ КВИНСА. А ВОКРУГ НЕЕ ПРЫГАЮТ НЕСКОЛЬКО МАЛЕНЬКИХ КОТЯТ МОЕЙ МАСТИ, РОЖДЕННЫЕ С УЖЕ ЗАРАНЕЕ РАЗОРВАННЫМИ ЛЕВЫМИ УШКАМИ. НУ СОВСЕМ КАК У МЕНЯ!..

...Уже в следующую секунду эта прекрасная, фантастическая картина исчезла, и я услышал всего лишь вторую половину фразы, сказанную старым евреем, хозяином этого дома:

— С тех пор как мистер Плоткин несколько дней тому назад уехал кого-то там встречать, мы его больше не видели.

— Абсолютно точно, — подтвердил мне его Собак по-Животному.

— Слушайте, Барри! — обратился старик к сержанту Гранту. — Может быть, он уехал в Вашингтон? В Конгресс?..

— Вполне может быть, — по-Животному сказал мне его Собак.

— Верно, — согласился с ним сержант Грант. — Месяц тому назад мы получали запрос из Вашингтона на мистера Плоткина. Конгресс Соединенных Штатов интересовался его адресом...

«Не Конгресс, дубина! А конгрессмен... Как его?!.. Совсем из головы вылетело!.. Приятель Фридриха фон Тифенбаха... — подумал я. — Нет, нужно ехать в Вашингтон!.. Хотя не будешь же бегать по Конгрессу Соединенных Штатов и ко всем привязываться, кто, дескать, из вас друг-приятель интеллигентнейшего миллионера из Германии Фридриха фон Тифенбаха?..»

— Я таки вспомнил! — сказал старик. — Мистер Плоткин при мне звонил туда к одному конгрессмену и обещал приехать, как только он встретит кого-то из Петрограда...

— Из Петербурга, — поправил его Тимур. — На худой конец — из Ленинграда.

— Для меня «худой конец» начался в Петрограде, детка. С тех пор я и живу здесь, — и старик погладил Тимура по голове.

Я будто знал, что Вашингтона мне не миновать!.. Недаром еще на первой Котово-Кошачьей сходке я упомянул об этом. Заявление слегка отдавало пижонством, но я уже тогда предчувствовал этот «вояж», как говорил Шура, когда куда-нибудь уезжал.

— Мам! Оставь, пожалуйста, наши координаты мистери... — Тимур запнулся, вопросительно посмотрел на старика.

— Меня зовут Дэвид Блум, детка.

— Мистеру Дэвиду Блуму, мам. Если мистер Плоткин вернется, он сможет нам позвонить и... — сказал Тимур и посмотрел на меня.

— Умница! — сказал я ему по-Шелдрейсовски.

— Обязательно, сыночек, — пообещала Рут. — Но мне кажется, этого недостаточно. Хотелось бы выстроить дополнительный план поиска мистера Плоткина, а не ждать, когда он сам объявится...

Но все это мне было уже неинтересно. Я знал одно — впереди у меня Вашингтон, конгрессмен... Как же его звали?!.. Черт бы его побрал... И там искать Шуру. Или настоять на том, чтобы этим занялось правительство Америки!

Собак ткнул меня носом в бок и, не то по-Животному, не то по-Шелдрейсовски — я так и не понял, сказал мне:

— Тебе нужно ехать в Вашингтон.

— Без тебя знаю!.. — огрызнулся я и тут же об этом пожалел: — Прости меня, старина. Я сейчас не в своей тарелке...

— Он мне будет рассказывать! Или я не вижу? Идем в коридор. Пока они будут вырабатывать план поиска, я тебе расскажу, — почему я не ссорюсь с Котами и Кошками... Это очень странная история, и до сих пор мне ее некому было рассказать. Наверное, скоро я умру, и никто не узнает, что такое может быть на свете...

Мне его история была, как говорил Водила, «до лампочки». Особенно сейчас. Но после его заключительной фразы о скорой смерти я не мог отказаться ее выслушать.

Мы вышли с этим старым Собаком в коридор, и он сказал:

— Я прилягу... Не возражаешь? Ноги — ни к черту!.. Старость, сынок... Ну, слушай. В молодости у меня с одной Кошкой, не будем называть имен, клянусь тебе, чем хочешь, был такой длительный и бурный роман, что не передать словами!!!

Чтоб я так жил!.. Ах, что это был за роман!.. Потом, с возрастом, он, конечно, перерос в вялотекущие приятельские отношения. Нормальная нежная дружба двух пожилых Животных... Недавно я ее похоронил. Теперь я хожу на ее могилку в нашем палисаднике, за домом моего Додика Блума, и плачу... И жду не дождусь, когда снова увижу ее уже ТАМ. Семь лет... Семь долгих лет мы были вынуждены скрывать наши отношения!

— Почему?!.. — возмутился я. — Когда такое — это же прекрасно!

Я тут же вспомнил свои достаточно откровенные отношения с Мюнхенской собачкой Дженни, принадлежавшей к аристократическому роду «карликовых пинчеров».

— Потому что мир состоит из идиотов, — сказал старый Собак. — Это моя точка зрения. Ты можешь не согласиться... Твое дело. Но с точки зрения большинства, любовная связь Собаки и Кошки — такой же скандал, как если бы добропорядочная еврейская девочка из набожной еврейской семьи, посещающей синагогу и чтущей Талмуд, привела бы в дом своих родителей РУССКОГО ГОЯ... Или я знаю? Все равно, как если бы черный парень из Алабамы женился бы на белой потаскушке! Тебе хватит примеров?..

— Хватит. Дальше...

— Дальше было раньше, — вздохнул старый Собак. — Мне с этой Кошечкой было лучше всего на свете!.. Я с ней был таки половой Гигант! Боже мой, чего мы только с ней ни вытворяли!.. Я потом как-то пробовал делать это с разными Собаками-сучками... Не то. Ну таки совершеннейшее не то! А как она была хороша в оральном сексе!.. Как она ЭТО божественно исполняла! Судя по твоим боевым шрамам на морде и огромным бейцам между задних лап, которые даже хвостом не прикроешь, ты меня должен понять. Кстати, меня зовут Арни.

— Мартын, — представился я. — Но можно просто Кыся...

— Я тоже не очень-то Арни. Вообще-то, меня зовут Арон. Но... С волками жить — по волчьи выть. На американский манер я — Арни. Понял?

Я действительно понял все, за исключением «ОРАЛЬНОГО СЕКСА». При помощи логических умозаключений я решил, что это от слова «орать». То есть орать от удовольствия,

что со мной довольно часто бывало. В завершающий момент траха я невольно раздражался таким громким и хриплым мявом, так вдруг начинал вопить и орать от жгучего наслаждения, что на всем нашем ленинградском пустыре ни у кого не оставалось сомнений по поводу того, чем я там сейчас занимаюсь...

Но в то же время мне показалось, что с этим словом я что-то путаю. Надо будет потом у Рут спросить...

А пока меня очень заинтересовало произношение и акцент Арни-Арона.

— О'кей, Арни! Я рад, что познакомился с тобой. Можешь на меня рассчитывать... Но у меня такое ощущение, что ты говоришь не по-английски, а по-немецки. Мне-то это, как говорится, без разницы, но я как-то бывал в Германии и узнаю в твоей речи многие немецкие слова...

— Шурли! Конечно!.. Я же говорю с тобой на идиш! У нас тут, в Брайтоне, очень многие говорят на нем. А «идиш» — это же международный еврейский жаргон...

— Постой, постой, Арни!.. Значит, я сейчас с тобой говорил тоже на этом идиш?!..

— А как же?!.. — Арни-Арон даже приподнялся на передние лапы.

«Все-таки Шура был прав: Я ЖУТКО ТАЛАНТЛИВЫЙ ТИП! — подумал я про себя. — Нет, нужно немедленно ехать в Вашингтон, найти этого конгрессмена и постараться поставить там всех на уши, но найти Шуру!.. Уж если я, оказываясь, могу разговаривать даже на этом идиш, то уж в ихнем Вашингтоне я тоже не дам маху!..»

От окончательно принятого решения мне сразу стало легко и спокойно, и я не удержался и пошутил над стариком Арни-Ароном:

— А ты, Арончик, считаешь, что говорить в Нью-Йорке на идиш — это тоже «с волками жить — по волчьи выть»?

— А ты думал?!.. Ты знаешь, что такое Нью-Йорк?!.. Шлемазл! Нью-Йорк — это двести народов и этнических групп!.. В Нью-Йорке итальянцев больше, чем в Риме, ирландцев больше, чем в Дублине, негров больше, чем в Найроби, пуэрториканцев больше, чем в Сан-Хуане! А нас больше, чем в Иерусалиме!!! Это чтобы ты знал!..

— Кого это «нас»? — не понял я. — Животных?

— «Нас» — это евреев! — сказал Собак Арон, он же Арни. — А Животные это, или Люди, или Собаки, или, я знаю, Коты, — все это не имеет ни малейшего значения. Важно, кем ты сам себя чувствуешь. Именно этим Америка и хороша! Понял?..

Проснулся я только к Филадельфии...

Кевин Стивенс, водитель международного туристического автобуса с тридцатью шведскими туристами из Швеции и одной американской шведкой из Америки, гидом-переводчиком, совершал свой обычный рейс по маршруту Нью-Йорк—Филадельфия—Вашингтон и дальше, в теплые Флоридские края, до Майями. А потом обратно в Нью-Йорк. Срок поездки — двенадцать дней.

— Тебе хватит? — спросил меня Тимур.

— За глаза и за уши! — нахально ответил я.

Кевин Стивенс и был тот самый пожилой толстый шофера, в чей автобус, когда-то стоявший у отеля «Рамада Милфорд Плаза», ткнулась полицейская машина с уже мертвым сержантом Фредом Истлейком.

Так Кевин познакомился с Рут. А потом подружился и с Тимуром.

Вот ему-то Тимур и позвонил на следующий день после посещения Шуриной сиротской квартиры в Бруклине. Позвонил с улицы, из автомата, и попросил Кевина ничего не говорить матери. Тот обещал...

Он согласился завтра же взять меня с собой до Вашингтона, а через двенадцать дней забрать меня оттуда в Нью-Йорк. Именно с того места, где он меня оставит, — у Конгресса ли, у Капитолия, у Белого Дома... Где я сочту нужным вылезти. И чтобы, находясь в Вашингтоне, я как можно точнее считал бы дни и ни хрена не напутал!

Тимурчик ну прямо убивался, что не может поехать со мной, — так ему хотелось в Вашингтон, в музей Аэронавтики!.. Но я ему сказал, что, если не будет в доме меня, — полбеда. Всегда можно сказать, что я загулял. А если исчезнет Тимур — мать сойдет с ума! И чтобы он даже об этом не мыслил!.. Подозреваю, что Кевин Стивенс и не взял бы Тимура без разрешения Рут.

Счастьем оказалось, что Кевин вообще был дома, а не в рейсе. Удача нам сопутствовала во всем: как раз через день после моего открытия языка «идиш» на Оушен-авеню Кевин должен был укатывать из Нью-Йорка. У меня оставались еще почти сутки...

За это время я решил, ни на секунду не забывая о личном — поиски Шуры, отношения с Рут и Тимурчиком, четко намечавшееся приятельское расположение ко мне мистера Могилевского, — не оставлять на произвол судьбы и дела ОБЩЕСТВЕННЫЕ: трудоустройство Котово-Кошачьей компании, сотрудничество с Крысами и поддержание деловых и мирных инициатив в обоих кланах.

Я вообще заметил, что в некоторых случаях мир и дружбу необходимо поддерживать и укреплять всеми дозволенными и недозволенными способами! Вплоть до применения грубой силы в самых жестоких формах...

В тот вечер мы вернулись из Брайтона и потихоньку сговорились с Тимуром о моей поездке в Вашингтон. Я решил дожждаться момента, когда все залягут спать, а потом смылиться во двор. Тем более что я уже ЧУВСТВОВАЛ там какую-то напряженку и нездоровую возню.

Тимурчик быстро скапустился. Принял душ, захватил с собой письмо от Маши Хотимской, которое он сегодня получил из Израиля, и отправился к себе.

Рут, наоборот, была еще полна сил, чем-то странно возбуждена и засыпала меня вопросами о Шура Плоткине. Что он пишет, где печатался, почему не женат, есть ли у него дети, ходили ли к нам девки и, как говорят немцы, «унд зо вайтер». По-нашему — «и так далее». Вплоть до того, какого он роста...

А хрен его знает, какого он роста!.. Мне и в голову не приходило его мерить... Я сказал ей, что Шура приблизительно выше ее на полголовы. И тут же заметил, что Рут это очень понравилось!..

— Я решила еще поискать его по больницам, — сказала она.

Я сразу вспомнил неугомонного Шуру и его упражнения с ежедневно и еженощно меняющимися девицами и усомнился:

— Вряд ли... Шура всегда был такой здоровый!

— А по фотографиям не скажешь. Худенький, стройный, но здоровья я в нем особого не заметила...

Ну, мог я объяснить Рут, что я имел в виду, когда говорил о Шурином здоровье?!.. Сказать, что он был здоров трахаться? Что мог любую, самую выносливую девку загонять до обморока?!.. Это я мог ей сказать?

Нет, не мог. И поэтому решил кардинально изменить тему:

— Рут, скажи мне, пожалуйста, что такое «оральный секс»? Я в Бруклине от одного еврейского Собака услышал, а переспросить постеснялся...

Тут Рут так захохотала, что чуть не свалилась на пол! Я думал, ей даже дурно станет — так она развеселилась!.. А потом отдышалась, вытерла слезы и сказала:

— Ты, Мартын, постеснялся спросить Собака, а я стесняюсь тебе это объяснить. Отыщем твоего Шуру, он тебе про это все подробно расскажет. Судя по его физиономии на всех фотографиях, которые я сегодня видела, он в этом очень неплохо разбирается.

Я почувствовал, что нарвался на темочку, которая не всегда годится для светской болтовни с Женщинами. Но и Рут просекла мое смущение и тут же легко перевела разговор в другую плоскость:

— Да! С этой поездкой в Бруклин я же совсем забыла вам сказать!.. Завтра все передашь Тиму: из Манхеттена звонил детектив Алан Уэлч, ну, которому вы «сдали» тех двух русских на Пятой авеню. Оба оказались совершенно официальными представителями какой-то русско-американской фирмы с офисом на Бродвее. Единственная зацепочка — оба были вооружены. Так что есть надежда их «раскрутить». Все! Я пошла в душ...

Первый же Кот, с которым я столкнулся во дворе, был Хемфри, бывший сотрудник Нью-Йоркской Публичной библиотеки.

Полученная от него информация в основе своей была вполне утешительной. Всего две-три драки между Котами и Крысами, к счастью закончившиеся вполне бескровно и с обоюдным перепугом.

Причем все споры и драки были не из-за дележа добычи, чего я, не скрою, боялся, не по Видовым соображениям националистического характера, а в процессе взаимных упреков в отсутствии или недостатке «актерского мастерства и ощущения партнера»...

То есть предметом распрей и ссор было ИСКУССТВО! И это меня очень порадовало.

Прошли времена, о которых мне как-то рассказывал Шура, когда за малейшее отклонение от какой-то там Генеральной линии в этом самом ИСКУССТВЕ могли запросто поставить к стенке и шлепнуть...

А разные выяснения отношений, мелкие драчки и неглубокие укусы — они и по сей день имеют место быть в ИСКУССТВЕ всего мира.

Так что ничего страшного.

Хемфри перечислил мне все магазины и рестораны, где Котов и Кошек взяли на службу. Сработала таки наша Ленинградская метода по внедрению в хлебные, я бы сказал, места. Не зазорно и Америке у нас поучиться!..

Сам же Хемфри сейчас отирается у китайцев среди книг, газет и журналов. То есть практически устроился по профессии. Китайцы содержат ларек типа нашей бывшей русской «Союзпечати».

Мою Беленькую и Пушистенную взял к себе жить... Кто бы вы подумали?.. Мистер Борис Могилевский!!! Не знаю, насколько он будет обрадован, когда Беленькая и Пушистенная выдаст мистеру Могилевскому минимум семь-восемь Котят (от меня меньше еще ни разу не было!), но это уже другой вопрос... А пока все идет как надо.

Молодой черный Кот со своим партнером, одним бойцовским Крысом, притащили мне в подарок здоровенный шмат свежайшей сырой мерлузы. Они «работали» в Корейской рыбной лавке. А вот откуда они узнали, что я обожаю именно мерлузу, — одному Богу известно.

Но тут я сделал классный дипломатический ход. Я не стал жрать эту мерлузу, а вызвал старого Крыса и попросил немедленной аудиенции (тоже словечко будь здоров, да?!..) у Королевы Крыс нашего района Мадам. И уже через несколько минут получил официальное приглашение пройти к Мадам самым коротким путем для особо почетных гостей.

Я торжественно преподнес Мадам этот кусище мерлузы и толкнул небольшую речугу по поводу несравненной мудрости Мадам и ее поистине государственном мышлении.

Старуха была в восторге и от моей речи, и от мерлузы и, глядя на меня откровенно блядским глазом, пожалела, что молодость ее промелькнула так быстро...

— Хотя чем черт не шутит! — плотоядно ухмыльнулась она и даже попыталась потрогать меня ТАМ, между задних лап.

Я тут же с перепуга сослался на кучу предотъездных дел, дескать, поездка в правительственные круги Вашингтона требует от меня невероятной подготовки, наплел чего-то там еще с три короба и поспешил откланяться...

Утром Тимурчик нахально промотал школу и отвез меня опять-таки в Манхеттен, но уже на Седьмую авеню рядом с Пятьдесят шестой улицей, к отелю «Веллингтон».

Там уже стоял огромный, фантастически красивый автобус, к сожалению, обезображенный эмблемой с изображением мчащейся тощей Собаки.

Я как-то в Ленинграде такую Собаку видел на улице — думал, что со смеху сдохну! Морда длинная, у-у-узенькая, сама вся такая тощатина, спина колесом, а под спиной даже живота нету. Худющая — спасу нет! Какая-то карикатура, а не Собака. Хотя Шура сказал, что это знаменитая «Русская гончая», которая стоит баснословно дорого. Хотел бы я знать — за что?!..

И на кой хрен нужно было такой классный автобус разрисовывать этой дефективной Псиной — ума не приложу...

Автобус назывался «Америка», а по его бортам, под этой скачущей дурой, было написано: «Нью-Йорк — Майями». Это Тимурчик мне прочитал.

Около автобуса аккуратными рядами стояли самые различные чемоданы. На тротуар их подвозили из глубины отеля на больших тележках два типа в лиловой униформе и с генеральскими фуражками на головах. Один — черный, второй — смуглый. Оба — с радиотелефонами. Ну надо же! У нас в России это признак значительности, а тут швейцары и подносчики багажа с такими телефонами шастают...

В багажное отделение автобуса чемоданы загружал как-то одному ему известным способом сам водитель этого автобуса,

толстый Человек средних лет, Кевин Стивенс, друг-приятель семьи Истлейк.

Я вообще заметил, что в Нью-Йорке очень много толстых Людей. Особенно среди черных Женщин и белых Мужчин.

Кевин Стивенс так обрадовался, когда увидел нас с Тимуром, что бросил, к чертям собачьим, погрузку чемоданов, затащил нас в автобус и заставил нас немедленно съесть по огромному куску яблочного пирога с кленовым сиропом! Приговаривая, что, если его жена, миссис Дороти Стивенс, узнает, что Тим недоел хотя бы маленький кусочек этого пирога, который она делала специально для него, — обида будет на всю жизнь!..

Мы смолотили пирог за милую душу, и только после этого Кевин снова пошел загружать чемоданы.

Тут же из отеля «Веллингтон» под красно-золотой навес у главного входа стали кучковаться и шведские хозяева этих чемоданов, пожилые, степенные, ухоженные старушки с тщательно завитыми серебряными головками и старики в легкомысленных туристских шляпченках с мордами старых дровосеков и строительных рабочих.

Я попросил Тимурчика не говорить мистеру Стивенсу о моей способности вступать в КОНТАКТ. Безумно хотелось спать, а не трепаться всю дорогу с милым, но все-таки посторонним мне Человеком. Ночь у меня была тяжелая, с визитом к Мадам, с небольшими Кото-Крысиными разборками, с назначением Хемфри временно исполняющим обязанности Старшего Кота на время моего отсутствия, с коротким, но бурным трахом с парочкой малознакомых Кошек, ибо моя Беленькая и Пушистенякая никак не могла вырваться из-под крова мистера Могилевского. Он обычно рано ложится спать... Ну, и так далее. Короче, мой недосып прямо валил меня с ног!

Потом Тимур поцеловал меня в мою мохнатую щеку и пожал мне лапу, а я облизал всю его физиономию, носившую следы остатков кленового сиропа. И мы распрощались. Тим еще надеялся успеть к третьему уроку. Наврет что-нибудь мистеру Хьюзу или, наоборот, скажет чистейшую правду — и будет прощен.

Я забрался на последнее сиденье — Кевин сказал, что оно будет свободно, — и улегся. Рядом был вход в автобусный

туалет, а неподалеку стоял здоровенный пластмассовый ящик, весь набитый колотым льдом. А уже во льду было напихано невероятное количество банок с пивом, кока-колой и маленьких бутылочек с минеральной водой.

Я еще слышал, как Кевин запирает багажные отделения, как без всякой суетни рассаживались по своим местам старенькие шведы, как Кевин подошел ко мне и спросил:

— Ну, как? Устроился?

И я, кретин, чуть не ответил ему: «Да, большое спасибо...» Но, слава Богу, вовремя спохватился и промолчал. Только хрипловато муркнул в ответ. И Кевин пошел садиться за свой руль.

А вот когда мы уже тронулись и американская шведка-гид залопотала по-шведски монотонно и без продыху, я закрыл глаза и отрубился в первые же три секунды...

...И стал мне сниться совершенно реалистический сон — никаких кошмарных наваждений, никакой обычной фантастики. Все предельно бытово и заземленно.

Всколыхнулись в моем спящем мозгу все запахи той Шуриной малюсенькой квартирки в Бруклине. И снова увидел я наши книги, наши вещи, наши картинки на стенках и по углам на полу, ибо стенок было меньше, чем наших любимых картинок и фотографий...

И наша замечательная, старая и раздолбанная, но очень заслуженная пишущая машинка, которая так удивила Рут Истлейк.

— Как?!.. — поразила ее она. — Он до сих пор пишет на машинке?!.. А почему не на компьютере? Это же намного удобнее!..

Не хотелось мне при всех объяснять Рут, что сегодня в России интеллигентный Человек, который не нашел в себе сил и способностей уйти в какой-нибудь прибыльный бизнес, а тупо продолжает тянуть свою профессиональную гуманитарную лямку, не в состоянии купить себе компьютер или даже пишущую машинку. Как сказал бы Шура, «никаких штанов не хватит»...

Всплыли в памяти слова Рут о фотографиях Шуры, и только сейчас, во сне, я понял, что Шура ей очень понравился!

Вот когда я вдруг на какой-то чужой очень белой стене неожиданно увидел огромную фотографию Шуры в натуральную величину в тяжелой выпуклой раме, словно Шура в окне сидит. Причем фотография вся цветная, а Шура ужасно бледный — ну, просто-таки черно-белый!..

И вдруг замечаю — ШУРИНА ФОТОГРАФИЯ ДЫШИТ!!!

Вроде бы даже как-то виновато мне улыбается и пытается что-то сказать...

— Громче, Шурик! — кричу я ему. — Здесь плохо слышно...

Сплю ведь, а понимаю, что шум автобусного мотора, около которого я лежу в кресле последнего ряда, заглушает Шуру и меня...

— Я за тобой еду, Шура!.. — кричу я ему. — Я тебя обязательно найду! Не бойсь, Шурик, я их всех там подниму на ноги и поставлю на уши! (Ужасно мне нравится это выражение!) Ты мне только скажи, что такое ОРАЛЬНЫЙ СЕКС?

А сам вдруг замечаю, что на фотографии Шура розовеет, удивленно высовывается из рамы, опирается на нее локтями, словно в окне на подоконник, и так смущенно меня спрашивает:

— Боже мой, Мартышка... Где это ты так нахватался?..

— Мы сегодня были в твоей квартире на Оушен-авеню в Бруклине, и мне об этом говорил Арни-Арон, Собак Хозяин твоего дома.

И замечаю, что вдруг стало очень хорошо слышно!.. Мотор, что ли, выключили? И трясти перестало...

Шура еще больше краснеет на фотографии и так сбивчиво, неуверенно отвечает мне:

— Видишь ли, Мартын... Дело в том, ну, в общем, оральный секс — это одна из форм...

Но тут чувствую, кто-то меня за ухом чешет и голосом Кевина Стивенса говорит:

— Филадельфия! Стоим час. Писать, какать, кушать будешь?

Я перевернулся на спину, потянулся весь до стога, до хруста, весь враслопырку, зевнул и снова свернулся клубочком в кресле.

Вот как проснулся в Филадельфии, так и заснул до самого Вашингтона. Так что про Филадельфию ничего путного сказать не могу. «Америка глазами Кота» не получится...

— Дорогие леди и джентльмены! Мы с вами прибыли в столицу Соединенных Штатов Америки Вашингтон. Потом я вам подробнее расскажу об этом замечательном городе. Здесь мы пробудем до послезавтрашнего утра, и у нас очень обширная программа. Однако, прежде чем мы поедем в отель, я хотела бы на пять минут задержаться у самого сердца Америки, у Белого Дома, резиденции всех Президентов Соединенных Штатов, начиная с Джорджа Вашингтона, именем которого и назван этот город. Впереди у нас поездка в «Маунт Вернон», загородное поместье Джорджа Вашингтона, Арлингтонское кладбище с пантеоном Джону Кеннеди, прогулки вокруг Капитолия, музей Аэронавтики (бедненький Тимурчик!..) и посещение Джордж-тауна — старого Вашингтона, и Линкольн-мемориал, и многое другое... А пока оставим наш автобус... Вещи можно не брать. Не забудьте фотоаппараты и видеокамеры. Дамам рекомендую набросить на плечи теплые куртки, — пропела американская шведка-гид по-шведски.

«А Конгресс где?! Едрена вошь!!! Мне Конгресс нужен!.. Я только ради Конгресса и ехал сюда, черт бы вас всех побрал!.. — возмутился я. — Даешь Конгресс, мать вашу в душу!!!»

Возмутился я так сильно, так мощно взъярился, что шведская группа стала вдруг странно переглядываться и полубессознательно чуть ли не в один голос заквакала:

— А Конгресс?!.. Почему нет Конгресса?.. Хотим Конгресс!

Наверное, выброс моей возмущенной энергии был настолько силен, что я вздрючил сразу же чуть ли не половину группы поразительно тихих и спокойных пожилых шведов!

Вот уж никогда не думал, что обладаю еще и массовым гипнотическим воздействием!.. Знал ведь, что НЕЗАУРЯДЕН, но что до такой степени?!..

— И Конгресс, разумеется, тоже!.. — поспешила ответить гид.

Кевин Стивенс запер все двери автобуса и пошел размяться вместе с группой. Я, естественно, помчался за ним.

Как всегда после долгого сна, мне дико хотелось писать и жрать! С первой потребностью я справился довольно легко: обоссал какой-то кустик по дороге, пока наша шведская группа дисциплинированно стояла перед красным светофором.

Облегчившись, я огляделся. Бог мой, как этот город похож на наш! Ни тебе небоскребов, ни столпотворения людей и машин, и дома все такие красивые, так напоминающие центр Ленинграда, что просто сердце сжалось!..

И улицы такие широкие. А через улицу вдруг живая Белка с Бельчатами идет! И все автомобили остановились — пропускали Белку. А эта стерва идет себе и ухом не ведет. А за нею — четверто Бельчат.

Хотел я их было пугнуть, а потом пожалел. Спрятался за ноги Кевина, чтобы они меня не увидели и не обгадились бы сами со страху. Раз Белка может со своим потомством ходить вот так по городу, переполненному всякими опасностями для маленьких Существ, значит, это прекрасный город! И правильно, что Президенты именно здесь живут. Здесь-то поспокойнее, чем в Нью-Йорке. А в спокойствии всегда лучше думается. И добрее.

На другой стороне улицы меня чуть с ног не сбил невероятной силы сосисочный дух! Шел он от небольшой тележки, на ней сосиски и жарились. Жарил их длинный черный парень в белой и грязной куртке, запихивал в длинную булочку, поливал чем-то красным или чем-то желтым и продавал. Около него стояли еще трое черных парней: все в коже, черных очках, золото повсюду и изо всех мест торчит, по нескольку цепей на шеях, кольца на всех пальцах у каждого, в ноздрах, в ушах, в губах — повсюду кольца!..

Жрут, гады, эти сосиски, чавкают, звякают своим золотом и треплются с продавцом. А тот тоже, видать, из их компахи: одна половина головы выкрашена в желтый цвет, другая — в сиреневый.

Все четверо были так увлечены трепотней и жареными сосисками, да еще и что-то алкогольное, судя по запаху, хлебали из бумажных пакетов...

То есть не из пакетов, конечно, а из бутылок, спрятанных в пакеты.

Вот, кстати, моя первая претензия к Америке!

Ну какого хрена нужно прятать бутылку с алкоголем в бумажный пакет? А то непонятно, чего он делает?!.. Ну что за вонючее ханжество? Из «горла», как говорят у нас, видишь ли, нельзя, а запихни бутылку в пакет и будь здоров — лакай хоть до усрачки.

По-моему, это их слабая сторона.

Так вот, эти черненькие ребятишки так самозабвенно «задвигались» из пакетов и жрали сосиски, что я совершенно беспрепятственно, и даже не особенно таясь, слямзил из картонной коробки, стоявшей под тележкой, еще не жареную, но уже готовую к употреблению огромную сосисищу! Они все четверо даже не рюхнулись...

И побежал за Кевином Стивенсом. Тот посмотрел на меня, на сосиску, осторожно оглянулся и негромко сказал:

— М-да... Если я поначалу немного волновался — как ты тут будешь один целых десять дней, то теперь понял, что делал это напрасно. Ты — паренек самостоятельный.

Тут мы наконец подошли к ограде Белого Дома. Я схватил полсосиски и огляделся.

Мамочки мои!.. Картинка маслом, как говорил Шура. Вся ограда облеплена зеваками!.. В сторонке от спокойных, как слоны, полицейских в касках ходит какая-то шобла по кругу — человек пятнадцать, что-то орут дурными голосами и вздымают над головами плакаты. Демонстрируют и протестуют. Протестуют, наверное, против незначительной хреновины, так как ни полиция, ни зеваки внимания на них не обращают...

Тут же мужичишко в цилиндре и длиннополом лапсердаке продавал «Библию» для военнослужащих. Это мне Кевин сказал.

Несколько человек хипового вида приковали себя наручниками к ограде и мирно переговаривались с полицией, время от времени стреляя у прохожих сигареты. Тоже чем-то возмущались. Но настолько мирно и незлобиво, что все это было похоже на какую-то клоунаду...

Неподалеку раскинула палатку остроносая бабешка — тощая, лет пятидесяти, маленькая, с очень настырным выражением лица. Стоял плакат — что-то против атомной бомбы. Это я из разговоров наших шведов понял. Вокруг бабешки — куча

пластиковых мешков для мусора, набитых ее имуществом. Дело у нее было поставлено на широкую ногу: сначала она спрашивала, откуда группа, и когда ей отвечали откуда, она раздавала листовки на языке той страны, откуда эта группа прибыла.

Все было так деловито, что жалеть тетку не было сил. Хотя она провела здесь уже около пяти тысяч дней и ночей! Однако, если бы спросили меня, я ответил бы, что она тут гораздо больше пяти тысяч ночей.

Сужу просто по запаху...

Она охотно фотографировалась и с удовольствием давала объяснения. А я слушал и жрал свою сосиску.

И поглядывал туда, куда смотрели и все, — за ограду Белого Дома. Словно ждали, что вот-вот оттуда выйдет сам Президент, помашет всем рукой и скажет: «Привет, ребята! Заходите, чего стоять за оградой?..»

И вдруг я, совершенно неожиданно для себя, увидел пегого, Черно-Белого Кота-Дворнягу, который там за оградой прогуливался по бортику большого фонтана, украшенного ярко-красными цветами.

Этот фонтан был расположен как раз посередине лужайки, между оградой и входом в Белый Дом.

А уже в следующую секунду с омерзительным, истерическим, захлебывающимся лаем из рук неподалеку стоящей от нас пожилой дамы с поводков срываются два таких Собачьих шибздона среднего веса, проскакивают, сволочи, сквозь ограду и с двух сторон мчатся на этого черно-белого дурачка, который знай себе прогуливается по бортику бассейна и пытается лапкой, видите ли, выловить из воды какой-то там листочек. А в голову ему даже и прийти не может, что кто-то на него собирается напасть или вообще причинить какие-то неприятности... Мудило грешный!

Что делает в таких случаях нормальный русский Кот, жрущий скоммунизированную сосиску в центре главного города Соединенных Штатов Америки Вашингтоне, штат Дикстрит-Колумбия?

Естественно, хватает остаток сосиски, мгновенно перепрыгивает невысокий каменный барьер, из которого торчат прутья ограды, оставляет недоеденную сосиску в мягкой, пушистой и ухоженной траве Президентской лужайки и

с криком на чисто Животном: «Держись, браток!!!» — мчится к черно-белому дурачку на помощь!..

Не знаю, как у них здесь, в Америке, а у нас на пустыре, в Питере, это совершенно нормальная реакция. Хотя за последнее время очень многое изменилось...

Но «дурачок» оказывается совсем не таким уж дурачком, а вполне приличным Котярой. Ни на секунду не задумавшись, он тут же вступает в бой с первым Собачьим шибздом и довольно уверенно несколько раз врезает ему по харе когтями.

Я беру на себя второго, — он потяжелее, бежал не так быстро, как первый, и всего в два раза больше меня. И пока он не доскакал до Черно-Белого Кота, я как раз успеваю вцепиться в него. Потому как замечаю, что, несмотря на личную храбрость Черно-Белого, приходится ему довольно туго, явно сказывается недостаток опыта уличных драк и столкновений со всякими говнюками типа этих двух «отмороженных» Псов.

Но это я вижу одним краем глаза во время располосовывания когтями рожи «своего» Собака, а вторым краем, наверное, даже другого глаза, вижу, как к нам бегут какие-то мужики в пиджаках и галстуках.

Двое с пистолетами, а третий с какой-то чуть ли не пушкой в руках!..

Но тут, волею драки, мы с Черно-Белым оказываемся совсем рядом, становимся спина к спине и начинаем всеми нашими Котовыми способами пиздить этих двух гнусных Собаков!..

Один мужик другому орет:

— Стреляй, Ларри! Стреляй!..

— Ты что?!.. — орет второй. — Сбрендил?!.. Ты что, не понимаешь, в КОГО я могу попасть?

А мы с Черно-Белым мудохаем этих двух болванов-Псов изо всех сил, но если честно признаться, то и нам перепадает — будьте нате!..

Кровищи от этих псов, да и от нас — хоть залейся, шерсть летит клочьями в разные стороны!..

И тут я чувствую жуткую боль в задней левой лапе!!! Этот здоровенный гад все-таки прокусил мне ляжку!.. Ах, сука воющая!..

Из последних сил я взлетаю над этим гадом вверх и, к сожалению... промахиваюсь. Смертельного трюка, как с Вагифом, не получилось.

Тогда я переворачиваюсь на спину и задними лапами (одна уже почти не действует!..) чуть ли не вспарываю живот большому Собаку. А тому, который наседает на Черно-Белого Кота, умудряюсь прокусить и его член, и яйца. В два приема!..

Не самое приятное на вкус, должен заметить, но очень эффективное средство необходимой самообороны.

Вот кто побил рекорд по прыжкам в высоту — этот, которому я прокусил яйца! Он от боли сиганул чуть ли не выше Белого Дома!

Оба Собака — один с сильно испорченным брюхом, второй, считай, без яиц и возможного потомства в будущем, с отвратительно жалобным визгом — будто это мы с Черно-Белым Котом на них напали, — начинают от нас улепетывать к ограде, за которой беснуется и рыдает Хозяйка этих двух кретинов и, как обезьяны, мечутся за оградой фоторепортеры...

Казалось бы, все. Время зализывать раны и знакомиться.

Но нет! Третий мужик, по-моему полный дебил с запоздлой реакцией, вдруг неожиданно пускает в ход свою пушку и стреляет, засранец, не в удирающих Собаков, а в нас с Черно-Белым Котом. Идиот...

Что-то из этой пушки вылетает и накрывает нас вместе с этим Котом тонкой сетью на шнуре. И мы оказываемся буквально спеленутые и тесно прижатые друг к другу... Вот только сейчас я начинаю чувствовать, что задняя лапа у меня уже онемела, а жгучая боль от прокуса перешла в тупую, нестерпимую, разливающуюся по всему телу. Я даже слегка застонал... Ну, не выдержал.

А вообще-то, мы оба в крови. Черно-Белому Коту эти два крестинских Собака чуть глаз не выдрали и хвост прокусили.

Нас в этой сетке поднимают, берут на руки и начинают выпутывать из нее.

— Ну, ты как?.. — спрашиваю я Черно-Белого.

— Да вроде ничего... — отвечает он. — Твоими молитвами.

А ты как?..

— Нормально, — говорю я, а у самого от боли аж глаза закрываются и хвост трясется.

— Я вижу, как «нормально», — довольно иронически замечает Черно-Белый, и мне это в нем кажется чрезвычайно симпатичным. — Посмотри-ка, что у меня с глазом. Я что-то неважно им вижу...

— Глаз, — говорю, — слава Богу, на месте! Но вокруг жутко запухло. Попортили тебе все-таки рожу эти бляди...

— Кто-о-о? — не понимает Черно-Белый.

— Бляди, — говорю.

— А-а!.. — наконец дотумкал Черно-Белый. — А я думал, что это скотчтерьеры.

Наконец нас выпутывают из этой дурацкой сетки, и этот же мудило, который в нас стрелял ею, берет меня за шкуру и говорит двум другим мужикам:

— Подождите меня, ребята... Сейчас я этого выброшу за ограду и вернусь.

А я вишу в его здоровенной лапе и даже не рыпаюсь — боль адская, сил нет, и хочется только лечь и сдохнуть!..

Но тут вдруг вижу, что Черно-Белый прекрасно сечет по-Человечески! Он как услышал, что этот раздолбай собирается меня через ограду выбросить, так сразу уши прижал, верхнюю губу поднял на этого типа, клыки обнажил и ка-а-ак зашипит на него!..

Тот от страха и обгадился. Но явно не из-за клыков и шипения, а совсем-совсем из-за чего-то другого...

— Ты что?! — говорит один мужик этому раздолбаю. — Из них кровища хлещет. К доктору их надо. А потом, ты не видишь реакцию нашего?

— Дай-ка мне его, — говорит другой мужик с пистолетом и забирает меня из рук того кретина. — А ты сматывай свою идиотскую сетку.

Но в эту секунду от самого Белого Дома, откуда-то из-под колонн, вылетает какая-то девчонка в джинсах с длинными распущенными светлыми волосиками и вопит на весь Вашингтон:

— Соксик! Соксинька!.. Боже мой!.. Что случилось?!!

И мчится к нам с такой скоростью, будто хочет выиграть большую золотую медаль будущих Олимпийских игр.

А за ней и вокруг нее скачут еще несколько мужиков, как две капли воды похожих на тех трех, которые находятся сейчас при нас с Черно-Белым Котом. И воздух вокруг буквально

пропитывается оружейным запахом. Ничего себе попал, думаю...

Подлетает к нам эта девчонка, хватает из рук первого мужика своего Черно-Белого, какает на него двумя-тремя слезками и...

...хотите — верьте, хотите — нет, но на чистейшем, превосходнейшем шелдрейсовском языке отчаянно восклицает:

— Что случилось, Соксик?!.. Солнышко мое... Бедненький мой Котик!..

Потом грозно смотрит на меня и спрашивает Черно-Белого:

— И вот этот грязный мерзавец так тебя изуродовал?!!

А мне так больно, так обидно вдруг стало...

Хрен с вами, думаю, валите все на меня! Мы — русские. Мы ко всему привыкшие и притерпевшие... У нас и преступность самая огромная, и Президентов столько, что до Москвы раком не переставить, как говорил Водила. И мы — такие, мы — сякие...

А только что бы вы без нас делали? Кого бы еще несли по пням и кочкам? Негров?.. Латинос?.. Как говорила мне Рут Истлейк, чистокровная американка, — вы и сами их так «либерально» трусите, будто у вас во рту тряпка воткнута. Подлизываетесь к ним, вместо того чтобы хоть раз гаркнуть погромче...

А она еще, дурочка малолетняя, поворачивается к охране, показывает на меня и по-Человечески очень недобро спрашивает:

— Это он так Сокса отделал?!.. Что это за Кот?! Откуда этот Кот?!.. Чего стоит вся ваша охранная электроника? Где ваша хваленая служба безопасности?!

Но тут уж за меня в один голос вступились все мужики! Все, которые видели нападение Собак на Черно-Белого Кота. Да и сам Черно-Белый закричал этой девчонке по-Шелдрейсовски:

— Что ты, что ты, Челси?!.. Этот Кот теперь мой друг до конца жизни! Если бы не он, меня бы на части разорвали!!! Этот Кот меня от целых двух Блядей спас!..

Челси услышала, как Черно-Белый назвал тех Собак, покраснела и своим ушам не поверила:

— От «КОГО» он тебя спас?..

— От двух Блядей, — повторил Черно-Белый. — Это порода такая. Очень похожа на скотчтерьеров.

А я чувствую, что тот мужик, который меня на руках держит, как-то странно трясется. Я голову поднял, заглянул ему в морду, а он ржет, сукин сын, еле сдерживается, чтобы в голос не расхохотаться. И так, с понтом, отворачивается от Челси...

Ну надо же?! И этот по-Шелдрейсовски тянет! Куда я попал?..

— Немедленно к врачу, — строго говорит Челси охране. — И этого Кота тоже.

Потом смотрит на меня и добавляет уже по-Шелдрейсовски:

— Простите меня, пожалуйста.

— Да ладно, — говорю. — Чего уж там...

Лежим в специальной малюсенькой ветеринарной лечебнице при Белом Доме, — ничуть не хуже Пилипенковской при его пятизвездочном «Интеротеле» в Петербурге для высокопоставленных Кошек и Собак дальнего зарубежья.

Все уже с нами сделали: уколы там разные, примочки всякие, мне даже два шва наложили на заднюю лапу. А всякие там царапины и укусы этих сволочей смазали нам такой шикарной мазью, которая и лечит, и на вкус — обалденная! Это чтобы не лишать нас, Котов, естественной инстинктивной привычки самостоятельно зализывать свои раны...

Но до вечера велели нам лежать и не дрыгаться — дескать, кормежка в койку, пописать или еще чего хуже — вот сюда: ни запаха, ни вида, все мгновенно смывается ароматическими струями, — короче, начинаем процесс накопления сил для скорейшего выздоровления...

Лежим, треплемся. Я его спрашиваю:

— Ты кто?

А он мне говорит:

— Я Сокс Клинтон — Первый Кот Америки. А ты?

— А я, — говорю, — Мартын-Кыся Плоткин фон Тифенбах!

«Фон Тифенбаха» я приплел для пущей важности — понял, что не с простым Котом дело имею.

Так вот, пусть знает...

— Ты испанец? — спрашивает меня Сокс Клинтон.

— Нет, — говорю. — С чего это ты взял?

— У них всегда тоже такие длинные и пышные имена — Хозе-Мария-Луис-Фернандо Де Альварец, например... А как мне тебя называть? неужели полностью?..

— Ты что, чокнулся?! — говорю. — Зови Мартын. Или просто — Кыся.

— О'кей, Кыся! — говорит мне Сокс. — А кто же ты по национальности?

— Русский, — говорю.

— Ну да? Здорово!.. Бывали тут у нас ваши русские — и Горбачев, и этот... Как его?.. Ельцин! Да и завтра как раз Билли принимает русских депутатов вашей Государственной Думы... Так что тебе повезло: наверняка тебе будет интересно повидаться с ними!

— Не думаю, — говорю. — Мы одно время с Шурой их заседания в Думе чуть ли не каждый день смотрели по телевизору. Срань болотная!

— Ка-а-ак?!..

Ну явно, явно этот Сокс — Кот домашнего, я бы даже сказал, оранжерейного воспитания! Хотя и чувствуется в нем культура, интеллект, наверное, знаний до чертовой матери, а в обычной жизни ни хрена не рубит!.. Очень многих слов не знает, удивляется по пустякам... Хотя в то же самое время в драке вел себя отменно и мужественно. Не очень умело, но достаточно настырно.

— Объясняю, — говорю. — Срань болотная... Это... Как бы поточнее выразиться? Ну, ерунда Собачья, понимаешь? Они в этой Думе лаются на чем свет стоит, некоторые даже дерутся и болтают, болтают, болтают... И все без толку! Уж кто только не стал депутатом в этой говенной Думе?!.. Разброс жуткий! От жлоба до академика, от ворюги до банкира, от бандита до генерала. Приличных мужиков — раз-два и обчелся. Кормушка — будь здоров!

— Как ты странно рассуждаешь... — задумчиво говорит Сокс. — У нас тоже есть свои претензии к Конгрессу, но чтобы так... Ты что, не чисто русский? Это я с точки зрения патриотизма...

— Чисто, чисто русский! — говорю. — Уж с точки зрения патриотизма — я такой русский, дай Бог всем русским такими

быть! Хотя можно считать, что во мне есть и частичка еврейской крови тоже...

— Что ты говоришь?!.. — восхитился Сокс. — А откуда же?!..

— Года три назад на пустыре перед нашим домом мой Шура Плоткин разнимал мою драку с тремя чужими Котами. Ну, и в пылу схватки мне кто-то из этих трех прокусил переднюю лапу. Видишь шрам?

— Вижу...

— Ну вот. А в горячке миротворческих усилий Шуры эти курвы расцарапали ему руку до крови. Наши крови — моя и Шурина — по запарке смешались, и Шура потом повсюду утверждал, что теперь во мне течет и еврейская кровь тоже!..

Ну, и пошло-поехало!.. Кто такой Шура? Что такое «курвы»? Где такой город — Пустырь? И так далее...

Вот и пришлось за последний месяц в третий раз пересказывать свою историю.

Первый раз — Капитану судна «Академик Абрам Ф. Иоффе», второй раз — сержанту Нью-Йоркской полиции Рут Истлейк и ее русскому сыну Тимуру и в третий раз — вот сейчас.

Причем я заметил, что каждый раз, несмотря на все более и более сокращенные варианты моего рассказа, рассказ все удлинялся и увеличивался в объеме: Капитану я рассказывал все, что было ДО НЕГО; Рут и Тимурчику — все, что было ДО НИХ, но уже включая в рассказ и Капитана; теперь же я рассказываю Соксу все, что происходило со мной ДО БЕЛОГО ДОМА, но уже с историями Капитана и Рут с Тимуром...

Надо отдать должное Соксу — он был превосходным слушателем.

Но как только я закончил свой опус на том, каким образом оказался в Вашингтоне, так меня словно молнией стукнуло!!!

— Боже мой!.. — завопил я. — Что же делать?!.. Я же шофера этого туристического автобуса Кевина Стивенса ни о чем не предупредил!.. Елочки точеные!.. Он же там с ума сходит!.. Ему же за меня перед Рут и Тимурчиком ответ держать... Что делать?!.. Батюшки, сволочь я, каких не бывало!..

— Не мечись и не верещи так, — говорит Сокс. — У меня даже голова распухла от твоей истерики. Сейчас что-нибудь придумаем...

И нажимает лапой одну из трех разноцветных кнопок на пульте, который лежит прямо перед ним. И Сокс нажимает именно зеленую кнопку.

— Возьми себя в лапы, Кыся. Сейчас придет Ларри Браун, и ты ему все объяснишь. Это мой личный телохранитель и умница. Мой приятель. Говорит по-Нашему лучше любого Кота.

Дверь открывается, и в наш лазаретик входит тот самый мужик, у которого я лежал на руках, а он еще втихаря ржал, когда услышал от Сокса, что «Бляди» — это особая порода Собак.

— Привет, ребята! — говорит он. — Как дела?

— Нормально, — отвечает ему Сокс. — Ларри, познакомься, пожалуйста, — это Кыся! Кыся! А это Ларри Браун. Я тебе про него уже говорил.

— Привет, Кыся, — говорит Ларри. — Что стряслось?

Объяснил я ему ситуацию так сбивчиво, с пятого на десятое, но он все просек, записал, откуда автобус, название «Америка», и что по бокам автобуса нарисована та смехотворная тощая Псина. И что группа — шведская, а водителя зовут Кевин Стивенс.

Ларри тут же позвонил по своему карманному телефону, продиктовал кому-то все эти данные, попросил немедленно разыскать мистера Кевина Стивенса и соединить его с ним, Ларри Брауном.

— Он еще толстый такой, и на вид ему лет за пятьдесят, — добавил я для верности.

— Это не обязательно. Такие автобусы снабжены радиостанциями, а водители в обязательном порядке имеют в карманах вот эти штуки, — и Ларри показывает мне свой карманный телефон. — Сейчас наши ребята достанут его номер и...

И в эту секунду телефон Ларри запиликал прямо у него в руке.

— Браун!.. — говорит Ларри в трубку и подмигивает мне. — Здравствуйте, мистер Стивенс. Вам уже сказали, кто я? Вот и прекрасно! А то ваш клиент тут волнуется, нервничает — не успел предупредить вас, что ненадолго задержится

у нас тут, в Белом Доме... Ах, ему еще в Конгресс надо?.. Поможем. Нет проблем. Когда он должен вернуться в Нью-Йорк? Ага... Никаких трудностей. Подъедете к Южному входу и заберете его. Я сам вам его и передам. Не волнуйтесь...

Но Кевин Стивенс и не собирался откланиваться! Ларри пришлось еще довольно долго слушать Кевина, глядя на меня. Наконец он прорвался:

— А вы мне продиктуйте телефоны мистера и миссис Истлейк — я им сам сообщу, что все в порядке. Как говорится, информация будет из первых рук. Так им будет спокойнее. А что пишут газеты, я уже заранее знаю... Мы с этим сталкиваемся чуть ли не ежедневно. Так!.. Записываю Нью-Йоркские телефоны Истлейков... Постойте... Этот второй номер... Это же номер какого-то полицейского участка! Ах, миссис Истлейк работает в полиции?!.. Понял. Спасибо. Счастливого вам пути, мистер Стивенс.

Ларри отключил телефон, сунул его в пиджачный карман и сказал мне:

— Я специально не говорил этому парню, что вы тут прихварываете. Лишний шумер нам ни к чему, и травмы у вас не смертельные. Но в Нью-Йорк нужно позвонить как можно быстрее — до выхода вечерних газет и телевизионных новостей! Вашу драку снимали из-за ограды репортеры не менее пятнадцати газет, человек сорок любителей, если не считать еще трех-четырех операторов телевидения. Так что, ребятки, материальчик о вас уже стряпается и вот-вот выйдет в эфир, а газеты напишут вообще черт знает что!.. Будто один из вас съел Яссира Арафата, а второй пытался перекусить глотку Саддаму Хуссейну.

— А мы потом будем три месяца отмываться от этого дерьма и писать опровержения!.. — склочным голосом проговорил Сокс.

— Точно! — подтвердил Ларри Браун. — Значит, я звоню в Нью-Йорк Истлейкам. А то они посмотрят телевизор, прочитают газетки и с ума сойдут там от ужаса — что их Кыся наделал!..

А я про себя подумал: не дай Бог, Шурочка Плоткин все это узнает из газет и телевидения — дескать, какой «халеймес» (это его словечко!) я устроил в Белом Доме, вместо того чтобы бросить все свои Котовые силы на поиски его, моего

единственного и неповторимого друга и ближайшего кровного родственника...

Он так огорчится, так расстроится, что это может быть просто опасным для его здоровья! Потому что я всем своим нутром, всем многотысячелетним Котово-Кошачьим опытом ПРЕДВИДЕНИЙ и интуитивных особенностей, присущих только НАМ, чувствовал, что Шурик Плоткин сейчас очень и очень нездоров...

— Правильно! — тут же сказал этот стервец Сокс, просто-напросто прочитав мои мысли, как по книге! — Это самый важный аспект в данной ситуации. Но тем не менее в Нью-Йорк тоже необходимо звонить немедленно!

Не успел я потрястись и поразиться ТАКИМИ ГЛУБИНЫМИ способностями Сокса, не успел Ларри Браун набрать наш Нью-Йоркский телефон, как распахнулась дверь нашей больнички и к нам вошли сразу же трое: Челси, которая, по словам Сокса, оказалась дочерью Президента Соединенных Штатов Америки, и ее венценосные родители — мама Хиллари и папа Билл Клинтон, сам президент Америки.

Хиллари и Билла я узнал сразу же! Мне их фотографии только позавчера Тимур показывал в каком-то журнальчике...

А то, что Билл Клинтон еще и на саксофоне играет, — мне было известно уже давно и очень нравилось! Я даже об этом как-то говорил, кажется, во второй части «Кыси».

Не скрою, я тут же почтительно встал на три здоровые лапы, поджимая под себя больную заднюю левую.

— Да лежи ты! — спокойно посоветовал мне Сокс, даже не шелохнувшись. — Чего ты вскочил?

— Неудобно... — пролепетал я. — Все-таки Первая Леди и сам Президент!..

— Я тебя умоляю!.. — желчно усмехнулся Сокс, будто знал про Хиллари и Билла Клинтонов что-то такое, из-за чего не хрена было перед ними так уж вытягиваться. — Не сотвори себе кумира, Кыся.

— Сокс, не хами! — неожиданно не по-Шелдрейсовски, а по-нашему, по-Животному, жестко произнес Ларри Браун. — Даже твое положение в Белом Доме не дает тебе права разговаривать о них таким тоном. Или ты хочешь, чтобы я перевел это Челси?..

— Нет, нет, Ларри!.. — дико перетрусил Сокс, тут же вскочил на все четыре лапы и, ну очень натурально, стал ластиться к Президентской семье.

Он был безусловно талантлив, этот чертов Сокс! Я видел, что его буквально тошнит от необходимости тереться носом о ноги и руки Хиллари, что он еле сдерживает отвращение при прикосновении к нему самого Президента... Но он зато нежно и абсолютно искренне отвечает на любое движение их дочери Челси...

Сокс был несомненно одаренным актером и опытным царедворцем и, наверное, по праву занимал свое место в Белом Доме. Просто иногда уставал и не выдерживал собственной фальши.

А они, несчастные Билл и Хиллари, были свято убеждены в любви и непогрешимой преданности к ним их драгоценнейшего Сокса, простенького и очень дворово-уличного Котенка, которого они усыновили еще в тысяча девятьсот девяносто первом году в Литтл-Роке, штат Арканзас, и которого собственноручно возвели на престол Первого Кота Америки!..

К несчастью, ни Хиллари, ни Билл Клинтон не знали Шелдрейсовского, и поэтому их отношения с Соксом напоминали, как говорил Шура, «игру в одни ворота» — они его любили, а он их почему-то нет...

Челси же даже и не подозревала о существовании такого английского ученого, как доктор Ричард Шелдрейс. А уж о том, что она читала его книги, не могло быть и речи! Просто свойства характера Челси — доброта, искренность, постоянное желание понять, готовность прийти на помощь — сами по себе сформировали в ее сознании (точнее было бы — «в бессознании») способность понимать Сокса, а впоследствии и разговаривать с ним, как, впрочем, и со всеми остальными Котово-Кошачьими на превосходном Шелдрейсовском языке! Она даже не знала, что этот язык называется «Шелдрейсовским»!..

Но такое возможно лишь при очень сильной воле партнеров или при беззаветной любви друг к другу.

Все это я узнал потом. Потом и понял причину таких странных отношений между Соксом и старшими Клинтонами.

Оказалось, что Сокс — КАСТРАТ! Еще до того, как стать Президентом Америки, будучи губернатором Арканзаса, Билли обратился к врачам по поводу своих странных недугов. Врачи констатировали: аллергия на Кошачью шерсть! Такое, к несчастью, бывает. Знаю по собственному опыту.

У Шуры одна приятельница страдала именно этим самым — аллергией на Котов. Как останется у нас ночевать — так на утро ее рожа черт знает на что смахивает! Вся в струпьях, раздута, глаз не видно... Кошмар! И все из-за меня. Причем когда я сам где-то трахаюсь вне дома и ночевать не прихожу, так у нее все в порядке. И рожа на месте, и глаза смотрят. Ну, просто прелесть!

Хорошо, когда это происходит летом! А зимой как быть? Когда холодно, когда все подвалы закрыты — дворники их зимой запирают так, что только взрывом открыть можно!.. Трахнешься где-нибудь на лестнице по-быстрому и домой шпарить от холода. А эта там... Со своей аллергией.

И мы с Шурой решили сменить бабу. Что и сделали. Не скрою, с легкостью и весельем. Эта нам поднадоела не только своей антиКотовой восприимчивостью, но и вообще...

Тем же страдал и Билл Клинтон. Крупные силы американской науки были брошены на борьбу с недугом губернатора, но тщетно... Расставаться с Котенком Соксом губернатор не хотел ни под каким видом, наука оказалась бессильной, но какой-то ученый-мудило посоветовал КАСТРИРОВАТЬ Сокса.

Дескать, основу для возникновения аллергии вызывают те Котово-Мужские половые гормоны, которые буквально сочатся из любого нормального, здорового Кота, каким и был бы Сокс, если бы... Если бы не тот ученый арканзасский придурок.

И Сокса, Котенка-несмышлениша, еще не познавшего вкуса ни одной Кошки в своей жизни, — КАСТРИРОВАЛИ! Варвары...

То есть его лишили гигантского пласта Жизни, таящего в себе ни с чем не сравнимое Наслаждение, Уверенность в себе, Гордость за совершаемое, Радость отцовства, наконец!..

Да, он был Котом Губернатора штата Арканзас! Потом неожиданно стал Котом Президента Соединенных Штатов,

потом был избран на второй срок и стал вообще называться — Первый Кот Америки! У него появился СВОЙ штат сотрудников, СВОЯ охрана, СВОЕ пресс-бюро, СВОИ повара, СВОИ ветеринары...

Ему стали писать сотни тысяч американских идиотов, для ответов на письма которых пришлось организовать целое учреждение из «ветеранов»!

Секретные службы то и дело доносили о готовящихся покушениях на Сокса и «доблестно» разрушали планы арабских злоумышленников и террористов-АнтиСоксовцев!..

Естественно, что безоблачное существование Первого Кота Америки не прошло незамеченным для журналистов. Сотни фоторепортеров на пупе вертелись, чтобы сделать снимок Сокса... Телевидение устанавливало свои камеры с чудовищными объективами на крышах соседних домов и окружающих деревьев, лишь бы запечатлеть, как Сокс какает на лужайке, как он писает, как гуляет...

В «Нью-Йорк пост» появились фальшивые «Воспоминания Кота Сокса Клинтона», написанные Тони Баррел и Мэри Даусон. Написаны они были якобы от имени Сокса крайне посредственно и до отвращения слащаво. Сокс клялся мне потом, что ничего подобного никому и никогда не говорил! Тем более что Баррел и Даусон не тянут ни по-Шелдрейсовски, ни по-Животному, а к Ларри Брауну и Челси они доступа не имели.

Минимум сотни статей были посвящены жизни и личности Сокса Клинтона, а половина из них просто-таки дышала раздражением и неприязнью к ни в чем не повинному Соксу.

Вашингтонская журналистка Лора Мелвендер даже запланировала целую развернутую кампанию против «Кота — прожигателя народных денег»! Она подсчитала, что содержание Первого Кота Америки обходится американским налогоплательщикам больше пятисот тысяч долларов в год...

Я сразу вспомнил, как Тимурчик и Рут Истлейк ждут не дождутся прибавки к заработной плате до шестидесяти тысяч долларов в год! Уж на что я никогда ни хрена не смыслил в арифметике, но и то сообразил, какая чудовищная разница и глубочайшая пропасть лежит между этими двумя цифрами...

А журналистка из Флориды Беатрис Декстер писала...

Все! К чертям Собачьим!.. На хрен мне нужно копать в этом грязном белье?!..

Одно понимаю — Сокс тут абсолютно ни при чем! Делают это все Люди, которые или хотят ПОНРАВИТЬСЯ Президенту, или хотят показать ему же СВОЮ ГОТОВНОСТЬ БОРОТЬСЯ ЗА ИСТИНУ. Что в конечном итоге — одно и то же, как сказал бы Плоткин — «фальшак-с!».

Меня гораздо больше занимало другое: я, кажется, понял природу паршивого отношения Сокса к Хиллари и Биллу..

Кому-то может показаться, что я из неких Котово-корпоративных соображений все время выгораживаю Сокса, дескать, он ни в чем не виноват. Это все стечение обстоятельств или происки тех Типов, которым выгодно представить Сокса в том или ином свете...

Нет, тут я постараюсь быть совершенно объективным. Тем более что по чисто морально-нравственным соображениям у меня к Соксу тоже нашлась бы парочка претензий.

Ну, например: уж если я люблю, так люблю, а если не перевариваю, то никогда и ни за что не делаю вид, что люблю. А Сокс...

Может быть, только так и нужно жить в ихнем Белом Доме или, предположим, в нашем Кремле (Шура как-то говорил, что это почти одно и то же!), но мне лично это не подходит. Если бы мне предложили выбор на этих условиях, я бы выбрал ту полунищенскую квартирку в Бруклине на Оушен-авеню со старым еврейским Песиком Арни-Ароном...

Так вот, мне причудилось, что Сокс, даже не понимая происходящего, совершенно подсознательно (это мы с Шурой как-то проходили...) не может простить Хиллари и Биллу, что они его КАСТРИРОВАЛИ.

Вполне вероятно, что я себе это нафантазировал, но клянусь чем угодно — чтоб мне век Шурика не видеть!!! — дело было именно в ЭТОМ.

Сокс, не познавший счастья ЖЕЛАНИЯ Кошки и возможности «слиться с нею в едином экстазе», как говаривал мой Плоткин, где-то, затылочными долями мозга, ощущал, что Билли и Хиллари лишили его чего-то ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНОГО И ПРЕКРАСНОГО, чего не может заменить ни один Кремль, ни один Белый Дом со всеми их Президентскими примочками!

Никакой огромный штат секретарей, охранников, врачей и обилие отборнейшей жратвы, ни одна газетная фотография, ни одна журнальная статья не дадут потрясающего ощущения нормального, полновесного совокупления с какой-нибудь Кошкой-симпатягой, тоже понимающей толк в ЭТОМ ДЕЛЕ...

И наверняка Сокс это ощущал.

Он просто не понимал, что его так угнетает и восстанавливает против бедных Клинтонов, но состояние собственной неполноценности, ручаюсь, он явно осознавал! Просто не знал, отчего это с ним происходит.

Господи! Как бы мне хотелось ему помочь...

Но это все пришло мне в голову гораздо позже. Примерно спустя сутки. А сейчас...

А сейчас я стоял на трех лапах перед самым Президентом Соединенных Штатов Америки Биллом Клинтоном и, не скрою, был почтительно взволнован.

И если кто-нибудь упрекнет меня в излишнем расшаркивании, я попрошу найти хотя бы одного американского Кота, который не разнервничался бы от встречи даже с Нашим Президентом. А уж чего только не болтают про Нашего!..

Не знаю, что бы сказал Наш американскому Коту, а этот Президент присел передо мной на корточки и чуть ли не насильно усадил меня на простенький лазаретный тюфячок с противоблошным излучением, встроенным кардиографом, регистратором температуры, пульса, фиксирующий каждое Котово-Кошачье недомогание и пропитанный десятком целебных растворов, способных вытянуть любого полудохлого Кота чуть ли не с того света.

Такого тюфячка даже в Пилипенковском отеле пятизвездочной стоимости не было! А уж этот поддонк напер к себе в Петербург оборудование со всего мира! Причем милиционер Митя мне гворил, что все это он получал на халяву!.. За счет какого-то «Международного общества защиты Животных», где Пилипенко сейчас отирается и шустрит изо всех сил...

Так вот, значит, усаживает меня Клинтон на этот тюфяк собственными руками (это несмотря-то на врожденную аллергию!..) и говорит:

— А ты, Кыся, сиди, лежи, поправляйся. Судя по твоим боевым шрамам и разорванному уху и по тому, как отважно ты

вел себя, бросившись на помощь к нашему дорогому Соксу, — ты Кот боевой и...

— Папа! Ты не можешь попроще? — прерывает его Челси. — Ты же не в Конгрессе и не на встрече Большой Семьки...

— О'кей, малыш!.. — смеется Клинтон. — Просто я посчитал, что раз это русский Кот, как мне подсказал Ларри, то первая наша встреча должна носить оттенок некой дипломатичности. А подобные встречи регламентированы определенным характером и не менее определенной лексикой.

Теперь Клинтона прервала Хиллари.

— Кот есть Кот! — сказала она. — И важно, что представляет из себя этот Кот. А русский он, или американский, или итальянский — не имеет ровно никакого значения...

— Слушайте! Какого черта вы на меня навалились?!.. — весело возмутился Клинтон. — Я зашел сюда с единственной целью — пожать лапу этому русскому мужественному Коту, а вы...

— Так сделай же это!.. — чуть ли не хором простонали Челси и Хиллари.

— Кыся! Лапу!.. — сказал Билл Клинтон и шутливо протянул мне свою ладонь.

Я с удовольствием вложил свою переднюю правую лапу в его протянутую руку.

Клинтон беспомощно и растерянно посмотрел на Челси и Ларри Брауна:

— О, Боже... Он что, понимает все, что я говорю?!

— Полагаю, что — да, мистер Президент, — уверенно сказал Ларри.

А Челси подмигнула мне и спросила меня по-Шелдрейсовски:

— Ларри прав?

— Естественно! — ответил я ей и приветственно вильнул хвостом.

— Тогда у меня будет с тобой отдельный разговор...

— Нет проблем, — заверил я ее.

Челси радостно рассмеялась и погладила меня. Впервые в жизни я вдруг почувствовал, что мне это приятно! До этого момента я никаких таких поглаживаний не переносил, да и, честно говоря, никому из посторонних не позволял этого

делать. Разве что только Шуре, Водиле, Фридриху, Тане Кох и вот теперь — Тимурчику... А тут, ну надо же, как мы все-таки меняемся с возрастом?!..

Одновременно с этими мыслями я отчетливо увидел, что Сокс чуть на говно не изошел от ревности и зависти. Он буквально подлез под руку Челси, и той ничего не оставалось делать, как погладить и Сокса. Правда, сделала это она с открытой душой и распахнутым для любви сердцем.

Сокс это почувствовал и, слава Богу, перестал на меня дуться.

Мне еще не хватает наживать здесь себе врагов!.. Да еще к тому же в лице (нельзя же сказать — «в морде»!) всесильного Сокса.

Для кого-то там Белый Дом — это ВЕРШИНА, куда вскарабкиваются по невероятно тяжелой и крутой лестнице. У меня же все наоборот. Для меня Белый Дом случайно оказался всего лишь первой ступенькой... Второй должен был быть Конгресс, третьей — тот самый конгрессмен, приятель фон Тифенбаха, а уже от конгрессмена я должен буду все узнать о местопребывании моего Шуры Плоткина. Ибо Шура и есть для меня ВЕРШИНА этой лестницы...

Вечером был консилиум.

На помощь к нашему Президентскому ветеринару был приглашен какой-то жутко крутой специалист по Котам и Кошкам из Джорджтаунского университета — профессор Эмилио Розенблат-Хуарец, который как заведенный болтал и по-Шелдрейсовски, и по-Животному. Его единственным недостатком было то, что он ни на секунду не закрывал рот и никому не давал сказать ни единого слова. А так — вполне приличный мужичонка.

Кстати, в какой-то степени — ученик самого Ричарда Шелдрейса! Специально летал на целый год в Англию слушать курс лекций доктора Шелдрейса, где и наблатыкался чиркать по-Нашему.

Для постоянной языковой практики держит в собственном доме двух Котов и двух Кошек.

А недавно отдыхал с женой в Ки-Уэсте — это самый последний маленький островок в самой-самой южной оконечности Флоридской островской гряды. Куба — рукой подать! Каких-то вшивых девяносто миль...

И на этом островке Ки-Уэсте есть дом такого американского писателя Эрнеста Хемингуэя. Как сейчас помню, Шура его безумно любил!.. И в этом доме по сей день по завещанию Хемингуэя живут больше ста Котов и Кошек, за которыми ухаживают одна старая тетка и два ее сына.

Так, по словам профессора, когда он туда пришел, он чуть ли не до ночи не мог оттуда вырваться! Так эти Коты замучили его своей болтовней и сплетнями!..

Я-то подозреваю, что все было наоборот: у всех этих несчастных Хемингуэевских Котов и Кошек наверняка «крыша поехала» от нескончаемой болтовни самого профессора, и они, бедняги, не могли дождаться момента, когда же этот Собачий сын Эмилио Розенблат-Хуарец уйдет или хотя бы на секунду заткнется!..

Как только я первые три минуты послушал этого трепача Эмилио Розенблата... как его там дальше?.. Хуареца, что ли?.. так я сразу решил закосить под дурачка: дескать, я — Кот русский, языкам не обученный, ничего не понимаю, а по-Животному могу общаться только лишь по-русски, да и то через пень-колоду...

И нужно отдать должное Челси и Ларри Брауну, которые присутствовали при этом вечернем консилиуме и осмотре, — они меня поняли без единого слова и ни разу, даже случайно, не заложили!

Состояние наше было признано удовлетворительным, и нам разрешили отправиться погулять в сад. Это было более чем кстати. Гадить хотелось невероятно, а я, как вам известно, могу делать ЭТО только на свежем воздухе.

Сокс со своей белоснежной манишкой, в белых носочках и с перевязанным наискосок глазом был похож не то на джентльмена в смокинге, по пьянке схлопотавшего по рылу, не то на пирата из телефильма «Остров сокровищ».

Я тоже был не лучше: чапал на трех лапах, четвертая была намертво прибинтована к какой-то дощечке со строжайшим запретом опираться на нее до утра...

Короче, Кот Базилио и Лиса Алиса после драки из мультика про Буратино. Тоже, кстати, из телеящика.

...На воздухе мы действительно почувствовали себя лучше, и Сокс на правах хозяина Белого Дома стал мне рассказывать всякие ужасно интересные вещи!

Ну, например, мы сейчас гуляем по территории площадью в восемнадцать и семь десятых акра...

На мой вопрос, что такое «акр», Сокс сказал, что точно он не знает, но это что-то ужасно большое... Зато он точно знает, что эти «акры» обслуживают тридцать шесть работников Национальной парковой службы, а что в самом Белом Доме — сто двадцать три комнаты, за которыми следят, убирают, натирают полы, чистят лампы, пылесосят и заводят часы — еще девяносто три работника!..

— Откуда ты все это знаешь, Сокс?! — искренне удивился я. — Неужели ты все это изучал?!..

— Ни черта я не изучал! Надо больно тратить на это время... Я пару раз прошвырнулся вместе с экскурсиями по нижним этажам, послушал экскурсоводов и все запомнил!

— Какие экскурсии, какие экскурсоводы?!.. — поразился я. — Здесь же Клинтонь живут! Это же частная квартира... Ну, пусть большая квартира, но какие еще могут быть здесь «экскурсии»!..

— Кыся! Друг ты мой, Кыся-Мартын Плоткин фон Тифенбах, — покровительственно проговорил Сокс, обнаружив блистательную память на имена, свойственную, наверное, всем общественно-политическим деятелям, к каковым я безоговорочно причислил и Сокса. — Друг ты мой сердечный! Да у нас в нижних этажах Белого Дома бывает до одного МИЛЛИОНА туристов в год!.. А ты говоришь — «квартира»... Содержать эту квартиру нужно? Людям деньги платить нужно? Морскую пехоту, секретную службу, техников, электриков, совершенно секретных работников кормить нужно?.. Обязательно! Вот тебе и ответ — зачем экскурсии! Да если я тебе скажу, сколько тут вообще людей служит, — ты же в обморок брякнешься! Но, учти, это абсолютно секретные сведения... Т-с-с!.. Никому! Ясно?..

— погоди, не начинай рассказывать, — говорю я Соксу. — Я прислонюсь к чему-нибудь или, может, просто прилягу. А то падать в обморок с трех лап мне как-то никогда не приходилось...

— Напрасно иронизируете, мистер Кыся, — склочным голосом говорит Сокс. — Да будет вам известно, что Президента и его администрацию охраняют девятьсот агентов секретной службы!!!

— Это на хрена же так много? — спрашиваю я, но в обморок не падаю.

— А у нас в Америке издавна существует очень миленькая национальная традиция — пулять в Президентов! — говорит Сокс. — Только в Белом Доме пятьсот человек патрулируют внешний и средний периметр территории...

— Чего «патрулируют»? — переспросил я.

— Периметр, — повторил Сокс. — Ну вот, где мы сейчас гуляем и вообще все вокруг... И за оградой тоже. А внутри ограды — больше ста агентов в штатском. В смысле — не в военной форме... Они охраняют непосредственно Президента, Хиллари и Челси. Ну и, естественно, меня!..

Я оглядел все вокруг — ни одной живой души.

— И сейчас охраняют? — усмехнулся я.

— А ты думал?!.. Доказать? — разозлился Сокс.

— Докажи!

— Мя-я-я-о-о-у-у!!! — неожиданно завопил Сокс дурным голосом.

И в то же мгновение, без малейшего промедления, откуда-то из-за деревьев, из-под земли, вполне вероятно, что и с неба, вокруг нас возникли человек двадцать—двадцать пять в военной форме и в пиджаках, но с совершенно одинаковым оружейным запахом! А впереди всех мчался не кто иной, как Ларри Браун...

— Что случилось, Сокс?! — заорал он на бегу по-Животному.

После этого я уже верил во все, что мне рассказывал Сокс.

И что служба безопасности может приборами обнаружить любое оружие, любую взрывчатку, какие-то там радиоактивные материалы...

Что все пакеты и письма, поступающие в Белый Дом, проверяются сначала рентгеновскими лучами, а только потом вскрываются...

Что каждый год задерживаются в среднем двести пятьдесят человек с больной психикой и около четырехсот со здоровой при попытке пронести огнестрельное оружие в Белый Дом!..

А воздушное пространство над Белым Домом, оказывается, охраняется даже ракетами «Земля — Воздух»!..

И все это была чистейшая правда!!!

Сокс мне наврал только одно — то, что все эти сведения были **АБСОЛЮТНО СЕКРЕТНЫМИ**...

Наоборот, они были известны всем, кто хоть однажды брал в руки журнал или газету и внимательно читал всякую хреновину о Белом Доме и его обитателях. Кстати, в том числе и о Соксе...

Мне потом Тимурчик показывал полтора десятка русских газет, выпускавшихся в Нью-Йорке, которые с удовольствием печатали эти все «**СОВ. СЕКРЕТНЫЕ**» сведения и жуткие грязные подробности из жизни Первого Семейства Америки.

Справедливости ради нужно сказать, что американские газеты печатали и того хлеще и тошнотворнее!..

— Самое противное, что они берут из жизни нашего Билли какой-нибудь действительный случай, очень давнишний, и вокруг этого случая потом накручивают дикое количество лжи и домыслов, — сказал мне Сокс. — Способ испытанный и проверенный на многих политиках, если нужно подмочить ему репутацию или вовсе убрать с политического Олимпа... Хорошо еще, что Наш и сам не промах, его у нас здесь называют «подлинный виртуоз выживания»!.. А уж через что он только не прошел, бедняжка...

Заботливые и сочувственные интонации Сокса не могли скрыть от меня и то, что ему не терпится рассказать про Клинтона хоть какую-то неблагоприятную историйку. Ибо помимо неосознанного непростения Клинтону своего **КАСТРАТСТВА** (можно так сказать?..) Сокс был еще и **НЕВОСТРЕБОВАННЫМ СПЛЕТНИКОМ**.

Действительно, кому и что мог поведать Сокс из всего того, что он знал про Белый Дом? Челси, которая в нем души не чаяла? Так та просто не стала бы никогда его слушать. Потому что отца она обожала до беспамятства — это было видно невооруженным глазом. Кому еще? Хиллари?.. Так у Хиллари были, наверное, и свои источники информации. Покруче Сокса!.. Охране Президента? Уж охрана-то знала про Билли Клинтона раз в сто больше, чем Сокс!..

И все сплетни, которыми Сокс был нафарширован, оказывались никому не нужными... А они его переполняли до образования желчи!

Но тут вдруг появляюсь Я! Так сказать, «свежий объект», несколько взломавший привычный и в какой-то степени

замкнутый мир Белого Дома. Да к тому же «объект» стопроцентно родственной породы!.. Ну как тут было удержаться от сплетен?!

— Помню, в Арканзасе, когда я был еще совсем Котенком, а Билли губернатором и вот-вот должна была начаться президентская выборная кампания, где решалось, будет Клинтон Президентом Америки или нет, — наши противники отыскивали всех мало-мальски известных женщин, с которыми когда-либо наш Билли путался. Они нашли и Дебору Матис — молодую журналистку из Арканзаса, и Элизабет Уорд — королеву красоты и «мисс Арканзас», и Сюзанну Уайтейкер — личного секретаря Клинтона, и Леноколу Салливан — тоже «мисс Арканзас» — красавица мулатка!..

Я тут же вспомнил Рут Истлейк, которая была наверняка красивее всех баб Клинтона, и честно сказал свое мнение:

— И я его отлично понимаю! Молодой, красивый, спортивный мужик... Играет на саксофоне... Какого черта?!..

— Но этих девок так раскрутили, что они стали давать на Билли какие-то грязные показания!.. — вскричал Сокс. — А Дженифер Флауэрс про свой роман с Клинтонем даже книгу написала. Называется «Страсть и предательство»!..

«Более пошлого названия эта бездарная корова придумать не могла!..» — сказал бы мой Шура.

— Причем подробности в книжке — жуткие! — Сокс огляделся и понизил голос: — И как он ее!.. И — куда!.. И сколько он может! И как он неутомим, и какой он гениальный любовник!.. Мало того, эта Дженифер в мае девяносто четвертого даже аудиокассету выпустила с записью своих разговоров с нашим Билли! Кассета до сих пор в продаже...

— Елки-моталки! — завопил я в восторге. — Да ведь только такого Человека и нужно держать в Президентах!!! Который хоть что-то может!.. А не пердит от старческого недержания и не окружает свое кресло разными прохиндеями и ворюгами!..

— Мистер Плоткин фон Тифенбах, — неожиданно официально и, я бы даже сказал, сурово прервал меня Сокс. — Америка — страна строгих и незыблемых традиций...

— Ну да, стрелять в президентов!.. — успел вставить я, но Сокс даже внимания на это не обратил.

— Может быть, для иностранца наши традиции покажутся несколько пуританскими, но у нас вот такие прыжки по бабам очень и очень не любят, — строго закончил Сокс.

— Да пошел ты!.. — сказал я ему и еле удержался, чтобы не сказать куда. — Липа это все, понимаешь?!.. Вранье и беззастенчивое ханжество! Если бы ваш народ ЭТОГО НЕ ЛЮБИЛ, откуда у вас было бы столько Людей на улицах?! ЭТО все любят! Все! Все! Все!

— Ну, «все» — это слишком сильно сказано, — проговорил Сокс, делая вид, что разглядывает какую-то щепочку, валяющуюся в траве. — Некоторым на ЭТО глубоко наплевать!

Хотелось мне ему сказать, что наплевать на ЭТО могут только те, у кого яйца уже давно в помойке. А настоящему Коту или Мужу ЭТО до глубокой старости интересно. Так как в ЖИЗНИ — ЭТО и есть самое ГЛАВНОЕ. Потому что ЭТО и есть сама ЖИЗНЬ!..

Тут я сам малость подзапутался, но не сказал Соксу ни слова, боялся его обидеть. Постарался выбрать слова мягче:

— Ты прости меня, Сокс, но не следует рассуждать о вещах, о которых ты не имеешь понятия...

— То есть как это я «не имею понятия»?!.. — вскинулся вдруг Сокс. — Да я сотни раз наблюдал за этим процессом и у Кошек, и у Собак, и у Людей!..

— Ну, Кошки и Собаки — понятно, но вот где ты Людей-то видел во время ЭТОГО самого дела? — удивился я.

— Господи! — возмущенно стал защищаться Сокс. — Да мало ли агентов секретной службы трахают наших горничных где ни попадя?! Или «парковая служба» совокупляется летом во время покоса травы или ухода за клумбами!.. А что на кухне творится, в прачечных, на посудных и постельных складах?!.. Да не проходит и дня, чтобы кто-нибудь кого-нибудь не отпользовал!.. Да я про это все знаю! Еще и тебя мог бы научить!..

Вот тут я не выдержал и сказал ему:

— Знаешь, Сокс, ты мне напоминаешь старого еврея, который бегал по бортику плавательного бассейна и всех учил, как нужно плавать. А когда его спросили: «Рабинович, вы так хорошо умеете плавать?» — Он ответил: «Нет, плавать я не умею, но знаю КАК!»

Это был коронный анекдот Шуры Плоткина. Он как-то в Москве в одном крупном издательстве, где готовилась к печати его книжка, сборник лучших рассказов и фельетонов, поведал этот анекдотец главному редактору издательства, когда тот потребовал от Шуры переработки почти всей рукописи.

Книгу тут же выкинули из типографского набора, а вахтерам было приказано не пускать Плоткина даже на порог этого издательства.

Помню, я еще ему тогда сказал:

— Шура ты, Шура!.. Ну неужели ты не мог сдержаться и не хамить этому редактору? Тем более что он — главный... Ну, сделал бы две-три поправочки, глядишь, он и отвязался бы... А мы сейчас уже имели бы книжку в руках и деньги в кармане. Могли бы за квартиру заплатить, за свет, за газ... И вообще — КНИЖКА есть КНИЖКА! Это тебе не фельетончик в «Вечерке» или рассказик в «Часе пик». Сам же говорил... Сам же о КНИЖКЕ мечтал!..

А Шура, помню, тогда мне ответил:

— Знаешь, Мартышка, у Александра Сергеевича, у Пушкина, к «Капитанской дочке» есть коротенький, но очень четкий эпиграф: «Береги честь смолоду». А мне уже за тридцать... Все! Молодость прошла. Так ты представь себе, как мне-то, в моем возрасте, нужно беречь эту «честь»!..

Помню, я на него с такой безнадегой лапой махнул, и мы оба рассмеялись.

А потом поскребли по карманам и поперли в лавочку за моим «хеком мороженым безголовым» и за бутылкой портвейна «Агдам» для Шуры. Он какую-то девицу в гости ждал...

Но то ли Сокс не был сейчас расположен к юмору и иронии в собственный адрес, но он сделал вид, что даже не слышал эту мою хохмочку.

— Мне не хотелось бы быть превратно понятым, — сказал он. — Я далек от осуждения ЭТОГО АКТА. Просто мне это неинтересно. Хотя у меня и есть одна приятельница — Кошка Зяма, из очень приличной и состоятельной семьи...

— Погоди, погоди, Сокс!.. — всполошился я — уж не пристает ли к Соксу какой-нибудь педик? — Но «Зяма» — это же мужское имя?!

— Когда ее взяли в тот дом Котенком, все думали, что это ОН. И называли Зямой, а потом выяснилось, что это ОНА. А к имени уже привыкли... Отсюда и «Зяма». Так вот, Зяма часто заходит ко мне, мы с ней играем, болтаем, немножко даже ласкаемся, но, конечно, чисто платонически...

— Чего-о-о?!.. — Я впервые в жизни услышал это слово. — Как вы ласкаетесь?

— ПЛА-ТО-НИ-ЧЕС-КИ! — раздельно и презрительно произнес Сокс. — Ну, без всяких этих ваших штучек... Кстати, она должна вот-вот подойти. Сейчас как раз наступает ее время...

Не успел Сокс и закончить фразу, как из-за дерева, с подветренной стороны (то-то я ее не унюхал сразу!..), появилась рыжая отменная Кошка с таким блядским и охочим глазом, что у меня аж хвост затрясся мелким бесом!

И тут же, изнутри толщенного дерева, у которого мы трепались, раздался негромкий хрипловатый голос:

— Прошла Зяма. Регистрируете?

И кто-то там же, внутри дерева, но явно издалека ответил:

— Регистрируем. Продолжайте наблюдение.

— Видеокамеру включать?

— Нет. Каждый день одно и то же — прыжки и принюхивания. Только пленку зря тратим...

— Вас понял. Наблюдение продолжаю.

Толстое дерево заткнулось, а Сокс так спокойненько мне и говорит:

— Не пугайся. Мы нечаянно оказались рядом с одним из скрытых постов. А теперь познакомьтесь — это Кыся, мой новый друг, а это — Зяма, моя старая приятельница...

— Привет, Ребята! — сказала Зяма и сразу улеглась перед нами в жутко соблазнительной позе. — А я вас только что по телевизору видела!..

И рассказывает нам, как всего сорок минут тому назад она, Зяма, села вместе со своими Хозяевами перед телевизором посмотреть вечерние известия (Зяму почему-то очень интересовало положение в Камбодже...), и чуть ли не по всем каналам «Континентел Кэблвижен» показывали нашу драку с теми двумя Псами-идиотами! Причем комментарии на каждом канале были крайне разноречивы.

Начиная с того, что, дескать, это мы с Соксом сами заманили двух несчастных скотчтерьеров на территорию Белого Дома и там при попустительстве Президентской охраны изгрызли бездняжек чуть не до белых и чистых костей!..

Была версия об Арабско-Собачьих террористах, специально подосланных одной экстремистской организацией для нападения на члена семьи президента Клинтона — Первого Кота Америки Сокса, которого мужественно и самоотверженно защищал вывезенный из Бразильских тропических лесов Южной Америки, с самых верховьев Амазонки, свирепый огромный дикий Кот, питающийся исключительно только Собаками, который и решил исход схватки!..

Были и опровержения. Сообщалось, что Соксу помогал биться с Собаками-налетчиками какой-то Новый Русский Кот, прибывший в Америку вместе с депутатами Российской Государственной Думы на завтрашний деловой Президентский прием в Белом Доме.

Президент Соединенных Штатов Америки Билл Клинтон уже в который раз попытается свести нос к носу представителей парламента России с представителями крупнейших деловых кругов Америки для возможных последующих американских инвестиций в умирающую русскую промышленность, науку и экологию.

Посол России в Соединенных Штатах из своей резиденции в Вашингтоне подтвердил пребывание в Америке группы депутатов Российской Думы, но официально заявил Госдепартаменту США, что про какого-то там мифического Нового Русского Кота ему ничего не известно. Однако он склонен подозревать, что эта дезинформация — дело рук большой группы еврейских эмигрантов из России, недовольных новой политикой администрации Президента Клинтона, предполагающей значительное сокращение социальной помощи вновь прибывающим в Америку на постоянное местожительство.

Ну, и так далее... Короче — абсолютная херня Собачья, не имеющая никакого отношения к истинному положению вещей. О чем мы тут же и рассказали Зяме...

Только одна телестанция — Си эН эН сообщила, что Кот, Кыся-Мартын Плоткин фон Тифенбах, так же, как и Первый Кот Америки Сокс, сейчас находится в лазарете Белого Дома

и, судя по заключению профессора Джорджтаунского университета, известнейшего в Америке Котоведа мистера Эмилио Розенблат-Хуареца, проводившего последний консилиум, Коты чувствуют себя удовлетворительно и уже через сутки смогут вернуться к своим обязанностям.

К каким «обязанностям», Котовед не сказал.

Наверное, у Си энН энН были свои источники информации в Белом Доме...

Тем не менее я слегка успокоился. Я подумал, что, если Рут и Тимурчик хоть одну такую передачу смотрели и слушали, они уже могут за меня не беспокоиться. А уж если представить себе, что и Шура в это время смотрел телевизор (но об этом можно только мечтать!..), то любая из этих дурацких передач только лишь поможет нам найти друг друга!..

Насчет же того, что мы лишь через сутки сможем вернуться к «своим обязанностям», — тут Котовед Эмилио явно меня недооценивал. Я уже сейчас, несмотря на свою заднюю колченогость, готов был приступить к этим обязанностям и оттряхать рыжую Зяму за милую душу и по первое число!

Единственное, что меня сдерживало, — это сознание того, что Зяма какая ни есть, но все-таки подруга Сокса...

А нагло «переклеивать» Кошку у приятеля я считаю последним делом.

Зяма же, стерва, глаз не отрывала от моего «хозяйства» и все время пыталась кончиком своего хвоста коснуться моей промежности. Ей это было очень удобно делать: я сидел как раз напротив нее, да еще из-за больной задней лапы враскорячку, так что доступ к моим «достоинствам», которых бедняга Сокс лишился еще в раннем детстве, для Зямы был более чем открыт.

Да к тому же и Сокс смотрел на все эти блядские Зямины заезды с таким, я бы сказал, «напряженным равнодушием». Кто попробует мне возразить, что, дескать, напряженного равнодушия не бывает, отвечу: бывает! Это когда ты делаешь вид, что тебе все до лампочки, а на самом деле в душе... Понятно?

Вот когда я перехватил этот взгляд Сокса, с показным равнодушием наблюдавшего за тем, как Зяма лезет мне концом своего хвоста между задних моих лап, в голову мне пришла шальная и, наверное, невыполнимая идея!!!

Однако, как говорил Водила, чем черт не шутит, когда Бог спит, и не Боги горшки обжигают!..

Я лично и понятия не имею, что все это значит, но знаю, что Водила говорил это именно тогда, когда брался решать задачу, казавшуюся на первый взгляд невыполнимой.

Вот я и подумал, — а не научить ли мне Сокса нормально трахаться и постоянно ХОТЕТЬ Кошек, несмотря на его официальную КАСТРАЦИЮ?!.. Не распахнуть ли мне перед ним широкое окно в НАСТОЯЩУЮ ЖИЗНЬ?!!

Ну, так не будет у него Котят... Велика беда! Захочет, возьмет любого с улицы на воспитание. А Челси и Ларри Браун ему помогут.

Взяла же Рут Истлейк Тимурчика! И не с улицы, а из далекой России. Из детской тюремной колонии, где Тимурчик пребывал не за переход улицы по красному светофору, а за убийство хоть и отвратительного, но живого Человека... А теперь — есть ли лучшая семья в Америке, чем сын и мать Истлейк?! Хренушки вам! Нету.

Отвлекся малость. Это со мной бывает. Заносит на личное...

— Сокс, — говорю я таким тихим и вкрадчивым голосом. — Посмотри на Зяму... Как она лежит, как дышит... Видишь?

— Ну, вижу, — говорит Сокс. — И что?

— Неужели тебе не хотелось бы приласкать ее?.. Или чтобы она тебя приласкала?..

— Я уже ласкал ее, — говорит Сокс.

— Как?!.. — поразился я.

— Нюхал, — говорит Сокс.

Тьфу ты, пропади ты пропадом! Тоже мне ласки... Раздолбай Президентский! Хоть бы у своего Хозяина поучился!..

Но ничего такого, конечно, вслух не сказал, а только сказал, чтобы не спугнуть, так ласково, мягонько:

— Молодец, Соксик... Очень, очень неплохо!.. А где ты ее нюхал?

— Как «где»? — удивился Сокс. — Сверху. Вот здесь — между ушей. Снаружи...

— Замечательно! — говорю. — Ну, просто прелесть!.. А теперь тебе не хотелось бы попробовать Зяму изнутри, а не снаружи?

— Что же, мне ей операцию делать? Как это «изнутри»?..

«Ну, все... — думаю. — Терпение у меня кончается!.. Сейчас я сам шпокну эту чертову Зяму, начищу рыло Соксу, если будет возникать, и уйду искать Конгресс!.. На хрен я сюда приехал?!.. Что, у меня дел нету больше, как учить трахаться КА-СТРАТОВ?!»

Но, опять-таки, слава Богу, хватило ума и силы воли сдержаться. Даже голоса не повысил, а еще вкрадчивее говорю:

— Вот ты, Соксик, рассказывал мне, как ваша секретная служба горничных трахает или как тут под кустами совокупаются... Ты помнишь, КАК они это делали?

— Конечно помню. Или лежа: он на ней или она на нем... Или еще сзади: она в наклоне...

— Стоп! — говорю. — Что и требовалось тебе доказать... Так вот, Соксинька, для нас с тобой лучший вариант — второй вариант. Сзади, дружочек ты мой, сзади!..

— Как это? — туповато спрашивает Сокс.

— «Как», «как»!.. — вдруг нервно говорит Зяма и становится в классическую Кошачью позу носом к земле, задница — вверх, хвост — в сторону, ноги — врасстырку. — Давай-ка, Кыся, или как там тебя... Покажем Соксу, как это нужно делать!

У меня от желания чуть глаза на лоб не лезут! Член — аж звенит! Яйцами — хоть в теннис играй!.. Говорю из последних сил, чудовищным, фальшивым, дрожащим голосом:

— Ну зачем же это буду делать я, когда Соксик и сам прекрасно сможет с этим справиться. Да к тому же я и на костыле...

Вижу, Сокс пододвигается к нам поближе и начинает проявлять интерес, правда, пока еще только к технической стороне дела.

— Не уверен, что мне это так уж нужно. Во всяком случае, никаких желаний я пока не испытываю... — говорит Сокс, но уже тоже с фальшивенькими интонациями.

— Зяма! — говорю я. — Зямочка, солнце мое! А почему ты ждешь, когда Сокс проявит к тебе сексуальный интерес? Почему бы тебе не взять инициативу в свои лапы?..

— А хули толку? — вдруг грубо отвечает мне Зяма. — Я уж и так пробовала, и этак... Полгода мучаюсь!

— А скажи мне, Зямочка, — говорю я еще ласковее. — А ты не можешь припомнить — КАК ТЫ ЕЩЕ НЕ ПРОБОВАЛА?

Смотрю на Сокса — ну, просто персонаж из мультипликации!.. Глаз перевязан, пасть от удивления раскрыта во всю ширь, но уже дышит, как нужно!..

Мамочки мои! Да неужели — «лед тронулся, господа присяжные заседатели?!» — как цитировал кого-то Шурик Плоткин.

— Ты что имеешь в виду? — спрашивает меня Зяма. — **ОРАЛЬНЫЙ СЕКС**, что ли?

Я так и сел на хвост! Ни хрена себе! Неужто я наконец увижу этот таинственный, наверно, чисто американский способ, о котором я впервые услышал от того еврейского Собака — Арни из Брайтона. И про который Рут наотрез отказалась разговаривать со мной, предложив дожидаться Шуру Плоткина для обсуждения с ним ЭТОЙ ТЕМЫ.

— Да, да... — говорю я поспешно Зяме. — Именно ЭТО я и имел в виду!

— Ну что же... Давай, попробую, — говорит Зяма, а в голосе — полнейшая безнадега, просто плакать хочется.

Зяма по-хозяйски опрокидывает Сокса на спину, раздвигает ему задние лапы, отшвыривает в сторону Соксовский хвост и начинает своим маленьким розовым язычком вроде бы прилизывать ему ТАМ шерстку.

А потом открывает пошире рот, убирает клыки и...

Елки-палки!!! И это они называют «ОРАЛЬНЫЙ СЕКС»?!!

И ЭТО они считают своим «американским способом»?!..

Да, как говорил мой друг Водила, — мне с них смешно!

Это же обыкновеннейший... Ну, как его?!! Тьфу, черт... Со всем из головы выскочило... Слегка по-французски звучит. Ладно, потом вспомню. Так вот этот **ОРАЛЬНЫЙ**, как они называют, СЕКС мне сотни Кошек на нашем пустыре в Питере делали!...

Тоже мне — открытие.

Не скрою и не буду лицемерить — приятно. Заводит жутко. Но старо, как мир!

У нас в России делают это не хуже и не менее квалифицированно, чем делает ЭТО сейчас Зяма.

— Эй, ты!.. Как тебя там... Кыся! Погляди-ка, вроде бы пошло дело, а?... — невнятно так, с плохой дикцией по причине занятости рта говорит мне Зяма.

Я гляжу — батюшки! — да, оказывается, Соксу любой средне-американский Кот может позавидовать!.. Размерчик — я тебе дам! Стоит, как телеграфный столб, будто у него не вырезали два яйца, а наоборот — пришили четыре... И вообще, Сокс уже так раздухарился, что начинает стонать, вскрикивать, хрюкать, лапами дергать! Я тоже так вдруг за него завелся, что стал, непонятно почему, ни с того ни с сего кричать:

— Шай-бу! Шай-бу!.. Мо-ло-дец! Мо-ло-дец!..

Тут Зяма — все-таки опытная, стерва! умница в ЭТОМ деле! блеск! — аккуратноенько так выпускает ТУ часть Сокса из своей пасти и мгновенно становится в классическую позу. Но уже задом не ко мне, а к Соксу!..

Я только успел крикнуть:

— Не торопись, Сокс!.. Помедленнее, врасстяжку, старик! Не спеши!.. — как Сокс, ни хрена не дослушав меня, таким Орлом-стервятником взлетает на Зяму, вонзается в нее — куда надо и чем надо, — тем самым, которым он с Котенкиных времен всего лишь писал и не помышлял о чем-либо другом, и начинает работать, как паровая машина Джеймса Уатта, про которую мне рассказывал Капитан «Академика Абрама Ф. Иоффе» Александр-Иванович-Кэп-Мастер.

Тут уж и Зяма завывала от восторга!

А толщенное дерево, оно же секретный пост охраны, прямо-таки вспухло от криков изнутри:

— Внимание! Внимание!!! Всем постам!.. Включил видеокамеру, врубайте все мониторы!!! Скорее!.. СОКС Е... ЗЯМУ! СОКС Е... ЗЯМУ!!! По-настоящему Е... Зяму!..

— Не может быть!..

— Вы ошибаетесь... Проверьте свой инфракрасный прибор ночного видения!!! Он у вас барахлит!..

— Да клянусь вам!..

— Тебе просто чудится... Сокс — кастрат!

— А может, это не Сокс?..

И обиженный голос изнутри толстого дерева:

— Да что ж, я Сокса в лицо не знаю?!..

— Точно, парни! Сокс!..

— Смотрите, смотрите!!!

И все это в абсолютной темноте, при полнейшем БЕЗЛЮДЬЕ, а тут еще ритмичный хрип Сокса, вой Зямы...

Я сижу — балдею! Честно говоря, балдею от счастья. От счастья за Сокса!.. Ну и конечно, некоторым образом во мне шевелится и растет ГОРДОСТЬ ТВОРЦА! Так сказать, СОЗДАТЕЛЯ этого маленького биологического ШЕДЕВРА!..

Да почему, черт вас всех поберет, — «маленького»?!

Ведь то, что я совершил с Соксом, с детства кастрированным Котом, то, что я ВДОХНУЛ в него совершенно новую, неведомую ему доселе, прекрасную сторону ЖИЗНИ, разве можно назвать «маленьким ШЕДЕВРОМ»?...

Нет, господа хорошие, леди и джентльмены! ТО, ЧТО СДЕЛАЛ Я, — ЭТО ОГРОМНОЕ ПОЛОТНО, РАВНЫХ КОТОРОМУ В МИРЕ ПРОСТО НЕТУ!!! И к чертям Собачьим эту нашу вечную, российскую, показную скромность!.. ШЕДЕВР — ОН И ЕСТЬ ШЕДЕВР.

Тут Сокс ка-а-ак заорет благим матом на все восемнадцать и семь десятых акров территории Белого Дома, как кончил он в эту Зяму — ее чуть не разорвало! Надо же было так долго хранить в себе такой запас... Котят на тридцать — не меньше!

А вокруг ка-а-к вспыхнут все прожектора, все лампы, все специальное освещение, ка-а-ак помчатся со всех сторон к нам Мужики — туча! И все с оружием, с камерами, с пушками, стреляющими сетками, еще черт знает с чем, а впереди всех, как жеребец, скачет Ларри Браун с таким коротким автоматом в руке и орет на всю округу: и по-Шелдрейсовски, и по-Животному, и по-Человечески:

— Держитесь, ребятки!!! Я здесь!..

Картинка, я вам скажу, маслом! Светло, как в яркий солнечный день, вокруг нас — куча вооруженных до зубов Мужиков, валяется затраханная в доску Зяма, Сокс обнимает меня передними лапами за шею, висит у меня на груди, рыдает от счастья и приговаривает сквозь судорожные всхлипывания:

— Кыся-а-а... Дорогой!.. Мартыничик-и-ик... Мистер Плоткин!.. Век не забуду... Что хочешь?.. Что хочешь!.. Все сделаю... Боже, что ты мне подарил?!.. Боже мой, что я благодаря тебе обрел?!.. Новая, новая, новая ЖИЗНЬ! Ну, держись Вашингтон! Трепещи Кошачья Америка!..

Слава Господу, Челси уже спала мертвым сном, вымотанная вечерней тренировкой (она играет в женской школьной

футбольной команде — стоит на воротах) и посиделками в кафе, где она, оторвавшись от шести дюжих охранников, слопала вместе с подружками «нерекомендованный», но обожаемый ею огромный шоколадный торт.

Поэтому в обстановке строжайшей секретности от Челси, мы — узким Президентским кругом: Билли, Хиллари, Бело-Домский ветеринар, Начальник секретной службы всего Белого Дома (меня просили не называть его имя!..), естественно, Ларри Браун в качестве переводчика с Шелдрейсовского и Первого ответственного лица за Сокса, сам Сокс и Я — на большом экране в темном зале просматривали видеопленку, записанную при помощи приборов ночного видения.

В зеленоватом искристом свете этих приборов ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ Сокса было запечатлено во всех потрясающе возбуждающих подробностях!

Храни меня Бог, я ничего не хочу сказать плохого про Президентскую чету! Наоборот, лично мне это как раз ужасно понравилось!.. Но, глядя на экран, всматриваясь в детали МОЕЙ ПОБЕДЫ над КАСТРАЦИЕЙ Сокса, несколько лет назад лишившей Сокса ЛУЧШЕЙ стороны ЖИЗНИ, Билл и Хиллари Клинтон сами так завелись, что, может, никто другой этого и не заметил в темноте, но нам с Соксом очень хорошо было видно, как Билли аккуратненько запустил лапу... то есть руку под юбку своей жены Хиллари...

А та, с трудом сдерживая прерывистое дыхание, стала осторожно гладить мужа где-то в районе ширинки!..

— Нет! Это — невероятно!.. — все время нервно повторял Клинтон, глядя на экран и во всю шуруя под юбкой у собственной жены.

— Да, да... Просто — фантастика!.. — напряженно вторила ему Хиллари.

— Может быть, ему тогда не все вырезали?.. — предположил Клинтон.

— Все, мистер Президент! Все!.. — в отчаянии вскричал ветеринар, уже находясь в полуобморочном состоянии.

— Нет, такое тянет на Нобелевскую премию!.. — Хиллари Клинтон проговорила это слабым голосом и сладострастно прикрыла глаза.

А я на экране видел все недостатки ПЕРВОГО, далеко не совершенного, излишне поспешного, но абсолютно естест-

венного для ПРЕМЬЕРЫ, поведения Сокса по время его ТРАХА.

Видел себя, сидящего на хвосте, далеко и некрасиво отставившего в сторону раненую заднюю лапу, и в увлечении процессом размахивающего передними лапами, словно дирижер духового оркестра!

Видел блистательную профессиональную Зяму, которую по праву следовало бы считать, в какой-то степени, соавтором МОЕГО эксперимента. И все время помнил, что Зяма обещала мне завтра вечером привести свою приятельницу по имени Жужа, которая по технике секса заткнет за пояс всех Кошек, когда-либо бывавших подо мной!

Конечно, я с удовольствием трахну эту Жужу, но когда меня заранее предупреждают о какой-то «невероятной» технике секса и о том, какой «половой рай» меня ожидает, я сразу же вспоминаю мюнхенско-киевскую Кошку Цию, которая распускала о себе слухи-завлекухи, что она, дескать, даже Тигра может затрахать до смерти. А на проверку оказалась — обычная провинциальная любительская суетня, вскрики не вовремя, закатывания глаз не тогда, когда нужно, и постоянные трусливые мольбы: «Только не в меня!.. Только не в меня!..»

Наконец эта наша порнуха на Президентском экране кончилась, Клинтон еле успел выдернуть руку из-под юбки жены, Хиллари с трудом отстранилась от мистера Президента, и свет в зале зажегся.

И вот тут, надо сказать, Сокс повел себя как истинный джентльмен! Он прошел к экрану, сел к нему спиной, а своей перевязанной мордой ко всем, сидящим в креслах. И через Ларри Брауна попросил минуточку внимания.

Ларри перевел на Человеческий, и Сокс сказал:

— Все, что вы все сейчас видели на экране, произошло только лишь благодаря моему новому и лучшему другу Кысе! Не побоюсь высокопарности — Великому Русскому Коту мистеру Кысе-Мартыну Плоткину фон Тифенбаху! Выйди сюда, Кыся. Сядь со мною рядом. Пусть все на тебя внимательно посмотрят...

Я вышел и сел рядом с Соксом.

Сокс коротко поведал мою историю: и про то, что я ищу Шуру, и про Тимурчика, и про Рут, и как я вообще здесь оказался...

Бедный Ларри Браун совсем запарился переводить Сокса на общеЧеловеческий английский, стал сбиваться и упускать важные, с моей точки зрения, детали в переводе.

А я смотрел во все глаза на Билли и Хиллари и чувствовал, что могу войти с ними в КОНТАКТ по-Шелдрейсу в любую секунду! Так они оба были тренированы на НУЖНЫЕ КОНТАКТЫ. Впрочем, как и все тут в Белом Доме. И секретный начальник, и Кошачий доктор...

Уж если на то пошло, я уже оказал им неоценимую услугу, я добился для них прощения у Сокса и вернул им его любовь и привязанность! Достаточно было посмотреть, как Сокс, проходя к экрану, искренне потерялся о брючину Президента и трогательно лизнул руку Первой Леди Америки. Ни на йоту не фальшивя, как прежде!

А потом, чем черт не шутит, может быть, это окажется полезным и для моего Шуры, и для Рут, и для Тимурчика Истлейк?..

Поэтому я очень вежливо попросил Ларри заткнуться и отдохнуть, внимательно уставился на Билли и Хиллари и медленно, раздельно произнес по-Шелдрейсовски:

— Мистер Президент! Миссис Клинтон! Пожалуйста, не пугайтесь. Это говорю с вами я — Мартын-Кыся Плоткин. И если вы оба ЗАХОТИТЕ меня понять, то дело — в шляпе... То есть все будет в порядке!

— Что-о-о?! — Клинтон даже подпрыгнул в кресле.

— Ой!.. — совсем по-домашнему ойкнула Хиллари.

А Начальник секретной службы всего Белого Дома молниеносно сунул руку под пиджак — видать, за пистолетом, но Ларри вовремя повис у него на руке.

Ветеринар покачнулся и стал сползать по стене на пол...

Я видел, что все они поняли каждое мое слово! Просто ужасно растерялись и не знали, как им нужно на это реагировать. Тогда я решил действовать попроще и напрямую, без всяких там «мистер Президент»:

— Билли! Хиллари!.. Ребята! — сказал я. — Вы же нормальные, здравомыслящие Люди! То, что вы сумели остаться в Белом Доме на второй срок, лишний раз доказывает, что вы Люди ТАЛАНТЛИВЫЕ!

Тут я припомнил любимый постулат своего Шуры и сказал:

— А ТАЛАНТ — это АНОМАЛИЯ! Раз Человек или Кот талантлив в чем-то одном, значит, он талантлив и во всем остальном. Он может просто этого не знать. Но уж если попробует... Вот и вы, попробуйте-ка, ребятки, понять меня. Но самое главное — и ответить!.. Давайте на счет «три», о'кей? Раз, два...

«Три» я даже не успел произнести!

— Боже мой... Мартин!.. — первой сказала Хиллари по-Шелдрейсовски. — Неужели то, что происходит сейчас, возможно?..

— Еще как!!! — в восторге вскричал Сокс.

А Ларри смахнул непрошеную слезинку...

Билл Клинтон — Вторократный Президент Соединенных Штатов Америки, политический рыцарь без страха и упрека, «ходок», любимец голливудских звезд, Глава огромного Государства, Человек, играющий на саксофоне, — заикаясь, робея и все еще не веря в происходящее, запинаясь, произнес по-Шелдрейсовски фразу, которую я много раз слышал от простого русского шоферюги, моего близкого друга Водилы:

— Ну, Кыся... Ты даешь!..

Разошлись мы лишь часам к трем ночи...

Справедливости ради, следует отметить, что Ларри Брауна и ветеринара Клинтон отпустил еще в первом часу, — ни в том ни в другом нужды уже не было. Начальника же всей секретной службы Белого Дома Президент попросил остаться.

После чего мы перешли из зрительного зала в Овальный кабинет Президента. С кухни нам притащили туда какую-то легкую закуску, и мы продолжали трепотню...

Овальный кабинет мне безумно понравился! По бокам письменного стола — флаги, роскошные напольные высоченные часы, два светлых удобных дивана, на одном из которых сидел я и валялся Сокс, а на втором устроились Клинтон.

Начальник всего секретного уселся в глубокое кресло у стены и время от времени то включал маленький диктофон, то останавливал. У Шуры был почти точно такой же!.. Но иногда Начальник чего-то записывал и в блокнотик. Это когда ему Билли приказывал...

Трепотня тоже была, прямо скажем, не общей. В основном Клинтон задавали мне вопросы, а я старался максимально толково на них отвечать.

Когда зашел разговор о возможном издании книги Шурика в Америке, Президент поморщился словно от зубной боли:

— Есть, есть у меня парочка знакомых солидных издателей... — сказал он. — Но и вы, парни, тоже должны попытаться понять сегодняшнюю ситуацию. Тут два аспекта: в Америке деловые круги и Люди вообще значительно меньше зависят от Правительства, чем в России. Я, конечно, могу попросить кого-то из своих приятелей помочь твоему Шуре издать его книгу здесь. Но ты учти, **МНЕ МОГУТ И ОТКАЗАТЬ!..** И я такие щелчки по носу получаю довольно часто. Это — первое. Второе: как ни прискорбно мне это говорить тебе, Кыся, русскому Коту, но мода на все «русское», которая в начале вашей Перестройки (это слово Клинтон забавно произнес по-русски...) буквально захлестнула весь мир, сегодня канула в Лету!.. Все «русское» перестало быть интересным и притягательным лишь потому, что Россия скомпрометировала себя массой бесполезных и неприглядных факторов... Финансовый обвал, рухнувшая промышленность, мертвая наука... А главное, конечно, — внутренние войны и сотни тысяч погибших внутри своей собственной страны!..

— Билли! Ты репетируешь завтрашнюю речь перед русскими депутатами? — спросила Хиллари.

— Нет, детка. Я просто пытаюсь заранее объяснить возможную неудачу с изданием в Америке книги мистера Плоткина.

— Тогда, джентльмены, если вы мне позволите, я возьму это на себя. Лишь бы книжка оказалась пристойной. О'кей, Мартин?

Я мог только лапами развести, а развалившийся рядом со мной Сокс пихнул меня в бок, дескать, «уж если Хиллари за что-нибудь берется!..»

Рассказал я и о необходимости разыскать здесь одного Конгрессмена, который был последним, кто слышал голос Шуры... Рассказал я и жуткую историю бывшего русского мальчика Тимура Зайцева, ныне американского гражданина двенадцати лет Тима Истлейка... Историю его усыновления

полунегритянкой, сотрудницей Н.Й.П.Д. — Нью-Йорк Полис Департамент, — сержантом полиции Рут Истлейк, вдовой полицейского Фреда Истлейка... Все рассказал и про саму Рут, про ее жизнь с маленьким Тимом, про легкость ее характера, ироничность, превосходную способность к КОНТАКТУ, ну и само собой, какая это потрясающе красивая Женщина!..

На мгновение мне показалось, что все три Мужика, включая теперь сюда и Сокса, в этой части моего рассказа очень даже напряглись и сделали на Рут, как говорил Шура, «стойку»!..

— Мне Ларри Браун докладывал, что разговаривал с сержантом Истлейк по телефону, — впервые открыл рот Начальник всех секретов Белого Дома. — Он звонил ей перед самым выпуском вечерних телевизионных новостей, чтобы они там, в Нью-Йорке, не пугались за своего Кота...

— Очень хорошо и правильно, — чуточку раздраженно проговорила Хиллари Клинтон. — Но неплохо было бы еще и найти мистера Плоткина!..

Я понял, что при Хиллари говорить с Клинтоном о красивых Женщинах явно не рекомендуется! Что и подтвердил Сокс, снова незаметно пихнув меня задней лапой в бок.

— Ну ладно, братцы! — сказал Билли Клинтон. — Завтра предстоит нелегкий день. В первой половине у меня куча неотложных дел и встреч, а вечером у всех нас — Кыся, ты приглашен тоже! — прием депутатов Российской Государственной Думы. Поэтому всем нам неплохо бы выспаться. Но каждый труд, каждое благое деяние должно быть вознаграждено. Так вот, скажи мне, друг мой Кыся, чего бы ты больше всего хотел бы сейчас в жизни?..

Мне даже не пришлось задуматься! Я ответил мгновенно и четко:

— Больше всего в жизни мне хотелось бы сейчас разыскать Шуру Плоткина и сделать так, чтобы ему не пришлось бы проходить весь горько-традиционный путь эмигранта-новичка. Я посмотрелся на это в Германии и подозреваю, что Америка в этом не очень отличается от Европы...

— Верно... — сказал Клинтон и надолго замолчал.

А потом посмотрел на Начальника Секретной службы и нормальным Человеческим языком сказал ему:

— Давайте попробуем что-нибудь придумать.

И тот записал у себя в блокноте пару строчек.

— Билли, ты позволишь? — спросила Хиллари.

— Да, да, конечно, дорогая.

— Прости меня, пожалуйста, Мартин, если мой вопрос покажется тебе чересчур женским...

— Ради Бога, миссис Клинтон, — смутился я.

— Скажи мне, Мартин, какие два качества в себе ты считаешь наиболее... — Хиллари запнулась, стараясь подыскать максимально точное определение.

— Наиболее необходимые для меня самого? — помог ей я.

— Да! Да, да... Очень точно!

Вот тут я задумался...

Отличных качеств у меня было — пруд пруди! Хоть отбавляй!.. Без липовой скромности я мог бы назвать их десятки. Но тут нужны были только два, к сожалению.

— Ну, что ж... — сказал я, и мне самому это показалось наиболее важным. — Первое: СВОИХ НЕ ЗАКЛАДЫВАЮТ, ЧЕМ БЫ ЭТО ТЕБЕ НИ ГРОЗИЛО!.. И второе: у меня очень высоко развито ощущение ЛЖИ, от кого бы она ни исходила. Тут я просто само совершенство! Этим я владею шикарно!

— Тогда завтра, во время приема, я попрошу тебя не отходить от меня ни на шаг! — быстро проговорил Клинтон, но тут же спохватился: — Хотя первое твое качество — «СВОИХ НЕ ЗАКЛАДЫВАЮТ...» войдет в противоречие со вторым, и я просто боюсь за твое здоровье...

— Не волнуйтесь, мистер Президент, — сказал я. — Это я еще завтра посмотрю, кто там «СВОЙ», а кто и не очень.

И мы разошлись спать.

Было ровно три часа ночи.

И снится мне, что я почему-то в... Испании!..

Я про Испанию слышал всего три раза в жизни: от Шуры — тот все мечтал когда-нибудь там побывать; от Фридриха фон Тифенбаха, который показывал мне очень красивый альбом с видами Испании и говорил, что умирать уедет в какую-то Андалузию, где есть город Кордоба, а в этом городе у Фридриха есть небольшая вилла. Купил ее лет двадцать тому назад, да все никак не соберется слетать туда... А еще про

Испанию я слышал от Капитана-Александра-Ивановича-Кэп-Мастера. Он вокруг нее плавал...

Так вот, значит, снится мне, что я в Испании.

И жарко ну просто ужасно! Дышать нечем, лапы вялые, голова в тумане... Бреду узенькими-узенькими кривыми улочками... И все домики белые-белые, и от этого на них очень трудно смотреть, — так все сверкает в глазах от солнца!..

Скрыться от жары и слепящего света можно только лишь в маленьких двориках — Фридрих называл их «патио». Они есть внутри каждого дома: с такими малюсенькими кукольными балкончиками, все в неведомых цветах, красоты невероятной! Но я стесняюсь туда заходить — чужое все-таки.

Иду, прижимаюсь к теневой стороне улочки, заглядываю во все эти дворики-«патио», один другого прекрасней: вымощены разноцветными гладенькими камушками типа осколков разбитых тарелок, — и если бы не жара, если бы можно было еще и дышать, то мне показалось бы, что я в настоящем раю!..

И вдруг в одном дворике, почти пустынном, только по стенам — неяркие ползучие цветы, вижу ШУРУ ПЛОТКИ-НА!!!

В незнакомой мне пижаме Шура ходит под ручку со странным невысоким бронзовым стариком. Не выкрашенным бронзовой краской, а из настоящей бронзы, металла. Старик — в бронзовой чалме, в бронзовом халате без воротника. Одной бронзовой рукой поддерживает Шуру под локоток, во второй руке — бронзовая книга. Бронза темная, не блестит — старая-старая!

Ходят они вокруг желтовато-серого квадратного каменного пьедестала, на котором стоит жутко неудобное, с моей точки зрения, каменное кресло. А вокруг пьедестала — квадратная клумбочка с коротенькими цветочками...

— Шурик!!! — кричу я. — Шурочка!.. Господи! Да как же ты здесь оказался?!!

Шура удивленно оглядывается, останавливает своего бронзового старика, видит меня и — без особого восторга, но так симпатично, говорит мне:

— Мартынчик!.. Как хорошо, что ты, наконец, отыскался. Познакомься, пожалуйста. Это сеньор Аарон Маймонидес, великий еврейско-испанский ученый, философ и врач. Ты не

смотри, что он такой бронзовый, он доктор Божьей милостью! Если бы не он, я бы... Ему знаешь сколько лет?

— Возраст-то явно пенсионный, — говорю.

— Глупенький ты мой Мартыничик, — так ласково говорит мне Шура. — Ему больше пятисот лет!

— Вот никогда не дал бы! — вежливо говорю я. — Как, ты сказал, его зовут?

— Аарон (через два «а») Маймонидес из еврейского квартала Худерия.

— У меня теперь тоже есть один знакомый Собак Арон. Только с одним «а». Тоже из еврейского квартала. Бруклин называется...

— Боже мой, Мартын! Ну как ты можешь сравнивать?!..

— А чего? — говорю. — Тоже вполне приличный старикан.

А этот Маймонидес на меня даже не смотрит. И ни словечка.

«Да наплевать мне на его стариковские причуды, — думаю. — Важно, что он Шурика вылечил!..»

Смотрю, старик начинает вскарабкаться на пьедестал, а Шура его подсаживает. А в старичке весу — как в двух автомобилях. Сплошная же бронза!..

Я давай Шуре помогать.

Но старик Маймонидес довольно ловко влез туда к себе в кресло, уселся там и застыл. Будто и не он только что ходил по дворику с Шурой под ручку.

Пока я паялся, как бронзовый Аарон застывал на своем пьедестале, Шура куда-то исчез!

Мечусь по дворику, выскакиваю на кривые Кордобские улочки, опять во дворик заглядываю — нету! Нету моего Шуры Плоткина!..

А жарища — несусветная, дышать нечем, лапы совсем отказываются служить, что-то на меня такое тяжелое наваливается... Неужто это Маймонидес валится на меня с пьедестала?!.. Чувствую — погибаю под этой тяжестью, задыхаюсь, теряю сознание...

А бронзовый Маймонидес сверху шепчет мне в ухо: «Зяма!.. Зямочка!..»

В последнем усилии, в уже угасающем сознании рванулся я было из-под этой дикой бронзовой тяжести...

...и проснулся!..

Никакого Аарона Маймонидеса.

Навалился на меня во сне этот засранец Сокс и в сонном состоянии лезет на меня, болван, как на КОШКУ! А я под ним задыхаюсь! Еле-еле из-под него выдрался, врезал ему пару раз по рылу, разбудил таким образом и говорю:

— Ты, половой психопат, маньяк сексуальный, террорист херов! Ты в своем уме?! Ты чего на меня взгромоздился? Какой я тебе «Зяма»?! Ну-ка, брысь в тот конец комнаты! И чтоб не приближался! А то не посмотрю, что ты Первый Кот Америки, накидаю пиздюлей, как Последнему Коту Сестрорецка! Завтра придет твоя Зяма, вот и будешь на нее напрыгивать... А пока — вали отсюда! Надо же, раздухарился, раздолбай... А я тоже хорош, naucил на свою голову!..

Утром у Сокса разбинтовали морду — ничего страшного. Опухоль малость спала, хотя глаз все еще оставался прищуренным, что придавало Соксу выражение постоянной и надменной ироничности, целиком соответствующей его положению.

Во всяком случае, если бы я был Первым Котом Америки — естественно, при условии, что Президентской парой были бы Шура и Рут, — то я ходил бы только с такой мордой!

У меня тоже сняли лангетку с задней левой лапы. Я, слава Богу, перестал нелепо выглядеть — Кот на костыле, — только чуть чуть еще прихрамывал...

Короче, обошлось. Мы пожрали чего-то ужасно вкусного и, как сказал доктор, очень полезного и ускоряющего процессы заживления. Даже молоко было с какими-то специальными целебными добавками!

К концу нашего завтрака примчалась Челси, внимательно осмотрела нас и сказала:

— Вы оба превосходно выглядите! Но у меня сегодня с утра ощущение, что вокруг вас витает какая-то тайна, которую знают все и все же скрывают ее именно от меня! Вы сами можете мне что-нибудь объяснить?

Я вовремя наступил передней лапой на хвост Сокса, потому что он уже разинул пасть, чтобы немедленно поведать Челси обо всех своих вчерашних половых подвигах.

Ему, дурачку, казалось, что раз они с Челси вместе выросли и одновременно взрослели, то Челси вправе знать обо всем, что он делал вчера ночью с Зямой!..

Он почему-то не учитывал, что при общем взрослении вместе с Челси, он, Сокс, из Котенка превратился в обычного черно-белого Кота без яиц, а Челси стала молоденькой шестнадцатилетней девушкой. А даже в шестнадцать лет девочкам совершенно не обязательно все знать про чью-то половуху.

Про себя — Бога ради! Про себя ты обязана знать какие-то элементарные вещи из этой области — ну, хотя бы из гигиенических соображений. Или чтобы не «влететь» раньше времени.

Но про Сокса ты можешь чего-то и не знать. Совершенно не обязательно Соксу посвящать Челси в свои сексуальные кувыркания с Зямой.

И вот странная штука: посторонние это прекрасно понимали и не расщеперивались перед дочкой Президента, чтобы сообщить ей подробности НАШЕЙ ПОБЕДЫ над половым бессилием Сокса. А свой, близкий, этого понимать не хочет! Он не соображает, что перед ним молоденькая девушка, которой не хрена слушать про все ЭТО. Придет время — наслушается, насмотрится, попробует. А сейчас еще рановато...

Короче, я стою лапой на конце хвоста Сокса, чтобы он чего-нибудь лишнего не ляпнул, и говорю Челси:

— Никакой тайны тут нет, Челси. Просто Сокс влюбился в Зяму.

— Тоже мне секрет! — рассмеялась Челси. — Эта Зяма крутится около Сокса уже полгода. Я, правда, не знаю, на что она рассчитывает...

Тут рассвирепевший Сокс вырывает у меня из-под лапы свой хвост и оскорбленным тоном заявляет Челси:

— Да будет тебе известно, дорогая моя, что сегодня ночью я...

Тут я поспешно наступаю снова на хвост Сокса, но уже с выпущенными когтями. И быстро говорю Челси, чтобы помешать беспардонному хвостовству Сокса:

— А сегодня ночью Зяма и Сокс признались друг другу в любви!

И еще глубже запускаю когти в хвост Сокса, чтобы он и не вякнул. Тут до него наконец доходит, о чем можно говорить

с молоденькими девушками, а о чем не следует, и сдавленным от боли голосом Сокс подтверждает:

— Да... Мартын говорит правду...

— Ладно, — сказала Челси. — В таком случае, Сокс, я тебя поздравляю! Привет Зяме... Но по-моему, ребята, вы оба что-то темните... До вечера!

— погоди, Челси, — говорю я. — Ты знаешь, кто такой Аарон Маймонидес?

Я думал, что у Челси глаза выпадут на пол!

— О, Боже!.. — еле вымолвила она. — Ты-то откуда про него знаешь?!..

— Он мне приснился, — честно сказал я.

— С ума сойти!.. — сказала Челси. — Моймонидес — это какой-то испанский врач и философ пятнадцатого века...

— Еврейско-испанский, — поправил ее я.

— Господи, Мартын! Ну какая разница — еврейский он или испанский?!.. Он же был ученый! Вот что главное... Чао! До вечера.

С тем и ушла.

А мы с Соксом сбегали в сад погадить, и я нечаянно наделал на какое-то сверхсекретное следящее устройство, спрятанное в траве под кустиком. Автоматически сработали еще какие-то защитные штуки, взвыла сирена... И получился жуткий шухер!

Эту мою промашку Сокс взял на себя, и нам даже не влегло! И мы пошли шататься на Белому Дому.

Не скрою, мне довольно быстро надоели все эти огромные залы, роскошная мебель, портреты каких-то типов в старинных костюмах... Хотя в то же время я несколько прибалдел от фантастического великолепия Красной гостиной с белым камином и потрясающими золотыми настольными лампами и золотыми гардинами! А от Овального зала с гигантским голубым ковром я просто пришел в восторг!

Этот стол с живыми цветами!.. Эти высоченные окна с роскошными портьерами, камин, вазы, мебелишка — будь здоров!..

Ну и конечно — Большой приемный зал! Это, я вам скажу, — картинка маслом... Потрясное зрелище!

Народищу шляется по Белому Дому — тучи! Один мужичок в серой кофте бегаёт по всем комнатам и залам — заводит часы! Вот такая у него работа. Второй — в черном смокинге, лакированных туфлях, с черной «бабочкой» — ковры пылесосит в залах... Какие-то типы с протокольными мордами в пиджачках и галстуках — кто с уоки-токи, кто с телефоном-«хенди» — шныряют по всем этажам, морды у всех серьезные, все такие деловые...

Кто-то кем-то распоряжается, кто-то кому-то подчиняется — кошмар! И все при деле.

Несмотря на довольно быструю потерю интереса к парадной части Белого Дома, я особенно не возникал. Я понимал, что Сокс показывает мне «свои» владения, и мне очень не хотелось его обижать.

Но, когда мы спустились в нижние этажи, в обслуживающий комплекс, тут у меня чуть «крыша не поехала»! Вот отсюда я бы никогда не вылезал! Здесь было так интересно — сдохнуть!..

Один склад посуды чего стоил!.. Сотни различных комплектов хрен знает на какое количество персон хранились в специальных огромных коробках. Каждый сервиз для определенного случая. И какая посуда — обалдеть! Невиданной красоты!

А прачечные с массой автоматических стиральных машин, с уймой различных химикатов на все случаи грязи и запачканности!.. И замечательная тетка-негритянка, которая всем тут заведовала.

Я вообще заметил, что в Белом Доме работает очень много негров. Их теперь в Америке стыдливо называют «афро-американцами», хотя к «афро» они имеют такое же отношение, как наши русские евреи к испанскому Маймонидесу...

А кухня Белого Дома?!!

Это же не кухня, это же черт знает что!.. Бывал я в больших кухнях разного общепита. И у нас в Питере, на проспекте Науки, в шашлычной у Сурена Гургеновича, я там даже недолго сотрудничал: делал вид, что отлавливаю Крыс... И в Германии, в Мюнхене, в Биргартене Английского парка, тоже кухня была — я тебе дам!..

Но такой кухни, как в Белом Доме, я никогда и нигде не видел! Ни конца ни края этой кухне, полк поваров, поварят

и поваришек — все в белом, запахи — умереть-уснуть, чистота феерическая, и при всем столпотворении народа, продуктов и кастрюль обстановка удивительно спокойная и доброжелательная. Каждый делает свое дело. Очень квалифицированно. Наверное, отсюда и спокойствие...

Было бы свинством не упомянуть, что в кухне нас сразу же покормили и свежей рыбкой, и вареными куриными потрошками, и чем-то неизвестным, но очень сладким...

Это у нас было вроде второго завтрака. Мы еле отвалились...

Кухня вообще вся на ушах стояла — готовилась к сегодняшнему приему русских Депутатов Государственной Думы.

Но самым забавным мне показалось, что все подвальные службы — склады, прачечные, кухонные отсеки, судомойки, ремонтные мастерские, подсобные помещения, душевые для obsługi — были разгорожены корабельными металлическими дверями с противоводными и противопожарными устройствами и запорами! Ну точь-в-точь как на нашем судне «Академик Абрам Ф. Иоффе».

Я сказал об этом Соксу, а тот добавил, что это не только против воды и огня, но и против возможного терроризма. И рассказал, что служба безопасности Президента иногда дает прессе описание, например, Президентского лимузина — дескать, его и пуля не берет, и взрывчатка! И про то, как во время движения лимузина с Президентом этот лимузин связан с сопровождающей вертолетной группой, а все агенты, охраняющие Президента, находятся в прямом контакте с летчиками!

Не делается тайны и из того, что перед ИНАГУРАЦИЕЙ (засранец Сокс даже не удосужился объяснить мне, что это такое!..) перед трибуной, с которой выступает вновь избранный Президент, ставится пуленепробиваемое стекло, а сам Президент стоит на огромной и тяжелой металлической плите, под которую невозможно подложить бомбу!..

— Если-палки! — говорю я Соксу. — Ты же сам мне втолковывал, что это секретные сведения! На кой ляд их журналистам выбалтывать?!

— А специально! — отвечает Сокс. — Чтобы отбить охоту к покушениям. Чтобы кому-нибудь не показалось, что Президента так уж легко и шлепнуть...

— И однако! — сказал я. — Мне еще в Нью-Йорке мой друг Тим Истлейк говорил, что недавно один мудака обстрелял-таки ваш Белый Дом!..

— А-а-а... Так это Франциско Дюран! — говорит Сокс. — Так ему же и дали за это тридцать лет тюрьмы!..

Затем он поднимает голову и — чтоб мне с места не сойти! — СМОТРИТ НА ЧАСЫ, ВИСЯЩИЕ НАД ДВЕРЬЮ, и говорит:

— Кыся! Уже пять минут третьего, а у нас же в два свиданка с Зямой и Жужей!!!

Я чуть в осадок не выпал... Вот где он меня сделал, как Котенка!..

— Сокс, е-мое! Ты чего, можешь время на часах узнавать?

— Запросто, — отвечает Сокс и мчится обратно.

— Ты куда? — кричу я ему вослед.

— Подожди меня здесь! — отвечает Сокс и убегает.

Сижу, жду. Возвращается Сокс — волочет здоровенный кусок вареного мяса с косточкой.

— Ты не лопнешь? — спрашиваю. — Только что пожрали...

— Это я Зяме с Жужей. Не с цветами же к ним идти! — отвечает Сокс, еще раз смотрит на часы и бежит к выходу в сад.

И вот эти часы не дают мне покоя! Обзавидовался я с головы до ног...

— Может, ты и читать умеешь? — спрашиваю я на бегу.

— Нет, с этим у меня плохо... Челси в детстве учила меня, учила, но... Видно, Бог не дал. Ты быстрее бежать можешь?

— Не видишь, хромаю?! — а самому так обидно, что я в часах ни хрена не петрю, хоть плачь!

— О, черт! Опаздываем же... Прибавь шагу! — ворчит Сокс и волочет это дарственное мясо.

Прибегаем в южную часть сада, к тому самому толстому дереву, которое говорит по ночам разными голосами, — сидят наши Киски! Зяма и еще одна тощенькая бежевенькая Кощечка.

Сокс так галантно кладет к их ногам мясной кус и пытается церемонно поклониться, как и положено интеллигентному Коту.

Но Зяма говорит ему:

— Да погоди ты! Всему свое время...

И они вдвоем с Бежевенькой начинают жрать мясо с быстротой электрической мясорубки «Мулинекс». У Тани Кох в Мюнхене такая была.

Мы и глазом моргнуть не успели, как от мяса осталась только тщательно отполированная косточка. Кошки облизнулись, наспех привели себя в порядок, и Зяма говорит нам:

— Привет, ребятишки! Это Жужа, моя приятельница. Мы только что от телевизора. Там передавали, что сегодня у вас в Белом Доме будет прием депутатов из России. Полагаю, вам тоже придется там присутствовать, а следовательно, времени у нас в обрез. Ну-с... Начнем, пожалуй!

И без дальнейших проволочек становится в классическую позу Кошки, предоставляющей себя Коту в полное его распоряжение!

Жужа смотрит на Зяму, уже готовую к употреблению, секунды три стеснительно переминается с лапы на лапу, а потом принимает позу Зямы и вопросительно смотрит на меня.

От такой деловитости я слегка ошалел и желание трахать у меня резко поубавилось.

Честно говоря, мне и сначала ЭТОГО не так уж хотелось, — голова была занята этим приснившимся мне Маймонидесом, и вообще каким-то предчувствием, что сегодня вечером должно что-то произойти такое, чего я пока объяснить не могу...

Гляжу на Сокса — он тоже малость подрастерялся. Хотя пипка у него — торчком, хвост — трубой, и ему жутко хотелось бы повторить вчерашнее!..

— Я думал, что мы сначала немного «поиграем»... — робко так говорит Сокс, не находя другого названия обычной нежно-сексуальной прелюдии.

— Нет, парни! Вы просто не в своем уме! — возмущенно говорит Зяма. — Нас как порядочных Кошек еле-еле отпустили на полчаса, а вы...

— Ну, хорошо, хорошо... — упавшим голосом соглашается Сокс.

Трахнули мы их, конечно...

Сокс под конец совсем распоясался — попросил у меня разрешения трахнуть еще и Жужу. Ему сейчас все было в новинку.

— Мне-то что? — говорю. — Валяй. Бог в помощь.

«Ни любви, ни тоски, ни жалости... Даже курского соловья...» — в таких случаях наизусть читал Шура. Хотя при чем здесь соловей, я до сих пор понять не могу!

Короче, от этой американской деловитости и спешки я не получил ни малейшего удовольствия. Цитирую киевско-мюнхенскую Кошку Цилю: «Как говорят в Одессе: чтоб — ДА, так — НЕТ!»

Тут еще этот испанский сон с Шурой и бронзовым Маймонидесом в башке, предчувствие чего-то на сегодняшнем вечере... Нужна мне была эта Жужа, как рыбе зонтик! Может, старею?..

А если это «сон в руку»? Мне Водила как-то объяснял про такую приметку, но я подробности подзабыл... Хорошо бы сейчас найти Ларри Брауна и попросить его соединить меня с Нью-Йорком — с Тимом и Рут. Может, у них там чего-нибудь проклюнулось?

Хоть бы нашли мне они этого Конгрессмена вечером! Вероятно, что он что-то знает про Шуру...

И бронзовый Маймонидес мне как-то в душу запал... Что бы все это значило?

А то трахаемся, как идиоты, с этими торопливыми вашингтонскими поблядушками, а дело, ради которого я и приехал сюда, на месте стоит.

— Все! — говорю Соксу. — Кончай любовь! Мне пора в Нью-Йорк звонить...

Сокс уже и сам рад смылиться. Он и Зяму, и Жужу после меня «употребил», как культурно выражаются агенты секретной службы Белого Дома, и сам только и ждет повода, чтобы распрощаться.

— Ну, ладно, девочки, — радостно так говорит Сокс. — Бай-бай! Будет время — заходите.

— Когда? — спрашивает деловая Зяма.

— Я же сказал — когда будет время, — уклончиво повторяет Сокс.

И я понял, что жизнь в Белом Доме научила его очень многому!

Отыскиали Ларри Брауна. Тот сразу на Сокса накинулся:

— Ты почему ошейник с утра не надел?! Я тебя ищу по всему Вашингтону!..

И напяливает на шею Сокса хорошенький ошейничек, этакий симпатичный символ сытого рабства. А Сокс и не возражает.

— На кой хрен ему ошейник?! — возмущился я. — Что он, Собака какая-нибудь?

— Ты, Кыся, не лезь в бутылку, — говорит мне Ларри. — Это не ошейник, а маленький радиопередатчик. Когда он на Соксе, я всегда знаю, где он. Не случилось ли с ним что-нибудь...

— Да, Кыся, — говорит Сокс. — Это очень удобно. В Калифорнии уже принят закон: с будущего года всем домашним Котам и Кошкам вживлять электронные чипы прямо в мозг. И по сигналу такого чипа Кота можно всегда разыскать. А если Кот сам потеряется, специальная служба полиции по этому чипу может узнать имя и адрес владельца этого Кота! Ну, как паспорт...

— Где, ты сказал, это будут делать с Котами? — переспросил я.

— В Калифорнии.

— Это где?

— На другой стороне Америки. Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Диего, Лас-Вегас...

— А в Нью-Йорке ничего не будут пихать Котам в голову?

— Пока нет.

— Тогда я пока в Нью-Йорке и останусь, — говорю.

На хрен мне, думаю, это барахло в башке?! Чтобы меня каждый мог вычислить? А если я один хочу побыть?.. Кому надо, того я предупрежу, где я... Пошли вы все со своей электроникой, знаете куда?!..

А Ларри все никак успокоиться не может:

— Вот где вы шлелись, блядуны несчастные?! Небось, Зяму с ее подружкой пользовали? Служба безопасности их еще в тринадцать часов сорок девять минут с Южной стороны Дома засекла! А пока вы там развлекались, Мартыну-Кысе из Нью-Йорка уже два раза звонили миссис Истлейк с сыном!

Тут у меня сердце как екнуло — чуть наружу не выпрыгнуло...

— Что?!! Нашли?! — завопил я не своим голосом.

— Ищут... Спрашивали, как твое здоровье и когда за тобой приехать.

— А-а...

Из меня будто дух выпустили. Я чуть не упал... Захотелось лечь, уснуть и не просыпаться, пока...

А потом подумал — ну уж дудки!!! А сегодняшний вечер, на котором что-то, но должно произойти?.. Это я кончиками усов даже чувствую... А Конгрессмен, который разговаривал с Шурой и звал в Вашингтон?!.. А Аарон Маймонидес?!..

Ой, мамочки... При чем тут этот Маймонидес-то?.. Чего же это он у меня из головы не выходит? Он же мне всего лишь приснился...

— Ладно, Ларри, — говорю. — Может, оно и неплохо, что они меня не застали. Сообщать им пока, честно говоря, нечего. Но у меня такое ощущение, что на приеме должно что-то произойти... Может быть, встречу того Конгрессмена, который разговаривал с Шурой последним, может, еще с кем-нибудь меня судьба сведет... Давай, свяжемся с Нью-Йорком после приема, а?

— Нет проблем! — говорит Ларри. — Как скажешь...

— Но прием закончится очень поздно — знаю по опыту, — вставил Сокс. — Удобно ли ночью своим звонком поднимать с постели Женщину и Ребенка?

— Во-первых, миссис Истлейк не ложится рано спать, а во-вторых, не знаю откуда, но у меня такое ощущение, что сегодняшний прием будет не похож на все ваши обычные приемы. Мне кажется, что он даже сможет закончиться раньше, чем намечено... — сказал я.

Откуда мне это причудилось — понятия не имею!

Одна подготовка к приему стоила того, чтобы рассказать о ней подробно.

Началось все с того, что на всех этажах, на переходах, на лестницах, во всех коридорах, по которым могли пройти Президент, Хиллари или Челси, были выставлены сотрудники Службы Безопасности. Подчеркиваю: не Секретной Службы, а Службы Безопасности, без всяких там костюмчиков, уютоки и топорщащихся от спрятанных пистолетов пиджаков...

Через каждые двадцать шагов (тут может обнаружиться неточность — у меня с цифрами дело хреново!) стояли черные и белые молодые крепкие ребята в белых рубашечках, черных галстучках и черных брючках. И никаких пиджачков! Стояли, заложив руки за спину, слегка расставив ноги, и смотрели прямо перед собой. Не застывшими памятниками, но и без лишнего трепыхания.

Это вовсе не означало, что агентов Секретной Службы не было совсем! Их было великое множество. Их я просто узнавал по оружейному запаху. Даже несколько официантов, которые накрывали большие круглые столы в Банкетном зале, и то пахивали пистолетами и радиостанциями.

Еще со времен своего плаванья на «Академике Абраме...» я заметил, что все уоки-токи, все радиостанции, все передатчики имеют свой, присущий только им, электронный запах.

Но даже если бы я вдруг потерял обоняние — сохрани меня Господь! — сотрудников Секретной Службы Белого Дома я бы все равно узнал, — да они и не таились! У каждого из них в одно ухо была вставлена такая малюсенькая штучка, от которой по шее за воротник рубашки шел тоненький провод. Это они так слушали друг друга. А бормотали в лацкан собственного пиджака! Как сказал бы Водила, «во, бля, техника...»

На мое счастье, рядом со мной был Сокс, который мне все объяснял и рассказывал. Причем с такой осведомленностью и гордостью, что можно было подумать, будто весь этот прием устраивается вообще только в его, Соксову, честь!

Тем не менее я был ему очень благодарен. Кое-что мне по Шелдрейсовски пояснял и Ларри Браун, который теперь неотступно следовал за нами. Кстати! От него тоже так перло оружием, словно его пистолет у меня прямо под носом привязали...

Очень строгий молодой человек, тоже с уоки-токи в руке, репетировал с жутким количеством журналистов. Указывал, кому где стоять и куда не лазать ни под каким видом!

Но это было почти бесполезное занятие: газетчиков, фотографов и телевизионщиков было такое количество, что на подмогу к молодому человеку прибежало сразу несколько помощников. Также с уоки-токи или со штучками в ушах и проводом на шее.

Журналисты орали, лезли чуть ли не на стены и отчаянно ругались с молодым человеком и со всеми его помощниками! Но победил все-таки молодой человек, пригрозив, что вышвырнет любого, кто ему еще хоть раз в чем-нибудь возразит!

И я понял, что в Белом Доме могут работать только очень решительные люди...

Рассмешила меня репетиция выхода Президента к гостям!

Президента изображал какой-то тоскливый тип. Он стоял перед закрытыми дверями в зал, а у его ног была положена на пол табличка со словом «Президент». Это мне Ларри прочитал. Рядом с типом стояла некрасивая перезрелая дама, а под ногами у нее, на такой же табличке, значилось: «Миссис Клинтон».

Я бы на месте Билла и Хиллари подобрал бы для таких репетиций более привлекательных дублеров. А то смех было смотреть на этих двух унылых типов...

Ну, а вокруг Президентской четы полукругом на полу лежали таблички с именами обязательной свиты Президента. Это мне Сокс сказал. И тут уже никаких дублеров! Каждый репетировал свою роль сам.

Руководили репетицией всего двое — очень высокий морской офицер в ужжжжасно белой форме и фуражке, тоже с уоки-токи, и очень маленькая, молоденькая, явно еврейского типа, носатая девушка в очках и с большим подносом. Да, и еще наушники у нее были на голове!

Репетиция с дублерами продолжалась недолго. Наверное, время уже подпирало, видать, гости должны были уже вот-вот прибыть, и пришли сам Билли Клинтон и Хиллари.

Они поблагодарили своих дублеров, приветственно помахали нам и встали на свои места.

И эта носатая и очкастая продолжила репетицию уже с настоящим Президентом! Мало того, она заставила Билла Клинтона тщательно выучить, что тому нужно было говорить при встрече!.. Эта нахалка просто пихнула ему в глаза то, что я принял за поднос, а это оказалась такая большая штука, на которой крупными буквами был напечатан текст Клинтона. И Президент послушно учил этот текст, а очкастая девица даже делала ему замечания и поправляла его!..

Я сразу же представил себе СУПЕРФАНТАСТИЧЕСКУЮ картинку: Кремль (я его по телевизору в Ленинграде наизусть выучил!), Георгиевский зал и маленькую еврейскую девушку с характерно большим носом и огромными очками, руководящую выходом Президента России! И страшно развеселился по этому поводу...

У выхода, спиной к Президенту, лицом вплотную к дверям, стояли два огромнейших морских пехотинца в жутко нелепых фуражках, обнажающих выбритые затылки ребят чуть ли не до макушки. И вообще, откуда-то появилась уйма военных... Причем и белых, и черных. В смысле, афро-американского происхождения, как теперь здесь говорят.

Я сообразил, что таким образом Белый Дом всему миру показывает свое демократическо-отрицательное отношение к какому-либо проявлению расизма. Наверное, отсюда же и эта умненькая носатая девица при Президенте...

Немножко наивно, но, я вам скажу, очень действенно и даже в чем-то симпатично! Уж во всяком случае, лучше, чем десятки фашистско-антисемитских газетенки, выпускающихся сегодня в России. Мне милиционер Митя показал парочку таких газет, кое-что прочитал оттуда, — у меня чуть хвост не отвалился от ужаса!

Потом начали прибывать гости — не наши депутаты, а американские, приглашенные Президентом на встречу с нашими.

Сокс, вот уж поистине придворный Кот, обнаружил такое блистательное знакомство с этими Людьми, что я только диву давался! Все знал — кто чем руководит, сколько получает... Причем каждый раз, называя сумму годового дохода того или иного Человека, Сокс косился на меня, пытаясь понять, какое впечатление это на меня произвело. Я хоть и не разбирался в этом, но просто своим Котовым нутром почуял — цифры были устрашающие! Ну, например...

— Смотри, смотри!.. — шептал мне Сокс. — Это сам Билл Гейтс!.. Король «Майкрософта»... Компьютерные программы. Личный доход восемнадцать миллиардов долларов в год!!! А это Нэд Джонсон, шеф пенсионного фонда... Ворочает капиталом в четыреста сорок два миллиарда долларов!.. А это Майк Айснер, глава компании «Диснея» — ну, мультики все у него, «Диснейленды»... Денег — куча! Гляди, Джек Смит!

С такой простецкой фамилией руководит «Дженерал моторс»! За последний год у него купили больше пяти миллионов автомобилей! Представляешь себе?!..

— Нет, — сказал я. — Не представляю.

— А вот пошла рыбка и поменьше, — ухмыльнулся Сокс. — Хотя зарабатывают они какие-то фантастические деньги!.. Вон, видишь, Милард Дрексел, директор-распорядитель корпорации «Геп». В год огребает сто четыре миллиона! Лоуренс Кос из «Грин Три Файненшел» — сто два миллиона в год... Ничего жалованьице?!.. Эндрю Гроув — корпорация «Интел». Девяносто семь миллионов... Сэнфорд Уэйлл — «Тревелерс групп»! Девяносто один миллион личного дохода... Стив Хиллерт из «Конэско» — пятьдесят один миллион... Президент «Сити-бенка» Джон Рид — сорок шесть миллионов... Ну, и совсем бедненький — президент компании «Ю. Эс. Роботикс» — всего тридцать три миллиона долларов... Это если разделить на триста шестьдесят пять дней в году, получается девяносто тысяч с хвостиком в день бедняжке!..

— Ты и считать умеешь?!.. — поразился я.

— Нет, — смущенно, но честно ответил Сокс. — Это при мне как-то в кухне повара подсчитывали, я и запомнил. Но все равно, согласись, такие цифры производят впечатление, да?

— Не-а, — сказал я. — Может быть, потому, что я не умею считать, а может, потому, что мы с Шурой как-то никогда не обращали внимания на чужие заработки, а думали только о том, как бы дотянуть до следующего гонорара. Мне эти миллиарды и миллионы как-то, прости меня, Сокс, до фонаря...

— До чего? — не понял меня Сокс.

— Ну, до лампочки... Короче, наплевать мне на это! — разозлился я. — Это ты можешь понять?

И снова Сокс сразил меня своей американской прямолинейной честностью!

— Нет, — сказал он. — Я не в силах понять, как можно плевать на миллиарды долларов!..

И чувствую, Сокс на меня обиделся...

А из соседнего зала звучит такая тихая и очень красивая музыка.

Я вовсе не раскаивался, что напрямую сказал Соксу, как я отношусь ко всему тому, что он считал невероятно важным. Это в смысле чужих денег... Но мне просто захотелось как-то исправить ему настроение. При всех своих заморочках он все-таки очень культурный и, не побоюсь этого слова, порядочный Кот. Другой бы на его месте такое выкомаривал — не приведи Господь! А этот — ей-богу — симпатяга!

— Сокс! — говорю. — Браток! Айда в соседний зальчик. Послушаем музычку... А то я на этом мраморе уже всю жопу отсидел!

В Большом зале, где собирались гости, полы были выложены светло-серыми и темно-серыми мраморными квадратами.

— Ну, хорошо... — нехотя согласился Сокс. — Пойдем.

Но тут же вдруг встрепенулся, оживился и давай мне нашептывать на ухо и лапой показывать:

— Смотри, смотри! Стивен Спилберг!.. Барбара Стрейзанд!.. Ричард Гир!!! Обалдеть!..

— Что? — спрашиваю. — Опять — миллионы и миллиарды?

— Да нет же! Это же голливудские звезды!.. Ты кино смотришь?

— Смотрю, — говорю. — По телевизору.

Вглядываюсь в седоватого парня с такими близко посаженными глазами и вспоминаю, что его рожу я уже в каком-то кино видел. И вот эту Барбару тоже...

— Этих двух вроде бы знаю, — говорю. — А вот того лохматого в очках — в жизни не видел.

— Правильно! — подтверждает Сокс. — Ты и не мог его видеть. Он кинорежиссер. Гениальный!.. Это все друзья Билла и Хиллари. Есть у Билла еще один друг — Том Хенкс, но он сейчас где-то в Европе на съемках...

— Короче! Мы идем слушать музыку или нет? — снова спрашиваю я, хотя и понимаю, что Соксу жутко хотелось бы поклубиться именно в этом зале, где собирались гости. Со многими Сокс даже раскланивался.

— Идем уже, идем, — недовольно проворчал Сокс, и мы пошли в соседний зальчик слушать музыку.

Оказалось, что многие гости тоже бродят по зальчикам и останавливаются у оркестриков. Там, куда мы пришли,

играли трое в красных камзолах. Двое — на скрипочках, а третий — на виолончели. Это мне Сокс объяснил, кто на чем.

В каждом соседнем зальчике был свой оркестр — три-четыре Человека. Обязательно в красном! Даже девушки-флейтистки тоже были в каких-то красных пиджачках.

Женщины-гости были все одеты в очень красивые длинные платья самых разных фасонов. Я тут же представил себе Рут Истлейк в таком платье и, ради справедливости, должен отметить, что, если бы Рут появилась сейчас здесь, она была бы самая красивая Женщина!

А Мужчины-гости были все одеты в одну форму — смокинг, белая рубашка, галстук-бабочка, черные туфли...

Спутать с официантом — раз плюнуть! Некоторым официантам смокинги гораздо больше шли, чем многим этим задорченными миллионерам.

Зато операторы телевидения, фотокорреспонденты со своими бесчисленными камерами и объективами (тут-то я все петрю! Мы с Шурой очень даже часто занимались фотографией...), все репортеры газет и журналов были одеты кто во что горазд! Джинсы, рубахи навыпуск, жилетки с невероятным количеством карманов, свитера, спортивные куртки, — плевать им было на все! Они ПРИЕХАЛИ НА РАБОТУ!

Но мне показалось, что это была своего рода демонстрация НАПЛЕВИЗМА. Может, я и ошибаюсь, но я углядел в этом разностилье и «пофигизме» к своему виду на приеме в самом Белом Доме некую форму протеста против сильных мира сего...

Ничего я фразочку завернул, а?! Я просто на собственных глазах становлюсь все интеллигентнее и интеллигентнее!

А наших депутатов Российской Государственной Думы все не было и не было.

И Ларри Браун повел нас на кухню ужинать. Чтобы мы потом в Банкетном зале не шмонались бы по столам, не кусочничали и вели бы себя пристойно.

Вот мы втроем в какой-то очень благоустроенной кухонной подсобке и поужинали. Очень славно и очень вкусно. Ларри даже виски немного треснул...

Когда же мы с раздутыми животами вернулись в Большой зал (ох, как я не перевариваю мраморные полы!..), выяснилось, что наши Российские депутаты во главе с послом России

уже прибыли, разбрелись по кучкам, и теперь их было не отличить ни от одного американского миллиардера, ни от одного официанта.

Наши тоже были все в смокингах, «бабочках» и держались так, словно всю свою жизнь с младенческого возраста только смокинги и носили. А уж приемов и презентаций за их широкими плечами было не счесть!

Узнать некоторых из них можно было только лишь или по неважному английскому языку, или по отменному русскому.

Вот когда мне вдруг стало все интересно, а внутри громко зазвенел тот самый тревожный колокольчик, который начал во мне тихо позвякивать сразу же, как только я узнал о приеме НАШИХ.

Мы попытались было отпроситься у Ларри Брауна побродить вдвоем среди русских и попросили его разыскать того самого Конгрессмена, который когда-то заканчивал Гарвардский университет вместе с Фридрихом фон Тифенбахом, а потом, спустя сорок лет, по просьбе Фридриха разыскал в Нью-Йорке Шуру Плоткина и сообщил ему о моем приплыве в Америку.

На что Ларри сказал, что Конгрессмен уже найден и ждет встречи с нами у лестницы под портретом Президента Трумена. А нас с Соксом он никуда одних не отпустит и чтобы мы даже не пытались куда-либо смыливаться. Потому что он, Ларри Браун, получил личное распоряжение Президента во время приема в Банкетном зале посадить нас с Соксом за его стол. Меня — для консультаций по всем русским вопросам, Сокса — для представительства и прессы.

...Конгрессменом оказался тучный старик с громким хохотом, отвисшими склеротическими щеками и очень живыми глазками. Несмотря на то что они с Фридрихом родились в одном году, Конгрессмена можно было принять за молодого дедушку шестидесятипятилетнего Фридриха фон Тифенбаха.

Увидев меня и узнав от Ларри, кто я такой, старик громко заржал и, тыкая в меня пальцем, стал весело орать, что я наконец нашелся!..

Когда я, естественно через Ларри Брауна, спросил его, где мой Шура, и сказал, что пропал не я, а он — Шура Плоткин, и Конгрессмен был последним Человеком, который слышал

голос Шуры, старик еще пуще загоготал и, клацая вставными челюстями, заявил, что ни о чем дальнейшем он и понятия не имеет! Он даже предложил Шуре приехать в Вашингтон, — Фридрих просил его помочь Шуре на первых порах, — но Шура заявил, что сможет приехать в столицу только лишь тогда, когда встретит своего ближайшего друга. То есть МЕНЯ. Все! Больше он о Шуре ни черта не слышал. А как я поживаю?

Мы отделались от толстого старика какой-то вымученно-любезной фразой и снова вернулись к четырем колоннам Большого зала.

Я был, как говорится, в полном разборе! Рвались ниточки надежд... Ларри и Сокс успокаивали меня, как могли!

Оставался только лишь этот испанский Аарон Маймонидес, который приснился мне сегодня ночью. Но как с ним связаться?!.. Он ведь жил пятьсот лет тому назад!.. А я чувствовал, чувствовал, что этот доктор и философ, старый испанский еврей Маймонидес, знает, где мой Шура!..

— Который час, Сокс? — спросил я.

Сокс посмотрел на большие бронзовые часы, стоявшие на очень красивом столике в простенке между двумя окнами, и тут же ответил:

— Без двенадцати минут восемь. Скоро всех пригласят в Банкетный зал.

— Ларри! — заторопился я. — Ты не можешь вот прямо сейчас же соединить меня с миссис Истлейк?

— Какие проблемы? — уверенно проговорил Ларри и вытащил из кармана смокинга телефон-«хенди». — Только давайте отойдем в сторонку. А то кто-нибудь увидит, как Кыся говорит по телефону, и придется вызывать из психиатрички «Скорую помощь».

Мы рванули в какой-то коридор, пролетели мимо охраны и забились в какой-то закуток у окна. Там мы с Соксом вспрыгнули на подоконник, а Ларри набрал Нью-Йоркский номер телефона Тимурчика и Рут. Ровно через три длинных гудка я услышал щелчок включения и голос Тимура:

— Тим Истлейк слушает!

— Тимурчик... — сказал я по-Шелдрейсовски. — Тимурчик!

И мне вдруг захотелось заплакать. Но я сдержался и сказал:

— Это я... Кыся.

— Кысичка!!! Корешок ты мой, подельничек! Мама меня чуть не отлупила за то, что я помог тебе уехать в Вашингтон!.. Где ты? Когда ты вернешься?.. Мы сами приедем за тобой... Не надо ждать автобуса из Майами! Мы тебя по телевизору видели!.. О тебе столько газет написали, что в моей школе, где тебя уже знают, твой портрет из какого-то журнала вырезали и повесили, а меня попросили сделать о тебе факультетный доклад! Я сейчас как раз готовлюсь...

— Тимурчик, мальчик мой... — сказал я срывающимся голосом, — пожалуйста, попроси маму к телефону.

— Мама-а-а!!! — заорал Тимур на весь Квинс. — Тебя Мартын к телефону!..

Через мгновение я услышал запыхавшийся голос Рут:

— О Господи! Я тебе звоню, звоню!.. Где ты шляешься, звезда телевидения и прессы?!..

— Погоди, Рут!.. Погоди... У меня очень мало времени. Сейчас мне уже нужно бежать в Банкетный зал. Билли попросил меня...

— Кто-о-о?!!

— Президент попросил меня посидеть рядом с ним во время переговоров с русскими. Дать кое-какие консультации... У меня осталось всего две минуты! Слушай меня внимательно! Есть такой бронзовый тип — Аарон Маймонидес. Он лечил нашего Шуру. От чего — не знаю. Но вылечил. Правда, этот Маймонидес живет... Вернее, он жил пятьсот лет тому назад. И не в Америке, а в Испании... Я их видел...

— Кого?!.. — вскричала Рут.

— Шуру и того бронзового типа. Они гуляли под ручку, и Шура уже неплохо выглядел... Ради Бога, умоляю, узнай, как связаться с этим Маймонидесом!..

Последовала длинная-длинная пауза. А потом тихий голос Рут внятно произнес:

— Кыся, ты гений. Ты просто обыкновенный гений... До меня только сейчас тут кое-что дошло. Иди к Президенту, помоги ему и не давай его напарить. Я тебе завтра же позвоню. Целую...

Ларри спрятал телефон в карман, мы с Соксом прыгнули с подоконника, и все втроем быстренько потопали к Банкетному залу, куда уже потянулся приглашенный народ.

Прошмыгивая мимо колонн Большого зала, я не успел повернуть в сторону Банкетного, как вдруг из-за одной колонны неожиданно услышал до отвращения знакомый голос, с такими известными мне характерными хамскими интонациями, что меня чуть не вытошнило самым натуральным образом!..

Я будто на стену наткнулся! Но так как двигались мы все троим достаточно быстро, а я резко затормозил, то по этому отполированному мраморному полу я еще с метр проехал на собственной заднице...

И УВИДЕЛ ЗА ВТОРОЙ КОЛОННОЙ...

...В СТОЛИЦЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ, В САМОМ ЦЕНТРЕ ПРЕКРАСНОГО ГОРОДА ВАШИНГТОНА, В РЕЗИДЕНЦИИ ВСЕХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ БЕЛОМ ДОМЕ, ЗА ВТОРОЙ КОЛОННОЙ БОЛЬШОГО ЗАЛА ПРИЕМОВ, СТОЯЛ НЕ КТО ИНОЙ, КАК ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ ПИЛИПЕНКО!!!!!!! своею собственной отвратительной персоной...

Живодер и Кошкодав, хитрый и жестокий Собаколов, прошедший по тысячам трупов несчастных Кошек, Котов и Собаков!.. Продававший живых Животных на смерть в Ленинградские научные институты, собственноручно умерщвлявший и обдиравший шкурки с Бедных Котов и Собаков, а потом выделывавший эти шкурки и торговавший ими на Калининском рынке Выборгской стороны города Ленинграда, ныне Санкт-Петербурга... Где из этих шкурок наши питерские умельцы сооружали потом уродливые зимние шапки-ушанки...

В идеально сшитом смокинге этот растленный убийца, вонючий и трусливый базарный торгаш в прошлом, ныне владелец фантастически дорогого пятизвездочного отеля для Собак и Котов очень богатых иностранцев, наезжающих в Санкт-Петербург, наихитрющая и, к сожалению, очень неглупая и проворотистая сволочь, выплеснутая «наверх», вероятно, даже в Думу, мутной волной «обновления власти», сейчас стояла в двух шагах от меня и, трусливо оглядываясь по сторонам, шепотом говорила очень полному молодому человеку с почти интеллигентным лицом и тоже в смокинге:

— Если сейчас эти американские мудозвоны подпишут нам те семьдесят пять миллионов долларов, которые они уже обещали на развитие моего ДЗПДЖ — «Движения Защиты Прав Домашних Животных», — я тогда вообще на все хуй

положил!.. И ты у меня будешь в таком порядке, что тебе и не снилось... Понягл?

— Понягл, Иван Афанасьевич. Вы все хорошо помните, что должны сказать на банкете?

— Шо я, недоношенный? Или меня по пьянке делали?!.. Обижаешь, Вася!

И В ТУ ЖЕ СЕКУНДУ В МОЛОДОМ И ПУХЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ Я УЗНАЛ ПРЕОБРАЖЕННОГО ВАСЬКУ, БЫВШЕГО ТУПОГО И НЕПОВОРОТЛИВОГО ПОМОЩНИКА ПИЛИПЕНКО, ЧЬИ РУКИ БЫЛИ ПО ЛОКОТЬ В КРОВИ СОТЕН СОБАК, КОШЕК И КОТОВ...

Ах, недаром меня что-то тревожило!.. Ведь чувствовал я — что-то должно было произойти, кого-то я должен был встретить... Печенками чуял, кончиком хвоста, усами, топорщащимся загривком... Но чтобы это был ПИЛИПЕНКО?!! Или ВАСЬКА?!

А может, мне все это снится?.. Может, я вот сейчас открою глаза — и никакого Пилипенко, никакого Васьки в Вашингтоне... Только Сокс и Ларри Браун. А больше никого. И все это мне пригрезилось на нервной почве, от усталости...

— Ты чего, Кыся?!.. — искренне встревожился Сокс. — Что с тобой?

— Тебе нехорошо, Мартын? — спросил Ларри.

— Нет, нет, ребята... Все в полном порядке! Только не топчитесь. Пусть вот эти двое у второй колонны сначала пройдут, — я показал на Пилипенко и Ваську. — Не хочу, чтобы они меня видели.

— Ты знаешь их? — тут же спросил меня Ларри Браун.

— Когда-то встречались...

— Секунду, парни! — и Ларри Браун наклонился к лацкану своего смокинга и тихо проговорил в шов: — Вторая колонна. Двое. Одному — невысокому — около пятидесяти, второму — толстому, молодому — лет тридцать. Информацию срочно!

Ларри присел на корточки, вынул из уха маленькую штучку на проводе, и мы все трое немедленно услышали:

— Старший — Депутат Государственной Думы России от Санкт-Петербурга, глава «Движения защиты прав домашних Животных», видный деятель России по охране Животного мира, Молодой — депутат Русской Думы от Вологодской

области, генеральный директор филиала этого «Движения» в Вологде. Подробности?

— Не нужны, — сказал Ларри и отключился от этой замечательной службы информации. — Ты, наверное, ошибся, Мартын. Или видел их когда-нибудь по телевизору.

Сокс подождал, когда Ларри поднимется во весь рост, и тихо спросил меня так, чтобы Ларри не слышал:

— Кто это, Кыся? — и показал на Пилипенко.

— Это самый плохой и страшный Человек на свете, — так же тихо ответил я ему.

— Хочешь, я его сейчас обоссу? Мне за это ничего не будет! — тут же великодушно предложил Сокс.

— Нет, Сокс. Не нужно. Я что-нибудь сам придумаю. У меня с ним старые счеты...

И тут Ларри сказал:

— Все, ребята, все! Они уже в Банкетном зале... Валите, пареньки, прямо туда, к креслу Президента. Иди, Мартын. Сокс знает, он покажет куда...

— А ты? — спросил я, испугавшись теперь остаться без такой верной охраны, как Ларри Браун.

— Там и без меня хватит, Кыся, — ласково сказал Ларри. — Я вас здесь подожду.

И мы с Соксом по стеночке, по стеночке проскочили в Банкетный зал к Президентскому креслу.

Ах, как прекрасен был этот Банкетный зал!

И если бы не присутствие в нем Пилипенко и Васьки, я восхитился бы этим залом еще сильнее. И уж наверняка гораздо подробнее смог бы рассказать про круглые столы, накрытые очень красивыми красными скатертями с широкими золотыми полосами... И низкий, плотный, с удивительным вкусом подобранный букет разноцветных роз на каждом столе в короткой красивой вазе... И по четыре длинные свечи в очень высоких подсвечниках — чтобы пламя от свечей не слепило бы сидящих за столом...

Как успел сообщить мне Сокс, за столами сидели по десять Человек. Четверо русских и пятеро американцев. И один синхронный переводчик.

В каждом столе были встроены микрофоны.

Человек, который захочет выступить и сказать что-то Людям, мог не напрягать голос. А может быть, и не только для этого...

И, конечно, если бы не Пилипенко и Васька, я смог бы по достоинству оценить и замечательное красное вечернее платье Хиллари, и прелестную мордочку Челси.

Но вообще, оглядев всех Женщин, сидящих в Банкетном зале Белого Дома, я все равно продолжал бы утверждать, что, если бы Рут Истлейк была бы сейчас здесь — даже в своих обычных джинсах и кофте с широкими рукавами, — она была бы самой КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНОЙ в этом зале!

Честно говоря, все это я увидел потом. А сейчас я торчал под столом между ног Президента и его дочери Челси, а Соксу подставили такой специальный высокий стульчик типа нашего детского, в котором маленький ребенок мог бы сидеть за одним столом со взрослыми.

Когда Билли предложил мне занять место на этом стульчике рядом с Соксом, я отказался, сказав, что мне отсюда пока что удобнее будет подсказывать ему, правду говорит Человек или нет. И Президент со мной согласился.

На самом же деле до поры до времени я не хотел «светиться» перед Пилипенко и Васькой. Что могло бы произойти, если бы они сейчас увидели меня, я даже себе не представлял — ни логическими раскладами, ни Котово-интуитивными...

Я знал одно: мне нужно было дожидаться выступления Пилипенко!

Поэтому я не очень-то вслушивался в приветственную речь Клинтона. Он произносил ее не за столом, а встав за маленькую синюю трибунку с какой-то странной красивой картинкой. Сокс мне потом объяснил, что это был герб Соединенных Штатов Америки. Ну, как у нас раньше глобус с кривым ножом и молотком в веночке из засохшей перепеленутой травы со звездочкой наверху...

Трибунка стояла точненько под портретом Президента Авраама Линкольна. Мне последнее время сильно везет на имена с двумя «А» — ААрон Маймонидес. АврААм Линкольн.

Про Линкольна мне рассказывал все тот же Сокс. Сокс вообще был буквально набит кучей сведений и подробностей о вещах, с которыми мне никогда не приходилось сталкиваться.

И я ему был очень признателен. Не только за объяснения. Еще и за то, что Сокс рассказывал мне все это без пижонства, ничем не подчеркивая своего превосходства и исключительности. А такое — дорогого стоит!

И я ему простил его чуточку преувеличенное внимание к чужим миллионам.

Наверное, Президент говорил не слишком официальную речь, потому что за столами то и дело вспыхивал смех, звучали веселые аплодисменты и не было той подозрительной чопорности, которая всегда сопровождает выступление нашего Президента.

Кое-кто даже позволял себе ироничные реплики из зала, и тогда уже смеялся сам Билли Клинтон и все вокруг него.

Где-то каким-то образом я понимал, что это был прекрасно отрепетированный спектакль для русских. Так сказать, торжество демократизма напоказ, навывнос, про который у вас, дескать, в России только болтают, а мы в Америке этим воздухом демократии живем и дышим!

Но так ли плох хорошо срепетированный спектакль?

Неужели злобные выкрики и драки в нашей Думе, или японском парламенте, или в Английском, которые видят миллионы несчастных Котов и Людей всего мира на экранах своих телевизоров, — лучше?!

...Выступил и Посол России в Америке, вполне симпатичный мужик с превосходным английским языком.

Говорил он, стоя у своего стола, с бокалом в руке, и нужно было отдать должное этому тренированному господину: в своем ответном слове он с успехом повторил непринужденный стиль речи Президента Клинтона, чем еще сильнее развеселил присутствующих.

Получилось что-то типа маленького соревнования — ах, вы нам спектакль?!.. А мы вам — ансамбль песни и пляски! Один-один в общую пользу нашей с вами дружбы...

В конце своей светской речи Посол поблагодарил всю Президентскую семью, шутливо поклонился Соксу и сказал, что присутствие на этой встрече Первого Кота Америки совершенно естественным образом заставляет Посла вспомнить о Братьях наших Меньших и предоставить слово депутату Государственной Думы президенту Всероссийского общества «Движение Защиты Прав Домашних Животных», старому

петербуржцу, человеку с золотым и отзывчивым сердцем, ИВАНУ ПИЛИПЕНКО!..

— Все врет! — сказал я из-под стола Клинтону.

— Понял!.. — ответил мне Президент Америки.

Тут мне стало жалко Посла России — уж больно он мне понравился, и я добавил:

— Скорее всего, введен в заблуждение этим мерзавцем Пилипенко...

— Я так и подумал, — сказал мне Клинтон по-Шелдрейсовски под стол. — Ты знаком с этим Пилипенко?

— Не то слово!.. — чуть не заорал я.

Хиллари и Билли переглянулись, а Челси, великолепно владевшая Шелдрейсовским языком, тревожно спросила меня:

— Что же теперь будет?

— Сейчас... Сейчас я что-нибудь придумаю... — сказал я, и вдруг одна неожиданно пришедшая мне в голову мысль убедила меня в том, что Рут Истлейк была совершенно права! Я действительно ГЕНИАЛЬНЫЙ КОТ! Вот такой скромный, обыкновенный, домашний ГЕНИЙ...

А мыслишка-то была простейшая! На кой хрен мне потом всем доказывать, что Пилипенко и Васька — душегубы и гнусные, отвратительные типы, что они хотят украсть семьдесят пять миллионов долларов, которые им сейчас выдадут легковверные америкашки на якобы «Защиту прав домашних Животных»?!

Кто мне поверит?! Чем я это могу доказать? И получится, что я — со своими запоздалыми обличениями — в говне, а они, как говорил Шура, — в бантике. То есть в полном порядке!

Ну уж херушки вам, господа Пилипенки! Вы сейчас нам сами все про себя расскажете!.. Все, все, до самой последней точки.

Сейчас, господа деловые американцы, вы бесплатно получите такой стриптиз, который вам не покажут ни за какие ваши миллиарды!..

Пилипенко уже стоял за своим столом, как раз напротив стола Президента и, обращаясь к Соксу, уже что-то лепетал такое сладенько-сахарное, изредка прикрывая глаза в особо проникновенных местах.

А я снизу, из-под стола, видел, как у Сокса непроизвольно и неосознанно прижались уши к затылку, напряглась спина, вытянулся и замер хвост. Только самый его кончик трясся, выдавая внутреннюю истерику Сокса. Ну, не дурак же Кот! Чувствует же, кто перед ним!.. В отличие от Людей нам, Котам, это дано свыше.

— Сокс!.. — тихо сказал я по-Животному. — Сокс! Не дергайся, возьми себя в лапы. Сейчас, когда этот подонок, в восторге от самого себя, в очередной раз прикроет глаза, ты ментально спрыгивай вниз, а я взлечу на твое место. Понял? И следи за ним внимательно! Важно эту сменку сделать тогда, когда он прикроет свои бесстыжие зенки...

— Что это — «зенки»?.. — не понял Сокс.

— Иди в жопу со своими вопросами! Потом объясню. Делай, что велят!..

— О'кей!.. — сказал Сокс.

А Пилипенко в это время говорил:

— ...весь жар своей души, весь трепет своего сердца я отдавал на благо...

— Пошел!!! — скомандовал мне Сокс.

Он спрыгнул вниз со своего высокого стульчака, а я взлетел наверх на его место. Сделали мы это совершенно одновременно. Даже встретились в воздухе!..

И когда Пилипенко открыл глаза, на месте Сокса ОН УВИДЕЛ МЕНЯ!!!

Я сидел точно так же, как Сокс, — мордой к нему, в упор глядя ему в глаза.

Пилипенко не мог оторвать от меня взгляда и закрыть рот. Он так и стоял с широко распахнутой пастью и отвисшей нижней челюстью. И от него за версту воняло «Столичной», выпитой перед банкетом, скорее всего в отеле.

В его медово-липком и гладком вранье возникла тревожная, тяжелая, как булыжник, пауза. Весь Банкетный зал Белого Дома с недоумением смотрел на Ивана Афанасьевича Пилипенко, а я в это время МЫСЛЕННО И НАСТОЙЧИВО ВНУШАЛ ЕМУ:

«НЕ ОТВОДИ ГЛАЗА В СТОРОНУ. СМОТРИ НА МЕНЯ, ПИЛИПЕНКО. ВНИМАТЕЛЬНО СМОТРИ... СОСРЕДОТОЧЬСЯ НА ТОМ, ЧТО Я БУДУ ТЕБЕ ГОВОРИТЬ. СЛУШАЙ МЕНЯ ВНИМАТЕЛЬНО!»

Пилипенко согласно попытался кивнуть мне головой, но вместо кивка у него получился какой-то нелепый рывок подбородком...

— Ты чо, Иван Афанасьевич?! — испуганным шепотом спросил его Васька и проследил за мертвенно-неподвижным взглядом Пилипенко...

...И ТОЖЕ УВИДЕЛ МЕНЯ!!!

— А-аа!!! — в ужасе коротко всхлипнул Васька и сам зажал себе рот двумя руками.

— Врача!.. Вызовите доктора!.. — вскрикнул кто-то.

«Рано, — сказал я Клинтону. — Никакого врача!»

И Президент поднял руку, призывая всех к тишине.

«СМОТРИ НА МЕНЯ, ПИЛИПЕНКО, — говорил я, вкладывая в свой «посыл» все свои силы, всю свою волю, всю мощь моего существа, дарованного мне Природой. — ТЫ МЕНЯ УЗНАЕШЬ? ВГЛЯДИСЬ В МОЕ РВАНОЕ УХО, В МОИ ШРАМЫ НА МОРДЕ... УЗНАЛ?»

Вино у Пилипенко мелко выплескивалось из бокала — так у него тряслись руки!.. Не отрывая от меня глаз, он с трудом закрыл рот (мне даже показалось, со скрипом!..) и дрожащим голосом, все еще не веря своим глазам, выдавил из себя вслух:

— Вы... Господин фон Тифенбах из Мюнхена?..

Когда Банкетный зал услышал, как Пилипенко назвал меня «господином фон Тифенбахом», по столам пошел гул.

— Нет, нет! — громко возразил тот старый Конгрессмен из-за дальнего стола. — Это не Фридрих фон Тифенбах. С фон Тифенбахом мы кончали Гарвард. Я его хорошо помню... Этот Кот на Фридриха не похож!.. Они просто приятели.

«НЕТ, Я НЕ ФОН ТИФЕНБАХ ИЗ МЮНХЕНА, — слышно, но явственно сказал я Пилипенко. — Я НАПОМНЮ ТЕБЕ, КАК ТЫ САМ КОГДА-ТО НАЗВАЛ МЕНЯ, КОГДА ОТЛАВЛИВАЛ В ЛЕНИНГРАДЕ, НА ГРАЖДАНКЕ, НА ПУСТЫРЕ, САЧКОМ, ПОМНИШЬ?.. ТЫ СКАЗАЛ ТОГДА, ЧТО Я, КОТЯРА ТОГО САМОГО ЖИДА, КОТОРЫЙ В ГАЗЕТЫ ПИШЕТ!»

Я заметил, что Васька тоже ВОСПРИНЯЛ МОЙ ГИПОТИЧЕСКИЙ ПОСЫЛ и стал тихо сползать под большой круглый стол, прикрываясь скатертью. Но на него никто не обращал никакого внимания. Глаза всех сидящих в Банкетном

зале, всей охраны, всех официантов были прикованы только к Пилипенко и ко мне.

Все понимали, что у меня с Пилипенко происходит какой-то диалог, но меня, кроме Пилипенко и Васьки, НЕ СЛЫШАЛ НИКТО. А ответы Пилипенко СЛЫШАЛИ ВСЕ!

«ВСПОМНИЛ? — спросил я, и Пилипенко снова попытался мне кивнуть. — А ТЕПЕРЬ ПРОДОЛЖАЙ СВОЮ РЕЧЬ О ПРАВАХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ. НО ТОЛЬКО СО ВСЕМИ ПОДРОБНОСТЯМИ!»

Нет, Пилипенко был Человеком не слабым! Сил у него было — невпроворот. Вон куда смог даже забраться, в ДУМУ! Но сейчас во мне сил было побольше...

«ГОВОРИ!!!» — приказал я ему.

И Пилипенко продолжил свою речь с абсолютно той же фразы, на которой остановился, увидев меня:

— ...весь жар своей души, весь трепет своего сердца я отдавал наиболее гуманному способу УМЕРЩВЛЕНИЯ Кота, Кошки или Собаки!.. С Котом — попроще. Его просто засовываешь в мешок, желательно коленкоровый, чтобы он не мог тебя оцарапать когтями, а потом сквозь мешок сворачиваешь ему голову. Только хрустнет — и ладошки!.. С Собаками — сложнее. С риском для собственной жизни Собаке приходится просто перерезать глотку... Это если их брать на шкурки... А если для науки, то везешь в институт на Васильевский остров — никакой мороки, сдаешь их в лабораторию и получаешь бабки. Копейки, клянусь вам! Вы просто не представляете себе, как плохо у нас сейчас с наукой! Ой, что я говорю!

«НЕ ОТВЛЕКАЙСЯ, ИДИОТ!» — подхлестнул его я.

Переводчики молотили как бешеные! Американцы не могли отвести испуганных глаз от разговарившегося Ивана Афанасьевича, а все наши сгорали от стыда так, что мне их даже жалко стало. Наверняка там были и очень неплохие ребята. Особенно было жалко Посла. Они-то уедут, а ему тут оставаться!.. А тут еще все наши с надеждой смотрели на него.

— Депутату плохо! — решительно сказал Посол. — Он не понимает, что говорит!..

«ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ПИЛИПЕНКО? ТЫ ВСЕ ПОНИМАЕШЬ?» — спросил я.

— Как это я «не понимаю»?.. — обиделся Пилипенко на Посла. — Прекрасно я понимаю!.. В институте так мало платили,

что на бензин для «Москвича» не хватало... А вот уже там, в науке, их убивали всего одним укольчиком...

«ТЕПЕРЬ РАССКАЖИ ПРО ШКУРКИ, ПРО ШАПКИ...» — приказал я ему.

— А чего? Хорошо выделать шкурку Кота — дело, я вам скажу, очень даже тонкое!.. Пока Кота обдерешь, еще так наеб... Извиняюсь! Намучаешься... Здесь что важно? Мездру не попортить! Иначе никто у тебя на Калининском рынке эту шкурку не купит. Считай, деньги на ветер! А мы...

Неожиданно в мозгу Пилипенко произошел незамеченный мною поворот, и он ласково сказал:

— Наша забота о «Меньших наших братьях», как правильно сказал наш уважаемый Посол, не знает границ, не имеет границ, и поэтому те семьдесят пять миллионов долларов, обещанных нам нашими братскими организациями Америки, будут огромным подспорьем для всего нашего общего дела — «Защиты прав домашних животных!..»

«НЕ ОТВЛЕКАЙСЯ, СВОЛОЧЬ, — сказал я ему. — ТЕПЕРЬ ПРО ШАПКИ!»

— А шо «про шапки»? Шо «про шапки»?!.. — сварливо отмахнулся от меня Пилипенко. — Вы чо себе мыслите, что на шапках можно было много заработать?!.. Я их шил, эти шапки? Да ни в жисть! Мое дело было маленькое — поймать Кота или Пса, умерщвить его, шкуру аккуратненько содрать, храни Господь, мездру не попортить, выскрести ее до кондиции, потом на специальные распялочки, а сушить тоже наука целая: пересушишь — она, шкура вот ихняя, к примеру...

Пилипенко показал сначала на меня, потом посмотрел на семью Президента Клинтона, поискал глазами Сокса, не увидел его и, лстиво улыбаясь Президентскому столу, продолжил:

— Или, к примеру, вашего Котика, мистер Президент... Ежели их шкурки на распялочках пересушить — они же ломкие станут, хрупкие... Какая же из них шапка? Еще и морду могут набить за такие шкурки. Это я к примеру говорю...

Я почувствовал, что слегка ослабил нить КОНТРОЛЯ, и Пилипенко заиклился всего на одной стороне своей прошлой деятельности и совсем забыл о своем сегодняшнем высоком общественно-государственном положении. И тогда я ему сказал:

«НЕ ОТВОДИ ОТ МЕНЯ ГЛАЗА, ПИЛИПЕНКО. СМОТРИ НА МЕНЯ ВНИМАТЕЛЬНО... И ПРОДОЛЖАЙ, ПРОДОЛЖАЙ, ПОДОНОК!»

— Про что? — доверчиво спросил меня Пилипенко.

По Банкетному залу уже шел непрекращающийся возмущенный ропот.

«ПРО ВСЕ СЕГОДНЯШНЕЕ!» — сказал я.

— А сегодня всем нужно платить... — грустно ответил мне вслух Пилипенко. — Хозяевам города платишь, бандитам — платишь, тем, кто охраняет меня от бандитов, — тоже платишь! А в Думу, в депутаты, как вы себе мыслите?.. За красивые глаза берут? Всем только доллары и подавай! Вы чо думаете, господа американцы, мы эти доллары у вас от хорошей жизни просим?!.. Не-е-ет! Мне, к примеру, лично уже ни хера не требуется. Я ежели эти семьдесят пять миллионов от вас получу, то на самого себя всего миллионов десять—двенадцать страчу. Не больше. Я тута один домик у вас в Майами присмотрел, так вот... Ну, и обстановка, конечно. Не без этого... Автомобильчики надо поменять! А все остальное — только на развитие нашего общего дела, Богом клянусь!..

Тут Пилипенко залпом опрокинул в рот оставшееся в бакале шампанское, вынул длинную зажженную свечу из высокого золотого подсвечника, закусил ею с полыхавшего конца и хрястнул бокал об пол в мелкие дребезги...

А потом истово перекрестился четыре раза — один раз слева направо, второй — справа налево, третий — как-то наискосок, а четвертый умудрился перекреститься — снизу вверх!

Зал так и ахнул!.. Но на этом выступление Пилипенко не кончилось.

Он плавно выполз из-за стола и, приплясывая, поводя плечами и широко разводя руками в стороны, в танце поплыл между банкетными столами.

Ко всему прочему он пел. Нещадно перевирая мотивы, он аккомпанировал сам себе наиболее близкими его сердцу песнями, сливая их воедино:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный...
Где ты, родимый?..

Вставай, проклятьем заклеименный
Союз нерушимый республик свободных!
Гремя огнем, сверкая блеском стали,
В лесу родилась Сарочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом черная
Жидовочка была...

— Боже мой! Мистер Президент! Он же сошел с ума!.. — закричал кто-то из наших российских депутатов на очень неплохом английском языке. — Пожалуйста, распорядитесь вызвать врача!..

— И полицию! — достаточно громко потребовала вдруг Челси.

Я попытался привстать, но почувствовал, что лапы мои подламываются от полного и дикого опустошения! Я только успел сказать:

— Полицию — для него, а врача — для меня...

И без чувств упал на руки Президента.

Сокс мне потом рассказывал, что, после того как меня нафаршировали кучей лекарств ободряюще-успокаивающего действия, первую половину ночи я метался во сне, вскрикивал, разговаривал на всех языках — по-Шелдрейсовски, по-Животному, мешал русский с испанским, немецкий с английским и даже пытался говорить на идиш пополам с ивритом...

А вторую половину — спал серьезно, внимательно и сосредоточенно. Изредка нервно подрагивал хвостом, произвольно дергал задними лапами и частенько поплакивал во сне...

Когда мы с ним сопоставили мое бессознательное поведение с тем, что мне снилось в первую половину, а потом и во вторую половину ночи, то это мое сонно-обморочное состояние нашло точное подтверждение.

Как сейчас помню — всю первую половину я задыхался от кошмаров!..

...Я с ужасом бродил по какому-то незнакомому мне старо-петербургскому двору-колодцу... Двор был весь пересечен вкривь и вкось натянутыми веревками... А на этих веревках на

специальных ПИЛИПЕНКОВСКИХ распялочках висели и сушились ШКУРКИ ВСЕХ МОИХ ЗНАКОМЫХ КОТОВ, КОШЕК И СОБАК!..

Вот шкурка той самой рыжей поблядушки, с которой все и началось еще на пустыре у нашего с Шурой дома в Ленинграде...

Вот шкурка моего самого закадычного дружка Бесхвостого Кота-Бродяги...

Висели на распялках, сколько глаз видит, сотни шкурок, содранных с Кошек, с которыми я когда-либо вступал в интимные отношения...

Из некоторых шкурок даже запах этих несчастных Кошек еще не выветрился!.. Например, в шкурке той французской Кошечки Лолы, которую я оприходовал в кустах автозаправочной станции на автобане Гамбург—Мюнхен, сохранился даже запах ее французских духов!..

Боже мой!.. А это-то что?! Какой кошмар!.. Господи!.. Я же сейчас сойду с ума!.. На нескольких веревках я увидел распялки с Собачьими шкурами, в которых узнал всех близких мне Собаков!!!

Вот маленькая, чистенькая коричневая гладенькая шкурка карликового Пинчера Дженни из Грюнвальда, с которой у меня был такой нежный роман...

Вот огромная шкура немецкого полицейского Овчара Рэкса... Как он-то дал себя отловить этой сволочи Пилипенко?!

Мамочки родные! Тут и Крольчиха, которую я сдуру трахнул в Оттобрунне! А вот висит роскошная, но МЕРТВАЯ шкура Лисицы! Бедной и гордой и так влюбленной в меня Лисицы...

Какой ужас! Боже мой... Значит, они все мертвы?!

А это еще что?! Откуда здесь, в петербургском дворе, висят шкурки моих новых знакомых американцев — Кота Хемфри, бывшего сотрудника Публичной библиотеки Нью-Йорка?! А вот на распялке шкурка этой Беленькой, Пушистенькой из Квинса, последние дни жившей у мистера Бориса Могилевского. Она же готовилась стать МАТЕРЬЮ МОИХ КОТЯТ!..

А когда на соседних распялках я увидел старенькую вытертую шкуру пожилого еврейского Собака Арни-Арона из

Брайтона и черно-белую Шкурку Первого Кота Америки Сокса, я чуть вообще с ума не сошел!!!

Сволочи, сволочи, сволочи!.. Антисемиты, подонки, мерзавцы!.. Злобные, безжалостные, омерзительные твари! Не-Люди!.. Где вы — Пилипенко, Васька?!

Господи! Боже мой, Всемиловитивейший!.. Помоги мне, Господи, пережить все это!..

Сотвори чудо, дай мне хоть ненадолго стать величиной с ТИГРА! Я не хочу БЫТЬ ТИГРОМ, пойми меня, Господи... Я хочу остаться САМИМ СОБОЙ, КОТОМ МАРТЫНОМ, КЫСЕЙ, наконец! Но я хочу отловить Пилипенко и Ваську... Я не буду сдирать их вонючие, пропитанные алкоголем, невежеством и подлостью шкуры... Я ПРОСТО РАСТЕРЗАЮ ИХ В МЕЛКИЕ КЛОЧЬЯ И РАЗБРОСАЮ ОКРОВАВЛЕННЫЕ КУСКИ ИХ НЕЧЕЛОВЕЧЬЕГО МЯСА И КОСТЕЙ ТАК ДАЛЕКО В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ, ЧТОБЫ НИ ОДИН ДОКТОР НИКОГДА НЕ СМОГ БЫ СОБРАТЬ ИХ В ЖИВУЮ ПЛОТЬ!

ЧТОБЫ ДАЖЕ ПЯТИСОТЛЕТНИЙ ВЕЛИКИЙ ИСПАНСКИЙ ВРАЧ И ФИЛОСОФ МАЙМОНИДЕС НИКОГДА НЕ СМОГ БЫ ИМ ПОМОЧЬ ВОЗРОДИТЬСЯ ЗА-НОВО!!!

И вот тут, наверное, наступила вторая половина ночи. Потому что пошло что-то связанное с Маймонидесом...

...Но сначала я увидел, как Шура выходит из своего Нью-Йоркского дома на Оушен-авеню, прощается с Собаком Арни, и слышу, как он говорит Арни, что сейчас едет в Нью-Джерси, в порт Элизабет, встречать своего ближайшего друга. И понимаю, что речь идет обо мне...

Потом вижу Шуру на автобусной остановке...

Он стоит один-одинешенек, ждет прихода автобуса и поглядывает на часы.

А потом вдруг начинает задыхаться, растерянно оглядывается по сторонам, никого не видит и медленно опускается на скамейку, стоящую у автобусной остановки...

Он расстегивает теплую куртку... Слабеющими пальцами пытается оттянуть ворот свитера, чтобы вздохнуть поглубже, но это ему не удается...

Смертельная бледность, посиневшие губы...

Шура осторожно ложится на скамейку, одна рука безвольно свешивается на асфальт...

— Шурочка-а-а-а!!! — беззвучно ору я откуда-то...

— Мартышка... — слабым голосом еле произносит Шура. — Я, наверное, опоздаю... Ты подожди меня...

И отключается. А автобуса все нет и нет!..

И никого около остановки. Только двое черных мальчишек лет по четырнадцати и смуглый высокий парень, года на два постарше тех двух, подходят к скамейке, где лежит Шура.

Смуглый смотрит, смотрит по сторонам, а двое черных пацанов выворачивают все Шурины карманы: деньги, документы, все, все, все!..

И улетучиваются. Будто их никогда и не было...

А Шура лежит недвижимый, и я не могу ему ничем помочь, потому что, наверное, Я ЕЩЕ В МОРЕ, ТОЛЬКО НА ПОДХОДЕ К НЬЮ-ЙОРКУ...

Но тут я вижу, как к остановке подходит автобус и из него вылезают Люди. Некоторые считают Шуру пьяненьким, усмеваются и расходятся.

А несколько пожилых Человеков убеждаются, что от Шуры не пахнет спиртным (хорошо, что он с вечера «на грудь» не принял, думаю я...), и бегут куда-то звонить. А две старушки остаются с Шурой...

Вижу, через несколько секунд подкатывает что-то типа нашей «Скорой помощи», выскакивают врачи, минуту колдуют над лежащим на скамейке Шурой — уколы, капельница, кислород...

А потом грузят Шуру в машину и увозят.

И старики, гордые своим выполненным Человеческим долгом, говорят друг другу:

— К «Маймонидесу» повезли...

— Это прекрасно! «Маймонидес» — это, я вам скажу, то, что надо!

— Ежели за больного человека берется «Маймонидес», так уже можно быть спокойным.

— Но почему он без всяких документов?! Ни «сошиал секюрити», ни «медикейда», ни «велферной карточки»?.. Что за манера выходить из дому без документов? А если что-нибудь? Вот как сейчас!..

— Ну вы же видели, это молодой человек. Тридцать, от силы — тридцать пять! Откуда ему быть серьезным?! Я дико извиняюсь, но в таком возрасте, как говорится, в поле — ветер, в жопе — дым...

— Странно, такой молодой, и уже, пожалуйста вам, — сердце...

А мимо этой Брайтонско-Бруклинской автобусной остановки, мимо той милой компании американских стариков, говорящих по-русски с неистребимым южным акцентом и вовремя отправивших моего Шуру в больницу к старику Маймонидесу, мимо шли...

Ну вот кто бы вы подумали?! ПИЛИПЕНКО И ВАСЬКА!!! В смокингах, почему-то босиком, с закатанными по колени брюками, с огромными сачками для отлова Котов!..

Они шли и на ходу жевали длинные зажженные свечи из Банкетного зала Белого Дома. Откусывали они эти свечи с зажженного конца, сжирали откусанное вместе с пламенем свечи, но как только остаток свечи отнимали ото рта, так свечи сами вспыхивали вновь каким-то адским, синим пламенем!..

Когда же они прошли мимо, я увидел у них на спинах большие квадратные плакаты. И вот что дивно — я ведь совершенно не умею читать, но во сне я точно знал, что на этих плакатах было написано:

«ТРЕБУЕМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПОПРАНИИ ИХ ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ!!!»

— ...Мартын! Марты-ы-ын... Кыся, черт бы тебя побрал! Да проснись ты!.. Новостей, как ты сам говоришь, хоть жопой ешь!

И тут же сквозь сон слышу возмущенный голос Челси:

— Сокс! Ты совсем обнаглел! Как ты смеешь так разговаривать!

— Челси, я всего лишь цитирую Кысю...

— Может быть, в России так и принято говорить, но ты на это не имеешь никакого права! Смотри, как нужно будить настоящих Котов...

Я чувствую, как сильные, тренированные руки Челси поднимают меня, прижимают к себе, как Челси зарывается носом мне в шерсть где-то в районе моего рваного уха и шепчет:

— Просыпайтесь, мистер Плоткин... Вас ждет масса народа и приятных новостей. Папа и мама ждут не дождутся, когда ты откроешь глаза. Буквально на ушах стоят!..

— «На ушах стоят» — это лучше, чем то, что сказал я? — саркастически замечает Сокс.

— Да, лучше! — безапелляционно возражает ему Челси. — Кстати, это тоже Кысино.

Спросонок, еще не открывая глаз, я втягиваю в себя все обворожительные запахи шестнадцатилетней Челси, пытаюсь лизнуть ее в щеку пересохшим от сна языком и окончательно просыпаюсь:

— Отпусти меня, Челси, — прошу я. — Во мне весу...

— Ты действительно тяжеловат, приятель. Но настоящий Кот, наверное, и должен быть таким, — говорит Челси и опускает меня на пол.

— Челси! Ты уже второй раз говоришь про «Настоящих Котов» только о Кысе! — жутко обиделся Сокс и возмущенно добавил: — А я кто же?! Да будет тебе известно, что теперь я...

— Сокс, заткнись! И не развивай ЭТУ ТЕМУ! Если ты думаешь, что я еще не в курсе твоих неожиданных сексуальных подвигов, ты глубоко ошибаешься! Во-первых, в Белом Доме, как тебе известно, все становится известным уже через пять минут. А во-вторых, существует вездесущая пресса и наша собственная специализированная «утечка информации». Как о твоих внезапно возникших Котово-Мужских достоинствах, так и о вчерашнем скандале на приеме в Банкетном зале, автором которых по праву является наш замечательный друг Мартын-Кыся Плоткин, уже полны все утренние газеты и каналы телевидения!..

В свой первый и печальный раз в жизни я летал вертолетом в конце осени прошлого года.

Тогда мы летели от места нашего боя и катастрофы на автобане Гамбург—Мюнхен на специализированном реанимационно-докторском ярко-оранжевом вертолете в Мюнхен, в Нойеперлахский кранкенхауз. То есть в больницу Нойеперлаха. Это такой район Мюнхена.

Я лежал под неподвижной рукой умирающего, переломанного и простреленного моего друга Водилы и молил Господа

Бога, чтобы он продлил жизнь Водила хотя бы до прилета в больницу.

Я помогал Боженьке, как мог!..

Мы с Господом делали все, чтобы Водила дотянул до больницы живым, и нам это удалось.

К счастью, в больнице Водила попал в руки одного из лучших нейрохирургов Германии, к профессору Фолькмару фон Дейну и его ассистенту — русско-казахстанской немке, доктору Татьяне Кох, впоследствии ставшей моей приятельницей...

Сегодня я летел на вертолете второй раз в своей жизни!

В отличие от того, оранжевого, напичканного всякими аппаратами искусственного дыхания, переливания крови, кардиографами и еще кучей разных спасательных штук, этот вертолет, на котором я летел сейчас, был совершенно иным!

Ну, начнем с того, что этот вертолет был личным ВЕРТОЛЕТОМ ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ БИЛЛА КЛИНТОНА.

— Кыся! — обратился ко мне Клинтон еще до вылета, замечательно выговаривая нашу букву «ы».

Видимо, сказалось частое общение с многонациональными русскими Президентами бывшего Советского Союза.

— Кыся!.. — сказал Клинтон. — Главную новость я решил сообщить тебе сам. Приготовься... НАЙДЕН МИСТЕР ШУРА ПЛОТКИН!

Вот тут я, неожиданно для всех и, кстати, для самого себя, взлетел в воздух до самой люстры!!!

Я не прыгнул — меня будто взрывом подбросило!

Далеко внизу под собой я увидел задранные ко мне растерянные лица Клинтона, Челси, Хиллари, Ларри Брауна, ошеломленную морду Сокса и с десятков изумленных физиономий Президентской свиты, присутствовавших при этом разговоре в Овальном кабинете!..

Так высоко я еще никогда не взлетал, хотя что-то подобное и было в моем репертуаре. Но тогда, пугая кого-нибудь или, наоборот, желая понравиться, я прыгал, используя мощь своих собственных лап...

А тут меня будто что-то само скатапультировало!

Звякнули подвески хрустальной люстры, ненароком заде-
тые моим хвостом, и я стремительно и мягко приземлился пе-
ред Президентским ликом.

— Где?! — хриплым, срывающимся голосом спросил я.

— В Нью-Йорке. В Бруклине. В прекрасной сердечно-со-
судистой клинике имени Маймонидеса! — торжественно ска-
зал Билли.

— Тэк-с, тэк-с... — забормотал я, не очень соображая, что
происходит и что я говорю. — Что же он мне сразу-то не
сказал?

— Кто? — удивленно спросил Клинтон.

— Да Маймонидес этот... — бормочу я, а где-то понимаю,
что порю хреновину, но остановиться уже не могу. — Тогда
я пошел... В Нью-Йорк... Как говорится, спасибо за компанию,
извините, если что не так... Прошу простить, я очень спешу!
До свидания.

И намыливаюсь к дверям кабинета...

— Стой, Кыся! — вопит Сокс и бросается мне наперерез.

— Мартин, дорогой!.. Успокойся, умоляю тебя, — просит
меня Хиллари. — Доктор, вы же видите, мистер Мартин не
в себе! Сделайте же что-нибудь!..

Доктор рванулся было ко мне, но я только прижал уши,
показал ему один левый клык и тихонько сказал:

— Вы, доктор, сейчас ко мне лучше не подходите. И пожа-
луйста, не пытайтесь меня задержать. Мне сейчас же нужно
быть в Нью-Йорке! И я не потерплю никаких задержек.
Ясно?!

— Возьми себя в лапы, дубина! — рявкнул на меня Сокс. —
Через час ты вылетаешь в свой Нью-Йорк, где тебя будут
встречать ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ!

— И Шура?..

— Я же сказал — ВСЕ!

— Кто его нашел, Билли? — слабым голосом спросил я
у Клинтона.

— Лейтенант полиции Рут Истлейк.

— Она сержант... — поправил я Клинтона. — Рядовой ин-
спектор по работе с бухарскими евреями своего участка
в Квинсе.

— Уже с девяти часов утра она — лейтенант, начальник
всего этого отдела, — сказала Хиллари Клинтон.

— А Шурик еще в больнице? — спросил я. — У Маймонидеса?..

— Нет, Рут его забрала пока к себе, — сказала мне Челси. — Ты прилетишь в Нью-Йорк — все увидишь сам...

— А где этот говнюк Пилипенко?

Рожи у Президентской свиты стали такими, будто все они сейчас хряпнули по стакану неразбавленного уксуса и закусили незрелым лимоном без сахара.

Клинтон же рассмеялся, посмотрел на часы, что-то прикинул в уме и сказал мне:

— Я думаю, что он уже подлетает к Москве. У вас, в России, когда-то была очень неплохо налажена работа психиатрических лечебниц как исправительных учреждений. Думаю, что там еще остались несколько толковых специалистов из бывших сотрудников. Наверное, они и займутся лечением этого... Как ты его назвал?

— Пилипенко...

— Плюнули и забыли. О'кей, Кыся?

— О'кей, Билли.

— До Нью-Йорка с тобой полетит Ларри Браун. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Нет, что вы, мистер Президент! — мало-помалу я начал приходить в себя.

— И вообще, с тобой летит куча народа, — подсказал мне Сокс. — Ты уж там постарайся выглядеть. Это я тебе по своему опыту...

Компах была действительно великовата!

Я плохо помню обстановку внутри Президентского вертолета. Голова у меня шла кругом, и ни о чем другом, кроме того, что через полтора часа я увижу Шуру, — я и думать не мог.

Помню только, что внутри вертолет был очень большой и напоминал просторный уютный салон с мягкими креслами лицом друг к другу, со столиками, баром и еще с чем-то, что меня отнюдь не поразило в тот момент. Летел бы я сейчас просто на какую-нибудь загородную прогулку, я восхитился бы и еще чем-нибудь. А сейчас...

А сейчас я вел себя несколько необычно даже для самого себя: то я прижимался к Ларри Брауну и замирал, зажмурив

глаза и обхватив голову лапами, то начинал нервно мотаться по салону, заскакивал к летчикам в кабину (мне это разрешили еще на земле), вглядывался в серую пелену близкого неба, нервно крутил башкой, всматривался в сопровождающие нас два военных, как сказал Ларри, «Пентагоновских», вертолета охраны, а потом снова выскакивал в салон и через каждые пять минут спрашивал у бедного Ларри Брауна — сколько нам еще осталось лететь до Нью-Йорка?..

Как меня и предупреждал Сокс, компания с нами летела большая. Газетные журналисты, телевизионные операторы, снимавшие нас для дневных и вечерних «Новостей», а один Телетип вел прямой репортаж о нашем полете на какой-то жутко мощный канал «Мирового Телевидения»!

Еще пара типов с микрофонами безостановочно молотили для радио — в «Детскую передачу», в «Досуг домашней хозяйки», в «Новости животного мира Америки» и почему-то в «Час ветерана»!

Несли они чудовищную и беспардонную ахинею, были поразительно безграмотны и наглы, и, если бы не Ларри Браун, вполне вероятно, что уж одному-то из них я бы обязательно вцепился в рожу! Так они меня достали!..

Правда, об этом меня еще на земле предупреждал Сокс, что такое может произойти и чтобы я постарался не обращать ни на что внимания.

...Помню, когда все Клинтонеры провожали меня — вертолет сел тут же, у Белого Дома, на одну маленькую часть из тех восемнадцати и семи десятых акров (кто бы мне объяснил, что это такое?), мы с Соксом отошли в сторону пописать.

На нервной почве на меня обрушились частые позывы, но, несмотря на уверения Сокса, что в вертолете есть превосходный туалет, я, согласно своим принципам и многолетним привычкам, решил закончить все ЭТИ ДЕЛА перед вылетом, на земле.

Так вот, когда мы отошли к какому-то обычному деревцу и справили малую нужду, Сокс сказал:

— Кстати, ты знаешь, что это за дерево?

Мне в эту секунду было настолько на это наплевать, что я ему даже не ответил. Хамство, конечно, с моей стороны, но и Сокс мог бы понять, что мне сейчас не до выяснения, что я обоссал напоследок в саду Белого Дома.

Я всем своим существом был уже в Нью-Йорке, в глазах у меня уже стоял только Шура, где-то рядом в сознании маячили Тимурчик, Рут, мистер Борис Могилевский, детектив Джек Пински, Кот Хемфри, а на первом плане — ШУРА, ШУРА и ШУРА!

А тут мне в душу грубо врывается Сокс и спрашивает, что за дерево мы обоссали?!

Однако мое молчание ни в коей мере не смутило Сокса, и он, подняв морду, оглядел окропленное нами дерево и со слегка фальшивым пафосом так задумчиво сказал:

— Это дерево посадил Айк...

Не отвечать на вторую фразу было бы вообще свинством, и я без всякого интереса спросил:

— Кто?

— Айк! — повторил Сокс, как само собой разумеющееся. — Ну, Дуайт Эйзенхауэр. Один из популярнейших президентов Америки...

И хотя мне на это было в высшей степени «хвост положить», я нашел в себе силы вежливо пробормотать:

— Очень, очень интересно...

Хорошо, что в этот момент к нам подошел Билли Клинтон, подхватил нас с Соксом на руки и, смеясь, повернулся к толпе самых разных объективов невероятного количества всевозможнейших камер!

А потом, к неудовольствию Сокса, опустил его на землю, а меня (при его-то аллергии на кошачью шерсть!) поцеловал прямо в нос!!! И протянул меня для прощания жене и дочери.

Хиллари только сделала вид для репортеров, что целует меня. На самом же деле — ни хрена подобного. А Челси расцеловала меня самым искренним образом и пригласила к себе в гости вместе с Тимом Истлейком!

Хиллари была явно не в восторге от этого, но тут же очень быстро подтвердила приглашение, добавив к нам с Тимом еще и Рут с Шурой.

Правда, звучало это очень по-нашему, по-русскому. Я бы даже сказал, по-ленинградски-кухонному: дескать, будете в Вашингтоне — заскакивайте! Звоните, заходите...

После чего я был передан Ларри Брауну вместе с кучей подарков от Сокса и всей Президентской семьи, включая

небольшой портфельчик с какими-то бумажками для передачи Рут и Шуре.

Клинтоны преподнесли мне точно такой же ошейничек, какой был и у Сокса, — со встроенным радиопередатчиком и приемным устройством для него.

Однако этот ошейничек был серьезно модернизирован: в нем оказался вмонтированным еще и телефон двусторонней связи для Кота с Его Человеком на любом расстоянии! Естественно, что эта штука была рассчитана на интеллектуалов, владеющих Шелдрейсовским. Специальный технический отдел Секретной Службы Белого Дома уже давно вел разработку такого прибора, и первый же испытанный и надежный экземпляр был подарен мне.

Сокс же остался Соксом! Все-таки он, при всех его замечательных качествах, постоянно пребывал в каком-то поразительном восхищении от самого себя! Подозреваю сильное влияние лъстивой прессы...

Итак, Сокс преподнес мне великолепно изданный в девяносто третьем году комикс Майкла О'Донахью и Жана-Клода Суареш «Сокс отправляется в Вашингтон». Еще я получил от него в подарок серию из девяти почтовых марок Центрально-Африканской республики, посвященных целиком исключительно изображению на них Сокса!

Бывший мичман-подводник Алан Гордон, «личный секретарь» Сокса, ответственный за всю почту, адресованную Первому Коту Америки, подарил мне от имени администрации Белого Дома красиво переплетенную (и когда они все это успели сделать?!) подборку всех наших с Соксом фотографий, вырезок из газет и журналов, где ярко и красочно описывались и драка с теми Собаками-кретинами, и ночное грехопадение Сокса с потерей его невинности на Зяме, и подробнейшие фото- и текстовые отчеты о скандале в Банкетном зале на приеме депутатов Российской Государственной Думы. Вплоть до вырезки объявления из одной русскоязычной нью-йоркской газетки, где обещается полное излечение от импотенции и половой слабости по методу недавно прибывшего в США крупнейшего специалиста в этой области знаменитого русского Кота мистера Мартына-Кыси Плоткина!

А Челси Клинтон посылала со мной в подарок Тиму Истлейку, о котором я ей успел многое рассказать, прекрасную

любительскую видеокамеру «Сони», последнюю модель с экранчиком вместо видеоискателя.

— Это для того, чтобы Тим мог вести летопись твоей жизни! — торжественно сказала мне на прощание Челси.

На мгновение я подумал, что в моей жизни иногда бывают такие «моменты», которые лучше никому бы не показывать, но поблагодарил Челси самым искренним образом.

Вот с таким ворохом подарков я и был внесен в Президентский вертолет могучими лапами Ларри Брауна, Человека, насквозь пропахшего пистолетами, но от этого не ставшего менее симпатичным...

В воздухе, я повторяю, я не находил себе места! Метался по салону, хамил репортерам, впадал то в оцепенение и апатию, то взрывался нервными всплесками и, наверное, со стороны производил отвратительное впечатление! Ларри как мог успокаивал меня и даже предложил глоток виски, на что я ответил категорическим отказом.

— Где они опустятся в Нью-Йорке? Они знают наш адрес в Квинсе? Они ничего не напутают? — привязывался я к Ларри и тыкал в сторону летчиков лапой. — Не получится, как говорят у нас в России: «Ждали с моря на корабле, а мы выехали из п...ы на лыжах»?! А, Ларри?

В восторге от старой и дурацкой русской поговорки, которую я унаследовал от Водилы, Ларри кивнул в сторону летчиков и ответил мне так:

— Ты грандиозный парень, Кыся! Но и эти ребята тоже неплохо знают свое дело. Мы и не полетим в Квинс! По указанию Президента мэра Нью-Йорка Рудольфо Джулиани будет встречать нас между Сорок второй и Сорок седьмой улицами Манхеттена, около комплекса Организации Объединенных Наций, что само по себе уже символично, согласись?! Мы сядем на лужайку, которая находится точно напротив здания Генеральной Ассамблеи... И ради Бога, не дергайся! Всех твоих привезут туда лимузинами и так же потом отвезут вас обратно. Думаю, что они уже давно стоят там и смотрят в небо — где же летит их мистер Мартын-Кыся Плоткин?.. Хочешь глоточек виски с содовой? Прекрасный «бурбон» — «Олд Феллоу».

Нет, подумал я, пока есть возможность, нужно хоть немного снять стрессовое состояние... Иначе у меня просто сердце не выдержит!

— А валерьянки у тебя нет, Ларри? — спросил я.

— Может быть, что-то похожее в аптечке и есть, но... Кыся! Побойся Бога! Валерьянка — напиток слабонервных дамочек. Ты же Мужик больше, чем кто-либо! Пей виски с содовой!

— Черт с тобой, Ларри! — согласился я. — Налей вот сюда в блюдечко и слегка разбавь простой водой. Содовую я не пью...

Три наших вертолета — один Президентский с гербом США на борту и два «Пентагоновских» — зависли над комплексом зданий Организации Объединенных Наций, и одно из них, самое высоченное, как объяснил мне Ларри Браун, торчало совсем рядом с нами!

А все остальные — и Совет безопасности, и Библиотека ООН, да и Генеральная Ассамблея — лежали где-то далеко-далеко внизу и казались игрушечными.

Сбоку протекала река Ист-Ривер, вроде нашей Невы, а на другой стороне Ист-Ривера уже начинался Квинс. Это мне тоже показал, конечно, Ларри Браун, тыкая носом в иллюминатор и не спуская меня с рук, потому что действие виски «Олд Феллоу», наверное, уже прошло, и меня снова начал бить нервный колошмат. И это несмотря на то, что мы с Ларри уже раза три-четыре прикладывались к его «бурбону»...

Наши летчики немного поговорили с землей, немного с «пентагоновцами», и те стали снижаться на специализированные вертолетные площадки внутри самого Комплекса ООН.

Мы же, в отличие от них, совсем немножко пролетели вперед и стали плавно опускаться на аккуратную зеленую полянку перед самым-самым Дворцом Генеральной Ассамблеи.

Причем, нужно отдать должное этой, казалось бы, небольшой полянке, — с каждой секундой она становилась всё больше и больше и наконец превратилась в огромную зеленую площадь, окаймленную невысоким строгим кустарником, бело-оранжевыми лентами полицейского ограждения и уймой Нью-Йоркско-туристского народа.

А на самой полянице сбоку стояли невероятно длинные, карикатурные автомобили-лимузины, опять репортеры со всеми видами камер и отдельно ото всех, максимально

приближенная к месту посадки нашего вертолета — группа Людей, в которой я, как ни всматривался, не мог никого узнать — ни Шуры, ни Рут, ни Тимурчика...

— Моих никого нет! — яростно рявкнул я и тут же понес летчиков по пням и кочкам: — Я так и знал, что эти мудаки что-нибудь напутают и сядут не там, где нужно! Вот пусть теперь летают по всему Нью-Йорку и сами ищут!

Но наши моторы уже были выключены, над нами еще вхолостую по инерции крутился и посвистывал винт, и...

...и в этот момент в кучке Людей, направляющихся к нашему вертолету, я узнал мэра Нью-Йорка мистера Рудольфо Джулиани! Которого видел всего один раз в жизни, да и то мельком, во время празднования ирландского Дня святого Патрика!..

Он шел к вертолету и вел за руку небольшого Человечка. А потом этот Человечек вырвал свою руку из руки мэра Нью-Йорка и помчался вперед! Вот тут я сообразил, что это Тим Истлейк!!!

Тим мчался ко мне, раскинув руки в стороны, и что-то кричал на весь Манхеттен, но мы не слышали ЧТО, мы только ВИДЕЛИ его крик!

Я вырвался из могучих лап Ларри Брауна, на ходу лизнул его в ухо, чтобы он не обиделся, и рванул к открывшимся дверям вертолета.

Как сказала бы Киевско-Мюнхенская Кошка Циля, «об подождать трап — не могло быть и речи!». Я вылетел на поляну навстречу Тимурчику, напрочь забыл о своем весе и прыгнул на этого ставшего мне ужасно близким мальчишку... Естественно, я тут же опрокинул его на землю и, облизывая всю его мордочку, лихорадочно зашептал ему в ухо:

— А Шура?.. Где Шура?! Шура где?! Тимурчик! Где Шура?..

— Ну, ты даешь, Кыся! — тиская меня и подозрительно принюхиваясь ко мне, сказал Тимур. — Где это ты так надрался?!

— В вертолете, в вертолете!.. Я стресс снимал! Где Шура, я тебя спрашиваю?!

— Разуй глаза, пьяная морда! — по-русски сказал мне Тимур. — Вон они с мамой идут... Ой, что у нас тут творится!.. Моя мама так «запала» на твоего Шуру, что...

Дальше я уже ничего не слышал... И ничего не видел. Только Шуру.

Он шел рядом с Рут в тех же самых темно-зеленых вельветовых брюках, которые мы еще с ним покупали на нашей районной барахолке у станции метро «Академическая». Он был в той же самой теплой спортивной куртке, подаренной ему его варшавским другом и собутыльником польским журналистом Сташеком...

На Шуре не было ничего американского. Я увидел его таким, каким я оставил его в своей памяти навсегда. Он был только чуть бледнее обычного.

Я сполз с Тимура и не поскакал навстречу Шуре, а пошел... Я шел к нему уже так давно и так долго, что на всякие подскоки и прыжки, а уж тем более на стремительный бег, у меня просто не было сил. И торопиться мне было уже некуда.

Шура попытался было рвануться ко мне, но Рут мягко придержала его, и он просто медленно опустил передо мной на корточки. Я подошел.

Мы посмотрели друг другу в глаза, оба не сказали ни слова, и я тупо и неловко полез на него, цепляясь когтями за ветхую польскую курточку.

Я вскарабкался к нему на грудь, намертво обхватил передними лапами его за шею, а задними вцепился в него так, что оторвать меня от Шуры можно было бы только лишь по частям и с применением серьезных технических средств. Вместе со мной Шура встал во весь рост. Я почувствовал его запах, который снился мне столько месяцев... Услышал, как бьется его сердце... Ощутил тепло его рук и, уже совершенно не соображая, что я делаю, поднял голову в синее Нью-Йоркское небо и завыл!!!

...Потом мне говорили, будто звук моего голоса был столь ужасен и одновременно столь призывен, что, словно по мановению волшебной палочки, из всех окрестных улиц, начиная с Сорок второй и кончая Сорок седьмой, где раскинула свои грандиозные дома Организация Объединенных Наций, к нашей поляне с Президентским вертолетом, с самим мэром Джулиани (я уже не говорю о том, какую свиту он для понта приволок с собой на эту встречу!), с тучей репортеров и толпами зевак, стоявших за полицейским ограждением...

...вдруг, откуда ни возьмись, СТАЛИ СТЕКАТЬСЯ КОШКИ И КОТЫ ВСЕХ МАСТЕЙ, ПОРОД И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ!

ИМ БЫЛО НАПЛЕВАТЬ НА ВСЁ: НА ОГРАЖДЕНИЯ, НА МЭРА, НА ВЕРТОЛЕТ, НА ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ! СВОБОДНЫЕ СОЗДАНИЯ — ОНИ ШЛИ НА ВОЙ СОБРАТА, И КАЖДЫЙ ИЗ НИХ СЛЫШАЛ В ЭТОМ ВОЕ ЧТО-ТО СВОЕ, СОЗВУЧНОЕ СО СТРУНАМИ ДУШИ ЛЮБОГО КОТА, ЛЮБОЙ КОШКИ ЛЮБОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ!..

Потом говорили, что Котов и Кошек было десятки тысяч! Во всяком случае, когда мы вечером смотрели телевизор, зрелище это было ГРОЗНЫМ И ВПЕЧАТЛЯЮЩИМ.

Но в тот момент, на этой ООНовской лужайке, я ничего не видел. Даже Шуру не видел, я его чувствовал под своими лапами, ощущал всем своим телом, каждой шерстинкой, слышал его дыхание, и мне было этого вполне достаточно.

Правда, кое-что я все-таки услышал. Это когда мэр Нью-Йорка мистер Джулиани спросил у Тимура:

— А скажи, Тим, что бы я мог сделать для тебя и твоего кота Мартына?

Тимур немедленно ему ответил:

— Сэр! Мы с Мартыном были бы вам очень благодарны, если бы вы дали ему официальное разрешение ездить в Нью-Йоркских сабвеях и автобусах, а то мне приходится прятать его в рюкзак и я каждый раз рискую нарваться на штраф.

— Ол райт! — сказал мэр. — Вы сегодня же получите это разрешение. Что еще?

— Ничего, сэр. Большое спасибо. Со всем остальным у нас теперь всё в порядке, — вежливо ответил ему Тимур.

СО ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ У НАС ТЕПЕРЬ ВСЁ В ПОРЯДКЕ...

С ОСТАЛЬНЫМ У НАС ВСЁ В ПОРЯДКЕ...

ТЕПЕРЬ У НАС ВСЁ В ПОРЯДКЕ...

У НАС ВСЁ В ПОРЯДКЕ...

ВСЁ В ПОРЯДКЕ...

В ПОРЯДКЕ....

Послесловие Кота Мартына к третьей части собственного жизнеописания под названием «Кыся в Америке»

Ну, можно так кончать книгу?!

Я нарочно привел шесть вариантов финальной фразы, которой В. Кунин хотел закончить МОЮ книгу.

Он, видите ли, считает, что финал должен быть «открытым». Чтобы любой Читатель, взявший эту книгу в руки и дочитавший ее до конца, мог бы сам вообразить себе, что там произошло дальше.

— Ни фиги подобного! — сказал я ему. — Все эти ваши заигрывания с воображаемым Читателем, дескать, каждый Читатель в той или иной степени соавтор Писателя, которому Писатель должен беспредельно доверять и даже, вот как вы, предлагать Читателю самому стать соучастником процесса сочинения книжки, — все это мура Собачья!

Эта книга МОЯ, — сказал я. — И я требую абсолютной досказанности! А всякие соучастники-соавторы мне нужны, как Зайцу триппер! Кстати, это ваше же собственное выражение... А потом, я совершенно не хочу никому доверять свою историю! Вас я уже знаю, а посторонним Людям в МОЕЙ книжке делать абсолютно нечего. Мало ли что мне припишет и напридумывает воспаленный нездоровой фантазией и тяготами сегодняшней жизни мозг Читателя-Соавтора?! На хрен мне все это сдалось?

Если вам просто надоело возиться с МОЕЙ книгой — так и скажите. Дескать, я Человек пожилой, и несмотря на ежедневную зарядку и нерастраченность желаний, сил у меня не так уж много, а к тому же я всю жизнь писал короткие киносценарии — не больше семидесяти пяти страниц на пишущей машинке, а тут впятеро больше, и я от вас, уважаемый мистер Мартын-Кыся Плоткин, просто-напросто устал!

Да ради Бога! Елки-палки, кто тебя держит?!.. Вообще-то я с Куниным на «ВЫ», это у меня уж так сорвалось на нервной почве. Извиняюсь...

Однако мой литературный обработчик господин Кунин Владимир Владимирович считает, что фраза Тимура: «СО ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ У НАС ТЕПЕРЬ ВСЁ В ПОРЯДКЕ...» — это конец МОЕЙ книги.

А вот я, например, этого не считаю!

В конце концов, уважаемый ВэВэ, Читатель, с которым вы так пошловато заигрываете и откровенно метете перед ним хвостом, дочитав эту книгу до фразы Тимурчика, вправе узнать, что со всеми нами произошло дальше!..

Поэтому: не хотите продолжать писать книжку — не нужно. Отойдите в сторонку и не мешайте.

Я это сделаю сам!

За время общения с вами я стал достаточно соображать в том, прямо скажем, неприятязательном виде литературы, на который вы сменили свой бывший опыт профессионального киносценариста, а посему я — Кот Мартын-Кыся Плоткин-Истлейк фон Тифенбах, собственнолапно и лично продолжу изложение некоторых небезынтересных подробностей, которые я считаю необходимыми в этой (подчеркиваю!) МОЕЙ книге.

Ну, разве кому-нибудь не интересно будет узнать, что теперь у нас у ВСЕХ совершенно другая квартира?

В том же самом Квинсе, на той же Шестьдесят пятой, в том же доме, но выше этажом — как раз над квартирой мистера Бориса Могилевского.

Квартира огромная! Пять комнат. Наша с Тимурчиком — раз. Гостиная с камином и гигантским телевизором «Мицубиси» — два, комната для всяких служебных и личных занятий лейтенанта полиции Рут Истлейк — три. Кабинет литератора

Александра Плоткина — четыре. И их общая спальня с Рут — пять!

Ну как грандиозно драматургически я выстроил этот абзац?! На порядок лучше, чем это сделал бы сам В. Кунин. Заметьте, в этом абзаце — всё! После его прочтения никому не нужно объяснять, что теперь мы все четверо — одна русско-американско-еврейская семья, пользующаяся любовью соседей по дому и кварталу и уважением среди коллег, Котов и дружественных Крыс. О Кошках я не говорю. Кошки — те вообще в отпаде!

Обязательно следует вспомнить, что в портфельчике, который мы с Ларри привезли из Вашингтона в Нью-Йорк, уже совершенно фантастическим образом оказалось письмо из Нью-Йоркской Публичной библиотеки. Мистера Александра Плоткина приглашали на угол Пятой авеню и Сорок второй улицы Манхеттена, в отдел славистики Нью-Йоркской Публичной библиотеки, для переговоров о работе в русском секторе отдела славистики в качестве штатного сотрудника с годовым начальным окладом в сорок восемь тысяч долларов и сохранением всех административных льгот, полагающихся государственным служащим по законам Соединенных Штатов Америки.

Я тут же вспомнил памятник тому толстому и неопратному старику в Летнем саду Петербурга — старик, кажется, тоже служил библиотекарем, и одновременно мне в голову пришла печальная и поучительная история бывшего сотрудника Нью-Йоркской Публички Кота Хемфри, павшего жертвой собственного тщеславия и неосмотрительности. Помню, я еще тогда сказал Шуре:

— Только, умоляю тебя, не соглашайся там сниматься в какой-либо рекламе! Государственным служащим это категорически запрещено. Вышибут в два счета!

Было и еще одно неслабое письмишко из какого-то там жутко важного «Пабблишингхауза» — издательства!

Они успели ознакомиться с некоторыми работами мистера А. Плоткина в российской периодической печати и предлагают мистеру Александру Плоткину самому составить сборник своих очерков и рассказов для издания их отдельной книгой именно в их издательстве. Аванс за книгу будет переведен на счет мистера А. Плоткина сразу же после получения

издательством рукописи и согласия Автора на издание книги, аванс может составить сумму...

И дальше была проставлена такая сумма аванса, что все мы — Рут, Тимурчик, мистер Борис Могилевский, детектив Джек Пински, Шура и я — чуть не легли замертво!!!

Ай да Хиллари!.. Вот уж, действительно, Первая Леди Америки! Ну, железная чувиха! Сказано — сделано. Вот это да! Вот это я понимаю...

Там же, в портфельчике, было еще два письма: одно от Александра Половца, Главы русскоязычного Лос-Анджелесского альманаха «Панорама», а второе из Нью-Йорка, от главного редактора газеты «Новое Русское Слово».

Киты русско-американской журналистики предлагали Шуру сотрудничество и обещали братскую поддержку. Когда я увидел этот ворох предложений, о каждом из которых можно было только мечтать, я попытался представить себе, что же произошло за те последние сутки в Белом Доме. Как все это можно было организовать за одну ночь, если этот портфельчик уже утром летел вместе со мной и Ларри Брауном из Вашингтона в Нью-Йорк! Уму непостижимо... А может быть, это и есть — Америка?

Теперь по поводу болезни Шуры...

Все было точнехонько так, как это мне и приснилось! Остановка автобуса, потеря сознания, ограбление (поэтому никто не мог узнать, что это Шура) и знаменитый Бруклинский госпиталь Маймонидеса, который явился мне во сне старым бронзовым испанским евреем в чалме и халате...

В госпитале Шуру сразу же принялись оперировать — поменяли в Шурином сердце какой-то сосуд, который, оказывается, уже ни к черту не годился. Конечно, столько выпивать и трахаться, столько сочинять в стол и жить впроголодь, — это даже фановая труба не выдержит, а не то что какой-нибудь там сосудик!

Так вот, пока Шура лежал на операционном столе под наркозом, а потом в реанимации (тоже лыка не вязал...), ОН ВИДЕЛ ВСЕ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО СО МНОЙ В ПОРТУ ЭЛИЗАБЕТ, СЛЫШАЛ МОИ ВОПЛИ И ПРИЗЫВЫ И ОТ ЭТОГО НЕ УМЕР! Чтобы не оставлять меня одного в чужом городе, в незнакомой стране... Потрясающая же штука! Верно?

А В. Кунин считал, что Читатели должны об этом сами догадываться. Ох, чувствую, старик совсем сдает...

За три с половиной последних месяца Шура насобачился довольно сносно говорить по-английски. Но это уже была заслуга Тимура.

Ребенок как лев бьется за правильное Шурино произношение и орет на него за малейшую ошибку.

Иногда, от дикой усталости — Публичка, заметки в газеты, рассказы для «Панорамы», работа с издательским переводчиком Шуриной книги, — Шура открытым текстом посылает Тимурчика в жопу, а Тимурчик в ответ, издевательски и очень точно копируя жлобский Шурин выговор, называет его «Шлемазл с Брайтон-Бич»... Откуда он знает, что такое «шлемазл», — одному Богу известно. А несколько дней тому назад Рут была очень занята в своем новом отделе, и Шура вынужден был пойти в школу к Тимуру на родительское собрание. Там он познакомился с классным руководителем мистером Хьюзом и выступил в роли полноправного родителя ученика Тима Истлейка.

Вернулся он из школы настолько ошарашенный своим новым и дополнительным предназначением, что потом (Слава Богу, слышал только я, Тимурчик дрых без задних ног...) они с Рут всю ночь трахались, как умалишенные, чуть ли не до самого утра — видать, решили еще одного «Тимурчика» сделать!

А разве неинтересно господам Читателям было бы узнать, что две самые популярные в мире телевизионные станции Си эН эН и эН Би Си разрезвонили на весь свет о моем пребывании в Белом Доме и о том, как встречали меня в Нью-Йорке на лужайке перед Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций?! Или о том, что Тимур делал обо мне доклад в своей школе?.. А вот что безумно интересно, но совершенно неясно — откуда Людям стал известен наш новый телефон?!!

К нам же отовсюду посыпались звонки! И среди массы чужих, абсолютно незнакомых голосов чуть ли не на всех языках планеты были и такие родные, как голоса Фридриха фон Тифенбаха, Тани Кох и профессора Фолькмара фон Дейна из Германии; Хельги и Руджеро Манфреды и Эриха Шредера из

Италии, где они втроем отдыхали в Лидо-ди-Езоло под Венецией, в домике матери Руджерио...

С Индийского океана пришла радиограмма от «Академика Абрама Ф. Иоффе», подписанная Александром-Ивановичем-Кэп-Мастером...

Даже из России к нам пробилась Водила с Настей и младший лейтенант милиции Митя Сорокин, который усыновил моего ближайшего корешка Бесхвостого Кота-Бродягу. Теперь они вместе халтурят в одной охранной организации и живут припеваючи. Им бы только приглашение в Америку на парочку недель — мир посмотреть. А так они из России никуда! Потому что, если Человек и Кот — с ГОЛОВОЙ, то нигде сейчас столько, сколько в России, не заработаешь. В этом смысле — полная отвязанность...

И Рут послала им приглашение. Так называемый «Гостевой вызов».

Из Англии к осени хочет прилететь в Нью-Йорк доктор Ричард Шелдрейс познакомиться со МНОЙ.

Я сам говорил с ним по телефону и с неловкостью должен заметить, что основоположник и создатель ЭТОГО языка говорит на нем значительно хуже, чем Люди, с которыми мне удавалось вступить в полный КОНТАКТ...

Наверное, для этого нужна не только крепкая теоретическая научная база, но и та вязь личных взаимоотношений, которые в просторечье называются — ДУШЕВНЫМИ...

На самое жаркое время в летнем Нью-Йорке мы все четверо хотим улететь во Флориду. Там взять напрокат какой-нибудь автомобильчик и смотаться к дому Хемингуэя в Ки-Уэст, где по завещанию старика Хема живет около сотни Кошек и Котов.

Шура обожает Хемингуэя, я — Кошек, Рут — океан, а Тимурчик — меня. А я без них всех теперь просто жить не могу! Поэтому поездка обещает быть симпатичной...

В августе Тимур летит на две недели в Израиль, в гости к Маше Хотимской и ее папе. Получив аванс за книгу, Шура первым делом купил Тиму билеты на самолет в оба конца и отложил для Тимура еще достаточную сумму, чтобы тот мог

чувствовать себя в Израиле совершенно свободно и, как сказал Шура, «покупать для Маши цветы в самых роскошных цветочных магазинах!»

Но к сентябрю мы все должны быть в Нью-Йорке. Во-первых, у Тимура — школа. Во-вторых, у Шуры выходит книга, которая уже сейчас рекламируется. Сам видел в нашей китайской «Союзпечати»...

А в-третьих, в конце сентября я буду вынужден улететь в Лос-Анджелес на съемки фильма «Русский Кот». Сценарий был бредом сивой кобылы, как сказал Шура. Тут тебе и русская мафия, и шпионаж, и публичный дом в Кремле, и... Короче, весь набор кретинских штампов, которыми пользуются американцы, когда начинают сочинять фильмы о России...

Поначалу, как только мы прочитали сценарий, мы вообще дня два были в шоке. А потом Шура посоветовался с Рут и категорически отказал киноконцерну «Уорнер Бразерс» в нашем участии. И теперь они, не желая терять уже разрекламированную тему, предложили Шуре принять участие в переработке сценария. За очень приличные бабки!.. Шура сценарий переписал, но гонорар получать воздержался. Пока...

Вот теперь мы все четверо сидим и думаем: переработка киносценария — это частнопредпринимательская деятельность или нет? Ибо мы совсем не хотим, чтобы Шуру, государственного служащего, штатного сотрудника Нью-Йоркской Публичной библиотеки, вышибли бы с сорока восьми тысяч твердого и постоянного годового оклада за то, что он исправил идиотский киносценарий и сможет получить достаточно большие деньги, но всего лишь ОДИН раз!

Я уже спрашивал об этом у В. Кунина — все-таки бывший профессиональный киносценарист. Ни хрена он не знает, этот Кунин!.. Ну совершенно отстал старик от жизни.

...А СО ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ У НАС ТЕПЕРЬ ВСЁ В ПОРЯДКЕ!

Ой, черт меня возьми! Кажется, я и сам закончил книжку фразой, которую предлагал старик Кунин?!

Ну надо же?! Кто бы мог подумать, что я стал так внушаем и восприимчив?!

Кунин В. В.

Кыся в Америке. Роман. – СПб.: «Геликон Плюс», 1999. – 320 с.

ISBN 5-7559-0006-X

Новый роман В. Кунина «Кыся в Америке» продолжает историю жизни и странствий полюбившегося читателям кота Мартына по кличке Кыся.

На этот раз Кыся оказывается в Америке. Здесь ждут его новые подвиги и приключения, в результате которых он добирается до Вашингтона и знакомится с самим Президентом США Клинтоном, его семьей и любимцем американцев, котом Клинтона Соксом. Много опасностей и испытаний приходится пережить Кысе прежде чем найти своего хозяина и обрести, наконец, счастье.

КУНИН

Владимир Владимирович

КЫСЯ В АМЕРИКЕ

Роман

Редактор А. Н. Житинский

Верстка И. В. Петровой

Корректор Н. Б. Абалакова

ЛР № 065684 от 19.02.98 г.

Подписано в печать 08.07.97. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.

Печ. л. 24. Усл. печ. л. 20,16.

Доп. тираж 5000 экз. от 13.02.2002 г. Заказ № 668.

Издательство «Геликон Плюс»,
191186, С.-Петербург, а/я 245.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского)
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Полюбившийся читателям кот Мартын по кличке Кыся на этот раз оказывается в Америке. Здесь ждут его новые подвиги и приключения, в результате которых он добирается до Вашингтона и знакомится с самим Президентом США Клинтоном, его семьей и любимцем американцев, котом Клинтон Соксом. Много опасностей и испытаний приходится пережить Кысе прежде чем найти своего хозяина и обрести счастье.

Balalaika

Кыся в Америке

Price: \$6.99